

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015   Том 21

№ 4

Июль – Август

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015   Volume 21

№ 4

July – August

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университет им. Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

NAZARI FATEME TORAB
Candidate of Philological Sciences,
head of Russian Language Chair
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Киселев С.А.**
Повседневная жизнь кавалерийского подразделения в 1881–1904 годах (на примере Стародубовского драгунского полка)
- 12 **Касаткина С.В.**
Жизнь в усадьбе Корнилово в начале XX века
- 17 **Сельская В.А.**
Выбор города Ярославля для строительства резиноасбестового комбината (1928–1932 годы)
- 21 **Белов А.М., Белова Н.А.**
Повседневная жизнь учителей Костромского края в годы Великой Отечественной войны
- 27 **Орлова А.С.**
Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне)
- 32 **Сазонов Д.И.**
Сопrotивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей)
- 37 **Зиганшин Д.М.**
Роль общественных организаций в развитии культуры и улучшении социально-экономического положения стеклоделов в 60-е – 80-е годы XX века
- 43 **Крысенко Д.С.**
Геостратегическое противостояние США и СССР в ходе Ирано-иракской войны (1980–1988)
- 48 **Бабик А.О., Крысенко Д.С.**
Американо-советское соперничество в Южной Атлантике в период Фолклендского конфликта 1982 года
- 53 **Фокина С.Н.**
Причины введения и основные результаты антиалкогольной кампании Советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области
- 57 **Акопян Э.Г.**
Динамика развития армяно-французских отношений 1998–2008 гг.
- 61 **Ибнеева Г.В., Попов И.А.**
Роль староверов в расширении России в современной англо-американской историографии
- 64 **Феденок Ю.Н.**
Трансформация организации жилого пространства у русских: от традиции к современности

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 69 **Белькинд А.Ю.**
Роль призывов к восприятию в ранних произведениях немецкой средневековой мистики
- 73 **Лукаш К.И.**
«Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Асмодей нашего времени» В.И. Асоченского
- 77 **Коптелова Н.Г.**
Трагедия «духовного раздвоения» Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в осмыслении Д.С. Мережковского (на материале книги «Л. Толстой и Достоевский»)
- 81 **Золина Д.В.**
Рецепция творчества как мистерии в поэзии В. Брюсова
- 85 **Акбашева А.С., Мокшина С.Р.**
Образ непокорного духа в стихотворении Марины Цветаевой «Жив, а не умер...»
- 88 **Алексеева А.А.**
К вопросу о поэтике цикла С.А. Клычкова «Заклятие смерти»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- 8 **S.A. Kiselyov**
The daily life of a cavalry unit in 1881–1904 in terms of Starodub dragoon regiment
- 12 **S.V. Kasatkina**
Life in Kornilovo estate in early 20th century
- 17 **V.A. Sel'skaya**
Selecting the city of Yaroslavl for the construction of rubber-plant (1928–1932)
- 21 **A.M. Belov, N.A. Belova**
Everyday life of teachers of Kostroma land during the World War II
- 27 **A.S. Orlova**
Embodiment of image of the enemy in Soviet cinema arts of the 1940s (based on the material of films about the World War II)
- 32 **D.I. Sazonov**
Clergy resistance to 1961 parochial government reform (based on the material of Regions Yaroslavl and Kostroma)
- 37 **D.M. Ziganshin**
The role of public organizations in the development of culture and the improvement of the socio-economic situation concerning glassworkers in 1960s–1980s
- 43 **D.S. Krysenko**
Geostrategic confrontation between the USA and the USSR during Iran-Iraq War (1980–1988)
- 48 **A.O. Babik, D.S. Krysenko**
The USA – the USSR rivalry in the South Atlantic during the Falklands Conflict (1982)
- 53 **S.N. Fokina**
The reasons for the introduction and the main results of the anti-alcohol campaign of the Soviet state in the second half of 1980s in the territory of Chelyabinsk Region
- 57 **E.G. Akopyan**
Armenian-French relations development dynamics in 1998–2008
- 61 **G.V. Ibneyeva, I.A. Popov**
Old Believers' role in aggrandizement of Russia, as Anglo-American historians see it today
- 64 **Yu.N. Fedyonok**
Transformation of structuring of the living space in Russians: from tradition to modernity

SCIENCE OF LITERATURE

- 69 **A.Yu. Belkind**
The role of calls in perception in the early works of German medieval mysticism
- 73 **K.I. Lukash**
“Fathers and Sons” by Ivan Turgenev and “Asmodeus of Our Time” by Viktor Askochenskiy
- 77 **N.G. Koptelova**
The spiritual tragedy of the “spiritual split” of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in understanding Dmitry Merezhkovsky (based on the book “L. Tolstoy and Dostoyevsky”)
- 81 **D.V. Zolina**
Creative work perception as if it were a mystery in the poetry of Valery Bryusov
- 85 **A.S. Akbasheva, S.R. Mokshina**
The image of the rebellious spirit in Marina Tsvetaeva's poem ‘Alive and not Dead...’
- 88 **A.A. Alekseyeva**
On the question of poetic of cyclis by Sergei Klychov ‘Oath of Death’

- 92 Кушнирчук Н.П.**
Б. Пастернак под пером цензуры («Охранная грамота», 1929–1931)
- 97 Ёлшина Т.А.**
Театральные рецензии Игоря Дедкова (полемиические заметки)
- 102 Сизых О.В.**
Тип героя в рассказах 2012–2015 годов (на материале публикаций журнала «Новый мир»)
- 108 Харасва Л.Ф.**
Опыт этногендерной экспертизы художественного текста (на материале повести Адама Шогенцукова «Назову твоим именем»)
- 111 Налетова Т.Б.**
Литературная позиция как литературоведческий термин
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 116 Ермакова Е.Н.**
Проблема деривационного пространства в сфере фразеологии
- 121 Реброва Н.Е.**
Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы
- 125 Крапивкина О.А.**
«Другой» как детерминанта степени эксплицитности субъекта дискурса (на материале юридических текстов)
- 130 Ухова Л.В., Анискина Н.В.**
Выявление имплицитной информации в спорных рекламных текстах
- 135 Волкова Е.А.**
Наименования железнодорожных профессий в немецко-русских и русско-немецких словарях конца XIX – начала XX вв.
- 140 Якубова Н.М.**
Перлокутивный эффект речевого акта экспликации сомнения (на материале английского языка)
- 143 Чепасова А.М.**
Изывительное наклонение и прошедшее время процессуальных единиц русского языка
- 146 Баженова Т.Е.**
Культурные феномены традиционной русской деревни (из опыта картографирования диалектной лексики)
- 151 Образцова О.А.**
Традиционный именник костромской деревни (гендерный аспект глазами писателя-деревенщика)
- 155 Неганова Г.Д.**
Общерусское и узорегиональное в названиях положительного рельефа в костромских говорах
- 158 Цветкова Е.В.**
Географическая терминология в костромской микропонимии (обозначение положительного рельефа)
- 162 Иванов Д.И.**
Перфомативно-масочная имиджевая подсистема синтетической языковой личности К. Кинчева: когнитивно-прагматический потенциал сценического костюма
- 165 Куранова Т.П.**
Факторы, влияющие на доступность восприятия информации в рекламной коммуникации (на примере рекламы поисковой системы «Яндекс»)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 172 Кондратьева А.Н.**
Начало правовой науки в средневековой Западной Европе: новый взгляд
- 176 Кузнецова М.А.**
Историко-правовой анализ становления иерархической системы норм права в Российском государстве

- 92 N.P. Kushnirchuk**
Boris Pasternak edited by censors ("Safe Conduct", 1929—1931)
- 97 T.A. Yolshina**
Igor' Dedkov's Theatrical Reviews (polemical notes)
- 102 O.V. Sizykh**
The character's type in the stories of 2012—2015 (on the basis of publications of the magazine «New World»)
- 108 L.F. Kharayeva**
Experience of literary text's ethnogender expertise (based on Adam Shogentsukov's story «I Will Call after You...»)
- 111 T.B. Nalyotova**
Literary position – the literary term
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 116 Ye.N. Yermakova**
The problem of derivation in phraseology
- 121 N.Ye. Rebrova**
Actual, potential and occasional euphemisms
- 125 O.A. Krapivkina**
“Other” as a determinant of speaking subject explicitness degree (case study of legal texts)
- 130 L.V. Ukhova, N.V. Anis'kina**
Revealing implicit information in controversial advertising texts
- 135 Ye.A. Volkova**
Denominations of railway professions in German-Russian and Russian-German dictionaries of late 19th—early 20th centuries
- 140 N.M. Yakubova**
Perlocutionary effect of doubt explication speech act (on the material of the English language)
- 143 A.M. Chepasova**
The indicative mood and the Past Tense of the processual units of the Russian language
- 146 T.E. Bazhenova**
The traditional culture phenomena of Russian countryside (from the experience of the reflecting dialect vocabulary on linguistic maps)
- 151 O.A. Obratsova**
The traditional list of names of Kostroma countryside (a gender perspective through the eyes of countryside writer)
- 155 G.D. Neganova**
The reflection of linguistic and extralinguistic factors in the sense structure of the dialectal geographical term
- 158 Ye.V. Tsvetkova**
Geographic terminology in Kostroma microtoponymy (positive relief nomination)
- 162 D.I. Ivanov**
Performance-and-mask image subsystem of Konstantin Kinchev's synthetic lingual personality: the cognitive and pragmatic potential of onstage outfit
- 165 T.P. Kuranova**
Factors influencing the perception of the availability of information in the advertising communication (in terms of «Yandex» search engine advertising)

JURAL SCIENCES

- 172 A.N. Kondrat'yeva**
The beginning of legal science in medieval Europe: new view
- 176 M.A. Kuznetsova**
Historical-legal analysis of the hierarchical system of law rules' forming in Russia

181 Романовская Л.Р.

Системный метод изучения политической и правовой сфер общественной жизни

186 Тимофеев Е.А.

Роль экономического анализа права в условиях российской правовой системы

189 Арзамасов Ю.Г.

Результаты нормотворчества

195 Колупаева О.Н.

Актуальные проблемы аттестации управленческих кадров на предприятии

198 Сулейманова С.Р.

Межгосударственные институционально-правовые формы деятельности молодежи стран СНГ

203 Милинчук Д.С.

Коллизии между национальным и международным законодательством в муниципальном праве

206 Черкасов К.В., Несвит Е.А.

«Открытое правительство» в России: политико-правовые аспекты

210 Рошин Б.Е.

Специфика советского трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны (70-летию Великой Победы)

215 Суверов Е.В.

Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае в 50-е годы XX века

219 SUMMARY

235 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

181 L.R. Romanovskaya

The system method of researching the political and law spheres of society

186 E.A. Timofeev

Role of law and economics in Russian legal system conditions

189 Yu.G. Arzamasov

Results of rulemaking

195 O.N. Kolupayeva

Topical problems of certification of members of administrative staff at an enterprise

198 S.R. Suleymanova

Inter-state legal forms of activities of youth of the CIS countries

203 D.S. Milinchuk

Conflicts of national and international laws in municipal law

206 K.V. Cherkasov, Ye.A. Nesvit

«The open government» in Russia: political and legal aspects

210 B.Ye. Roshchin

Specifics of the Soviet labour legislation in the days of the WW II East Front (the Victory 70th anniversary article)

215 Ye.V. Suverov

Offences committed by Soviet Militia staff in Altai Land in the 50s of the 20th century

219 SUMMARY

235 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В 1881–1904 ГОДАХ (на примере Стародубовского драгунского полка)

Современная отечественная историография все чаще уделяет внимание вопросам повседневной истории. Традиционные нормы взаимодействия человека с близкими людьми, с общественными и государственными институтами позволяют выявить базовые факторы, определяющие поведение человека в обществе, формирование менталитета.

Важную часть повседневной истории представляют исследования жизни и быта армейских частей русской армии. Рассмотрение повседневности армейского быта позволяет нам понять процессы, свойственные армейской среде нашего времени.

Русская Императорская армия переживала относительно мирный период своего существования в 1880-х – 1904 гг. Мирное существование, в свою очередь, сочеталось с напряженной международной обстановкой, грозившей вылиться в серьезный военный конфликт. Условия времени потребовали от руководства страны заняться военными реформами. В свете вышесказанного, можно провести некоторую параллель между событиями конца XIX – начала XX века и современной действительностью. Рассмотрение вопросов повседневной жизни полков Русской Императорской армии становится актуальным и востребованным.

Характерный пример повседневного быта воинской части представляет Стародубовский драгунский полк, сочетавший в себе многие общие черты, характерные для русской кавалерийской части. На примере данного полка рассмотрена специфика и особенности быта армейского кавалерийского подразделения в мирное время. Отмечены положительные и отрицательные моменты географического расположения части и их влияние на повседневную жизнь.

Ключевые слова: кирасиры, драгуны, кавалерия, полк, реформирование, квартирование, маневры.

Современная отечественная историография все чаще уделяет внимания вопросам повседневной истории. Традиционные нормы взаимодействия человека с близкими людьми, с общественными и государственными институтами позволяют выявить базовые факторы, определяющие поведение человека в обществе, формирование менталитета [3, с. 57–61].

Важную часть повседневной истории представляют исследования жизни и быта армейских частей русской армии. Рассмотрение повседневности армейского быта позволяет нам понять процессы, свойственные армейской среде нашего времени.

Русская Императорская армия переживала относительно мирный период своего существования в 1880-х – 1904 гг. Мирное существование, в свою очередь, сочеталось с напряженной международной обстановкой, грозившей вылиться в серьезный военный конфликт. Условия времени потребовали от руководства страны заняться военными реформами. В свете вышесказанного, можно провести некоторую параллель между событиями конца XIX – начала XX века и современной действительностью. Рассмотрение вопросов повседневной жизни полков Русской Императорской армии становится актуальным и востребованным.

Характерный пример повседневного быта воинской части представляет Стародубовский драгунский полк, сочетавший в себе многие общие черты, характерные для русской кавалерийской части.

После победоносного участия в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. 12 драгунский Стародубовский полк вернулся на родину к месту своей новой постоянной стоянки в г. Каменец-Подольск (современное название Каменец-Подольский).

Каменец-Подольск в 70-е – 80-е гг. XIX в., хотя и был центром Подольской губернии, представлял собой небольшой провинциальный город с населением менее 30 тыс. человек [5].

Для провинциального города расквартирование в нем воинской части представляло значимое событие. Входящий в город полк встречал практически весь город. Офицеры получали букеты из роз, а рядовым кавалеристам местные жители раздавали табак и другие подарки.

На главной площади города, по случаю прихода полка, был отслужен благодарственный молебен о благополучном возвращении. Для господ офицеров в городском клубе от городской общественности был устроен праздничный обед. В городском предместье Новый План праздничный обед был устроен и для нижних чинов [7, с. 237].

Полк скоро расположился на зимние квартиры и простоял в городе до 1889 года. Стоит отметить, что за пределами крупных городов в русской армии того времени практически отсутствовали казармы и войска размещались по домам обывателей. По данным Военного министерства за 1882 г., в казармах размещалось лишь 54% солдат из полевых войск [4, с. 270]. По этой причине эскадроны Стародубовского полка были размещены по окрест-

ным деревням на расстоянии не более 15 верст от города [7, с. 237]. Штаб полка находился непосредственно в Каменец-Подольске.

Проживание в домах сельских жителей продолжалось несколько месяцев в году, с октября по апрель, пока полк не выдвигался на летние занятия. Занятия делились на два периода. В кавалерии в первый период проводились строевые и тактические занятия в пешем и конном строю – 12 и 52 дня соответственно. Затем по плану следовали сборы всех родов оружия, рассчитанные на 4 недели. Завершался второй период большими маневрами [4, с. 250–251].

Непосредственно занятия Стародубовского полка выглядели следующим образом. В первые месяцы года велось усиленное обучение новобранцев, производилась деятельная выездка приведенных молодых лошадей, а также, помимо обычных занятий, втягивали людей и лошадей, делая продолжительные проезды.

С 10 апреля эскадроны собирались к штабу полка для прохождения курса стрельбы. В летний лагерь в местечко Межибужье стародубовцы выдвигались 15 апреля. Здесь попутно проходили эскадронные и полковые учения, учения сторожевой службе.

С 15 июля по 1 августа проводился специально-кавалерийский сбор, а с 1-го августа по 1 сентября был период «совокупных занятий», который заканчивался общим маневром, и затем наступал период установленных осенних и зимних занятий.

Сохранилось описание учений 1889 года. Согласно летописи полка, «2-го июля 1889 г. Стародубовцы выступили из Каменца маневрами в г. Умань вместе с Белгородским полком под начальством ген.-майора Сухотина, который был прислан на лето командовать нашей бригадой и попрактиковать некоторые предполагаемые нововведения, как-то, одношереножный строй и т.п. Бригада маневрировала, как в военное время – разьезды делала по 120 верст в сутки.

В Умани полк был встречен, только что пришедшей с Кавказа 19-й пехотной дивизией, которая устроила сердечную встречу» [7, с. 241].

В Каменец-Подольске и окрестностях Стародубовский полк пробыл почти 10 лет. За это время стародубовцы очень сблизились с жителями Каменца, которые очень радушно и гостеприимно относились к полку. Офицеры полка активно участвовали в местной жизни. В городских клубах, в частных домах часто устраивались танцевальные, карточные, музыкальные вечера, где офицеры всегда были желанными гостями.

«Вообще, говоря о стоянке и жизни в Каменце, – отмечал летописец полка ротмистр Мартынов, – можно сказать, что лучшего не надо было и желать». «В эскадронах, – по сведениям Мартынова, – всегда все офицеры составляли, с эскадрон-

ным командиром во главе, одну семью. С утра, обыкновенно на занятиях, обедали у эскадронного командира, а вечером устраивалась какая-нибудь поездка» [7, с.241].

Еще одним развлечением офицеров была охота. Любители охоты устраивали облаву в громадных Шатавских лесах на диких кабанов и коз [7, с. 241].

Вскоре после расквартирования в Каменец-Подольске 12-го драгунского полка в город был переведен 12-й уланский Белгородский полк [1]. Наличие в городе и его окрестностях двух полков одной бригады отразилось на жизни гарнизона. Особенно это сказалось на образе жизни офицеров. Для проведения досуга офицерами стародубовцами и белгородцами был устроен общий клуб.

Что касается повседневной жизни нижних чинов, то ей были характерны многие отрицательные черты, присущие большинству воинских формирований того времени. В очередной раз предоставим слово ротмистру Мартынову: «Эскадронные командиры были полные хозяева своих эскадронов и в строевом и в хозяйственном отношениях, а разбросанность и удаленность их от штаба делала их даже и самостоятельными. Эскадронный командир, да вахмистр были ответчиками за нижних чинов своих эскадронов. Многие из командиров эскадронов даже не любили вмешательства младших офицеров в дела эскадрона, находя вполне нормальным тот порядок вещей, который они приняли от своих предместников, и в духе которого были сами воспитаны» [7, с. 242–243]. В данном случае Мартынов пишет о следующем месте стоянки полка, но данная характеристика верна для большинства частей русской армии, вне зависимости от места их расквартирования. Общение нижних чинов с командирами чаще всего закачивалось на уровне вахмистра в кавалерии или фельдфебеля в пехоте.

Некоторые изменения в жизни стародубовцев произошли в 1889 г. после перехода полка к новому месту расквартирования. Назвать изменения принципиальными будет в корне не верно. Жизнь нижних чинов мало изменилась, а вот в жизни господ офицеров резко понизился уровень комфорта.

Новым местом расположения полка стала Волынская губерния. Штаб полка был расположен в селе Жуковцы.

Новая стоянка полка сейчас же дала себя знать во всех своих неудобствах как для офицеров, нижних чинов, так и для лошадей [7, с. 241].

На этот раз эскадроны полка были расселены на удалении до 100 верст друг от друга. Некоторые эскадроны находились от штаба полка на расстоянии до 40 верст. Ситуацию осложняло еще и то, что между населенными пунктами отсутствовали нормальные дороги. «...Случалось так, что зимою, в метель приходилось блудить часами в поле, а весною, во время дождей или таяния льда – переправляться вплавь, так как дороги, обыкновенно, про-

ходили оврагами. Если на пути встречался мост, то рискованно было через него переезжать, так как за прочность его поручиться было нельзя. Был случай, что эскадронный командир (ротмистр Шокальский) возвращаясь со штаба к себе в эскадрон, переезжая мост (перил не было), через который вода шла верхом, свалился с лошадьми в реченку (так в тексте. – С.А.) и на глазах толпы крестьян, которые не имели возможности его спасти, – утонул; эта реченка весной разливалась в целое море» [7, с. 241].

Ненормальность в расквартировании войск на большом расстоянии в домах крестьян или обывателей отмечали многие современники. К объективным трудностям добавлялись эмоции недовольных своим положением офицеров. Вот как описывает размещение чинов полка летописец 38-го драгунского Владимирского полка, расквартированного в местечках вокруг польского города Влодова (стоит отметить, что в Царство польское полк прибыл из подмосковной Коломны): «Все стоянки были крайне неудобные, на половину с грязным еврейским населением; в особенности этим отличался город Влодова, санитарное состояние которой было ниже всякой критики. Достаточно сказать, что когда потребовали от жителей привести в порядок улицы и площадь, то под полуаршинным слоем грязи оказалась прекрасная мостовая. По засвидетельствованию старожилов – мостовая эта устроена в шестидесятых годах.

Не прекращавшаяся тифозная эпидемия среди жителей перешла и на нижних чинов, расположенных в еврейских лачугах...» [2, с. 163].

Уже упомянутый нами Мартынов отмечал, что «ближайший город и железная дорога были в 40 верстах. Общества положительно никакого. Со всем этим еще можно было мириться, – но надо было посмотреть, как размещались эскадроны: квартиры, где приходилось жить офицерам, представляли из себя в высшей степени неприглядную картину: темная, низкая, курная изба, с затхлым, душливым воздухом, вечная нечистота, смрад, теснота, происходившая от того, что здесь же в постоянном соседстве друг с другом жили и солдаты, и хозяева, и свиньи, и куры и другие не менее полезные домашние животные; в такой-то обстановке приходилось офицерам искать отдохновения после служебных трудов...» [7, с. 242].

В еще более сложной обстановке оказывались нижние чины, которые за недостатком помещений могли быть поселены вместе со своими лошадьми. При этом для лошадей тоже не всегда могли быть выделены соответствующие помещения. Для них отводились летние низкие, темные, тесные сараи. Кавалеристам приходилось собственными силами улучшать эти сараи. Стены для теплоты обшивались соломой, для света прорезались отверстия [7, с. 242].

Стоит отметить, что разбросанность эскадронов полка по селам в обоих местах расквартирования отрицательно сказывалась не только на участии офицеров в жизни своих эскадронов, но и в целом на боевой подготовке драгун.

Еще одной особенностью полковой жизни являлось соблюдение традиций, связанных с офицерским гостеприимством. Например, в Жуковицах полк провел 14 лет. За это время в полку сменилось три командира. Однако всегда соблюдалось неизменное правило: все должностные офицеры штаба полка, караульного эскадрона и прибывающие по делам службы – приглашались к столу командира. Обычай не нарушался и в отсутствие командира: все приготавливалось по заведенному порядку и полковые гости являлись на обед в положенное время [7, с. 243].

Коренным образом быт нижних чинов был изменен только в 1904 г. В этом году полк был переведен в новое место стоянки – в город Волочинск, где для него были построены казармы. Однако даже в 1904 г. два эскадрона в ожидании постройки для них казарм были расквартированы в 6–8 верстах за городом [7, с. 244].

Любопытно отметить, что за весь рассматриваемый период в истории полка, написанной в 1909 г., отмечено только одно яркое событие, выходящее за рамки мест пребывания части. В ноябре 1880 года от имени чинов полка была отправлена делегация в Санкт-Петербург для принесения поздравления шефу полка, Его Императорскому Высочеству Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, по случаю 50 лет его службы в России [7, с. 237–238].

Значительно сказались на повседневной жизни полка военные реформы, проводимые в царствование императора Александра III. Изменению подверглись сам подход к устройству кавалерийских частей. Был изменен их численный состав. Полки были переформированы из 4-эскадронного состава в 6-эскадронный. Кавалерийские части были расквартированы в западных областях империи, то есть на предполагаемом будущем театре военных действий. О чем речь шла выше. Общий срок действительной службы был сокращен до 5 лет. Введено производство в поручики за выслугу 4-х лет, наименование чинов: капитаны, штабс-капитаны были изменены на ротмистр, штаб-ротмистр и т. д. За период 80-х – 90-х гг. было издано около 80 различных уставов, наставлений и инструкций по обучению войск [4, с. 251]. Возросли требования, предъявлявшиеся к исполнению своих обязанностей офицерами. Военное ведомство стремилось ввести систематические начала в обучение войск.

С целью придать кавалерийским полкам наибольшую боевую готовность, взамен бывших запасных эскадронов, введены были кадры кавалерийского запаса, на обязанности которых возложена выездка молодых лошадей и формиро-

вание в военное время маршевых эскадронов для укомплектования полков.

Но наиболее значимыми оказались мероприятия по преобразованию кавалерии в 1882 г. [8, с. 20–24]. Существовавшие до этого подразделения конницы на специальные виды: драгуны, уланы, кирасиры, гусары – было ликвидировано. Причинами преобразования кавалерии стали вопросы удешевления содержания этого достаточно дорого вида войск, с одной стороны. С другой – деления конницы на легкую и тяжелую уже давно в русской армии являлось анахронизмом.

Однако в кавалерии унификацию восприняли болезненно. Офицеры-кавалеристы очень болезненно реагировали на утрату старых полковых имен, на введение новой формы. Недовольство реформой ощущалось во всех кавалерийских частях.

Наиболее ярко отразил настроение кавалеристов эмигрантский военный историк А. Керсновский. Он отмечал: «Начало этого царствования ознаменовалось совершенным изменением внешнего вида войск. Изящные мундиры красивой армии Царя-Освободителя не шли к массивной фигуре нового Государя. Александр III не считался с эстетикой, требуя национального покроя и практичности...»

...Новая форма была введена уже летом 1882 года. Армия стала неузнаваемой. Исчезли гвардейские каски с плюмажем, кепи и шако с султанами, эффектные мундиры с цветными лацканами, уланы и ментики, сабли и палаши. Весь этот блеск был заменен долгополыми кафтанами на крючках, широкими шароварами и низкими шапочками поддельного барашка. Офицеры стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки – на околотоčných надзирателей, фельдфебеля – на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своем сермяжном обличии стали похожи на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены вещевые мешки – точная копия нищенской котомки – носившиеся через плечо. Кавалерия уныло донашивала уланы, кивера и ментики со снятыми шнурами и споротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны. Офицеры стремились смягчить уродство новой формы, каждый на свой вкус. Одни укорачивали мундир на прежний образец, другие, наоборот, удлиняли, приближая его к сюртуку, третьи по примеру стрелков утрировали напуск шаровар, доводя их до носков сапог. В результате иностранные корреспонденты, видевшие русскую армию в Маньчжурии, поразились, что нельзя было встретить двух офицеров, одинаковым образом одетых...

...Условия службы в кавалерии стали неприглядными. Новые дикие наименования Бугские

драгуны, Павлоградские драгуны, Ахтырские драгуны – резали ухо кавалеристам и щемили их сердце» [6, с. 18–20].

Недовольство изменением формы прослеживалось и в Стародубовском полку. Реформу по реорганизации кавалерии здесь восприняли почти безболезненно, так как полк уже несколько лет именовался 12-м драгунским. После реформы он стал именоваться 34-м драгунским Стародубовским. А вот введение новой формы было встречено тоже без энтузиазма. Дело в том, что стародубовцы продолжали носить кирасирские мундиры, сохранившиеся со времени, когда полк был кирасирским (до 1864 года). «Взамен красивой кирасирской формы, которою полк гордился, была дана чрезвычайно скромная и простая драгунская» [7, с. 239].

С началом Русско-Японской войны, а затем развитием революции в России в жизни полка началась новая страница истории. Будущие войны покажут как положительные, так и отрицательные моменты в подготовке русской кавалерии в мирное время. При этом стоит отметить, что в XX век Стародубовский драгунский полк вступил как единая сплоченная полковая семья.

Библиографический список

1. 12-й уланский Белгородский Императора Австрийского короля Венгерского Франца-Иосифа полк // Русская Императорская Армия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regiment.ru/reg/III/B/12/1.htm> (дата обращения: 29.06.2015).
2. Багратион. Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского величества Великого князя Михаила Николаевича полка. – СПб., 1901. – 189 с.
3. Дзюбан В.В. Традиции и обычаи казаков – многовековой нравственный стержень // Вопросы культурологии. – 2013. – №4. – С. 57–61.
4. Зайончковский П.А. Самодержавие и Русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
5. Каменец-Подольский // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каменец-Подольский#cite_ref-autogenerated1_8-0 (дата обращения: 29.06.2015).
6. Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 1994. – Т. 3. – 352 с.
7. Мартынов А.Г. История 12-го драгунского Стародубовского полка. – СПб.: Тип. «Бережлиовость», 1908. – 328 с.
8. Приказ № 260 от 13 июля 1882 // Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба. За время с 1 января 1869 г. по 1 октября 1882 г. – СПб.: Тип. Фрейман и К., 1883.

ЖИЗНЬ В УСАДЬБЕ КОРНИЛОВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье исследуется повседневная жизнь и деятельность помещиков Куломзиных в усадьбе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии в начале XX века, анализируются бытовые и семейные проблемы владельцев имения. Рассматриваются вопросы организации праздников в усадьбе, обучения и воспитания детей. Отмечается, что для участия в праздниках помещики приглашали взрослых крестьян, на Рождество – крестьянских детей. Обучение и воспитание детей дворян Куломзиных проходило дома. К ним приглашались учителя, некоторые из них постоянно жили в Корнилово. В статье анализируются такие интересы и увлечения дворян, как чтение книг, вышивка, прогулки в окрестностях усадьбы, прием гостей и посещение соседей-помещиков. Отмечается, что книги и журналы для владельцев усадьбы и детей выписывались из столицы и присылались из-за границы. Увлечение вышивкой хозяйка усадьбы превратила в доходное дело. Свои изделия она реализовывала в столице и за границей. Отмечается особое отношение дворянской семьи к жизни на природе, что отражалось на здоровье детей и настроении взрослых.

В научный оборот вводятся неизвестные ранее источники личного происхождения, письма владельцев усадьбы и воспоминания родственников.

Ключевые слова: Костромская губерния, дворяне Куломзины, дворянская усадьба, праздники в усадьбе, образование и воспитание детей дворян, чтение книг, увлечение вышивкой, прием гостей, взаимоотношения с соседями.

В настоящее время в исторической науке наблюдается возросший интерес к проблемам изучения дворянских усадеб. Общие проблемы, связанные с историей русской усадьбы, рассматривают авторы сборника «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» [3]. Представляют интерес книги и статьи, посвященные усадьбам Костромской губернии. Среди них работа А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства» [2], коллективная работа «Костромская усадьба» [6]. Однако авторы вышеназванных работ усадьбу Корнилово не рассматривают как объект изучения. Историю усадьбы и деятельность ее владельцев в своих работах анализирует С.В. Касаткина [4; 5].

Авторы сборника «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» справедливо отмечают, что вообще в изучении усадьбы «меньше затронута бытовая культура усадьбы ("культура повседневности")», включающая образ жизни владельцев усадеб, их друзей и знакомых» [3, с. 30]. Предлагаемая статья посвящена отчасти решению этой проблемы. Она рассказывает о жизни в усадьбе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии в начале XX века. Какие хозяйственные заботы были у хозяев, как они их решали, как отмечали праздники, как воспитывали детей, какие имели увлечения и привязанности.

Ольга Федоровна Мейендорф познакомилась с Яковом Анатольевичем Куломзиным в Петербурге. Весной 1901 года Яков Анатольевич стал «счастливым женихом», 20 июля в день Ильи Пророка в Петербурге состоялась их свадьба [1, с. 104]. Вскоре молодые Куломзины уехали в Костромскую губернию, где в Кинешемском уезде находилась их родовая усадьба Корнилово. Здесь Яков Анатольевич начал заниматься хозяйством, а Ольга Федоровна посвятила себя семье и общественной деятельности. О том, как жили Куломзины в это

время, рассказывают письма Ольги Федоровны своему свекру Анатолию Николаевичу [8].

Одной из главных забот в Корнилово стало обустройство дома. Он был построен в начале XIX века, а материалом для него «послужил перевезенный из находящейся против усадьбы деревни Вьюшково старый дом дворян Скрипицыных» [7, л. 8 об.]. Главный дом был деревянный, двухэтажный и требовал постоянного ремонта. Рядом располагался флигель. Зимой в доме было холодно. В январе 1906 года Яков Анатольевич писал отцу: «У нас было 25 мороза. Мы совсем забросили нижний этаж и жили наверху» [9, л. 33]. В августе 1909 года Ольга Федоровна сообщала Анатолию Николаевичу: «Я очень рада была, когда Яша сказал мне, что ты мечтаешь соединить Ваш дом с нашим (усадебный дом и флигель. – С.К.). Я тоже об этом думала всю зиму. Беготня через весь дом в кухню зимой очень неудобна, тем более, что вся прислуга вечно пропадает в кухне. Кроме того, мы ведь все-таки отвечаем за здоровье прислуги. Если бы это было возможно соединить этой же осенью, то я была бы прямо в восторге» [8, л. 52–53].

В другом письме Ольга Федоровна обсуждала вопрос об утеплении пола и настилке линолеума. Она отмечала: «Сегодня послали Якова за линолиумом. Узнай, пожалуйста, как нужно мыть линолиум или его нужно натирать лаком?» [8, л. 54]. В ноябре 1909 года полы утеплили, и Ольга Федоровна писала: «Милый папа! Пишу тебе, во-первых, чтобы поблагодарить тебя за линолиум. Мы в восторге. Он замечательно красив (...). Все эти дни занимались настилкой его, и вчера обе комнаты были к вечеру готовы. Яша все ворчал вначале, что я такие деньги потратила на линолиум, а вчера в такое пришел восхищение, что захотел и нашу спальню покрыть линолиумом. Но, это, конечно, вздор, потому что наша комната и без того довольно теплая и из-под пола в ней не дует» [8, л. 56–57].

Летом старшие Куломзины приезжали в Корнилово из Петербурга на отдых. Перед их приходом в усадьбе шла большая подготовка. В письме от 17 мая 1914 года Ольга Федоровна обращалась к Анатолию Николаевичу: «Очень просим тебя не высылать кровать для мамы, так как здесь для вас сделаны великолепные. Если мама неприятно спать на деревянной бабушкиной, то можно ей дать и красную железную, которые также все заново перебиты, выкипачены и обтянуты новым тиком» [8, л. 192–192 об.]. В следующем письме она сообщала: «Дом ваш как в Голландии будет вымыт даже снаружи» [8, л. 193 об.].

Перед нами предстает жизнь Куломзиных, полная забот о доме, в котором большая семья жила весь год, в холодные зимы температура в комнатах понижалась так, что приходилось оставлять нижний этаж и жить только наверху. Нужно было заботиться о настилке линолеума в комнатах, о ремонте старого дома, которому было более ста лет. Одной из постоянных забот было содержание в чистоте мебели и подготовка ее для гостей. Жили Куломзины экономно, исходя из средств, хотя и покупали дорогой материал (линолеум), но позволить себе строительство, например, нового дома не могли.

Дом Куломзиных находился на горе, внизу рядом с усадьбой протекала небольшая речка Кистега. Водопровода не было, поэтому одним из главных вопросов повседневной жизни был вопрос о доставке воды. Куломзины решили установить таран – специальное устройство для подъема воды с реки. Ольга Федоровна знала о таком устройстве, поскольку подобный таран был в усадьбе ее родителей. Она сообщала: «Все это время были заняты расчетами о постановке тарана на нашем ключе. Но удовольствие это оказалось слишком дорогое для того малого количества воды, которое он может поднять, а именно всего 300 ведер в день, а обойдется все с плотиной и трубами в 1000 рублей. Приезжал к нам Трёмбовельский, представитель в России французских таранов. Но ничего не вышло» [8, л. 72–73]. Местные жители, тем не менее, отмечали, что в усадьбе таран был установлен. Он поднимал воду к усадебному дому и наполнял большую емкость, из которой вода поступала в дом и в другие хозяйственные постройки [5, с. 116]. Кроме кухни и других домашних нужд (в доме была ванная комната), вода требовалась для ведения хозяйства, поливки огорода. Хозяйство в усадьбе включало в себя конюшню, где содержались 23 лошади, стадо коров, маслобойку, где изготавливали сливочное масло. Кроме этого, на скотном дворе откармливали стадо свиней-беркширов.

Каждая дворянская усадьба была немыслима без окружающего ее парка. В его создании, как правило, участвовало несколько поколений. Здесь были уголки, связанные с семейными событиями. Летом в парке Куломзины устраивали вечерние

чаепития, дети здесь на специальной площадке занимались гимнастикой. А.Н. Куломзин писал о парке в Корнилово: «Я безумно люблю наш сад». Мать и жена А.Н. Куломзина принимали участие в посадке новых аллей из лип, кленов, вязов, ясеней. «Матушка, – сообщал А.Н. Куломзин, – обрзовала аллею дубов, выращенных из желудей, присланных нам из Пензы милым соседом Егором Егоровичем Львовым. Другую аллею она засадила лиственницами, разведенными мною из семян. Украшением этого сада служит древняя не менее 300 лет липа, молчаливая свидетельница былых времен. Вот пихта, высаженная из леса в 1865 году в память нашей с женою свадьбы. Рядом с нею 4 приобретенных в Толгском Ярославской губернии монастыре 4 кедра по числу моих детей» [7, л. 8–9].

Большое внимание уделяли парку дети А.Н. Куломзина. Его сын, Я.А. Куломзин, «в старом саду развел целый ряд клумб, вдоль въезда в усадьбу посадил второй ряд кустов боярышника; середина двора была занята роскошными клумбами, розанами и другими цветами. Кустами сирени и рябины густо обсажен находящийся во дворе колодец, для проезда экипажей проделаны широкие посыпанные песком дороги» [7, л. 15].

Жизнь в сельской усадьбе не была замкнута. Владельцев усадьбы и крестьян объединяли общие традиции, праздники, годовой ритм жизни в сельской глубинке. Владельцы усадьбы считали своей обязанностью нести заботу о крестьянах, в каком-то смысле являлись их воспитателями и защитниками. Со своей стороны крестьяне не только работали в усадьбе, но и заимствовали передовые способы ведения хозяйства, обращались к помещикам со своими просьбами.

Большое значение в усадьбе Куломзины придавали общим и семейным праздникам. Организовывали их хозяева, как правило, не только для близких, а для всех жителей усадьбы. Так проводили Пасху и детские рождественские елки. В 1915 году старшие Куломзины отмечали в Корнилово 50-летие свадьбы.

В марте 1906 года Ольга Федоровна сообщала: «Мы все эти дни думали и передумывали, что бы нам устроить для рабочих к Пасхе, ибо все равно они придут нас поздравлять, денег давать не хотелось, чтобы не началось пьянство. Думаем подарить всем ситца на рубахи, да и это не особенно легко, может придтись не по вкусу, да, пожалуй, и обиды выйдут, если давать скотникам и кучерам такого же ситца» [8, л. 22 об. – 23 об.]. Очевидно, что обсуждение подарков серьезно занимало владельцев усадьбы. В этом письме проявляется не только воспитательный момент – «не давать денег, чтобы не началось пьянство», но и желание вручить подарки справедливо, «без обид».

В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о подготовке к детской елке: «Настало горя-

чее предпраздничное время. Надо было помогать детям устраивать все для елки, обдумать все подарки, ведь у нас на елке бывает около 50 детей, каждому надо что-нибудь подарить. Елку устраиваем в другом доме, чтобы не нанесли нам они все грязи и заразы» [8, л. 162 об. – 163]. В следующем письме она вновь сообщала: «Я была ужасно занята приготовлениями к празднику. У нас на елке, как я тебе уже писала, было 50 с лишним детей и всем нужно было дать подарки соответственно их возрасту и рангу. Кроме того, украшать елку, раскладывать гостинцы в мешки, все это приходилось делать мне, так как дети все же еще малы. Miss Norah (гувернантка. – С.К.), конечно, много помогала, без нее было бы невозможно все успеть сделать».

Елка удалась на славу, были все и все были довольны, а рабочие премило сыграли пьеску собственного изобретения, то есть скорее по памяти из пьес, иггранных ими во время отбывания воинской повинности.

После елки священник, диакон и псаломщик со своими семействами *in corpore* у нас ужинали» [8, л. 165–166].

Как видим, к праздникам в усадьбе Куломзины не только готовились сами, но и приглашали к участию своих рабочих, которые ставили «пьески собственного изобретения». В таких праздниках проявлялось культурное влияние дворянского сословия на жизнь крестьян. На праздниках в усадьбе присутствовали и священнослужители, которые ужинали с владельцами усадьбы, обсуждали местные проблемы. Этот пример показывает, что в начале XX века сословные различия отходили на второй план, стирались жесткие грани, регламентировавшие их.

Жизнь в усадьбе неразрывно была связана с прогулками на природе, с поездками в соседние усадьбы. В ноябре 1909 года Ольга Федоровна сообщала: «Вчера ездили с Яшей с визитом к Екатерине Федоровне Зюзиной» [8, л. 61]. Е.Ф. Зюзина была владелицей усадьбы Авериного и жила неподалеку. В мае 1914 она вновь сообщала: «Между тем, мне теперь надо всем делать визиты и разъезжать по усадьбам» [8, л. 190]. Знакомые Куломзиных проживали в соседних усадьбах: Дмитриевы в Челесникове, Хомутовы в Соколове, Яковлевы в Анненском. Со всеми они поддерживали отношения. Якова Анатольевича Куломзина, как предводителя дворянства, объединяла с помещиками совместная деятельность в Кинешемском земстве. В письмах Анатолию Николаевичу Ольга Федоровна не только сообщала о визитах в соседние усадьбы, но и передавала приветы от знакомых, просила оказать помощь или принять в Петербурге новых знакомых.

В письмах Ольга Федоровна восхищалась природой, рассказывала о прогулках в лесу. В 1906 году она писала: «Время у нас до того быстро летит среди дел – и общественных, хозяйственных (по

усадьбе) или домашних. В особенности же теперь при этой дивной погоде, когда тянет на воздух. За эти дни мы с Яшей сделали две большие прогулки в лес на лыжах. Было восхитительно. Вообще я никогда здесь в Корнилове, да и во всю свою жизнь не видела такой чудесной погоды. Вот уже больше недели солнце блестит с раннего утра и до ночи, воздух ровный, ветра нет. На припеке больше 10 градусов тепла. Тает постепенно, так как по ночам морозец. Таким образом, теперь тут настоящая климатическая станция не хуже швейцарских, так как с этим дивным белым снегом ни одной пылинки. Никита (сын Куломзиных. – С.К.), слава Богу, совсем здоров, целыми днями сидит то на одном балконе, то на другом солнечном балконе и успел сильно загореть» [8, л. 23 об. – 25].

В мае 1913 года она отмечала: «Погода у нас теплая, все благоухает и поют соловьи. На днях был дождь. Вообще, растворение воздухон. Мы все вполне здоровы и счастливы» [8, л. 144–145]. Весной начинала цвести сирень. Ольга Федоровна в 1914 году с восхищением писала: «Сирень сейчас в полном цвету, очень бы хотелось, чтобы Вы застали эту красоту» [8, л. 201].

Большое внимание в семье уделяли воспитанию и образованию детей. У Якова Анатольевича и Ольги Федоровны Куломзиных было пять детей: Никита, Федор, Елизавета, Серафим, Ярослав. Несмотря на то что большую часть времени Куломзины жили в деревне, они нанимали хороших домашних учителей, которые жили в семье или приезжали к ним на уроки из уездной Кинешмы. Учительница-англичанка жила в семье Куломзиных. О ней в 1909 году Ольга Федоровна писала: «Англичанкой я пока довольна, хотя вчера заметила, что она слишком усердно учится говорить по-русски у фельдшера, вместо того, чтобы играть с детьми» [8, л. 61 – 61 об.]. В 1912 году Ольга Федоровна сообщала: «Не знаю, писала ли я тебе, что теперь к детям ездят из реального училища и из гимназии женской два учителя. Учитель рисования и учитель пения. Они оба талантливые учителя. Мальчики мои очень полюбили эти уроки» [8, л. 108 об. – 109].

Описывая распорядок дня детей, она отмечала: «Дети вполне здоровы. Погода теплая и они гуляют 3 раза в день. Утром недолго до половины десятого, после чего мы с Никитой учимся полтора часа, потом от 11 до 12 опять гуляют. После обеда они оба играют по четверти часа на фортепианах, затем опять прогулка до 4 часов, когда к Никите приходит давать урок народная учительница. По субботам и по воскресеньям к нам приезжают два учителя из Кинешмы для уроков пения, рисования, лепки. Все это детей очень забавляет. Итак, я думаю, ты доволен нашей ученостью» [8, л. 115 – 116 об.]. В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о своих детях: «Лильчик очень любит музыку и всегда подтанцовывает в такт. Я ду-

маю, она будет музыкальна как бабушка. В других моих детях я такой любви к музыке не замечала. Сейчас Никита и Федорчик заняты репетицией новых картин из английской истории и маленьких сценок из английских сказок, которые они будут нам сегодня разыгрывать на английском языке» [8, л. 167 – 169 об.]. Дети учились всему, они даже брали «у бухгалтера уроки столярного искусства и резьбы по дереву» [8, л. 158 об. – 159]. В феврале 1914 года к детям в усадьбу приехала новая учительница. Ольга Федоровна сообщала: «Завтра к нам приезжает, наконец, русская учительница Зинаида Ивановна Навозова. Она хорошо рекомендована как преподавательница и как человек, что не менее важно. Она слушательница высших женских курсов в Москве, естественный факультет физико-математического отделения» [8, л. 174].

Осенью 1916 года Ольга Федоровна отмечала: «Сегодня именины Лиленьки, а 3 сентября было рождение Федорчика, ему минуло 6 лет. Мальчики начали уроки, к ним ежедневно ездит студент, очень милый человек и очень хороший преподаватель, мы его возим с собой. Французенка приехала и также усердно дает им уроки. Они во французском языке очень слабы, до сих пор читать не умеют. Французенка теперь имеет над ними постоянное общее наблюдение в свободное от занятий время. Англичанке придется давать только один час урока в день. Французенке мы платим 70 рублей в месяц. Студенту последнего курса я плачу 80 рублей» [8, л. 239–242].

Жизнь в дворянской семье была невозможна без книги. В своих письмах Ольга Федоровна часто сообщала о полученных из Петербурга книгах или просила прислать нужную литературу. Некоторые журналы после прочтения она отправляла обратно в Петербург. В декабре 1909 года она сообщала: «“Вестник Европы” и “Русскую старину” я прочла и завтра их вышлю» [8, л. 65 об.]. Анатолий Николаевич присылал книги в Корнилово даже из Швейцарии. В декабре 1910 года Ольга Федоровна благодарила: «Милый папа, большое спасибо тебе за книги, присланные мне из Швейцарии. Я их все получила и очень тебя за них благодарю» [8, л. 78–79].

В январе 1912 года Ольга Федоровна вновь писала о книгах: «Милый папа, благодарю тебя за интересные книги о 12 годе, а также за прелестную геометрию. Где ты нашел такую прелесть? Также очень хороши и присланные тобою сказки, мы некоторые уже прочли, очень мило, что ты нас не забываешь» [8, л. 106 – 106 об.]. О чтении книг с детьми Ольга Федоровна сообщала: «Мы непременно будем читать (книги. – С.К.), с Никитой пока мы увлекаемся 12 годом, дети также очень интересуются пожаром Москвы и бегством Наполеона» [8, л. 108 – 108 об.]. В другом письме она отмечала: «Хрестоматию по русской истории мы

уже начали читать. Когда читала им про Сусанина стих Рылеева, мы все плакали» [8, л. 113 – 113 об.].

Дети очень интересовались жизнью животных, птиц, поэтому Ольга Федоровна просила прислать «Царство животных Брема» [там же, л. 135 – 135 об.], «книжку Кайгородова о бабочках» [8, л. 126]. В мае 1914 года Ольга Федоровна писала: «Детей интересуют главным образом птицы и бабочки. Никита просит, чтобы в книге были цветные картинки птичек, их яиц и объяснение о их жизни и привычках, а Федорчик хочет книгу, где были бы рассказы о птицах вроде “С севера на юг” Каразина. Эта книга им очень понравилась, мы ее читали зимой» [8, л. 198 – 198 об.].

Получала Ольга Федоровна и чудесные издания книг для взрослых. В декабре 1913 года она отмечала: «Ты не мог мне сделать большего удовольствия, прислав мне чудное издание Великого Князя Николая Михайловича. Я очень люблю его издания, и очень тебе благодарна, что ты мне их присылаешь (...). Не менее благодарна тебе за Грабаря, а также и за портреты, гербы и печати Большой Государственной книги царя Алексея Михайловича. Из них я могу воспользоваться рисунками для моих кустарных работ» [8, л. 164 – 165 об.].

Кроме книг, увлечением Ольги Федоровны в свободное время была ее кустарная деятельность. Это вышивки, которые она делала по рисункам из книг. Готовые работы она продавала через знакомых в Петербурге и даже отправляла в Америку. В письме от 22 апреля 1911 года она сообщала: «Для улучшения своего кустарного производства я выписала художницу из школы поощрений художеств. Она приехала и два дня как поставляет уже рисунки для вышивания» [8, л. 86 – 87].

В апреле 1912 года Ольга Федоровна просила Анатолия Николаевича отправить посылку в Америку учительнице английского языка, которая преподавала у детей. Ольга Федоровна писала: «В январе я послала ей для продажи кустарных изделий на 119 рублей, она мне перевела еще не продавши товара 130 рублей и пишет, что кроме этого пришлось уплатить 75 рублей пошлины за посылки. Вот в возмещение ее убытков посылаю ей несколько хороших работ. Конечно, даром, но пошлину за посылки хочется уплатить здесь в России в Посольстве» [8, л. 121 – 121 об.].

Таким образом, перед нами предстает усадебная жизнь, полная забот о повседневном бытовом устройстве дома. Куломзинных по уровню доходов можно отнести к дворянам средней руки, которые жили экономно, рассчитывая каждую копейку. В то же время в усадьбе традиционно отмечали праздники, на которые приглашали окрестных крестьян, – Пасху, устраивали елки для детей, которых собиралось до 50 человек. Взрослые, в том числе и крестьяне, представляли самодеятельные пьески. Большое внимание хозяева усадьбы уделяли вос-

питанию и образованию своих детей, для чего нанимали преподавателей, которые либо постоянно жили в усадьбе, либо приезжали на уроки из уездной Кинешмы. И дети, и взрослые любили книги, их выписывали и получали из Петербурга и даже из-за границы. Увлечением хозяйки усадьбы была вышивка с последующей продажей своих изделий. Поездки в гости в соседние усадьбы и приглашение гостей к себе в Корнилово были характерны для провинциальной сельской жизни.

Библиографический список

1. Баронесса Мария Федоровна Мейендорф. Воспоминания. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2014. – 304 с.
2. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: Костромской фонд культуры, 1993. – 472 с.
3. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / под ред. Л.В. Ивановой. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 784 с.
4. Касаткина С.В. Усадьба Есиплево и её владельцы в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 95–98.
5. Касаткина С.В. Усадьбы Заволжья. – М.: Планета, 2012. – 240 с.
6. Костромская усадьба / авт.-сост. Т.В. Йенсен, И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас, А.И. Сорокин. – Кострома: Издательский дом «Линия График», 2005. – 597 с.
7. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 174. (Куломзин А.Н. Мемуары «Пережитое».)
8. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 354. (Письма Ольги Федоровны Куломзиной.)
9. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 348. (Письма Якова Анатольевича Куломзина.)

ВЫБОР ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА РЕЗИНОАСБЕСТОВОГО КОМБИНАТА (1928–1932 ГОДЫ)

Статья посвящена комплексному исследованию выбора места для строительства резиноасбестового комбината в период индустриализации СССР. Описывается выбор места комбината по общей сумме расходов на его строительство: транспортные издержки по доставке сырья и материалов и развозу готовой продукции комбината, стоимость стройматериалов, зарплата строителей, затраты на жилищное строительство, а также обеспеченность путями сообщения, топливом, водой, энергией, рабочей силой. Раскрыты проблемы месторасположения девяти пунктов предполагаемого строительства: Москва, Кашира, Кинешма, Ярославль, Нижний Новгород, Ульяновск, Воронеж, Ростов-на-Дону и Калач. Показано подробное исследование пунктов наиболее вероятного строительства комбината – Москвы и Ярославля – по показателям рабочей силы и подготовки кадров на месте строительства, по зарплате рабочих, по расходу топлива, пара, электроэнергии, а также по обеспеченности земельным участком и жилищным строительством. Дан общий анализ разницы расходов в пользу строительства комбината в Ярославле. Предпринята попытка раскрыть основные причины, вследствие которых принимались попытки строительства комбината в Москве.

Кроме цифровых показателей, являющихся убедительными, автор приводит и другие причины, влияющие на место выбора строительства комбината, как-то: более равномерный процесс индустриализации по территории СССР и наиболее выгодное стратегическое положение Ярославля, расположение земельного участка у строящейся Ляпинской электростанции, значительно удешевляющее стоимость электроэнергии и пара. Особое внимание обращается на то, что при строительстве комбината в Ярославле разгрузится московский железнодорожный узел и облегчатся напряженные центральные грузоперевозки.

Для анализа научных изысканий были использованы архивные данные. Материал статьи может быть использован при изучении и исследовании вопросов по истории химической промышленности Ярославского края, а также при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и в качестве исторической справки.

Ключевые слова: история, химия, ярославский резиноасбестовый комбинат, строительство, выбор места, расходы строительства, Москва, Ярославль.

Выдвинутый XVI съездом партии лозунг индустриализации страны предполагал строительство новых предприятий промышленности, целесообразно размещая их по территории страны [7]. В соответствии с первым пятилетним планом развития резиновой промышленности СССР было намечено строительство нового резиноасбестового комбината [11, с. 15–16].

Серьезным моментом в деле его строительства являлся выбор места строительства. Необходимо было максимально учесть интересы обороны страны (согласованность с Мобпланупромом ВСНХ СССР Л91), минимальные транспортные расходы по подвозу сырья и материалов и по развозу готовой продукции, а также обеспеченность путями сообщения, наименьшие затраты на строительство (стоимость стройматериалов, зарплата строителей, земельный участок), обеспеченность наиболее дешевым топливом, водой, энергией, дешевой рабочей силой соответствующей квалификации и наибольшей обеспеченностью рабочих жилплощадью, требующей наименьших затрат на жилищное строительство. Правлением «Резинотреста» были намечены и обследованы 9 предполагаемых пунктов для будущего строительства: Москва, Кашира, Кинешма, Ярославль, Нижний Новгород, Ульяновск, Воронеж, Ростов-на-Дону и Калач [4, с. 32].

Вначале были исследованы транспортные расходы по подвозу сырья и материалов к указанным выше 9 пунктам и развозу продукции при исполь-

зовании железнодорожных, водных и смешанных путей. Продукция комбината: текстильные изделия и регенерат – должны были использоваться на месте (и частично на резиновых заводах в Москве и Ленинграде), шины и изделия без шва предстояло развозить по всей территории Союза. Для установления потребности в продукции комбината исследовались емкости потребления отдельных авторынков за время с 1922 г. по 1927/28 г. [2, с. 99].

Исходя из этого, было件件件件, что в течение ближайшего пятилетия емкость провинциальных рынков продолжит тенденцию к увеличению за счет более быстрой их наполняемости автомобилями (Украина с Донбассом, Северный Кавказ, Баку и др.) и за счет более быстрого износа шин в провинциях из-за неблагоустроенных дорог на территории последних. В результате, при существующих тарифных ставках, получилась следующая картина в порядке возрастания суммы общих расходов [2, с. 100] (см. табл. 1).

При высоких транспортных расходах по Кинешме, Нижнему Новгороду, Ульяновску, Воронежу и Калачу и других неблагоприятных показателях (отсутствие районных электростанций, привозное топливо, расположение на окраине – Ростов-на-Дону) дальнейшее исследование в отношении 7 пунктов пришлось прекратить, сосредоточив все внимание на Москве и Ярославле [2, с. 101]. Необходимо заметить, что при исчислении транспортных расходов на подвоз шин было при-

Таблица 1

Транспортные расходы по доставке сырья и развозу готовой продукции

№п/п	Пункты	Подвоз сырья	Развоз продукции	Всего
1	Москва	909	925	1834
2	Ярославль	916	1257	2173
3	Ростов-на-Дону	829	1345	2174
4	Кашира	1071	1140	2217
5	Кинешма	998	1472	2470
6	Калач	996	1510	2479
7	Воронеж	1158	1357	2515
8	Н. Новгород	1150	1515	2665
9	Ульяновск	1205	1718	2923

нято месторасположение нового автомобильного завода в Москве. При строительстве нового автозавода в Ярославле (о чем Госплан СССР производил исследование), транспортные издержки по Ярославлю уменьшались на 150–200 тыс. рублей при соответственном увеличении таковых по Москве [2, с. 101]. Комбинат и автозавод необходимо было располагать в одном месте [1].

Президиум Моссовета считал целесообразным и желательным осуществление постройки резинокомбината в Москве, о чем в сентябре 1928 г. было принято соответствующее постановление [6].

Вследствие этого, в октябре 1928 г. Ярославский Губком ВКП(б) в своем постановлении поручил секретариату Губкома поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о необходимости постройки нового резинового комбината в городе Ярославле, ссылаясь на его весьма благоприятное географическое и стратегическое положение: наличие широко развитой сети железных дорог и водных путей [9]. Аналогичное решение было принято также Ярославским Губисполкомом [11, с. 17–18].

Для решения вопроса о месте строительства комбината – в Москве или Ярославле – Резинотрестом были произведены более тщательные исследования, вплоть до выезда экстренных комиссий на места [2, с. 101]. Для строительства комбината необходимо было выбрать тот пункт, который вызовет: наименьшие расходы на рабочую силу и подготовку кадров на месте, получение дешевого топлива и электроэнергии на месте, наименьшие расходы на строительство зданий комбината [3].

1. Исследование трудовых ресурсов в Москве и Ярославле. По пятилетнему плану пуск комбината предполагался в 1930/31 году. Для выполнения намеченной программы на этот год требовалось около 1700 человек, а на 1932/33г. – 4600 человек. Наличие свободных трудовых резервов, привыкших к условиям фабрично-заводского труда, как в Москве, так и в Ярославле, давало возможность без затруднений найти указанное количество рабочих на месте. Поэтому в отношении получения рабочей силы Москва и Ярославль, расположенные на территории Центрально-промышленной области, находились в одинаковых условиях.

Однако суть вопроса о рабочей силе заключалась еще в уровне зарплаты в этих пунктах. Несмотря на принятую регулируемыми органами одинаковую зарплату в однородных производствах, она была разная. Объяснение этому – различный материальный уровень жизни по отдельным районам, что подтверждалось различной стоимостью полного бюджетного набора из 40 товаров по главнейшим городам Союза. Так, среднемесячная стоимость его по Москве за 1927 г. – 24 рубля 68 копеек, а по Ярославлю – 20 рублей 42 копейки, что дает разницу 17,3%, а соответствующие данные на 1 февраля 1928 г. дают разницу 18,3% [5].

Если обратимся к изучению зарплат однородных производств в обоих пунктах, то констатируем, что:

а) Трест «Лакокраска» коллективным договором ЦК Союза химиков определял зарплату для ярославских заводов на 20% ниже зарплаты московских заводов.

Фактическая зарплата за три квартала 1927/28 гг. по краскотерочному цеху того же треста при одинаковом оборудовании, при одной и той же квалификации рабочей силы в Ярославле ниже на 22% против зарплаты Краснопресненского красочного завода. Зарплата же среднего рабочего по этим заводам показывает разницу 28%.

б) «Автотрест», имея предприятия в Москве и Ярославле, коллективным договором с Ярославским отделом Союза металлистов для ярославских рабочих и с московским Отделом того же Союза для рабочих завода «АМО» определяет зарплату для Ярославля ниже на 5% против Москвы. Фактическая же зарплата заводов «Автотреста» за 9 месяцев 1927/28гг. по Ярославлю ниже на 20,3%.

в) Фактическая зарплата за 1 полугодие 1927/28г. рабочих текстильной фабрики «Красный Перекоп» в Ярославле по данным ВТО ниже уровня зарплаты текстильных фабрик, расположенных в Москве [2, с. 103].

Исходя из приведенных показателей и приняв во внимание, что г. Ярославль был отнесен ко второму поясу по тарификации зарплаты, можно прийти к выводу, что к концу пятилетки, когда комбинат будет эксплуатироваться при полной нагрузке,

уровень зарплаты по однородному производству в Ярославле должен быть ниже на 15% против уровня зарплаты г. Москвы.

Приняв существующий средний заработок для резинщиков шинного производства завода «Красный Треугольник» и для текстильщиков в Москве в 1927/28г. повысив его на 24% для текстильщиков, согласно контрольных цифр по пятилетке, и на 12% для резинщиков, мы получили общий фонд зарплаты рабочих и служащих для Москвы в сумме 9167 тыс. руб., а для Ярославля – в сумме 7810 тыс. руб. [2, с. 104].

2. Получение топлива в Москве и Ярославле. Резиноасбестовому комбинату требовалось топливо для получения технологического пара и обогрева корпусов, а также для получения электроэнергии. Электроэнергия, как в Москве, так и в Ярославле, производилась от районных электростанций. Иначе стоял вопрос в отношении получения технологического пара для обогрева.

Расположив предприятие в Москве, нужно было строить собственную паросиловую установку и подвозить 36–40 тыс. тонн подмосковного или 19 тыс. тонн донецкого угля. При расположении же комбината в Ярославле на расстоянии 200 метров от Ляпинской районной электростанции не надо было строить паросиловую установку, так как здесь можно было организовать комбинированное питание паром и электроэнергией от Ляпинской станции, работающей на местном торфяном топливе. В таком случае часть энергии могла быть получена из технологического пара, почему и стоимость ее могла быть ниже. По заключению эксперта Резинотреста, выезжавшего в Ярославль для обследования грунта на участке близ Ляпинской станции и топливных условий, годовая стоимость пара и энергии ориентировочно определялась на 25 тыс. рублей дешевле в Ярославле, чем в Москве [2, с.105]. Что же касалось исследования запасов торфа [10], то в материалах Ярославского Губплана значилось, что Ляпинская электростанция при доведении мощности ее до 44 000 кв. обеспечена торфом на 40–50 лет.

3. Амортизация от строительства зданий. Если часть основного капитала, которая состоит из тех-

нического оборудования (станки, машины и пр.) – одинаковой ценности, где бы ни расположили предприятие, то стоимость возведения корпусов, как производственных, так и подсобно-хозяйственных, во многом зависела от места расположения комбината. Так, по заключению экспертной комиссии, амортизация от строительства зданий комбината в Москве выражалась в сумме 638 тыс. руб., в Ярославле у Ляпинской станции – 532 тыс. рублей.

Суммируем ежегодные расходы по всем статьям применительно к двум пунктам (в тыс. руб.) [2, с. 106] (табл. 2).

Необходимо рассмотреть и другие вопросы строительства комбината, касающиеся выбора места его строительства: выбор участка земли, стоимость строительства зданий и жилищного строительства.

При выборе участка земли в Москве экономически целесообразным было бы (в целях укрупнения предприятия) расположить комбинат у завода «Каучук» или у завода «Красный богатырь». Но отсутствие свободных и подходящих участков земли исключает такое решение вопроса. Поэтому в Москве был найден участок за чертой окружной железной дороги на высоком правом берегу Москва-реки между бывшей деревней Верхние Котлы и бывшим селом Коломенским.

В Ярославле были обследованы два участка: Полушкина Роща на правом берегу Волги (в 500–600 метрах от города) и участок на левом берегу у Ляпинской электростанции, на расстоянии 1 км от слободы Тверицы, насчитывающей 15 тыс. жителей. Заключение эксперта гласило: «участок, расположенный рядом с Ляпинской станцией, ровный, сухой, песчаный, покрыт сосняком достаточно больших размеров и вполне пригоден для расположения на нем завода и поселка».

Стоимость строительства. В результате исследования этого вопроса специально выезжавшей в Ярославль комиссией, стоимость строительства по трем пунктам была определена в следующих размерах (в тыс. руб.) [2, с. 107] (см. табл. 3).

Итак, стоимость строительства в Ярославле у Ляпинской станции на 2 млн. 100 тыс. руб. дешевле, чем в Москве.

Таблица 2

Сравнение издержек по основным статьям расхода при строительстве комбината в Москве и Ярославле

Статьи расхода (тыс. руб.)	Москва	Ярославль
1. Подвоз сырья и вспомогательных материалов	909	916
2. Развоз продукции	925	1.257
3. Итого, транспортные расходы	1834	2173
4. Годовой фонд зарплаты рабочих и служащих	9187	7810
5. Стоимость пара и электроэнергии	950	925
6. Амортизационные отчисления от строительства зданий	638	532
Всего	12609	11440
Разница в пользу Ярославля – 1169 тыс. руб.		

Таблица 3

**Расходы по строительству комбината в Москве и Ярославле
(в Полушкиной Роще и у Ляпинской электростанции)**

Статьи расхода	Москва	Ярославль	
		у Полушкиной Рощи	у Ляпинской электростанции
Заводские здания	25х340 – 8500	22,5х340 – 7650	22,5х340 – 7650
Вспомогательные	23х70 – 1610	20,5х70 – 1435	20,5х70 – 1435
Оборудование	1400	1400	900
Здание	23х25550	20х25500	300
Электростанция	75х4300	75х4300	100
Линия передачи	19000х3м 95	19000х5м 95	-
Провод	-	-	125х400 50
Подъездные пути	100	20	-
Очистка пром вод	50	50	50
Водопровод	-	50	-
Тов. платф., проч.	150	150	150
ВСЕГО	12755	11650	10645

Жилстроительство. Намеченная производственная программа на 1930/31 год – год пуска комбината – может быть осуществлена при наличии 1700 рабочих. При условии набора основной массы рабочих на месте, можно было надеяться, что, как в Москве, так и в Ярославле, 50% из них будут иметь жилища, тогда к пуску предприятия необходимо будет обеспечить жильем 850 рабочих, а с семьями – 2100 человек. Стоимость 1 куб. м. строительства жилья в Москве оценивалась в 27 руб. 50 коп., в Ярославле – 25 рублей. При таком расчете (во время жилищного кризиса, особенно в Москве) предстоящие затраты на жилфонд в Москве определялись в сумме 3180 тыс. руб., а по Ярославлю в 2890 тыс. рублей [2, с. 108].

В заключение необходимо отметить, что месторасположение предприятия определялась не только цифровыми показателями, хотя и являющимися наиболее убедительными, но и целым рядом других весьма существенных моментов. К числу главных из них нужно отнести:

1. Более равномерное распределение промышленных предприятий по территории СССР, что позволяло в большей степени использовать избыток рабочей силы на местах и, тем самым, прекратить усиленный приток ее в Москву.
2. Чрезмерная загрузка железнодорожного узла в Москве могла парализовать весь центральный узел железнодорожного сообщения страны.
3. Необходимо было создать в Советском Союзе центр шинного производства, расположенный по соседству с центром автостроения, но не в перегруженном центре страны.
4. Расположение Ярославля на Волжской системе путей сообщения, соединяющей Каспийское и Черное море с Балтийским и Белым морями, а также наличие железнодорожного узла, соединяющего Ярославль с Сибирью и с портами на Белом и Балтийском морях [2, с. 110].

Таким образом, исследовав все имевшиеся по этому вопросу материалы за 1928 год, можно убе-

диться, что наиболее целесообразным пунктом постройки резиноасбестового комбината был г. Ярославль.

Однако, несмотря на все очевидные преимущества г. Ярославля, решение вопроса о выборе места затягивалось и задерживало его строительство [8]. Поэтому еще раз в 1930 г. Резинотрест представил расчеты и материалы в Главхим ВСНХ для всесторонней проверки. При Главхиме ВСНХ была создана специальная Комиссия в составе представителей от ЦК Союза Химиков, Военного Ведомства, Моссовета и Резинотреста, которая в течение ноября тщательно проверила представленные Резинотрестом расчеты и вынесла решение о необходимости постройки комбината в Ярославле.

Для окончательного решения вопрос был перенесен в Президиум ВСНХ, где в особом совещании с представителями от Моссовета, ЦК Союза Химиков и Военного Ведомства было внесено постановление, подтверждающее решение о постройке комбината в Ярославле [4].

Библиографический список

1. ГАЯО. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 91. (Выписка из протокола №4 Заседания Правления Резинотреста от 20 июля 1928 года.)
2. ГАЯО. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 96–108. (Где строить резинотекстильный комбинат?)
3. ГАЯО. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 92. (Краткая объяснительная записка к материалам о месте постройки резинотекстильного комбината.)
4. ГАЯО. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 29–33. (Тезисы к докладу т. Никифорова на рабочем активе Московской группы по вопросу о постройке резинотекстильного комбината 19 февраля 1929 г.)
5. Статистический справочник СССР за 1928 год. – Москва: Статистическое издательство ЦСУ СССР, 1928.
6. Торгово-промышленная газета. – 1928. – 29 сентября. – № 227.

7. ЦДНИ ЯО. – Ф. 4773. – Оп. 10. – Д. 70. (В борьбе за индустриализацию. Из истории ярославской организации КПСС 1926–1941 гг.)

8. ЦДНИ ЯО. – Ф. 229. – Оп. 9. – Д. 136. – Л. 21–23. (Постановление бюро ярославского окружкома ВКП(б) о строительстве резинотекстильного комбината от 20 февраля 1930г.)

9. ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 3232. – Л. 109.

(Постановление Ярославского Губкома ВКП(б) о строительстве новых промышленных предприятий в г. Ярославле от 1 октября 1928 г.)

10. ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 3005. – Л. 295–296.

11. Ярославский ордена Ленина шинный завод: сб. документов и материалов. – Ярославль, 1968. – С. 17–18.

УДК 94(470)“1941/1945”

Белов Андрей Михайлович

доктор исторических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

Belovi_1957@mail.ru

Белова Наталья Андреевна

кандидат исторических наук

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Natale4ka@inbox.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

В статье поднимаются проблемы и рассматриваются повседневные трудности костромских учителей в годы Великой Отечественной войны. Подробно анализируется влияние партии на жизнь учителей: общественно-политическая нагрузка учителей, реализация программы Всеобщего обучения, а также роль педагогов в воспитании гражданских и патриотических чувств детей и подростков, организация политико-просветительной работы среди взрослого населения Костромского края. Помимо этого в статье описываются и производственные трудности, с которыми приходилось сталкиваться учителям: организация учебного процесса, подготовка школы к учебному году (заготовка дров, утепление, проведение воскресников). В течение Великой Отечественной войны, помимо общественной и педагогической нагрузки, учителя работали на производстве: заготавливали дрова, оказывали помощь колхозам и совхозам, трудились на заводах в составе рабочих бригад. Подробно анализируется материальное положение советских педагогов в годы войны, размер зарплаты, количество налогов и сборов в фонд государства, а также проводится сравнительный анализ цен и доходов учителей в этот период. В статье используются воспоминания учителей о том сложном периоде для всей страны.

Ключевые слова: повседневная жизнь, учителя, СССР, Великая Отечественная война, материальное положение, роль партии, воспоминания учителей.

70-летие победы в Великой Отечественной войне было отпраздновано нашим народом в мае 2015 года. Между тем, освободительная миссия и решающая роль Советского Союза в войне все активнее подвергаются сомнению. Великая война 1941–1945 гг. стала использоваться в информационном противостоянии современной России с Западом. Определенный накал в идеологическую борьбу вносит гражданская война, развязанная в 2014 г. против русскоязычного населения юго-востока Украины экстремистскими и националистическими силами. В результате со стороны руководства этой страны периодически «в угоду Западу» появляются заявления об агрессии Красной Армии против Украины в 1943–1944 гг. Как следствие, современные фальсификаторы подвергают сомнению и вклад в победу над фашизмом нашей армии и народа, единство фронта и тыла, и даже смысл того, во имя чего воевали и погибали защитники Отечества. Все это требует нашей реакции, отпора фальсификаторам, внимательного изучения истории Великой Отечественной войны,

обращения к ратному труду, подвигам фронтовиков и к изучению вклада в общее дело победы тружеников тыла – тех, кто напрягаясь и отдавая все силы, ковал общее дело победы. В этой статье мы хотели бы рассказать о повседневной жизни учителей Костромского края в годы Великой Отечественной войны.

С началом Великой Отечественной войны число учителей значительно сократилось, прежде всего, в связи с их призывом, а также массовым добровольным вступлением в армию. Только в Москве с конца 1941 года по июль 1942 года в армию были призваны 1873 педагога, добровольно вступили в ряды народного ополчения 2300 представителей столичной учительской интеллигенции [10, с. 62]. В Ярославской области, в состав которой тогда входил и Костромской край, за 1941–1942 гг. в ряды Красной Армии было мобилизовано свыше тысячи работников образования [13, с. 295–297]. Помимо этого часть учителей направлялась на укрепление детских домов и интернатов, число которых на начальном этапе войны стремительно возрастало [14,

* Статья издается при поддержке РГНФ №15-31-11109 «Этническое и религиозное многообразие - основа стабильности в развитии российского общества».

с. 25]. Таким образом, к 1945–1946 гг. штат учителей в школах РСФСР по сравнению с предвоенным 1940–1941 учебным годом сократился на 84,9 тыс. чел. [13, с. 52].

С началом войны летом 1941 года общественно-политическая нагрузка учителей возросла. 28 июня 1941 года издается циркуляр Ярославской области: «Впредь учителям отпуска не давать, директоров средних школ и неполных средних школ немедленно возвращать из отпуска. В начальных школах, если заведующий живет при школе – запретить ему выезд, если он выехал из селения, вернуть его на работу или поручить и.о. заведующего учителю. Составить план практического участия учащихся в колхозах и в местной промышленности. Учителям срочно развернуть агитационно-массовую работу» [5, с. 20]. Всем школам рекомендовалось организовать работу учащихся на производстве в каникулы под руководством учителей [5, с. 21]. Перед учителями ставилось множество задач, которые нужно было выполнить в кратчайшие сроки.

В первую очередь, речь шла о реализации Всеобщего обучения или всеобуча. 30 июля 1942 года вышло распоряжение СНК СССР, т.е. правительства страны «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста», согласно новому декрету, Совнаркомы всех республик должны были совместно с учителями и директорами школ организовать Всеобщее обязательное обучение детей. Кроме того, СНК обязывало проводить учебные занятия не только в две смены, но и, в исключительных случаях, в три смены [18, с. 118–119]. В 1943 году постановлением СНК РСФСР была утверждена инструкция об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет, которая предназначалась для реализации программы всеобщего обязательного обучения. Согласно этой инструкции, за каждым учителем закреплялся участок города или села, где они должны были ежегодно составлять список детей и предоставлять его директорам для осуществления контроля и своевременного определения детей в школу.

14 ноября 1943 года Совнарком РСФСР утвердил положение о нагрудном значке «Отличник народного просвещения», который выдавался работникам просвещения «за отличное выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, за образцовую постановку учебно-воспитательной работы, постановку работы в политпросвет учреждениях, отличную организацию и проведение методической работы в школе, районе, городе, области, крае...» [18, с. 117].

Усилиями костромских учителей по области была вовремя реализована программа партии по организации всеобщего обучения детей. Некоторым учителям для организации этого предприятия приходилось заниматься на дому с учениками в свободное время, иначе ответственность за срыв

правительственного плана была очень строгой, вплоть до уголовной. Учительнице Махровской неполной средней школы Буйского района Костромской области В.Н. Вороновой было предложено заниматься с 15 октября 1944 года на дому с учениками, которые не могут посещать школ из-за отсутствия одежды и обуви. «Несмотря на неоднократные напоминания, Воронова до этого времени так и не приступила к занятиям», – указывалось в распоряжении руководства РОНО. Был издан приказ В.Н. Вороновой «с сегодняшнего дня начать занятия, иначе ответственность за срыв программы Всеобуча будет возложен целиком только на нее» [7, с. 13].

В условиях военного времени за соблюдением графика работы устраивалось жесткое наблюдение со стороны администрации школы, за опоздание на 15 минут делался строгий выговор, более длительное отсутствие рассматривалось как «предательство и срыв в деле народного образования». Подобные случаи рассматривались в Народных судах [7, с. 14–15].

Таким образом, в военное время руководство учителями со стороны партии было усилено. Педагогам постоянно приходило работать сверх нормы, за счет сна и отдыха.

Во-вторых, по мнению большевиков, значительное воспитательное воздействие на школьников оказывал личный пример педагогов, который играл важнейшую роль в воспитании гражданских и патриотических чувств детей и подростков. В связи с этим педагоги находились под пристальным вниманием администрации школ, первичных и районных парторганизаций. Поведение и поступки учителей часто обсуждались на собраниях парторганизаций в школах. Особое внимание уделялось идеологическим настроениям педагогов. Так, на собрании парторганизации школы № 44 г. Ярославля, состоявшемся 4 февраля 1942 г., обсуждался вопрос о «выказывании антисоветских настроений» завучем по средним классам Горшечниковым [17, с. 76–77]. На одном из партсобраний в школе № 36 г. Ярославля, состоявшемся в 1942 году, обсуждался вопрос о поведении члена партии учительницы Барновой, которая «неоднократно проявляла невыдержанность, высказывала недовольство по поводу снабжения, содействовала распространению слухов» [17, с. 78].

В-третьих, учителям самим приходилось организовывать подготовку к учебному процессу зимой. «Школа – фактор огромного политического значения, но в условиях войны мы должны создать все условия и возможности для нормальной работы школы, не требуя многого от государства. Учителя, комсомольцы, родители и сами учащиеся, вся общественность – вот сила, которая должна решить дело подготовки школ к зиме, вот кто обязан помочь детям района и детям эвакуированных

из прифронтовой полосы», указывалось в постановлениях районных отделов народного образования [5, с. 42]. Конечно, помощь от общественности была, но основная нагрузка ложилась на плечи педагогического коллектива. В каникулы у родителей и учащихся также не было свободного времени, практически все были заняты на производстве, многие выматывались так, что «спали в одежде», потому что приходилось работать по 15 часов в день [19, с. 1]. Именно поэтому учителям самостоятельно приходилось организовать воскресники, утепление школ, заготовку дров, ремонт и изготовление школьного инвентаря, строительство бомбоубежищ, светомаскировочных сооружений, проводить санитарную обработку помещений.

В годы Великой Отечественной войны учителя выступали организаторами политико-просветительной работы в сельской местности среди колхозников путем чтения докладов, проведения личных бесед на различные политико-просветительские темы: «О значении плана сева в условиях военного времени», «О социалистическом соревновании», «О роли женщины-колхозницы в укреплении хозяйственной мощи СССР» и т. п. В их обязанности входило устройство наглядной агитации: организация выставок, витрин, красных уголков, агротехнических кружков, стахановских школ, массовые просмотры фильмов, ориентированных на агротехнические темы [5, с. 44]. Учителя также должны были представить письменный отчет о проделанной работе в РОНО.

В время Великой Отечественной войны учителям помимо общественной и педагогической нагрузки добавилась еще и производственная работа [1, с. 20]. Летом 1942 года учителя отказались от отпусков. В области в то время проходила большая работа по заготовке топлива для города. Учителя работали вместе со своими учениками, организовывали бригады. Одни работали на выкатке леса, доставленного плотами по Волге. Другие распиливали его на берегу. Эти работы продолжались до зимы. Часто школьные бригады отправлялись в леса на заготовку дров. Пилили деревья, выкорчевывали пни и разделявали их самостоятельно [1, с. 97, 100].

В 1943 году заготовка дров была организована на расстоянии 15–17 км. от Костромы, учителя уезжали на 10 дней, оставляли семью на самообслуживание, перекладывая обязанности на старших детей, либо пожилых родителей. На деревянных тачках им приходилось вывозить дрова к железной дороге. Это была тяжелая и изнурительная работа. Как вспоминала учительница А.А. Бушковская, «утром и вечером в лесу холодно и сыро. Днем душно, комары, мухи кусаются, из-за чего появляются расчесы. Спина горит от пота, мучает жажда, а пить много нельзя». За такую тяжелую работу получали хлебную норму, иногда выдавали мыло. Зимой грузили дрова на вагоны, выезжая к местам

заготовки, а в городе разгружали их на «вертушке», приходилось работать и по ночам, а утром шли в школу [19, с. 2].

Другая учительница Т.В. Птицина – ветеран педагогического труда – вела дневник в период Великой Отечественной войны, который теперь хранится в Государственном архиве Костромской области. 23 апреля 1943 года она была включена в рабочую бригаду по заготовке дров для военного госпиталя. Как отмечает учительница, сложной была проблема в предоставлении рабочим бригадам обмундирования, но «начальство госпиталя быстро разрешило эту проблему: списанное после носки ранеными солдатами имущество было дано нам. Мы получили: пару кальсон с рубашками, пару зимнего теплого белья, портянки, рукавицы и керзовые сапоги, в запас дали еще и резиновые. Хуже дело было с сапогами у меня размер 34, а дали 42» [3, с. 140]. Подобные бригады составлялись по принципу «Восемь девок, один я», таким образом, возглавлял женскую бригаду мужчина, как правило, солдат, имевший легкое ранение. Жили бригады в землянках, которые сами и строили. Подъем был в шесть утра, норма заготовок была по 3,5 кубометра леса на человека в день (в целом выходило по 13 кубометров на бригаду), работали, пока не сядет солнце, в три смены, ночью грузили дрова на машину, а затем – в вагоны. «В наши обязанности входило заготовка чурок для машины, очистка делянки от мусора... За все это время одежда наша пришла в такую негодность, что смотреть на себя было смешно и грустно... Хуже дело было с сапогами: худые, огромные и вечно мокрые, они очень сильно затрудняли передвижение по болоту» [3, с. 143]. Продовольствие таким бригадам поставляли с перебоями, летом с едой было лучше – выручал лес, так как лето и осень 1943 года были грибными [3, с. 156].

С весны до осени 1944 года были созданы дополнительные бригады для помощи колхозам и совхозам. Они сортировали семена, пропалывали поля, убирали урожай. Группа учителей города Костромы после уроков ходила на фанерный завод делать минометные ящики [1, с. 103]. Таким образом, в годы войны помимо общественной нагрузки учителям добавилась и производственная работа: по заготовлению дров, древесины, уборке урожая вместе с учениками, либо в составе бригад.

В военное время усложняется и материальное положение учителей. Увеличивается количество выплат в пользу государства, появляются новые налоги. Военный налог, которым облагалось все трудоспособное население, не подлежащее призыву в Красную Армию, составлял 8,3% от заработной платы [7, с. 1–40]. Еще одним был налог в фонд обороны государства, который был неофициальным, но обязательным, и его размер устанавливался различными профессиональными

объединениями или местными партийными организациями. В общей сложности размер сбора достигал 10% от размера заработной платы. В годы войны произошло увеличение размера государственного займа у населения. С ноября 1941 года, на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года, появляется «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан». Таким образом, все бездетные мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет должны были отчислять 6% зарплаты государству. Военный налог для учителей составлял 10 рублей, сбор в фонд обороны 10 рублей. Подоходный и культурный налоги для учителей составляли 13 р. 50 коп. Таким образом, общая сумма взносов в пользу государства доходила до 52 рублей, тогда как ставка была размером 240 рублей для учителей первого разряда и 300 для учителей второго разряда. Следовательно «на руки» учитель первой категории получал 188 рублей, а второй категории – 248 рублей. С 1942 года появляется новая надбавка к жалованию учителей – за проверку тетрадей, размер которой зависел от разряда учителя и количества преподаваемых часов. Данная надбавка составляла от 13 до 40 рублей в месяц. Оплачивали и работу учителей на производстве. Нами были обнаружены ведомости по оплате учительского труда по заготовке дров: за один кубометр дров платили 16 рублей [6, с. 4]. Все вместе образовывало месячный доход учителя. Для того чтобы определить уровень и покупательную способность зарплат учителей, необходимо знать стоимость товаров широкого потребления в те годы.

Источник нам показывает, что в 1943 году при доходе в 350 рублей в месяц, учителя жили достаточно скромно. К товарам первой необходимости относились керосин, дрова, спички, мыло – из хо-

зяйственных продуктов, и молоко, хлеб – из продовольственных товаров. Мясо, рыба, чай и водка были доступны лишь по праздникам, также существенными для бюджета педагогов были затраты на одежду и обувь. Как видно из таблицы 1, обувь в Костроме стоила дороже на 10–20 рублей, чем в соседних городах, однако костюм стоил на 30 рублей дешевле, чем в Ярославле и Иваново. Таким образом, источники позволяют сделать вывод о том, что без ведения подсобного хозяйства и без содержания скотины (коровы, овец), учителям приходилось экономить практически на всем, а цены только на картофель с 1939 года к 1945 году поднялись в десятки раз (вместо 1 руб. 20 коп. / кг в 1939 г. картофель в 1945 году стал стоить 46 руб. 80 коп. / кг) [11, с. 14].

Вопросы культурно-бытовых нужд и материального обеспечения учительства постоянно обсуждались на заседаниях областного комитета, райкомов ВКП(б), обкома союза работников НСШ и обкома союза ВШ и НУ. Принимались меры к повышению и укреплению авторитета учителя в школе. К примеру, 29 января 1942 г. Ярославский областной комитет (ОК) союза работников НСШ обратился в Облисполком с просьбой о рассмотрении материалов, свидетельствующих о невнимательном отношении руководителей отдельных местных организаций к удовлетворению материально-бытовых нужд учителей, что привело к ряду сбоев в снабжении учителей и к нарушению законных прав учителей в области выдачи зарплаты и обеспечения сельских учителей топливом. Параллельно ОК союза работников НСШ обратился к облпрокурору с просьбой ускорить расследование дела о систематической задержке зарплаты учителям в Тутаевском районе и привлечь виновников к ответственности [20, с. 2].

Таблица 1

Сравнительные цены на товары повседневного спроса в Верхнем Поволжье в 1943 году

Товары	Кострома	Ярославль	Иваново
Соль	80 коп.	80 коп.	1 руб.
Сахар	1 руб.	1 руб.	1 руб.
Чай	1 руб. 60 коп.	1 руб. 50 коп.	1 руб. 10 коп.
Хлеб	1 руб.	50 коп.	1 руб. 50 коп.
Говядина	52 руб.	50 руб.	49 руб.
Свинина	47 руб.	40 руб.	45 руб.
Картофель	10 руб.	15 руб.	10 руб.
Лук	10 руб.	12 руб.	9 руб.
Молоко	12 руб./ литр	15 руб./ литр	10 руб./ литр
Капуста	10 руб.	13 руб.	18 руб.
Дрова	320 руб./м ³	300 руб./м ³	310 руб./м ³
Водка	3 руб. 50 коп.	5 руб.	5 руб. 50 коп.
Мыло за 1 кг.	4 руб.	4 руб. 50 коп.	4 руб.
Спички	20 коп.	15 коп.	20 коп.
Керосин	90 коп.	1 руб. 40 коп.	90 коп.
Костюм	70 руб.	100 руб.	100 руб. 10 коп.
Галоши	11 руб.	8 руб.	15 руб.
Сапоги (хромовые)	70 руб.	60 руб.	60 руб.
Туфли	70 руб.	30 руб.	50 руб.

В трудном положении находились молодые учителя, приезжавшие работать в сельские школы. Местные органы образования не имели возможности предоставить им квартиры, не всегда могли помочь в решении многих бытовых вопросов. В результате некоторые из учителей были вынуждены покидать сельские школы [16, с. 295–297].

Вопрос об улучшении материально-бытового положения учителей рассматривался на бюро Ярославского обкома ВКП(б) 1–6 апреля 1943 г. Было решено навести порядок в снабжении учителей сельских и городских школ хлебом и товарами первой необходимости; в райцентрах и селах учителей прикрепить по питанию к столовым в этих населенных пунктах; открыть в городах Ярославле, Рыбинске, Костроме специальные магазины для обслуживания учителей и их семей. Для учителей сельских школ после выполнения колхозами плана госзаготовок организовывалась продажа по государственным ценам картофеля, овощей, а также молочных продуктов. Всем учителям стали выделять земельные участки для индивидуальных и коллективных огородов, им оказывалась помощь в приобретении семян картофеля и овощей [16, с. 296].

Скудный паек получали городские учителя по карточкам; в связи с мобилизацией врачей и медсестер на фронт, плохо обстояло дело с медицинским обслуживанием [19, с. 15].

В годы войны учителя работали при скудном освещении, а подчас и отоплении. Для экономии керосина учителя сами изготавливали «фигасы» – самодельные светильники. Экономил и спички, употребляя «кресала» [19, с. 14]. В годы войны школьные помещения плохо отапливались, дров иногда не хватало, из-за нехватки чернил и других учебных материалов нередко писали на снегу, на старых газетах и книгах между строчек, тетрадей и перьев не было, чернила изготавливали ученики сами, из шишек ольхи или свеклы [1, с. 100]. Майя Ивановна Петрова, которая пошла в школу в 1943 году, вспоминала: «Зимой было очень холодно в классе, учительница, одетая в пальто, собирала нас вокруг себя. Был один букварь на всех учащихся. И вот в школе по этому, единственному экземпляру, учила нас читать. Тетрадей, карандашей и ручек вообще не было. Ручки и перья были самодельными. Чернила делали из свеклы, глины и сажи. Брали старые книги и шили из них тетради и между строк, между букв учились писать» [19, с. 16].

13 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Костромская область как самостоятельная административная территория. В целом это оказало позитивное влияние на развитие региона, так как произошло воссоединение районов, которые на протяжении длительного исторического периода были взаи-

мосвязаны друг с другом. Однако для того, чтобы органы управления Костромской области, в том числе и отделы народного образования, начали самостоятельно работать, нужно было время. Материально-техническая база практически всех школ Костромской области была неудовлетворительной. Они не получали в полном объеме средства для приобретения учебно-методической литературы и наглядных пособий. В ряде случаев отсутствовала связь с отдаленными сёлами [9, с. 11].

Мария Ивановна Груздева вспоминает об условиях работы в послевоенное время в д. Прозорово Юрьевецкого района Ивановской области (бывшая Костромская губерния): «Школа – приспособленное здание белильной фабрики купца Скворцова. Окна огромные – можно въехать на тракторе. Всегда было холодно. Поэтому занимались только в пальто, дети одевали даже варежки, чтоб согреться. В классе были только доска, парты, мел и географические карты, всё остальное пытались купить сами учителя. Разработок для проведения уроков никаких не было, планы писали сами» [19, с. 18].

Отдельного рассмотрения заслуживает бюджет времени педагогов во время Великой Отечественной войны. Это объясняется тем, что в условиях военного времени существовали свои законы, которые существенно отразились на жизни учителей. По решениям народных судов и административным постановлениям видно, что за малейшее нарушения порядка и трудовой дисциплины, в том числе опоздания или прогулы рабочего дня без уважительной причины, педагога могли привлечь к административной, а иногда и уголовной ответственности в виде исправительных работ на производстве или по месту работы с отчислениями в пользу государства от 15 до 20% от общей суммы заработной платы [8, с. 13]. Учителям в условиях военного времени отпуска не давались, и составлялись планы участия и привлечения учителей для работы в колхозах и областной промышленности [8, с. 13]. Педагоги, как мы уже указывали, обязательно участвовали в заготовке дров, обработке сельскохозяйственных угодий и пришкольных участков, размер которых зависел от типа школы: средняя школа – 1 га, неполная средняя школа – 0,5 га, начальная школа – 0,25 га и других видах работ [5, с. 4]. Учительница начальных классов Ескинской неполной средней школы Солигаличского района Любовь Николаевна _омисарова вспоминает: «В воскресенье приходилось работать в колхозе, заготавливала 4–5 возов сена или тресы (льна), позднее помогала бригадиру заполнять учетные книжки, собирали посылки на фронт, сушили брюкву, морковь, лук, свеклу и т.д. Роль жены, матери и учительницы совмещать было очень тяжело. Постоянно приходилось преодолевать проблемы: как накормить детей, как их одеть, как косить сено на корову и т.д.» [19, с. 19].

Еще одним аспектом является облик учителей. Определенные представления об образе советского учителя дают слова А.С. Макаренко, который говорил, что учитель должен быть выразителем эстетически, радостным, не допускать в себе неряшливости в одежде [15, с. 364, 366]. Однако на практике скромный учительский доход не позволял иметь даже один хороший костюм. Воспоминаниям костромичей дают следующие образы учителей периода Великой Отечественной войны:

Варвара Ивановна Платонова, 1940 г.: «Это была среднего роста женщина, с короткой стрижкой, но волосы всегда были аккуратно уложены. Одевалась скромно: темную юбку с легкой кофтой, наверх накидывала теплый вязанный жакет» [19, с. 29].

Людмила Тимофеевна Захарова, 1944 г.: «Образ моей первой учительницы: волосы зачесаны в узелок. Одевалась всегда скромно, темного цвета сарафан или юбка с жилеткой, обязательно белая блузка» [19, с. 20].

Мария Ивановна Груздева, 1940: «Учитель на селе уважаемый человек. Приходим в магазин, нам всегда уступали очередь, даже пожилые люди со словами благодарности. Например, один старичок раздвинул очередь впереди себя и сказал: “Идите милые, вы устали с нашими детками”. Приятно видеть такое внимание к учителю, а мне было тогда всего 20 лет» [19, с. 9].

Таким образом, вопреки всем трудностям, казалось бы, невозможной для человека по тяжести повседневной жизни в условиях войны, костромские учителя, как все советские люди, вносили большой вклад в дело общей победы над фашистской Германией. Главной оставалась забота о будущем страны: педагогический труд, образовательная деятельность в школе, причем не только с костромичами, но и со многими десятками тысяч детей эвакуированных из западных областей СССР, Прибалтики, Ленинграда и Москвы. Большой вклад внесли учителя и в информирование народа о событиях на фронте и в тылу, в создание атмосферы победы над тем «злом», которое нес на-

шему народу фашизм. Важно помнить, что среди учителей были в подавляющем большинстве женщины, стремившиеся сохранить высокую планку образования, несшими повседневную тяжесть оборонительных работ в тылу. Доблестный труд костромских учителей в годы Великой Отечественной войны является незабываемой страницей истории Костромского края.

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. Р-551. – Оп. 1. – Д. 23.
2. ГАКО. – Ф. Р-2345. – Оп. 5. – Д. 4.
3. ГАКО. – Ф. Р-551. – Оп. 1. – Д. 39.
4. ГАНИКО. – Ф. 1204. – Оп. 1. – Д. 15.
5. ГАНИКО. – Ф. 472. – Оп. 5. – Д. 4.
6. ГАНИКО. – Ф. 1006. – Оп. 2. – Д. 11.
7. ГАНИКО. – Ф. 1204. – Оп. 1. – Д. 17.
8. ГАНИКО. – Ф. 472. – Оп. 5. – Д. 23.
9. ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 3. – Д. 614.
10. ГАРФ. – Ф. 5462. – Оп. 1. – Д. 121.
11. ГАРФ. – Ф. А-374. – Оп. 8. – Д. 496.
12. ГАРФ. – Ф. А-374. – Оп. 8. – Д. 87.
13. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 69. – Д. 2809.
14. Культурное строительство РСФСР. Стат. сб. – М.: Госстатиздат, 1958. – 403 с.
15. Макаренко А.С. О коммунистическом воспитании // Избранные педагогические произведения. – Т. 3. – Киев: Радянська школа, 1985. – 592 с.
16. Малхасян Н.В. Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 295–297.
17. Малхасян Н.В. Общественная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 2. – С. 76–77.
18. Народное образование в СССР. Сб. док. 1917–1973 гг. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
19. Полевые материалы автора. – Кострома, 2008–2011.
20. Учительская газета. – 1942. – 21 июня.

**СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»
В СОВЕТСКОМ КИНОИСКУССТВЕ 1940-Х ГОДОВ****(на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне)**

Статья посвящена анализу изменений, происходивших в изображении врага в советском киноискусстве в 1940-х гг., на основе художественных фильмов о Великой Отечественной войне. Кинематограф обладает обширным инструментарием выразительных средств, однако многие приемы воплощения образа врага были заимствованы им из массовой печати, театра, агитационных плакатов. Образы врагов, созданные в предвоенную эпоху в оборонных и антифашистских фильмах, с одной стороны, дезориентировали советское общество относительно характера будущей войны и внутреннего положения Германии, с другой – дали киноработникам необходимый набор художественных средств для морально-психологической мобилизации народа в первые месяцы войны. На смену образу врага оборонных фильмов, который не представляет серьезной опасности и будет быстро повержен, после первых недель кровопролитных боев, приходит подлинная дегуманизация противника. Образ нациста приобретает характеристики варвара, зверя, садиста, а «внутренние враги», ненавидящие СССР уже в силу своего социального происхождения, до 1943 года исчезают с экранов. Их появление было связано с необходимостью объяснения причин коллаборационизма. В игровом кинематографе на протяжении военных лет не нашли яркого отражения образы союзников Германии – итальянцев, венгров, румын и т.д. В послевоенное время образы немцев дифференцированы: подчеркивается, что гражданское население не поддерживало политику Гитлера. Основные характеристики, присущие командованию Третьего рейха, становятся неотъемлемой частью изображения недавних союзников – США и Великобритании.

Ключевые слова: кинематограф, идеология, пропаганда, образ врага, массовое сознание, война, способы изображения.

Современная историческая наука все большее внимание уделяет проблемам изучения общественного сознания, форм и средств коммуникации и самоидентификации. Значительное количество работ посвящено механизмам воздействия информации на массовое сознание, ее преобразования и интерпретации [1; 6; 11]. В этой связи особое значение приобрели понятия «образ», «символ», «стереотип», «миф». Подобный интерес ученых во многом обусловлен информатизацией современного общества, значительно упростившей доступ к различным ресурсам (текстовым, визуальным и т.д.), но поднявшей проблему ориентации в информационном потоке и манипуляции сознанием на новый уровень.

С конца 80-х годов XX века стали появляться работы отечественных историков и публицистов, пытавшихся изучить механизм идеологического воздействия, а также ответить на вопрос о существовании у советских людей сознания особого типа. Его называли различно: «этатистское сознание» [2, с. 19], «стереотипное» [12, с. 69], «мифологизированное» и «политизированное» [5, с. 164]. Не вызывает сомнения, что определенные отличительные черты были присущи сознанию советского народа, однако речь идет не о некоем искусственно созданном «тоталитарном мышлении», а о сознании, обусловленном предшествующими этапами исторического развития. Не следует абсолютизировать масштабы воздействия советской пропаганды. Как отмечала Е.С. Сениянская, степень подверженности стереотипному мышлению западного «демократического» обывателя была (и остается) отнюдь не меньшей, чем в «тоталитарном» советском обществе [14, с. 16].

По выражению Н.И. Цимбаева, история XX века в значительной степени является историей кинематографа, поскольку и представления о мире, и ценностные предпочтения, и нравственные ориентиры и политические стереотипы – все это формировалось в значительной степени документальным и художественным кино. Появление в последние годы диссертационных и монографических работ, посвященных анализу советских художественных фильмов с точки зрения их идеологической направленности, позволяет говорить об актуальности данной тематики [7; 8].

На сегодняшний день опубликовано значительное количество документов, позволяющих выявить особенности советской кинематографии. Большинство из них представляют собой текущую документацию государственных органов управления кинематографом [9; 10; 15]. Отдельную группу представляют материалы центральной журнальной и газетной периодики, в которых отражена реакция на создаваемые в СССР кинокартины со стороны партийных деятелей, кинокритиков, зрителей («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советская культура» и т.д.). Еще одним самостоятельным видом источников являются документы личного происхождения. Это, прежде всего, мемуары создателей кинолент – режиссеров, но нередко – и сценаристов, актеров. Их воспоминания помогают проследить процесс создания киноленты, отражают индивидуальное видение характеров персонажей, основной идеи картины, а также могут отражать несогласие с решениями органов идеологического контроля.

Образ врага, деление на «своих» и «чужих» являются неотъемлемой частью общественного

и индивидуального сознания, трансформируясь на протяжении истории в представления об инопланетниках, угнетателях, поработителях, завоевателях, иноверцах, еретиках, язычниках и т.д. Поэтому вполне логично утверждение Л. Гудкова о том, что активизация роли врага не может быть исключительно навязана пропагандой, но опирается на запросы и ожидания массового сознания [6, с. 11].

Художественный кинематограф как синтетический вид искусства, соединивший в себе свойства и временных, и пространственных искусств, владеет обширным инструментарием для выражения режиссерского замысла на киноэкране. Конструирование авторского высказывания происходит через сочетание вербального, визуального и аудиоматериала.

Приемы, используемые киноработниками при воплощении образов врагов в 1930-е – 1940-е гг., во многом были заимствованы из массовой печати, театра, агитационных плакатов и фильмов предшествующих лет.

В качестве основных характеристик врага, присутствующих сознанию различных народов, И.Б. Гасанов выделил изображение его как чужака, агрессора, безликой опасности, богоненавистника, варвара, ненасытного захватчика, преступника, садиста, насильника, воплощения зла и уродства, смерти. При этом главное, что присуще «образу врага», – это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт [4, с. 24]. Однако принципиальное значение в идеологическом конструировании этого образа приобретает внутри- и внешнеполитическая обстановка, в которой это происходит. То, что могли позволить себе кинематографисты в изображении немцев в период «оттепели», в период войны было недопустимо, так как могло оказать деморализующее влияние на советских бойцов. Даже на протяжении Великой Отечественной войны, в экстремальных условиях, при необходимости решения конкретных пропагандистских задач, способы изображения врагов на киноэкране порождали дискуссии.

В оборонных фильмах второй половины 1930-х гг. основными типами врагов были шпионы, диверсанты, кулаки, капиталисты и белогвардейцы. Создатели кинолент подчеркивали их беспринципность, жестокость, расчетливость, алчность, но в то же время – трусость, готовность на все ради спасения собственной жизни. Предпочтение в отношении национальности будущих внешнеполитических противников СССР кинематографисты отдавали в первую очередь японцам и немцам.

Несмотря на то что в кинолентах враг имеет определенную национальную и социальную принадлежность, а также конкретную цель (вооруженный захват территории, уничтожение советской власти), он достаточно условен. Определенной индивидуализации удавалось лишь шпионам

и командующие вражеской армии, которые в начале фильма хладнокровно и самоуверенно рассуждали о своей скорой победе («Танкисты», 1939 г.), а в конце – теряли самообладание от бессилия перед мощью советских войск. При этом указывалось также на техническое превосходство Красной армии (танки против вражеской кавалерии).

Образ противника был необходим для демонстрации торжества советского строя, советского народа, советской армии, ее дисциплины, оснащенности, преданности идеям социализма. В этой ситуации возникло две крайности, на которые позднее указывали кинематографистам партийные идеологи. С одной стороны, «оглуплялись» недруги, с другой – при показе сильного врага победа советских людей выглядела логически неоправданной.

Помимо внешних врагов в советском предвоенном кинематографе присутствовали и враги внутренние – «враги народа» (к/ф «Честь», 1938 г., к/ф «Большая жизнь», 1 серия, 1939 г. и т.д.). Как правило, это были представители социальных слоев, а не просто недовольных советской властью (кулаки, интеллигенция). Их присутствие должно было иллюстрировать тезис И. Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Подчеркивалось, что их вредительские действия четко спланированы и организованы, то есть существует некая управляющая структура. Мотивы поступков этих персонажей не конкретизированы, они обусловлены самим их происхождением, которое заставляет их ненавидеть Советский союз и всячески препятствовать его успехам, а также стремлением к карьерному росту и богатству или страхом за собственную жизнь («Вербуйте недовольных... В случае удачи наших друзей вы назначаетесь начальником одной из дорог, но помните: директивы Центра надо выполнять!», к/ф «Честь»). Суесть и неуверенность данных персонажей в кадре противопоставлялась спокойствию и жестовому «аскетизму» положительных героев. Очевидно, что и оборонные фильмы, и картины, посвященные деятельности «врагов народа», наглядно демонстрируя опасность «капиталистического окружения» и классовых недругов внутри страны, выполняли задачу консолидации общества вокруг существующей партии и ее лидера.

Особую группу в 1930-х гг. составляли так называемые антифашистские фильмы, действие которых разворачивалось на территории Германии. Данные киноленты были призваны показать бесчеловечность режима, установленного НСДАП, и борьбу против него коммунистического подполья (к/ф «Семья Оппенгейм», 1938; к/ф «Болотные солдаты»; к/ф «Профессор Мамлок», 1938 и т.д.). Образы нацистов в них дифференцированы: одни полностью принимают и пропагандируют расовую теорию, другие служат режиму ради удовлетво-

рения своих материальных потребностей. К числу первых относятся, в основном, интеллектуалы (ученые, врачи), готовые фанатично отстаивать свои взгляды и преследовать всех неугодных, вторые – невежественные и самодовольные маргиналы, получившие возможность отдавать приказы, вести разгульный образ жизни и сводить личные счеты. Примечательно, что немецкий народ живет в страхе перед нацистами и не поддерживает их политику дискриминации. Однако после заключения пакта Молотова-Риббентропа почти на два года антифашистские фильмы были сняты с показа и вернулись на экраны только в первые дни войны.

Обстановка Великой Отечественной войны изменила взгляд на приемы изображения противника. В первые месяцы боевых действий вопрос о создании образа сильного врага, «не лишеного некоторых человеческих черт», не поднимался. Даже эвакуация промышленных и сельскохозяйственных предприятий почти не нашла отражения в фото- и кинохронике, как и наглядные свидетельства жестокости нацистов, которые потребовались пропаганде только в критических условиях осени 1941-го года.

При вооруженном столкновении ценность имеет все, что способствует мобилизации народа. Поэтому государственная пропаганда принимает активное участие в формировании чувства ненависти к противнику [14, с. 14]. Происходит «приращение» врага, то есть ему приписываются все человеческие слабости (пьянство, грубость, мажордерство и т.д.), им противопоставляются самоотверженность и нравственная устойчивость собственных воинов.

Помимо обострения ненависти к врагу, задачей пропаганды было его «расчеловечивание», чтобы уничтожить страх перед ним, перед его убийством. Это осуществлялось через семантику «мира темных сил»: сопоставление фашизма с ящером, змеей, спрутом (плакаты «Смерть фашистской гадине!» и «Бей фашистского гада!» А. Кокорекина, «Раздавить фашистское чудовище!» Д. Шмаринова, 1941 год; «Не люди, вы пауки!», Боевой киносборник (БК) № 11), офицеры и лидеры Третьего рейха в плакатах наделялись звероподобными чертами: клыками и когтистыми лапами. Об этой тенденции в кинематографе свидетельствует создание в 1942 году короткометражного фильма «Юный Фриц» И. Траубергом и Г. Козинцевым по мотивам стихотворения С. Маршака «Юный фриц, или Экзамен на аттестат зверости». В картине показан процесс превращения юного Фрица (начиная с младенчества) в звероподобное существо, схожее с обезьяной и посаженное в советский зоопарк [20]; схожий сюжет присутствует в киноленте «Новые похождения Швейка».

Варварство нацистов проявлялось в фильмах через расправу над беззащитными (пленными,

детьми и женщинами), осквернение религиозных символов (игра в карты на церковную утварь – БК № 9).

Внешность и манера кинематографического поведения немцев, представляющих командный состав и солдат, значительно отличается. Образы и тех, и других во многом заимствованы из довоенных оборонных и антифашистских кинолент. В поведении офицеров в основном подчеркивается манерность, психологическая неуравновешенность, цинизм, стремление к комфорту, хитрость и маниакальная жестокость. Их тело в кадре отличается перепроизводством движений, конвульсиями, которые носят патологический оттенок и являются свидетельством дегенерации [3, с. 268].

Образы солдат, как правило, или обезличены (предстают послушными исполнителями приказов), или оглушены, и отмечается, что их поступки обусловлены исключительно страхом перед расправой как со стороны советского народа, так и со стороны собственного начальства. Еда, которая становится, по наблюдению О. Булгаковой [3, с. 221], отталкивающей характеристикой еще в кинематографе 1930-х гг., часто присутствует в изображении поведения нацистов и сопровождается употреблением алкоголя («Алкоголь перед наступлением одобрен начальством», БК № 7). В основе поведения неприятеля – следование низменным инстинктам (страх или жажда наживы), и в кино врагу следовало демонстрировать исключительно в роли фашиста-захватчика, иные социальные роли заведомо исключались. В этом, на наш взгляд, заключается одна из причин запрещения к выпуску на экраны уже готового фильма В. Пудовкина «Убийцы выходят на дорогу» («Школа подлости») (ЦОКС, 1942 г.) (по мотивам пьесы Б. Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи»). Фильм был создан в традициях довоенных антифашистских кинолент. Он рисовал сцены из жизни гитлеровской Германии, и немецкое общество в нем выглядело неоднородным, в том числе и по отношению к идеям нацизма. Мысль о том, что у немцев, воюющих на Восточном фронте, есть родные, которые так же любят и переживают за них, могла негативно отразиться на боевом настрое советского народа. «Табу» на описание обстановки в Германии, взаимоотношений немцев с родными не коснулось публицистики, что позволило, в частности, Илье Эренбургу в серии очерков «Фриц-колбасник», «Фриц-рогоносец», «Суеверный фриц», «Фриц-хитрец» и т.д. дать обличительные характеристики всему немецкому обществу, поставив знак равенства между «немцами» и «фашистами». Лишь в 1943 году тема обыденной жизни немцев была допущена для постановки в кино. На основе документального материала создается фильм «Человек № 217», посвященный судьбе русской девушки, попавшей в домашнее рабство,

и призванный «раскрыть физиономию рядового немца в его повседневном быту» [13]. На экраны он вышел только в апреле 1945 года после личного обращения актрисы Е. Кузьминой к И. Сталину.

Показ «внутренних врагов» в первые месяцы войны исчезает с советских экранов и возобновляется только с 1943 году (к/ф «Во имя Родины», «Радуга»). Их предательство, сотрудничество с немцами по-прежнему, как правило, обусловлено социальным происхождением.

Выступая на пленуме Союза писателей в том же году, режиссер А. Довженко обращал внимание на недостатки в изображении противника: «У нас он описывается как вшивый фриц, трусливый немец... Неужели мы так немощны, что такого врага, убоявшегося своего унтер-офицера, не могли до сих пор победить?.. Мы враги смертельно сильного врага... и великая слава за победу над гордым, могучим врагом, какого еще мир не знал. Вот как надо говорить о немце».

Демонстрация коварного и жестокого врага действительно будет присуща советским фильмам о Великой Отечественной войне в последующие годы. Образ нациста в кино, в отличие от пропагандистских плакатов, от звероподобия будет развиваться в сторону показа «цивилизованного маньяка», механически исполняющего приказы фюрера, способного на самые изощренные зверства (к/ф «Зоя», «Радуга», 1944), умного и опасного противника (к/ф «Сталинградская битва», 1949; к/ф «Подвиг разведчика», 1947).

Необходимо отметить, что в игровом кинематографе на протяжении военных лет не нашли яркого отражения образы союзников Германии – итальянцев, венгров, румын и т.д. Взаимоотношения между немецкими и румынскими войсками были детально отражены лишь в фильме И. Савченко «Третий удар», вышедшем в 1948 г. и посвященном освобождению Крыма.

После войны основные характеристики, присущие командованию Третьего рейха, станут неотъемлемой частью изображения и недавних союзников – коварство и лицемерие, стремление к материальному обогащению (к/ф «Встреча на Эльбе», 1949; к/ф «Падение Берлина»). Основную вину за кризис коалиции советское государство в первые послевоенные годы возлагало на Великобританию, а Черчилль в печати представлял в качестве преемника Геббельса, поэтому закономерно, что образы Чемберлена (к/ф «Клятва») и Черчилля (к/ф «Третий удар», «Падение Берлина») приобрели негативные характеристики. В разряд «врагов» перешли и представители американского командования в к/ф «Встреча на Эльбе» («Старая война кончилась... началась новая. Война с коммунизмом»).

Образы немцев в послевоенном кинематографе подверглись изменениям. Как и на завершаю-

щем этапе войны, пропаганда старалась всячески разделить в сознании советских людей понятия «немцы» и «фашисты». Мирные жители Германии изображены в кинолентах как положительные персонажи. Обращено внимание на дружелюбие по отношению к ним со стороны советских солдат. В к/ф «Падение Берлина» отмечалось, что сами германские граждане отрекаются от своего фюрера, испытывают к нему ненависть.

Гитлер, как и в картинах военного времени, предстает перед зрителями истеричным фанатиком, не имеющим понятия о реальном положении на фронте. Однако в попытке уйти от упрощенных, плакатных приемов изображения лидера Третьего рейха, М. Чиаурели ввел в к/ф «Падение Берлина» сцену свадьбы А. Гитлера и Е. Браун на фоне осажденного Берлина, чем заслужил упрек в излишней романтизации их образов.

Наряду с бывшими союзниками, число недругов пополнено образом украинского националиста. Впервые в к/ф «Подвиг разведчика» (1947) коллаборационизм объясняется не классовыми противоречиями, а националистическими взглядами (отзвук бандеровского движения): предатель приходит к немцам, заявляя, что он украинец и не любит русской музыки («В Москве свои песни, у нас – свои»).

На смену образу врага довоенной эпохи, который не представляет серьезной опасности и будет быстро повержен, после первых недель кровопролитной войны, приходит подлинная дегуманизация противника. Осенью 1941 года в печати и кинохронике появляются первые свидетельства жестокости нацистов. Таким образом в условиях возможной сдачи Москвы достигалась предельная степень морально-психологической мобилизации населения, поскольку демонстрация фото- и кинокадров убитых показывала невозможность альтернативы в этом противостоянии. Образ нациста приобретает характеристики варвара, зверя, садиста, а «внутренние враги» до 1943 года исчезают с экранов. Истеричность и конвульсивность на экране как поведенческие характеристики, а также прием пищи и алкоголя, которые составляли отталкивающий облик «врагов» еще в 1930-е гг., противопоставляются спокойной уверенности и аскетизму советских людей.

Библиографический список

1. *Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект: декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.: дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 2010. – 223 с.
2. *Баталов Э.* Культ личности и общественное сознание // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1989. – С. 14–27.

3. Булгакова О. Фабрика жестов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 302 с.
4. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». – М.: ОПМТ Российской академии управления, 1994. – 40 с.
5. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. – М.: Кучково поле, 2008. – 381 с.
6. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7–79.
7. Добренко Е. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 424 с.
8. Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2011. – 393 с.
9. Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В.И. Фомин. – М.: Материк, 2005. – 944 с.
10. Кремлёвский кинотеатр. 1928–1953: Документы / сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков. – М.: РОССПЭН, 2005. – 1117 с.
11. Назаров А.Н. Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг.: на материалах Северо-Запада России: дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2009. – 199 с.
12. Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. – М.: Издательский центр ИРИ РАН, 1997. – С. 69–88.
13. Ромм М.И. О себе, о людях, о фильмах... // Избранные произведения: в 3 т. – Т. 2. – 1982. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/211631/read> (дата обращения: 14.06.2015).
14. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 287 с.
15. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 806 с.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА РЕФОРМЕ ПРИХОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 1961 ГОДА (по материалам Ярославской и Костромской областей)

Реформа приходского управления, принятая на архиерейском соборе, негативно сказалась на всем строе приходской жизни. Принятая под нажимом властей, она задумывалась как дестабилизирующий и разрушительный фактор церковной жизни и была направлена на ликвидацию Церкви. Сопротивление реформе носило всенародный характер. Благодаря ему реформа прихода, при которой настоятель (священник) лишился права участия не только в финансово-хозяйственной деятельности, но и права воспитания прихожан, права на деятельность вне церковного здания, на занятие благотворительностью, не «прижилась» на приходе, а при восстановлении церковно-государственных отношений была отменена. В статье на материалах Центральной России, в первую очередь Ярославской и Костромской областей, показано, что сопротивление духовенства и верующих во многом способствовало изменению церковно-государственных отношений. Партийная номенклатура была вынуждена признать провал в проводимой антицерковной политике, что способствовало восстановлению статус-кво в приходском управлении и восстановление настоятеля прихода в его правах. В 1988 году на Поместном Соборе РПЦ был принят новый Устав управления приходом, доработка и поправки к нему были приняты на Архиерейском соборе 1989 года. Они соответствовали духу и каноническому устройству Церкви.

Ключевые слова: Реформа, приход, иерархия, верующие, сопротивление, двадцатка, Церковь.

На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, проходившем 18–19 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре, было принято решение о внесении изменений в IV раздел «Положения об управлении Русской Православной Церкви». В соответствии с изменением «Положения об управлении», руководство хозяйственно-финансовой жизнью прихода должен был осуществлять исполнительный орган приходской общины верующих – двадцатка, на настоятеля и других священников прихода возлагалось только духовное руководство прихожанами. Изменение положения о приходах оказало самое негативное влияние на церковную жизнь, в первую очередь, на структуру самого иерархического управления. Приходские организации, формально подчиняясь церковной власти, фактически стали подчиняться исполнительной местной власти, которая, в силу возложенных на нее государством полномочий и согласно новым инструкциям, осуществляла свой надзор и контроль над приходскими организациями. Реформой церковный народ, по замыслу партийных идеологов, на «законных» основаниях фактически был отделен от пастырей, что должно было способствовать разложению церковных структур и постепенной ликвидации церковной организации.

Реформа приходского управления была принята под жестким нажимом властей и была встроена в общий план по ликвидации Церкви как таковой. В октябре 1961 года, на XXII съезде партии, была принята программа построения коммунизма и взят курс на ликвидацию религии и Церкви в ближайшие 20 лет. Статистика говорит об ужасающей картине разрушения приходских организаций: только за один год – с 1961 по 1962 гг. – Русская Право-

славная Церковь потеряла полторы тысячи приходов. Постановлением Совмина от 16 января 1961 г. «Об усилении контроля за деятельностью Церкви» отменялись все законодательные акты военного и послевоенного времени. По мнению прот. В. Цыпина, при таких темпах потери приходов на полное разрушение церковной организации понадобилось бы пять лет [17, с. 329].

На территории Центральной России в 11 епархиях (включая г. Москву, в которой из 41 храма был снят с регистрации лишь один приход в 1962 г.) из зарегистрированных в 1961 г. 784 приходов к 1963 году осталось 663. На территории РСФСР к 1963 году осталось 2093 зарегистрированных прихода. Вместе с сокращением приходов, а также происходившими на этом фоне закрытием Киевской и Ставропольской семинарий, 12 монастырей, 7 епархий за шесть лет, с 1960 по 1966 гг., количество приходского духовенства, по различным причинам, сократилось на 1500 человек (с 9061 до 7347 священников и диаконов) [17, с. 344]. В Центральной России в 1960–1966 гг., например, со 104-х священников в Калининской епархии осталось 54, с 388-х в Московской епархии осталось 181, в Ивановской с 82 количество священников сократилось до 64 [2, с. 12, 73].

Сопротивление наступлению на Церковь и приходской реформе проявлялось на всех уровнях церковной иерархии и верующего народа. Оно принимало как активные, так и пассивные формы. Оговоримся, что сопротивление верующих носило спонтанный характер (действие – противодействие) и чаще всего было ответом на незаконные действия властей. Оно не затрагивало основной массы населения, и было выражением чувств верующего народа, не согласного с ущемлением его

прав. Такой же позиции придерживается историк А.А. Федотов, говоря, что в целом советское общество поддерживало государственную антицерковную политику, чему способствовала государственная пропаганда, вера определенной части людей в возможность построения коммунизма, и индифферентность основной части населения по отношению к религии [15, с. 114].

Святейший Патриарх Алексий I и председатель ОВЦС митрополит Николай (Ярушевич) выражали свое несогласие с возникшей ситуацией, пытались протестовать, отстаивать позиции Церкви, обращались к руководству страны с желанием донести свою озабоченность сложившейся ситуацией, в чем выражали свою активную позицию отстаивания интересов Церкви. Святейший Патриарх и Синод заняли твердую позицию в отношении к отступникам-ренегатам, отлучили их от Церкви.

Свое понимание духовной сущности реформы, принятой под давлением властей, Патриарх определил как «испытание веры», и форму сопротивления для паствы и пасомых определил как соответствие Евангельскому призванию. Весь свой протест он направил на воспитание подлинного духа веры, верности своему призванию и служению у архипастырей, пастырей и прихожан.

На страницах официального печатного органа Церкви – Журнала Московской Патриархии – открыто печатались как выступления Патриарха на конференции советской общественности, так и проповеди (напр., «Се Аз с вами»), в которых под библейскими образами завуалировано был указан духовный путь сопротивления и невозможность человеческими усилиями разрушить Церковь [13, с. 25–27]. Многие услышали эти призывы Церкви и ободрились.

Пагубность реформы приходского управления осознавали архипастыри, которые пытались предложить соответствующий церковным канонам вариант реформы. Летом 1965 г. архиепископ Калужский Ермоген (Голубев) предложил свой проект «Положения об управлении» и в виде петиции направил его на имя Патриарха. В этом проекте предлагалось ввести настоятелей приходов в состав приходского собрания («двадцатки») и приходского совета в качестве председателя. Однако его проект не был принят.

О форме сопротивления управляющих епархиями архиереев приходской реформе поведал в своем знаменитом докладе заместитель председателя Совета по делам религий В. Фуров, который назвал в своем выступлении имена тех епископов, которые лояльно относятся к государству и его политике, «в своей повседневной административной и идеологической деятельности» руководствовались подлинными идеалами служения Церкви. Фуровым были названы следующие управляющие епархиями центральной России: митрополит Ле-

нинградский Никодим (в 1960–1963 управляющий Ярославской и Ростовской епархией), Ярославский Иоанн, Смоленский архиепископ Феодосий, Калининский Гермоген, Рязанский Симон, Калужский Донат [16, с. 7–8]. Среди них были люди разного возраста, жизненного опыта и положения в Церкви: стоящий на высокой должности церковной иерархии председатель ОВЦС митрополит Ленинградский Никодим и отсидевший 9 лет в ИТЛ по 58-й архиепископ Костромской и Галичский Кассиан. Но за внешней лояльностью к государству и его законам, эти люди ни на йоту не поступались своей христианской совестью. Время показало, что очень многое в плане противодействия административному нажиму властей решала личность правящего архиерея. В епархиях, где управляли названные выше архиереи, не были закрыты действующие храмы (или закрыты в минимальном количестве), не были разрушены церковные общины.

О новой тактике противодействия антирелигиозному наступлению и разрушению церковной общины ярко свидетельствует характеристика, данная костромским уполномоченным молодому епископу, прибывшему в епархию: «Никодим (Руснак – прим. автора) принимает меры, чтобы оживить деятельность церквей, в первую очередь за счет комплектования духовенством. Омолаживает духовенство. В соборе поменял штат, омолодил и ввел новшество – пение акафиста всеми молящимися вместе с хором, что в известной степени способствовало увеличению посещения собора» [4, с. 15]. Характерное признание о сопротивлении епископа нажиму властей делает Костромской уполномоченный СДРПЦ Ф. Григорьев: «В течение года не снято с регистрации ни одной церкви, т.к. Епархиальное управление не допускает, чтобы та или иная церковь долго бездействовала длительное время. С этой целью они делают перестановку священников, временно заполняют свободные места за счет заштатных священников, чтобы поддерживать активность верующих во временно бездействующих церквях» [3, с. 1].

Власти не раз предпринимали изощренные попытки закрывать храмы, где была «неполная двадцатка», где приход не мог содержать священника, пытались разложить представителей церковного исполнительного органа, вводили в двадцатки своих людей, запугивали нестойких. Ярославский архиепископ Иоанн (Вендланд) заботился, чтобы приходы не оставались без священников, особенно в глубинке. При нем в Ярославской епархии не было закрыто ни одного храма. Когда возникала такая реальная угроза (из-за невозможности найти достойного кандидата к рукоположению), архиерей шел на крайнюю меру – назначал и лиц с недостаточно проверенной репутацией. Он говорил: «Оставить приход без священника – храм закроют. И тогда уже навсегда. А священника можно и заменить» [8, с. 131].

В годы хрущевского наступления сохранилась практика рукоположения некоторыми архиереями тайных священников, в случае их невозможности открытого служения Церкви и ввиду опасности полной ее внешней ликвидации. Считается, что митрополит Никодим (Ротов) рукоположил более 100 тайных священников и монахов, хотя А. Беглов говорит, что цифра явно завышена, и что она вкрадлась в многие историографии благодаря канадскому исследователю Д. Поспеловскому [1, с. 250], но факт остается фактом, Церковь рассматривала и путь ухода на нелегальное положение.

Вместе с тем, архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий, несмотря на кадровый голод, настаивал на необходимости поддержания в среде духовенства строгой дисциплины, говоря о приоритете качества над количеством, что, по его мнению, будет более способствовать авторитету Церкви и ее благу [15, с. 139].

Открыто свой голос в защиту Церкви и приходской общины подняли московские священники Н. Эшлиман, Г. Якунин, Д. Дудко, рязанский мирянин А.И. Солженицын, кировец А. Таланов и множество простых священников и мирян как Центральной России, так и всех уголков СССР. Возникло целое движение религиозных диссидентов, которое, несомненно, внесло большой вклад в то, что голос страдающей Церкви был услышан. Ивановский исследователь А.А. Федотов в своей монографии говорит о том, что создание в 1973 году Христианского комитета защиты прав верующих и религиозно-философских семинаров Огородникова, Пореша, Щипковой свидетельствует о росте сопротивления антицерковной политике властей [15, с. 150].

Настоятели приходов в большинстве своем выражали свое неодобрение реформой. Несмотря на желание властей сделать священника «наемником», «служителем культа», на зов Святейшего Патриарха о соответствии священника своему избранию откликнулись многие пастыри Церкви. К ним не зарастала народная тропа: тысячи людей посещали протоиерея Всеволода Шпиллера, архимандрита Тавриона (Ботозского), архимандрита Павла (Груздева), архимандрита Поликарпа (Будакова) и др., к которым приходили, приезжали и мудрецы, и простецы, интеллигенты и рабочие, должностные лица, ища духовной мудрости и наставления в жизни. Власти не удалось разорвать духовную связь пастырей со своей паствой. Уполномоченный по Ярославской области, осознав тщетность своих усилий свести на нет религиозную жизнь «вверенных его попечению» людей, восклицает в обращении к епископу: «Считаем ошибкой назначение настоятелем над церквями ряда районов священника Хархарова А.А. (архимандрит Михей, впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский – прим. автора), очень грамотного в своем

роде, авторитетного среди верующих, тонко и хитро ведущего работу» [6, с. 10]. Священники часто своим видом, соответствующим сану, вызывали уважение, что служило своеобразной проповедью о Христе тогда, когда проповедь вне стен храма была запрещена. При запрете проповеди в общественных местах, истинные пастыри находили способ и форму своего миссионерского общения с прихожанами и людьми, даже своим присутствием вызывая интерес к вере и традициям Церкви.

Несмотря на желание властей добиться конфликтов на приходе с целью дальнейшей его ликвидации, многие настоятели продолжали пользоваться авторитетом духовных наставников и руководителей на приходе. По свидетельству Угличского уполномоченного СДР, «ряд священнослужителей, таких как Проселков И.А. (церковь села Радищево), Красноцветов М.Г., (церковь г. Углича), ведут активную религиозную работу среди верующих граждан, оказывают непосредственное воздействие на подбор исполнительных органов и ревизионных комиссий, отвечающих их требованиям, способным удовлетворять все их желания. Поэтому не случайно, что исполнительные органы ряда религиозных обществ засорены недостойными людьми, которые активно работают на подобных батюшек» [5, с. 32].

Таким образом, несмотря на созданные условия, при которых власть в приходе формально принадлежала мирянам, где священник был поставлен в положение «наемника», власть пастыря не только не была утрачена, но, благодаря своему духовному авторитету, он фактически управлял общиной.

Конечно, никакое сопротивление Церкви антирелигиозному наступлению не было бы возможным, если бы не те истинные пастыри (епископы и священники), которые противопоставили всей мощи государственного аппарата свое истинное призвание, подавали пример для стояния в вере. Многие пастыри были на высоте своего служения. Прот. Порфирий Груздев, секретарь Костромской епархии, без страха с амвона на проповеди обличил ренегата Н. Спасского, разобрал его статью «Почему я порвал с религией» и обличил его самого как человека «небезупречной жизни» [3, с. 14]. Несмотря на обращения и запреты властей в г. Чухломе священник Троянов допускал детей школьного возраста к пению в церковном хоре и на предложение уполномоченного не пускать детей в церковь ответил категорическим отказом [3, с. 20–21]. Священник Георгиевской церкви Буйского района Костромской области Астафьев в апреле 1959 года, несмотря на запреты, в своей проповеди с амвона касался вопросов воспитания детей, призывал родителей внушать детям необходимость посещения церкви [3, с. 25]. При запрете благотворительной деятельности верующие находили формы, при которых возможно было немного смягчить позицию

властей по отношению к Церкви. В г. Галич Костромской области церковный Совет по предложению настоятеля церкви Ильинского выделил 50 000 руб. на благоустройство города. Перевод был уполномоченным запрещен, но показателен сам факт того, что верующие готовы были пожертвовать деньги на общественные нужды. И этот факт пугал партийные органы, напоминая им о том, что религиозная структура не ликвидирована.

Пастыри находили прорехи в самой созданной системе и обращали их на благо Церкви. Случалось, что крестились, венчались, отпевались партийные и комсомольские работники. Протоиерей Борис Старк был вызван к уполномоченному за то, что при крещении ребенка окрестил и его мать – комсомолку. Священник так объяснил свое нарушение законодательства: «Ведь у нас как в универсаме, сперва выбивают чек, а потом уже выдают товар, т.е. сперва оформляют квитанции, и только после этого я встречаюсь с крестниками и их родителями». Уполномоченный этим ответом был удовлетворен [10, с. 763].

Верующие люди, скорее всего, не осознавая, что их действия являются борьбой за веру, в повседневном быту старались влиять на молодежь: не задумываясь о последствиях, надевали крестики на детей, «тайно» призывали священника крестить ребенка, влияли на родителей своих внуков, понуждая их к вере и соблюдению хоть в какой-то мере традиций Церкви.

Несмотря на всю мощь государственной идеологической машины, предпринятым мерам по ограничению влияния Церкви на молодежь, администрированию и репрессиям, в гонимую Церковь потянулась интеллигенция. Некоторые молодые люди, обучающиеся в московских вузах, желали поступить в духовные школы. Поток поступающих в Семинарии не уменьшался. Многие семинаристы, именно в эти годы гонений стали принимать монашеский постриг [14, с. 187].

Антирелигиозная пропаганда и административные меры не испугали верующий народ. Он готов был защищать свои святыни, не взирая ни на какие препятствия, приносил крестить детей, по возможности приучал их к вере. Конечно, велика тут была роль «белых платочков» – женщин в основном пожилого возраста. Женщины отстаивали Преображенский собор в Москве, пока их силой не погрузили и не увезли [12, с. 169]. По свидетельству митрополита Питирима: «Еще в 60–70-е гг., когда нас спрашивали: “Как вы живете? У вас же запрещена пропаганда религии?”, мы отвечали: “Ничего, выстояли. Живем по христианским заповедям, молимся”, – “Каким образом?” – “Бабушки!” – “Бабушки? Ну, а дальше-то что?”. Прошло несколько лет. “Ну, и где же ваши бабушки?” – “О, ничего, бабушки привыкают!” Внуки, которых вырастило уже следующее поколение бабушек, по-

немногу стали приводить их самих в Церковь» [11, с. 493]. Иногда протесты принимали своеобразный характер. Когда исполком райсовета решил церковь в с. Фоминское (уже снятую с учета) засыпать зерном, и председатель сельсовета вместе со священником хотели перенести в другую церковь иконы, верующие люди прогнали и председателя, и священника [3, с. 12].

Несмотря на репрессии по отношению к религиозным обрядам и созданию атмосферы нетерпимого отношения к ним в обществе, дискредитацию священства и верующих, количество совершаемых треб (крещений и венчаний) не становится меньше. Вопрос о высокой обрядности в Ивановской области был поднят на заседании Совета Министров РСФСР. Люди шли в Церковь, невзирая ни на какие запреты, на угрозы увольнений и репрессий, на доносы старост местным органам власти и контроль комиссий по соблюдению законодательства о культах: «Проверка в ЗАГСе показала, что из 10 крещенных детей 8 – дети рабочих, 2 – дети служащих. Возраст родителей от 19 до 32 лет. Крестят своих детей по 2 или по 3 ребенка. Родители не «забытые и отсталые люди», а, например, такие как сотрудник МВД В.П. Гудков, его жена сестра-хозяйка в больнице. Венчаются опять же рабочие и служащие в возрасте не старше 30 лет» [3, с. 28].

Количество верующих не уменьшалось, несмотря на все усилия атеистической пропаганды. На семинаре по атеистическому воспитанию в феврале 1967 г. были озвучены явно заниженные данные о количестве верующих в СССР (реальные цифры были в два раза больше): 20% городского и 30–35% сельского населения. При населении в 232 млн. это составляло более 60 млн. человек [17, с. 344]. Храмы были переполнены и в Московской области, и в других регионах Центральной России. Уровень посещаемости храмов был высоким не только в городах, но в сельских районах. «Анализ этих исследований показал, что религиозность населения остается значительной. Из общего числа населения верующих женщин – 512 или 32%, верующих мужчин – 61 или 3%. Особенно значительная религиозность населения наблюдается в Зименковском, Трофимовском, Федуринском сельских советах» [6, с. 17].

Отметим небезынтересный факт, который свидетельствовал о сочувствии Церкви в рядах представителей как партийных органов, так и уполномоченных в центре на местах. Не все уполномоченные рьяно выполняли инструкции Отдела пропаганды. Были те люди, которые не всегда докладывали наверх «все факты нарушения законодательства о культах», лояльно относились к деятельности Церкви, находили компромисс с духовенством в рамках действующего законодательства, где-то даже закрывали глаза на деятельность священника, не совсем соответствующую «законодательству о культах».

Само наличие пусть даже бездействующей Церкви своим присутствием уже внушало властям опасение, связанное с желанием людей возобновить ее и служение в ней. Люди ходатайствовали об открытии бездействующих церквей. Уполномоченный просит церкви, подлежащие разборке, срочно оформить по документам, сломать и разобрать, все другие пустующие использовать для производственных и культурно-бытовых нужд: мастерские, клубы, школы, здравпункты и др., так как они своим присутствием побуждают верующих обращаться об их передаче. В Совет по делам РПЦ поступали тысячи ходатайств об открытии Церквей. Властью была отработана специальная «технология» отклонения ходатайств в целях закрытия православных обществ, в которые включалось запугивание инициаторов, их дискредитация. Но люди искали различные мотивы и методы, и не только не прекращали своих ходатайств об открытии храмов, но нанимали людей, «вхожих в структуры уполномоченного и министерства» в Москве, людей, сведущих в написании просьб и ходатайств в различные структуры, вплоть до зарубежных. И хотя на пике гонений с 1961 по 1963 гг. количество прошений значительно уменьшилось, с отставкой Н. Хрущева и ослаблением давления на Церковь, оно опять стало увеличиваться. Так, в Рязанской области в 1957 году было подано 76 прошений, в 1963 – 10, в 1965 уже 19 [7, с. 102–105].

Вместе с тем, несмотря на титанические усилия, потраченные на распространение атеистической пропаганды, административным мерам по закрытию храмов, разложению церковной организации изнутри посредством влияния на членов двадцаток, цель поставленная творцами приходской реформы из Отдела пропаганды ЦК КПСС не достигла своих результатов. Главный просчет организаторов реформы состоял в том, что партийные идеологи не поняли истину, которая гласит, что Церковь Богочеловека держится не только на юридических нормах, но законами, написанными в сердцах (Иерем. 31:33).

В своем докладе председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов признал факты администрирования в отношении Церкви и привел цитату М.И. Калинина о том, что борьба с религией не только не способствует ее ликвидации, а лишь укрепляет людей в вере [9, с. 150, 154, 210]. О масштабах недовольства проводимой правительством антирелигиозной политики соответствующим отделом КГБ была подготовлена записка «Об отрицательных последствиях антирелигиозной компании». По записке в ЦК состоялось совещание, рассмотревшее вопрос «об административных перегибах в отношении религиозных объединений и верующих, допускаемых местными органами». Буквально через месяц после смещения Хрущева 10 ноября 1964 года было принято постановление

ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в январе 1965 года, по представлению Верховного суда, Верховный Совет СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Согласно постановлению, большинство из незаконно осужденных верующих было реабилитировано, освобождено, возвращено из ссылок и поселений. Все это свидетельства того, что реформа приходского управления, принятая на Архиерейском соборе 1961 года под давлением власти не достигла тех целей, которые возлагались на нее. Благодаря самоотверженному сопротивлению на всех уровнях: от руководства Церкви и до прихожан, не была нарушена духовная и иерархическая связь пастырей и паствы, при всем воздействии пропаганды и факторов, способствующих ликвидации приходских организаций, в Церковь пришли новые кадры и люди. Со времени нормализации церковно-государственных отношений стало возможным принятие нового Устава управления приходом на Поместном Соборе РПЦ в 1988 году (7 гл.) и доработка их в поправках принятых на Архиерейском соборе 1989 года (9 гл.), которые соответствовали духу и каноническому устройству Церкви.

Таким образом, реформа 1961 года, призванная разрушить церковную общину – приход, не достигла своей цели, была нежизнеспособна, верующие смогли найти те формы противодействия и сопротивления «антицерковной» реформе, благодаря которым она со временем прекратила свое существование.

Библиографический список

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви «Арефа», 2008. – 352 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. р.6991. – Оп. 2. – Д. 136.
3. Государственный архив костромской области (ГАКО). Ф. р-2002. – Оп. 5. – Д. 38.
4. ГАКО. – Ф. р-2102. – Оп. 5. – Д. 51.
5. Государственный архив Ярославской области. (ГАЯО). – Ф. р-1033. – Оп. 1. – Д. 40.
6. ГАЯО. – Ф. р-1033. – Оп. 1. – Д. 50.
7. Гераськин Ю.В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х–70-е годы XX века): монография. – Рязань, 2007. – 272с.
8. Зегжда С.А. Митрополит Иоанн (Вендланд) Биографический очерк. 1909–1989. – Ярославль: Изд. Ярославская епархия, 2009. – 175 с.
9. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. – М.: Политиздат, 1981. – 265 с.
10. Протоиерей Борис Старк. Вся моя жизнь – чудо... Воспоминания и проповеди. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. – 800 с.

11. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. – СПб., 2007. – 640 с.

12. Свенцицкий В. Невидимые нити. Церковь, события, люди. – М.: Московская Патриархия, 2009. – 432 с.

13. Се Аз с вами // ЖМП. – 1960. – № 7. – С. 25–27.

14. Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о московских духовных школах: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 2005. – 639 с.

15. Федотов А. А. Русская Православная Цер-

ковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2009. – 402 с.

16. Фуров В. Отчет Совета по делам религий членам Центрального Комитета коммунистической партии СССР. – Нью-Йорк; Монреаль: Издание братства преп. Иова Почаевского, 1991. – 86 с.

17. Цыпин Вл., прот. История Русской Церкви. 1917–1997.

УДК 94(470)"19..."

Зиганшин Давид Михайлович

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
david130880@mail.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И УЛУЧШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТЕКЛОДЕЛОВ В 60-е – 80-е ГОДЫ XX ВЕКА

После Великой Отечественной войны заботу о рабочих стекольных заводов и их детях взяли на себя Советы, дирекции заводов, партийные и профсоюзные организации. Администрацией стекольных заводов принимались меры для регулярного обеспечения рабочих хлебом. В школах при стекольных заводах регулярно проводились воскресники, на которых учащиеся занимались ремонтом вещей. Автор статьи на примерах показывает, как советские граждане самоотверженно взялись за восстановление разрушенного хозяйства.

Особую заботу о рабочих и их семьях проявляли профсоюзные организации, которые обеспечивали расходы по содержанию детей в детских яслях и садах, направляли рабочих в санатории и дома отдыха.

Строительство домов культуры, организация выставок, устройство летних эстрад, проведение различных занятий в форме кружков способствовали организации правильного досуга населения, занятию молодежи, развитию подрастающего поколения.

В работе отмечается важная роль социалистического соревнования, сыгравшего большую роль в нравственном воспитании рабочих. Рабочие и инженерно-технические работники стекольной промышленности воспитывались коллективистами, постоянно повышали уровень своей общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки, упорно стремились к высотам гармоничного развития.

Ключевые слова: рабочие-стеклоделы, профсоюзные организации, социалистическое соревнование, нравственное воспитание рабочих, послевоенное восстановление страны.

Для повышения общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки кадров в советские годы использовались средние и высшие учебные заведения, наставничество, объединение новаторов, рационализаторов, передовиков производства, инженеров и техников.

Война, организованная империалистами, сделала обездоленными и нищими миллионы вдов, матерей, их детей, стариков, инвалидов. Советы помогали им материально, выплачивая пенсии и пособия, обеспечивая в городах и фабрично-заводских поселках продуктами первой необходимости, по карточной системе выдавали ткань, обувь, предоставляли транспорт для перевозки сена и дров, ремонтировали квартиры. Для оказания помощи семьям погибших на фронте военнослужащих коллективы стекольных заводов периодически работали и в выходные дни, а средства передавали переживавшим утрату самых близких родных – отцов, мужей, братьев [11, л. 1].

Заботу о рабочих и детях взяли на себя Советы, дирекции заводов, партийные и профсоюзные

организации. С отменой в 1947 г. карточной системы улучшилось обеспечение населения хлебом, но перед администрацией и общественными организациями стояла задача наладить в Иванищах свое хлебопечение. Неклюдовское сельпо не всегда завозило в поселок керосин, соль, спички, папиросы, муку, крупы, сахар. После обсуждения этой проблемы на собрании рабочих положение изменилось к лучшему [13, л. 26, 33].

25 апреля 1947 на собрании в Анопине обсуждали постановление Февральского Пленума ЦК ВКП (б) о подъеме сельского хозяйства. С докладом выступил директор завода А.С. Блюденков. В соответствии с этим постановлением профсоюзная организация по традиции 30-х годов взяла шефство над колхозами, Николопольским сельским Советом [12, л. 28]. Подсобное хозяйство завода в первые послевоенные годы оставалось нерентабельным. Земли, как и в 30-е годы, оставалось немного – 5 га, каждый год ее засевали, но картофеля и овощей получали мало [11, л. 12].

Придавая большое значение развитию сельского хозяйства, коллектив Иванищевского за-

вода 8 апреля 1948 г. на период весенней посевной и уборочных кампаний в подшефные колхозы Николопольского сельского совета направил Д.А. Болткова, А.В. Гаврилова, П.С. Горюшина, Л.П. Зубаркину, С.И. Иванову, А.М. Михайлова, В.А. Обухова, В.Е. Протасову, В.М. Солодовщикова, М. Столетову. В тот же день рабочие заслушали доклад М.С. Толстой о работе общественных организаций [12, л. 9].

Все дети школьного возраста обучались в школе. Проблемы школы решались при постоянной поддержке дирекции, завкомов и местных Советов. Председатели поселковых Советов и директора школ организовывали воскресники, во время которых рабочие и молодежь, родители и школьники ремонтировали школьные здания и мебель, подвозили дрова. Такие воскресники стали традиционными.

Старики, женщины и дети, перенесшие все трудности военного времени, взяли за восстановление народного хозяйства. Советские люди понимали, что только самоотверженным трудом можно создать обеспеченную жизнь. В общественной жизни Анопина активно участвовали А.С. Блюденев, Е.И. Годунова, Г.Н. Иванов, Д.И. Клегг, И.П. Обухов, П.А. Шестаков, Ф.А. Шестаков. В идеологической, политической и организационной работе верными помощниками коммунистов были 96 комсомольцев [14, л. 46; 15, л. 1, 6, 20, 27, 28].

В культурной жизни анопинцев появились изменения к лучшему: в декабре 1946 г. получили новый киноаппарат и начали демонстрировать художественные фильмы. Установка стационарного киноаппарата позволила регулярно демонстрировать не только художественные, но и научно-популярные и документальные кинофильмы. Участники художественной самодеятельности выступали с концертами не только в Анопине, но и в подшефных колхозах. Молодежь могла пользоваться вновь открытой библиотекой, в которой имелось более 500 томов художественной литературы. В свободное время, особенно в выходные дни, молодежь занималась в спортивном обществе «Пламя». Комсомольцы помогали депутатам Советов выполнять их функции.

В первые послевоенные годы в Великодворском поселковом Совете добросовестно трудились ветераны труда А.В. Веселова, Н.В. Волков, М.К. Гачурина, М.К. Гундлах, В.В. Косолапов, А.В. Кульков, А.Ф. Петровская, Т.С. Почерникова (председатель), И.Т. Савинов, В.А. Сарафанова, И.И. Смелов, Е.К. Стрекалкина, А.В. Шмыгов, К.П. Шмыгова, Л.А. Чигорина, Т.Б. Ястребова. Учителя и медицинские работники, домохозяйки и пенсионеры имели большой опыт советской работы, заботились о детях и женщинах, пенсионерах и больных, ветеранах труда и Великой Отечественной войны.

Для них общественная работа на благо тружеников поселка стала моральной потребностью.

Особую заботу профсоюзные организации проявляли о детях. Детский сад Гусевского хрустального завода мог вместить 150 детей, но, из-за снижения рождаемости в годы войны, в 1947 г. в нем воспитывалось только 110 детей. Стоимость содержания одного ребенка составляла 3812 рублей в год [19, л. 40]. Все расходы по содержанию детей в детских яслях и садах обеспечивали профсоюзные организации.

Ежегодно профсоюзные организации стекольных заводов направляли рабочих в санатории и дома отдыха. Дети рабочих летом отдыхали в пионерском лагере на Гусь-речке. Учащиеся школ выезжали в летний спортивно-оздоровительный лагерь на реке Оке. В 50-х – 60-х годах дети воспитывались бесплатно в детских яслях и в детских садах. В поселках население было полностью обеспечено детскими учреждениями, находившимися на балансе поселковых Советов.

Основные поступления денег в Государственный банк были от реализации готовой продукции внутри страны и в зарубежных странах. Для восстановления народного хозяйства использовались денежные средства сберегательных касс. После денежной реформы 1947 г. стабилизировался курс рубля. Важным источником денежных средств оставались государственные займы. После войны анопинцы регулярно подписывались на государственные займы. 27 апреля 1949 г. в Анопине активисты постановили: «...всем коммунистам и комсомольцам подписаться не ниже своего месячного заработка» на государственный займ восстановления и развития народного хозяйства. Плановое задание анопинцы выполнили.

В Иванищах в 1949 г. проведена подписка на заем с превышением общей зарплаты по заводу. «Активисты проявили авангардную роль, превысив положенную сумму, а в особенности на трудном участке – сезонных рабочих торфопредприятия» [18, л. 8], – констатировалось в постановлении собрания 31 января 1949 г. Учитывая трудности материальной жизни людей, активисты выполнили долг перед Родиной, обеспечили подписку на государственный заем.

В первые годы после войны мастера гуты в Иванищах работали без воздушного охлаждения у огнедышащей печи. В цехе не было сетураторной установки, рабочие пили некипяченую воду, работали без спецодежды и спецобуви (обувью обеспечивались лишь на 10%), спецмыла, душевой установки. Не было алундовых колес для обработки стеклопродукции. Из-за необеспеченности сырьем, материалами периодически возникали перебои в работе. Собирали напаятники, известковые камни, варили стекло, качество которого ухудшалось [16, л. 30, 31; 17, л. 33 об.].

Для улучшения условий труда в 1950 г. построили охлаждение рабочих мест в цехе выработки, построили душ, огородили приводы, облегчили подачу торфа на газогенератор. По предложению директора завода Р.Ф. Арсиенко подведено воздушное дутье под колосниковые решетки газогенераторов. Завод получил средства на строительство новой гуты [13, л. 26, 27, 32].

С начала 1950 г. в Иванищах началось оживление в работе клуба, действовали драматический, музыкальный, хоровой, физкультурный кружки. В хоровом кружке участвовало 60 человек, в том числе и пожилые рабочие. Члены хора выезжали в подшефные колхозы с концертами. При активном участии коллектива художественной самодеятельности, в состав которого входило более 140 человек, за год поставлено 12 спектаклей, 6 концертов. В клубе проведено более 100 киносеансов.

В Иванищах стали обслуживаться читатели: в библиотеку завком приобрел 400 книг, книжный фонд составил 1610 томов. Число читателей достигло 260 человек [13, л. 1, 6, 8]. О росте культуры великодворцев свидетельствовало увеличение читателей до 760 человек. К их услугам в библиотеке при клубе в 1953 г. имелось 1,5 тыс. томов политической, научно-технической и художественной литературы, в 1967 г. – более 10 тыс. томов. Для учащихся хорошо укомплектована книгами библиотека в школе. Ежедневно великодворцы в 1957 г. получали 636 газет, в 1960 г. – 848, а в 1967 г. – 1416. В 1960 г. они получали журналов 622, в 1967 г. – 1203. Следовательно, к 60-м годам XX в. радио, телевидение, книги, газеты, журналы и спорт прочно вошли в повседневную жизнь каждой семьи рабочего поселка Великодворье [9, л. 73]. В первичной организации «Знание» работали на общественных началах учителя, врачи, инженерно-технические работники завода и горно-обогатительного комбината. Они ежегодно проводили сотни лекций, бесед, диспутов, вечеров вопросов и ответов в рабочем поселке Великодворье и в соседних колхозах.

Дома в поселке в годы войны и послевоенные годы стояли без присмотра хозяев, ушедших и не вернувшихся с фронта, а ремонтировать было некому, да и некогда. Только летом 1950 г. впервые начали строить два деревянных дома. За лето и осень капитально отремонтировано 9 домов, провели текущий ремонт 45 квартир. Кирпичный завод начал действовать, но качество кирпичей было ниже среднего [4, л. 43; 5, л. 31, 32, 33; 6, л. 27].

Радиоузел в полной мере не был обеспечен электроэнергией, потому что завод не имел ее в достаточном количестве. 31 августа 1949 г. заводоуправление решило заняться электроосвещением поселка [4, л. 32]. В Иванищах постоянно не хватало электроэнергии для завода и поселка. 25 января 1950 профсоюзная организация решила завершить электрификацию поселка к 5 февраля [5, л. 9].

По решению поселкового Совета, с января 1950 г. в Иванищах действовали больница на 5 стационарных коек и зубной кабинет [5, л. 9]. О здоровье великодворцев и колхозников сел Великодворье, Парахино, деревень Астахово, Залесье, Маевка, Малышкино, Мордвиново, Ново-Мальцево, Харламово беспокоились два врача, 19 человек среднего медицинского персонала и столько же младшего медицинского персонала. Заслуженный врач РСФСР А.Ф. Петровская и врач В.В. Ферапонтова вместе со средним и младшим медицинским персоналом вели большую санитарно-профилактическую работу. В больнице имелось 50 больничных коек. Рядом с ней находились родильный дом и аптека. В амбулатории были оборудованы новейшей медицинской аппаратурой рентгенкабинет и физиокабинет [1, с. 144]. Созданы все условия для работы врачей – педиатра, рентгенолога, хирурга, зубного техника и протезиста.

Большим праздником для анопинцев стала 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Радовались они успехам в выполнении производственного плана. Впервые за послевоенные годы построили 24-квартирный дом. Своими силами подвели водопровод к бане. Десятками воскресников навели чистоту и порядок на территории завода.

В Анопинской профсоюзной организации произошли большие изменения в образовательном уровне членов: в 1950 г. высшее образование имели 3 человека, среднее – 26, 52 – низшее. Их деятельностью руководили активисты А.С. Блюденев, Е.И. Годунова, Г.Н. Иванов, Д.И. Клеги, И.П. Обухов, П.А. Шестакова, Ф.И. Шестаков.

Весело проводили свое свободное время великодворцы. Вместо сгоревшего в 1949 г. деревянного клуба в тенистом саду в 1957 г. был построен Дом культуры имени В.И. Ленина с залом на 350 мест. К 50-летию Советской власти установлена стационарная широкоэкранный киноустановка. В Доме культуры энтузиасты создали музей трудовой славы. На шести стендах представлена история и культура великодворцев за XIX–XX века. С этой целью совет библиотеки во главе с заведующей Р.М. Хлебниковой собрали старинные фотографии, перефотографировали их, использовали негативы, найденные в доме старого фотографа П.И. Юркова.

Дореволюционный период представлен на двух стендах. Кроме фотографий, в музее экспонируются предметы домашнего обихода из стекла ручной выделки, прессованные плитки, сделанные в 1912 г. из цветного стекла; орудия производства – тесалка, пояс, на который пристегивался мастер, чтобы не упасть в «канавку»; колпак от «халявы» – цилиндра, который выдувал мастер [10, л. 20; 20, л. 61]. Большинство стендов посвящены победе Великой Октябрьской социалистической революции,

деятельности общественных организаций в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны, восстановительному периоду. Наиболее ярко представлена на пяти стендах жизнь великодворцев во второй половине XX столетия. К 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне оформлены альбомы с фотографиями великодворцев, погибших на фронтах, собраны газетные материалы об участниках боев, ветеранах войны и труда.

Ветераны труда, активисты клуба, создавая музей, использовали материалы книги Г.П. Аннина «Великодворье. Очерки истории Великодворской партийной организации стекольного завода имени А.А. Зудова и горно-обогатительного комбината». Если раньше из Большой Советской энциклопедии [2, с. 330] о Великодворье можно было узнать из трех строк только названия предприятий, то с изданием книг историка Г.П. Аннина и созданием музея трудовой славы великодворцы получили полное представление по истории рабочего поселка и стекольного завода.

Обновление Дома культуры произведено в начале 90-х годов кооперативным строительно-отделочным предприятием «Мастер» во главе с И.К. Свечиновым. Отделанные белым туфом фойе, зрительный зал и библиотека радуют посетителей. Дом культуры украшают картины учителя средней школы А.Ф. Борисова, безвозмездно подаренные землякам [21]. Рядом с Домом культуры построена летняя эстрада, на которой летом выступают лучшие гармонисты области, звучит музыка духовых и струнных оркестров, поют песни, танцуют и пляшут участники художественной самодеятельности поселка, соседних заводских поселков, сел и деревень Гусь-Хрустального района.

Ежегодно в клубе в торжественной обстановке юношам и девушкам вручали паспорта и аттестаты об окончании средней школы, организовывались проводы призывников в армию и встречи со старейшими коммунистами и первыми комсомольцами. В кружках художественной самодеятельности участвовало 70 человек. Хорошо работали два драматических, струнный, духовой, хоровой и танцевальный кружки. В Доме культуры часто самодеятельные артисты ставили пьесы А.Н. Островского («Бедность не порок», «Гроза»), А.М. Горького («На дне»), В. Гусева («Слава»), В. Розова («В добрый час») и др. Великодворцы навсегда запомнили героев пьес такими, какими их роли исполняли самодеятельные артисты А.М. Бачурин, О.А. Березкина, П.Е. Большаков, Н.А. Гундлах, В.Н. Дубровин, Г.И. Калмыкова, А.В. Лебедев, С.И. Протасов, А.А. Тюменева. В 40-х – 60-х годах на сцене выступали великодворские артисты Н.А. Гундлах, Л.В. Дубинина, А.Т. Калагин, А.Д. Кудрявцев, А.С. Марков, В.А. Осминин, Л.А. Смирнова, Л.А. Сухова, И.М. Хлебников, Л.В. Хлебнико-

ва, В.М. Чернышев, Б.И. Шмыгов, В.В. Эйхгорн, Ю.А. Ястребов. Много десятилетий был известен во Владимирском крае Великодворский оркестр народных инструментов. Свои таланты в нем проявили Е.И. Дунаев, В.Г. Кульков, Н.А. Кульков, С.М. Макаров, В.В. Савинов, В.В. Сафонов, В.И. Федулов. В духовом оркестре многие годы играли А.С. Марков, А.Д. Мельников, Г.И. Сучкоусов, А.Ф. Тихомиров, В.Е. Харламов, А.И. Язев. Со сцены клуба звучали в исполнении хора, солистов В.П. Тряпкина и И.М. Хлебникова песни о правде людей труда, об их моральной близости, об их человеческой красоте, о великих свершениях советского народа, о светлом зоре счастливых людей в прекрасное будущее. Пели и танцевали на сцене клуба учащиеся средней и восьмилетней школ. Участники художественной самодеятельности часто выезжали с концертами в соседние колхозы «Победа», «Россия». На сцене Дома культуры выступали артисты Москвы, Владимира, Рязани.

Художественной самодеятельностью в 80-х годах руководили А.И. Быков, А.Б. Винтер, И. Калмыков, Н. Мацук, А.Д. Мельников, С.Б. Сучкоусов. Жемчужиной поселка многие десятилетия называли великодворский оркестр народных инструментов. В духовом оркестре в Доме культуры проявили себя как вдохновенные музыканты ветераны В. Запруднов, В. Круглов, А. Мельников, Л. Остроумов, А. Рогожин.

В Доме культуры в середине 60-х годов действовали кружки художественной самодеятельности, в которых занимались 10 человек в духовом, 25 – в двух музыкальных, 30 – в двух драматических, шесть – в танцевальном. В 1981 г. в хоровом кружке занималось 40 человек, в шести музыкальных – 68, в танцевальном – 15. В четырех кружках для детей в 1965 г. участвовало 80 человек, в том числе в трех кружках художественной самодеятельности – 55, в техническом – 25. В 1981 г. в четырех кружках художественной самодеятельности занимался 41 человек, в техническом – 9. Для детей в Доме культуры проводили дни поэзии, детские утренники, вечера сказок, беседы о странах социализма, СССР, героях художественных произведений. Каждый месяц для них демонстрировалось по 2–3 научно-популярных и 25 художественных фильмов.

Работники Дома культуры и библиотеки участвовали в смотрах, посвященных юбилейным датам Советского государства и народным форумам. Среди подобных коллективов района они занимали призовые места. Вся работа в Доме культуры, в библиотеке направлялась на улучшение эстетического и нравственного воспитания великодворцев. В Доме культуры проводились вечера отдыха, лекции и беседы, концерты, оформлялись книжные выставки. Праздничными были вечера чествования передовиков производства, встречи с ветера-

нами труда, участниками Великой Отечественной войны.

В 70-х – 80-х годах комсомольцы проводили субботники, развлекательные вечера – «огоньки», активно участвовали в художественной самодеятельности, в эстрадных концертах, в драматическом кружке, в вокально-инструментальном ансамбле. В проведении советских праздников, обрядов, спортивно-массовых мероприятий ведущим выступал секретарь комсомольской организации инженер А.И. Протасов.

Огромное влияние на формирование нравственного мира человека оказывали литература и музыка. В Доме культуры проводились вечера отдыха молодежи, чествование победителей социалистического соревнования, ветеранов труда, передовиков производства. В Доме культуры лучшие лекторы читали лекции и проводили беседы о международном положении, о Великой Отечественной войне, о космосе. Правление клуба занималось эстетическим воспитанием молодежи, проводило смотры-конкурсы чтецов, концерты художественной самодеятельности, первомайский и октябрьский балы, вечера танцев. Лучшие производственники собирались на торжественные вечера победителей социалистического соревнования. Весело провожали зиму, проводили праздники «русской березки». Организаторами всех этих интересных встреч были председатель завкома профсоюза А.Н. Горячева, заведующий клубом Ю.А. Ястребов.

При библиотеке функционировал клуб «Атеист». Лекции и беседы в нем организовывал Совет по атеистическому воспитанию. В совете работали на общественных началах коммунисты: старший мастер цеха варки и выработки стекла А.Н. Горячева, пенсионерка Л.А. Чигорина, старший инженер по охране труда и технике безопасности С.С. Чигорин, а также комсомолец – машинист стеклоформирующих машин Д.С. Фокин.

Энтузиасты создали клуб по интересам «Сердце на ладони». В клубе проводились викторины, диспуты, литературные вечера, в которых участвовали учителя и старшеклассники. Драматическим кружком руководила Т.И. Кузина, танцевальным – О.Ю. Лабутова. Дети участвовали в спектаклях, концертах, в проведении праздничных вечеров. Библиотека в Доме культуры в районном соревновании часто занимала призовые места среди профсоюзных библиотек. Такому успеху способствовала добросовестная работа библиотекарей Р.М. Хлебниковой и К.И. Егоровой. Успешную работу клуба обеспечивала киномеханик А.П. Кудряшова.

Один из старейших великодворских активистов Я.И. Лебедев накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции писал в своих воспоминаниях о том, что о рабочих-стекольщиках Великодворского завода, о лучших людях – рабо-

чих, энтузиастах завода можно и нужно говорить много, так как они внесли большой вклад в общее дело завоевания и укрепления своей родной Советской власти.

История говорит о том, что на всех трудных этапах существования Советской власти рабочие завода всегда без колебаний шли за партией, зная которой вдохновляло их на преодоление многих трудностей в жизни и освещало путь к победе [3, л. 1]. Ветераны социалистической революции и труда часто приходили в школы, рассказывали детям о борьбе рабочего класса и трудящегося крестьянства за победу социализма. Учащиеся на всю жизнь запомнили выступления ветеранов П.М. Куркиной, Я.И. Лебедева, Г.Д. Соловьева, А.Е. Рогожина, ветерана стекольного производства В.И. Баранова, А.Г. Викулова, И.А. Крылова, Н.И. Кулькова, А.С. Маркова, В.М. Удалова, С.С. Шмыгова [3, л. 10, 14; 7, л. 47; 8, л. 22–23, 25, 60, 70, 81, 95, 100, 108, 109]. Школьники хорошо знают самых первых великодворских пионеров, у которых теперь выросли внуки и правнуки: Антонину Большакову, Анастасию Быкову, Надежду Быкову, Глафиру Горячеву, Людмилу Горячеву, Любовь Лебедеву, Серафиму Любимову, Людмилу Рогожину, Галину Рыжкову, Веру Федулову.

Советская власть преобразила жизнь всех рабочих. Так, до революции в семье мастера стекла Егора Горячева было 6 сыновей и 3 дочери. Сыновья стали стеклодувами, но никто из них не получил образования. Социалистическая революция осветила ярким светом путь трудовому человеку. Например, у одного из сыновей Егора Горячева – Якова Егоровича – все десять детей получили высшее и среднее образование. Четверо из них окончили институты, трое стали офицерами Советской Армии, двое погибли на фронтах Отечественной войны, остальные получили среднее образование.

В семье Ирины Платоновны и Ивана Евлампиевича Романовых дети получили хорошее воспитание. Николай стал офицером Советской Армии, Зоя окончила Московский педагогический институт – работала учительницей, Лев окончил Гусевский стекольный техникум – работал инженером-методистом на Великодворском стекольном заводе.

У каждого великодворца есть желание творчески расти, делать добро, познать свою человеческую сущность. В культуре они видят радость изучения, деятельности, активной вовлеченности в творческий процесс. Великодворцы добиваются высокого уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки, стремятся достигнуть больших высот культуры.

Наряду с экономическими функциями возросла социальная роль социалистического соревнования, повышалось его значение в нравственном воспитании рабочих, выработке у них чувства заботливых хозяев страны. При подведении итогов

соревнования и определении его победителей важное место заняли вопросы трудовой, производственной дисциплины, различные формы воспитательной работы, в том числе состояние подготовки и переподготовки кадров, развитие наставничества, новаторства, рационализаторской деятельности, профессионального мастерства, деловитости, устремленности к научно-техническому творчеству. Рабочие и инженерно-технические работники стекольной промышленности воспитывались коллективистами, постоянно повышали уровень своей общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки, упорно стремились к высотам гармоничного развития.

Библиографический список

1. Аннин Г.П. История Великодворского стекольного завода. – Владимир, 2005. – 444 с.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова, Н.К. Байбакова, А.А. Благонравова. – М.: Советская Энциклопедия; изд. 3-е,

- испр., перераб., расшир. и доп. – Т. 7.
3. ГАВО. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 459.
  4. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 13.
  5. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 15.
  6. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 16.
  7. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 36.
  8. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 42.
  9. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 53.
  10. ГАВО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 59.
  11. ГАВО. – Ф. 2344. – Оп. 1. – Д. 10.
  12. ГАВО. – Ф. 2344. – Оп. 1. – Д. 11.
  13. ГАВО. – Ф. 2344. – Оп. 1. – Д. 16.
  14. ГАВО. – Ф. 2344. – Оп. 1. – Д. 52.
  15. ГАВО. – Ф. 2344. – Оп. 1. – Д. 53.
  16. ГАВО. – Ф. 3907. – Оп. 1. – Д. 11.
  17. ГАВО. – Ф. 3907. – Оп. 1. – Д. 12.
  18. ГАВО. – Ф. 3907. – Оп. 1. – Д. 13.
  19. ГАВО. – Ф. 3907. – Оп. 1. – Д. 65.
  20. ГАВО. – Ф. 3974. – Оп. 1. – Д. 44.
  21. Призыв. – 1992. – 14 июля.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО США И СССР В ХОДЕ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ (1980–1988)

В статье кратко раскрываются причины и ход Ирано-иракской войны, характеризуется эволюция интересов Советского Союза, Соединённых Штатов, Иракской и Иранской Республик в регионе Ближнего и Среднего Востока в период 1980-х годов, а также их многосторонние политические взаимосвязи. Начиная с 1979 г. США воспринимали регион Персидского залива как сферу своих «жизненно важных интересов», сохраняя заинтересованность в поддержке здесь выгодного им статус-кво с помощью Саудовской Аравии. До того момента Ирак, в отличие от Ирана, не занимал значимого места во внешнеполитическом курсе Вашингтона по причине отсутствия острой необходимости в нём как в партнёре и союзнике. Аргументируется тезис о том, что Ирано-иракская война негативно отразилась на позициях СССР в Западной Азии и мире в целом, «сыграв на руку» США, руководство которых смогло использовать существовавшие между сторонами противоречия. Иран активно реализовывал политику «экспорта исламской революции», закрыв своё общество как от США, так и от СССР; Ирак же, наоборот, проводил курс на сближение с обеими сторонами. В условиях продолжения «холодной войны» СССР был поставлен перед необходимостью маневрировать на международной арене. Мирные инициативы советской стороны по урегулированию конфликта политическим путём были отвергнуты, тем не менее именно благодаря позиции Москвы страны согласились с подписанием резолюции СБ ООН о прекращении огня.

Ключевые слова: СССР, США, Исламская Республика Иран, Иракская Республика, геополитика, противостояние.

Истоки «холодной войны», как и закономерности её течения в разных частях мира, продолжают привлекать внимание политических и экспертных кругов многих стран. Одним из ключевых регионов, в котором «холодная война» СССР и США постоянно угрожала превратиться в «горячую», был Ближний Восток. При этом на сегодняшний день проблема отношений сверхдержав в связи с событиями Ирано-иракской войны, выступившей одним из важнейших событий мировой истории новейшего периода, в историографии освещена слабо. Итак, целью данной статьи является анализ геостратегического противоборства Вашингтона и Москвы в ходе указанного конфликта.

Сферой интересов любой великой державы является весь мир, однако регион Персидского залива, к которому ныне приковано внимание всего мира, «зоной жизненных интересов» США был провозглашён лишь в доктрине Картера, выступив реакцией на установление советского военного присутствия в Афганистане и Исламскую революцию в Иране 1979 г. 23 января 1980 г. президент Дж. Картер заявил, что не остановится перед использованием военной силы в регионе Персидского залива для защиты американских интересов [2]. Доктрина была изображена как ответ на советские действия, что не соответствовало действительности: между Ираком и Ираном росло напряжение, и американский президент ясно дал понять, что Советский Союз не должен в него вмешиваться. Кроме того, действия Москвы были скованы афганскими событиями, развязавшими Соединённым Штатам, таким образом, руки в отношении Персидского залива. Збигнев Бжезинский по этому поводу заявил о том, что в дела Афганистана Советский Союз был втянут целенаправленными усилиями

ЦРУ и администрации Картера [3]. Итак, после того как провал попыток манипулировать революционными событиями в Иране стал очевидным, высокопоставленные должностные лица из круга администрации Картера приступили к подогреву его многовекового конфликта с соседним арабским регионом (представленным в данном случае Ираком); при этом вовлечённость Москвы в афганские события должна была препятствовать её участию в делах Исламской Республики Иран. До тех пор пока СССР был занят в Афганистане, администрация США оставалась свободной для сраживания между собой Ирака и Ирана – основных военных сил Ближнего Востока.

Следует кратко охарактеризовать геополитическое значение данного региона. Турция, Ирак, Иран и Афганистан располагаются в области, называемой американскими стратегами восточным «Northern Tier» (по аналогии с самым северным районом США, расположенным на границе с Канадой). Эта азиатская область рассматривалась ими как «санитарный кордон», отделявший Советский Союз от прорыва к Персидскому заливу и граничивший с наиболее чувствительной его областью – исламским «южным подбрюшьем». Естественным образом, данная область превратилась в поле дипломатической игры, элементами которой была экспансия, сдерживание и проникновение. Баланс сил в этом отношении имел весьма важное значение.

Одна страна данного региона имела по сравнению с другими наибольшее для такого баланса значение – Иран. Советский контроль над ним автоматически означал бы прямой доступ к Персидскому заливу, в такой же мере, как и американо-британский контроль над иранской территорией означал возможность давления на чувствительные южные границы Советского Союза. Со времён так назы-

ваемой «Большой игры» между Великобританией и царской Россией здесь сохранялся статус-кво, и Иран оставался зоной военного буфера. При этом союзничество Тегерана и Вашингтона, длившееся до 1979 г., одновременно предполагало для первого ограничения на развитие двусторонних отношений с Москвой.

Одним из следствий Исламской революции был односторонний разрыв Ираном своего военного союза с Соединёнными Штатами, что последними было расценено как геостратегическая победа Советского Союза. Хотя Кремль и был обеспокоен радикальной идеологией нового Тегерана, он всё же испытал облегчение от прекращения американо-иранского партнёрства. Тем не менее состояние недоверия между Москвой и Тегераном по-прежнему сохранялось. Американцы не могли организовать военное вмешательство в дела Исламской Республики с целью получения контроля над её нефтяными месторождениями, потому подписание двустороннего договора между Ираном и СССР позволило бы последнему вмешиваться в дела южного соседа в том случае, если вторгнувшиеся в него силы третьей стороны были бы восприняты как угроза советской безопасности. Соответственно, любое американское вторжение в Иран, вблизи собственных границ, могло быть расценено как прямой вызов.

Подобная логика сделала Ирак (ещё одного союзника СССР) естественным союзником США против Ирана. Накануне Ирано-иракской войны между иракским и американским правительствами не существовало дипломатических отношений. Со времени антимонархической революции 1958 г., свергнувшей династию Хашимитов, Ирак оставался вне пределов англо-американской орбиты, а в 1967 г. прервал свои связи с Америкой окончательно. Более того, в 1972 г. СССР и Ирак подписали Договор о дружбе, который предусматривал крупные поставки советского оружия в эту наиболее независимо мыслящую страну арабского мира, ставшую реальной угрозой для США и союзного им Израиля [4, р. 669]. С учётом этого была разыграна очередная партия «геостратегических шахмат». По мнению Генри Киссинджера, Ирак был наиболее радикальной арабской страной, представлявшей в эпоху Никсона для американских интересов ощутимую опасность. Кроме того, США боялись, что, в том случае если Ирак не будет нейтрализован, Москва могла ускорить геостратегическое проникновение на Ближний Восток, одновременно укрепив своё влияние в Иране. Ситуация для США усложнялась и тем, что у власти в Кабуле также пребывало просоветское правительство, с которым в 1978 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. Подобная тактика могла быть одновременно целью и средством кремлёвской политики, направленной

на сохранение стабильности в советской Средней Азии. По словам Киссинджера, «Советский Союз... давил на Иран с помощью Афганистана и своего иракского клиента» [4, р. 675].

Характеризуя опасность, исходящую от Ирака, Киссинджер написал, что он «хотя строго говоря, и не советский саттелит, но в советском всеоружии Ирак будет служить целям Москвы, угрожая прозападным правительствам, прежде всего, Саудовской Аравии, оказывая, попутно, давление на Иорданию и даже Сирию, которая при своей радикальной идеологии совсем не является советской марионеткой» [4, р. 675]. Учитывая это, американцы и их британские союзники были намерены нейтрализовать независимый Ирак и исполненный революционного пыла Иран. Другой задачей США и Великобритании был возврат потерянных нефтяных месторождений обеих ближневосточных стран.

Вскоре после начала Ирано-иракской войны представители советского правительства провели с революционным правительством серию переговоров, в ходе которых были уведомлены, что Иран прекращает действие права Москвы на военное вмешательство во внутренние дела Республики, и, соответственно, региона Персидского залива, действовавшее в соответствии с Договором о дружбе, подписанном между РСФСР и Персией в 1921 году [6]. В качестве причины была указана смена политического режима в Иране. Данный договор был реализован во время Второй мировой войны, когда Кремль испытывал необходимость узаконить англо-советское вторжение в Иран. В соответствии с его 5 и 6 статьями, советским военным было юридически разрешено вмешиваться в иранские дела в том случае, если бы были обнаружены попытки приготовления к вооружённому нападению на СССР со стороны иностранной державы. Поэтому, в данном случае, Москва возражала против решения Тегерана, но предпринять решительных шагов не могла, поскольку увязла в Афганистане. В конце концов, Кремль молчаливо принял иранское решение.

Именно это соглашение удерживало США от вторжения в Иран; удерживал от вторжения данный договор также и англичан, которые ограничились международной блокадой, мешавшей Ирану торговать, в период, когда в 1951 г. правительством М. Моссадыка была национализирована иранская нефть. Впрочем, данный договор послужил также и одним из обоснований для создания Соединёнными Штатами сил быстрого развёртывания и получения для этого специального мандата в отношении Персидского залива. Вашингтон опасался, что Москва могла использовать американо-иранские военные связи в качестве предлога для вторжения в Иран и установления контроля над Персидским заливом. По существу, сразу после Исламской революции 1979 г. СССР отказался от этого договора,

аннулированного к тому же в одностороннем порядке Тегераном. При этом последнее произошло не только потому, что Иран перестал быть союзником Америки.

Подстрекательство войны между союзным Москве Ираком и Ираном имело для США цель эффективного препятствования любому потеплению советско-иранских отношений, поставившему бы англо-американские интересы на Ближнем Востоке под серьёзную угрозу и вызвавшему бы в Белом доме «геостратегический шок». «Южный край Азии – Иран, Пакистан, Афганистан – это регион мира, кажущийся американцам далёким и непонятным, но являющийся всё же стержнем безопасности в мире. В течение нескольких лет после моей поездки 1973 года, он стал ареной потрясений. События Иранской революции, советское вторжение в Афганистан и Ирано-иракская война усилили уязвимость Персидского залива – спасательного круга для поставок нефти Западу. Жизненно важное значение этого региона было одной из тем, которые я должен был обсудить с проницательными стратегическими аналитиками, которых я должен был посетить в скором времени – Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем», – именно так охарактеризовал ситуацию Киссинджер [4, p. 675].

Советский Союз, Ирак, Афганистан и, с 1979 г., Иран были полностью независимыми, в отношении Америки, государствами. По этой причине с 1980 г. американцы систематически создавали у границ советской Центральной Азии и Афганистана дугу нестабильности, проходящую через Иран и Ирак к Персидскому заливу, осложняя, таким образом, позиции указанных сторон для проникновения в Евразию. Частью американской «Большой игры» на Ближнем и Среднем Востоке было также использование всех четырёх стран для дестабилизации друг друга. В ретроспективе можно утверждать, что был подготовлен прочный грунт для будущих операций в этих регионах.

Оба участника кровопролитной Ирано-иракской войны были использованы в качестве «пешек»: курс американцев в отношении этих республик был, цитируя Киссинджера, нацелен на то, чтобы «позволить им убивать друг друга». При этом США пытались отдалить от победы обе стороны, оставляя их в военном тупике: у американского командования имелся план участия собственных ВВС в войне на стороне Ирака против Ирана, в случае если чаша весов склонилась бы в сторону последнего [7].

С момента нефтяного эмбарго представители американского политического и бизнес-истеблишмента осознавали, что в руках арабских руководителей находится мощное экономическое оружие. Впрочем, даже во время нефтяного кризиса правительство Саудовской Аравии оказывало Соединённым Штатам поддержку за счёт реинвестирования

в американскую экономику больших объёмов капитала. Киссинджер в своих мемуарах также подтвердил, что в 1982 г. Вашингтону удалось укрепить своё влияние на европейские и японскую экономики путём повышения цен на нефтяном рынке, тесно связанном с долларом США [4, p. 863]. При этом необходимо было учитывать и то, что рост цен на нефть мог быть использован в своих интересах и Советским Союзом – для интеграции хозяйств Восточного блока. Но Ирано-иракская война всё же сместила этот баланс в сторону США, которые ужесточили свой контроль над мировой экономикой.

В этой связи целесообразно вспомнить американского социолога Иммануила Валлерстайна, который отстаивает идею единой, но фрагментированной «мир-системы», элементы которой – страны мира – связаны сетью экономических отношений. Полезен этот тезис и для объяснения краха Советского Союза и Восточного блока. Можно утверждать, что Ирано-иракская война была одной из внешних причин распада СССР в силу его интегрированности в «мир-систему»: Советский Союз являл собой «энергетическую сверхдержаву», и с началом новой ближневосточной войны цена советской нефти выросла, не принеся, впрочем, Москве реальной пользы. В итоге, от роста цен на нефть пострадали её европейские союзники, в которых усиливались центристские тенденции, как следствие – католическая часть Восточного блока начала сотрудничество с западными банками по получению финансовой помощи для выхода из экономического шока, связанного с ростом цен на нефтепродукты. Кроме того, англо-американский альянс смог замедлить экономическое сближение Москвы с Парижем и Бонном.

Примечательно, что в том же году, когда Советский Союз отстранился от событий в Афганистане – в 1988 г., закончилась и Ирано-иракская война. Со второй половины 1980-х гг. СССР предпринимал усилия по стабилизации собственной экономики. При этом, несмотря на миролюбивую риторику и череду встреч президента Р. Рейгана с М. Горбачёвым, США продолжали уничтожать разрушенные экономики Ирака и Ирана, заставляя Саудовскую Аравию и арабские эмираты Персидского залива снижать цены на нефть, уменьшая, таким образом, доходы и в советский бюджет. Вследствие преднамеренных манипуляций американцев на мировых нефтяных рынках, Москва, Багдад и Тегеран несли огромные убытки. Вашингтон смог ловко «убить нескольких зайцев одним выстрелом».

В первые годы Ирано-иракской войны обе сверхдержавы пытались формально оставаться в стороне от конфликта. Однако как Соединённым Штатам, так и Советскому Союзу пришлось от нейтралитета отказаться, когда ими был сделан вывод о том, что война сплотила иранцев вокруг правительства

Хомейни и что его победа близка. Перейти к более решительным мерам Москву заставили объявление вне закона иранской народной партии Туде, следовавший за этим арест её лидеров и тысяч членов, а также высылка восемнадцати советских дипломатов. Как результат, в 1982 г. Москва возобновила поставки оружия Ираку, который оказался наводнён потоком советского оружия.

США также изменили свою позицию, восстановив с Ираком дипломатические отношения и передав ему в качестве кредита почти 2 млрд. долл., позволив также пользоваться американскими разведывательными данными. Интересы Вашингтона стали ещё более явными после того, как Иран начал угрожать перекрытием Ормузского пролива, вызвав панику на нефтяных рынках и фондовых биржах.

В 1984 г. началась «танкерная война», включавшая взаимные нападения на объекты нефтедобывающей промышленности и коммерческие суда, в том числе иранскую ракетную атаку против корабля ВМС США «Старк», в результате чего погибли тридцать семь членов экипажа. В конце концов, хождение гражданских кораблей в водах Персидского залива было взято под свою опеку обеими сверхдержавами и пятью другими европейскими флотами.

Между тем в ход событий вступил Израиль. Его правительство оправдывало своё решение продавать оружие Ирану утверждением, что подобная деятельность, в конечном итоге, будет служить американским интересам, поскольку оградит арабскую часть Персидского залива от установления гегемонии со стороны Саддама Хусейна. Риторика Тель-Авива имела огромное значение, поскольку под его влиянием группа чиновников из американского совета национальной безопасности приняла решение о продаже Ирану оружия и запчастей в надежде на то, что это позволит ускорить освобождение американских заложников, которых удерживали в Ливане (они были захвачены террористами, которых поддерживал Иран). План вскоре был расширен предложением о том, что средства, вырученные от продажи оружия Ирану, будут направлены на помощь антикоммунистическим боевикам контра в Никарагуа.

Интерес президента Рейгана в ситуации с заложниками был усилен рядом других факторов: растущим страхом перед иранским «экспортом революции» в Саудовскую Аравию, озабоченностью по поводу влияния Тегерана на мировой рынок нефтепродуктов и, наконец, сохранявшейся одержимостью «советской угрозой». В конечном итоге, связанный с торговлей оружием скандал подорвал доверие к администрации Рейгана, превратившись в конституционный кризис.

Итак, хитрый шаг американцев оказался бессмысленным: удалось освободить лишь трёх американских заложников, вооружив при этом Иран

противотанковыми орудиями и ракетами класса «земля-воздух», предав огласке поддержку никарагуанских контра, подорвав доверие к США в глазах мира и вызвав конфликт между исполнительной ветвью власти и Конгрессом, втянув президента в один из самых резонансных кризисов в истории США.

В конечном итоге, всё же стратегия и тактика Вашингтона оказались правильными. В одной из своих книг («Вне контроля: глобальные потрясения накануне XXI века»), Зб. Бжезинский отмечает: «Для мира в целом одним из самых впечатляющих аспектов военной победы США в войне в Персидском заливе 1991 года была лёгкость, с которой Соединённые Штаты смогли развернуть и поддерживать материально-техническую базу и силы в несколько сотен тысяч человек на далёком Аравийском полуострове» [1, р. 88]. Правда состоит в том, что президент Дж. Буш-старший оказался бы не в состоянии развернуть силы на Ближнем Востоке с такой лёгкостью без работы своих предшественников. Основа была подготовлена для него администрациями Рейгана, Картера и Форда. С распадом Советского Союза высшим американским руководителям удалось перевыполнить план по доминированию в Персидском заливе.

Характеризуя долгосрочные последствия западной политики во время Ирано-иракской войны, стоит процитировать план, разработанный израильским аналитиком Одедом Йиноном в 1982 г.: «Для [Израиля] растворение [Ирака] является ещё более важным, чем Сирии. Ирак сильнее Сирии. В краткосрочной перспективе именно Ирак являет собой силу, которая представляет для Израиля наибольшую угрозу. Ирано-иракская война будет рвать Ирак на части, вызывая его внутреннее ослабление ещё до того, как он сможет организовать борьбу на широком фронте против [Израиля]. Любой виток междоусобицы в краткосрочной перспективе будет полезен нам и сократит путь к цели слома мощи Ирака, что более важно, нежели в случае с Сирией или Ливаном. Дезинтеграция Ирака по этническому/религиозному признаку вполне возможна, как это уже было во время Османской империи» [5].

Итак, обострение этноконфессиональных противоречий в Ираке было спланировано (спрогнозировано) израильтянами в 1982 г. путём геостратегического «сравливания» Ирака и Ирана друг против друга. При этом подобный курс был элементом более широкой совместной англо-американской и израильской стратегии на Ближнем Востоке и, шире, в Евразии. Со времени установления советского присутствия в Афганистане и начала Ирано-иракской войны минуло почти 30 лет. Обе войны были спровоцированы и спланированы в Белом доме и на Даунинг-стрит в рамках глобальной стратегии, рассчитанной на долгосрочную

перспективу. Так же, как Первая мировая война привела ко Второй, эти войны привели к дальнейшим конфликтам, в частности в Персидском заливе 1991 г. и серии войн на постсоветском пространстве. Нет сомнений в том, что эти войны являются частью усилий по созданию того, что было названо Дж. Бушем-старшим «Новым мировым порядком» и охарактеризовано профессором Фрэнсисом Фукуямой как «конец истории», который, впрочем, совсем не предопределён.

Библиографический список

1. *Brezinski Z.* Out of control: global turmoil on the eve of the 21st century. – N-Y.: Macmillan, 1993. – 240 p. – P. 88.
2. *Carter J.E.* The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress. – January 23, 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=33079&st=&st1=> (дата обращения: 17.06.2015).
3. Interview with Zbigniew Brezinski. President Jimmy Carter's National Security Adviser. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalsearch.ca/articles/BRZ110A.html> (дата обращения: 10.06.2012).
4. *Kissinger H.* Years of Upheaval. – Boston: Little, Brown & Co, 1982. – 1283 p. – P. 669.
5. *Oded Yinon.* A Strategy for Israel in the Nineteen Eighties // *Zionist Plan for the Middle East* / ed. by Israel Shahak. – Belmont: Association of Arab-American University Graduates, 1982. – 315 p. – P. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.informationclearinghouse.info/pdf/The_Zionist_Plan_for_the_Middle_East.pdf (дата обращения: 17.06.2015).
6. *Reisman W. M.* Termination of the USSR's Treaty of Right of Intervention in Iran // *American Journal of International Law*. – 1980. – Vol. 74. – № 1. – P. 144–154.
7. *Stark J., Wenger M.* US Ready to Intervene in the Gulf War // *Middle East Research and Information Projects*. – Report № 125/126. – 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iranchamber.com/history/articles/united_states_iran_iraq_war1.php (дата обращения: 17.06.2015).

Бабик Алёна Олеговна

магистр истории
alyona.babik@yandex.ua

Крысенко Дмитрий Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
Луганский университет имени Т. Шевченко
tamaj2@rambler.ru

АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЮЖНОЙ АТЛАНТИКЕ В ПЕРИОД ФОЛКЛЕНДСКОГО КОНФЛИКТА 1982 ГОДА

В данной статье раскрыты исторические и политические предпосылки Фолклендского кризиса, а также отношения, существовавшие в то время между СССР и США, с одной стороны, а также СССР и Аргентиной – с другой. Раскрыта советская реакция на конфликт и дискуссия в его ходе. Главное внимание уделено последствиям войны для Советского Союза. Авторы аргументируют тезис о том, что в ходе Фолклендской войны 1982 г. СССР был предрасположен усиливать своё влияние в Латинской Америке. Объявление администрацией Р. Рейгана в апреле 1982 г. об открытой поддержке Великобритании вызвало весьма критическую реакцию со стороны Аргентины и других стран Латинской Америки, что открыло, тем самым, возможность для Москвы усиления собственного влияния. Однако в силу многих факторов, в том числе по причине неспособности Кремля правильно понять намерения Буэнос-Айреса и сущность аргентинского национализма, СССР не смог увеличить своё влияние в этом регионе значительным образом. Выступая за дипломатическое решение с начала силовой фазы конфликта и до прекращения огня, СССР демонстрировал присущее ему миролюбие, а значит, и превосходство собственной социально-политической системы.

Ключевые слова: СССР, США, Аргентина, Великобритания, Фолклендские острова, конфликт.

В наши дни действия такой державы, как США, отражаются на состоянии дел всего мира, почти в каждом регионе которого существует конфликтный потенциал. Одним из таких «углов» планеты является Юго-Западная Атлантика, ставшая в начале 1980-х гг. ареной быстротечного, но интенсивного и ожесточённого конфликта. Несмотря на военное решение вопроса о политической принадлежности Фолклендских островов, проблему нельзя считать до конца решённой. При этом участие в этих событиях США и СССР остаётся малоисследованным. Итак, целью данной статьи является раскрытие особенностей американо-советского противоборства в Юго-Западной Атлантике в период аргентино-британского конфликта 1982 г. В этом отношении более интересны международные политико-дипломатические, чем военные события.

Подобно многим другим островным регионам мира, Фолклендские острова почти с самого начала формирования мировой колониальной системы были объектом заинтересованности Лондона. При этом особенностью ситуации были претензии на архипелаг соседнего материкового государства – Аргентины. В начале 1980-х гг. правительство последней попыталось решить внутренний кризис за счёт «маленькой победоносной войны», в ночь с 1 на 2 апреля 1982 г. высадив близ Порт-Стэнли, столицы Фолклендских островов, свои силы в составе 300 морских пехотинцев. США, претендовавшие на геополитическое лидерство в Латинской Америке, оказались в сложной дипломатической позиции: тот факт, что Британия была их ключевым союзником по НАТО, обязывал смягчать любые политические решения относительно неё для сохранения сплочённости блока, что было особенно

важно в свете кампании по модернизации ядерных сил альянса, проходившей в то время. С другой стороны, Рейган должен был предотвратить полное отчуждение аргентинского правительства, которое и ранее, со времён Картера, подвергалось критике за политику в области прав человека.

Решение, принятое Белым домом в свете этого, включало попытку примирения враждующих сторон, для чего госсекретарь А. Хейг отправился в «челночную миссию» между Буэнос-Айресом и Лондоном [12, р. 261–302]. По мере того как британская военно-морская экспедиционная группа приближалась к Фолклендским островам, становилось всё более очевидным, что американским дипломатам не удалось договориться о мирном решении и что региону грозит война. 30 апреля Хейг открыто заявил о поддержке Великобритании, вызвав энергичную волну осуждения со стороны правительства не только Аргентины, но и большинства латиноамериканских стран [12, р. 261–302].

Между тем 1 мая начались первые удары английской авиации и флота по позициям аргентинцев на Фолклендских островах, что означало перетекание конфликта из дипломатической в силовую фазу. В свете линии, проводимой администрацией Рейгана, на первый план вышел вопрос о советской реакции. Казалось, пробританская позиция Вашингтона давала Москве возможность увеличить своё влияние не только в Аргентине, но и в других государствах Латинской Америки. Политика США должна была быть воспринята их общественностью как парадоксальная: администрация Рейгана пыталась развивать с ними отношения, но теперь, с началом конфронтации, она решила поддержать враждебную силу из другого полушария Земли; декларируя «опеку» и безвозмездность по-

мощи в решении проблем региона, США на деле использовали их в качестве «пешек» в собственной грязной геополитической игре.

Война как факт создала ситуацию, из которой Советский Союз мог извлечь крупную выгоду. Одной из главных предпосылок для этого были экономические связи, поддерживаемые СССР и Аргентиной ранее. В частности, с конца 1970-х гг. Советский Союз был для Аргентины основным покупателем сельскохозяйственной продукции (зерна и мяса). Введённые западными державами против Буэнос-Айреса торговые санкции превратили для него партнёрство с СССР в фактор выживания. Соответственно, Кремль мог дополнить это партнёрство и военно-политической составляющей.

Тот факт, что госсекретарь Хейг не смог предотвратить начало войны, не оказался для СССР неожиданностью: согласно советской военной доктрине, современный тип силовых операций, проводимых западными державами, являл собой империалистические войны, предусматривающие цель захвата или удержания колоний. Интересно в этом смысле то, что застали врасплох Москву действия именно аргентинцев, о чём говорит факт её нерешительности во время рассмотрения фолклендского вопроса в ООН. 3 апреля 1982 г. советские представители воздержались от голосования по резолюции Совета Безопасности 502, которая требовала от Аргентины вывода своего контингента с островов. Впрочем, в свете позиции, которую советские дипломаты заняли в следующие недели, можно утверждать, что их действия были бы более эффективными, если бы они изначально голосовали «против».

Первые советские пресс-релизы были выдержаны в философском тоне, отражавшем неуверенное отношение к ситуации. Советские обозреватели отмечали, что эта «странная война» показала, насколько «ненадёжен и хрупок мир, который существует на Земле». Несмотря на то что первоначальные советские пресс-релизы сообщали о событиях беспристрастно, в них не упускалась возможность покритиковать администрацию Рейгана. В частности, в сообщении ТАСС от 3 апреля содержалось обвинение США в проведении агрессивной политики относительно Латинской Америки – в качестве доказательства этих агрессивных действий указывалась поддержка «антинародной хунты» в Сальвадоре и враждебные акции против социалистических правительств Никарагуа и Кубы, а также покорение Пуэрто-Рико и Виргинских островов [9, р. К 4]. Кроме того, ТАСС сообщало, что «зелёный свет» для военных действий на Фолклендских островах британцам дали именно Соединённые Штаты. Таким образом, советские академические и военно-политические круги были склонны рассматривать разгоравшийся конфликт через призму биполярного противостояния, – как один из локаль-

ных фронтов «холодной войны». Так как стремление доминировать в Латинской Америке было неотъемлемой частью внешнего курса всех президентских администраций США начиная с первой четверти XIX века, использование традиционной для советских СМИ антиимпериалистических лозунгов было вполне естественным. Понимая, что Рейган оказался в затруднительном, с дипломатической точки зрения, положении, Москва изначально взяла пропагандистскую инициативу.

Итак, работающие для зарубежной общественности советские масс-медиа утверждали, что аргентино-британская ссора из-за островов была одним из плодов эксплуататорской природы капитализма. Утверждалось, что воды архипелага содержат огромные запасы нефти (200 млрд. баррелей, то есть большие, чем месторождения Северного моря), и стремление к их разработке со стороны британцев является продуктом их «хищнического инстинкта». Также утверждалось то, что контроль над островами британцам необходим для разработки месторождений полезных ископаемых и в Антарктике. Более того, утверждалось, что британцы, отправив боевую группу к островам, готовились к агрессии против материковой части Аргентины. Соответственно, действия англичан противоречили интересам всех прогрессивных народов мира. А в контексте политики деколонизации, проводимой Объединёнными Нациями, акт насилия, совершаемого англичанами по возврату контроля над островами, шёл вразрез с волей большинства людей в мире.

Если агрессивных намерений были исполнены англичане, то, согласно советской логике, союзная им империалистическая держава № 1 – Соединённые Штаты – также выступала заинтересованной стороной. В Кремле предполагали, что челночная миссия Хейга была лишь прикрытием для расширения дальнейшего англо-американского сотрудничества. Кроме того, Соединённые Штаты были заинтересованы в создании дополнительной военно-морской базы: Фолклендские острова могли быть использованы в качестве стратегического центра для формирования нового агрессивного блока. Эта организация, гипотетически называемая SATO (Организация Южноатлантического договора), могла включать в круг своих участников США, Великобританию, Южную Африку и Чили; целью её должен был быть контроль морских путей для обеспечения господства агрессивных сил в этой части мирового океана в ущерб прогрессивной части человечества. Гипотетически, с новой базы можно было «контролировать подходы к Антарктике, пролив между Тихим и Атлантическим океанами, а также всю зону Южной Атлантики, даже такую далёкую, как Африка» [10, р. К 1].

Ещё одним моментом, который был использован советскими СМИ, было наличие подписанно-

го Соединёнными Штатами и Аргентиной пакта Рио-де-Жанейро. Целью данного соглашения, заключённого в сентябре 1947 г. и известного как Межамериканский договор о взаимной помощи, была «взаимная оборона с помощью надлежащих средств для обеспечения эффективной взаимопомощи для предотвращения вооружённого нападения на любое американское государство» [1, р. 172]. Подчёркивалось, что если бы аргентинцы просили о поддержке со стороны Соединённых Штатов, то последние вынуждены были бы поднять оружие против Англии. Официальный запрос о помощи поставил бы Рейгана в весьма сложную дипломатическую позицию: формальный отказ государству, подписавшему совместную конвенцию, послужил бы негативным примером для других союзников США по НАТО. Без сомнения, такой сценарий усилил бы моральный авторитет Кремля. Ещё один момент, который эксплуатировался советской пропагандой, был связан с поддержкой Великобритании со стороны Чили. Последнее также было заинтересованной стороной, поскольку соперничало с Аргентиной за пролив Бигл и, соответственно, приняло решение об отправке в район конфликта военно-морских подразделений, разрешив британцам использовать собственные портовые сооружения на Пунта-Аренас в Магеллановом проливе. Впрочем, учитывая массовые преступления, совершаемые режимом Пиночета, сотрудничество с возглавляемой им «военно-фашистской хунтой» играло скорее против интересов Лондона, чем в его пользу [10, р. К 2].

Итак, сразу после отплытия британской группы в сторону Фолклендов, СССР отметил, что, вопреки заявлениям о нейтральном посредничестве, Рейган на самом деле стал на сторону Лондона. Американская помощь заключалась в снабжении группы большим количеством топлива на острове Вознесения и в разрешении пользоваться американскими данными спутниковой разведки и коммуникациями. Таким образом, Соединённые Штаты предали Аргентину, а также пособничали агрессивной колониальной державе. В итоге, нерешительная позиция, которую заняла Москва относительно событий, быстро трансформировалась в однозначную интенсивную и резкую критику как Великобритании, так и Соединённых Штатов. Тактика Москвы заключалась в увеличении своего влияния на Латинскую Америку путём вещания в её эфире на испанском языке. По мере развития ситуации казалось, что СССР обречён в этом деле на успех.

17 апреля ТАСС сообщило, что Великобритания находится в состоянии «милитаристской истерии» [4, р. DD 1]. Сообщалось, что, в то время как англичане собираются использовать силу, аргентинцы по-прежнему выступают за мирное решение. Контекст, в котором передавались эти сооб-

щения, сводился к тому, что правительство Тэтчер было лишено гибкости и настроено исключительно на военный вариант развития событий. Аналогичным образом характеризовалась и британская внутренняя политическая сцена: воздавая похвалу левым лейбористам за попытку переубеждения Тэтчер в сторону поиска мирного решения, кремлёвское руководство подвергало правительство консерваторов резкой критике. Сообщалось, что «железная леди» была исполнена «шовинистического рвения, пребывая в милитаристском психозе, в который её ввели правящие круги Англии». Кремль надеялся, что его публичные заявления могли углубить раскол, существовавший между британскими фракциями.

25 апреля, в день, когда королевские силы начали наземную операцию на о. Южная Георгия, Москва сообщала, что «Британское консервативное правительство перешло от угроз к военным действиям» [6, р. DD 1]. Звучали заявления и о том, что данная агрессивная военная акция была попыткой вернуть Великобританию к дням имперской славы. Примечательно в этом смысле и переданное 27 апреля Советским Союзом сообщение о том, что Аргентина не будет ограничивать себя в «мерах против возвращения Фолклендских островов к своему колониальному статусу под протекцией Великобританией» [7, р. DD 3]. Несмотря на то что сообщение не содержало описания этих мер, более важной была смена советской позиции, которая с нейтральной трансформировалась в сторону поддержки Аргентины. Западные СМИ пестрили сообщениями о различных типах помощи Москвы Буэнос-Айресу, но реальность всё же состояла в том, что она оставалась моральной и была направлена на дестабилизацию ситуации. Официальная советская позиция исключала ощутимую помощь Аргентине, – информационная кампания продолжала утверждать что «спор должен быть решён мирным путём, не прибегая к силе» [11, р. DD 2].

Решительная поддержка, оказываемая Рейганом англичанам, демонстрировала Москве правильность своей первоначальной гипотезы о тайном союзе Великобритании и США в данном вопросе под личиной нейтрального посредничества. Как и относительно большинства локальных конфликтов мира, сообщалось, что Вашингтон поддерживает агрессивную силу, а Москва выступает за мирное решение. В радиопередаче 1 мая содержалось заявление о предстоящей встрече министров обороны стран НАТО, на которой должна была обсуждаться помощь Великобритании: «НАТО взяло на себя роль защитника неокolonизаторов и пытается расширить сферу своей агрессивной активности за пределами Североатлантического альянса» [8, р. DD 5]. Такой подход логично вписывался в предыдущие советские обвинения Соединённых Штатов в намерениях использовать острова как базу

для создания Организации Южноатлантического договора. Соединив НАТО и «САТО», американцы должны были взять под контроль всю Атлантику. Утверждалось, что «проникновение агрессивного блока НАТО в Южную Атлантику чревато серьезными последствиями для всего мира» [5, р. К 1].

Итак, быстрый разворот администрации Рейгана в сторону британцев продемонстрировал миру его согласие с неокOLONиализмом. Одобрение действий англичан оказалось для многих развивающихся стран, ориентированных на Соединённые Штаты, «холодным душем». Подобные настроения царили и во многих странах Запада, либерально настроенная общественность которых казалась Москве удобным полем для попыток вбить клин в Общий рынок и НАТО. 7 мая советские СМИ сообщили о том, что страны Западной Европы более не уверены, что Британия проводит в Южной Атлантике «правильную политику», а некоторые из них, в частности Ирландия, ФРГ и Италия, не поддерживали введение санкций против Аргентины. Речь шла о провале британской дипломатии.

Впрочем, непрестанная риторика Москвы о поддержке мирного решения вызывала со стороны аргентинского режима такую же непрестанную критику – в том числе за воздержание от голосования по резолюции ООН от 3 апреля, требовавшей вывода аргентинских войск. Москва в ответ сообщала, что её голосование против резолюции могло быть истолковано как отбрасывание мирного урегулирования, и продолжала декларировать, что подобная позиция отражает фундаментальные принципы советской внешней политики.

Сохраняя эту позицию в течение дальнейшего периода войны, вину за каждый её эпизод, сопровождавшийся значительными жертвами (инцидент с крейсером «Генерал Бельграно», сражение в бухте Сан-Карлос), советская пропаганда возлагала исключительно на английскую и поддерживающую её американскую стороны. Непрестанным объектом критики оставался и президент Рейган. Примечательно, что значительные потери со стороны британцев характеризовались Москвой как «невинные жертвы империалистической политики» их правительства. Другая, и, возможно, более важная цель, на которой Москва сосредоточила своё внимание в то время, заключалась в попытке подорвать усилия дипломатии Рейгана в Латинской Америке. Кремль утверждал, что Фолклендская война была не просто конфликтом между Аргентиной и Великобританией, но, что ещё более важно, конфликтом между Латинской Америкой и США. Советский журналист отметил, что «президент Монро перевернулся бы в своей могиле», если бы увидел, как нынешняя администрация применяет его доктрину [2, р. DD 6]. В качестве доказательства провала вашингтонской политики в Латинской Америке Москва указывала на то, что только

две (Колумбия и Чили) из традиционных восьми южноамериканских наций согласились принять участие в «Унитас» (ежегодных военных учениях, проводимых в водах Южной Америки).

Между тем, помимо информационных, существовали и другие возможности отстаивания советских интересов. Наиболее важным в этом отношении было военное сотрудничество. В момент прибытия британского флота к Фолклендским островам СССР запустил над океаном 7 спутников наблюдения. Примечательно, что интенсивность данной деятельности в период конфликта была более высокой, чем в любой другой в истории. Кроме того, британцы были предупреждены о сборе советскими кораблями разведывательной информации и её передаче аргентинцам. В своих отчётах Хейг сообщал о переговорах аргентинских и советских чиновников касательно финансовых дотаций из Москвы, при этом целью Буэнос-Айреса могло быть участие советского подводного флота в борьбе против английского (уничтожение или хотя бы повреждение авианосца «Инвинсибл» было бы огромным моральным поражением Лондона) [12, р. 281]. Этому нет убедительных доказательств, как нет, впрочем, и аргументов для опровержения. Вопреки предложениям о помощи с советской стороны и угрозам о её принятии с аргентинской, истинное отношение хунты к Советскому Союзу было и оставалось однозначным с начала и до конца конфликта. В ходе последней сессии переговоров с американскими дипломатами все три участника хунты сделали антисоветские заявления. По словам генерала Лами Дозо, Москва «предложила военную технику и помощь по низким ценам – но деньги были только частью цены, и Аргентина никогда не стала бы её платить» [12, р. 294]. Угрожая обратиться к СССР, Леопольдо Гальтерери надеялся, что сможет убедить администрацию Рейгана оказывать давление на правительство Тэтчер, склонив, таким образом, чашу дипломатических весов на свою сторону. Следует помнить и об антикоммунистической ориентации аргентинской хунты и, следовательно, её невосприимчивости к советским «чарам», что может быть проиллюстрировано замечанием аргентинского чиновника: «...мы бы предпочли скорее умереть босыми и голодными, чем победить с помощью Советского Союза» [13, р. 51]. Правительство Гальтерери, в результате этого, было обречено на провал.

После капитуляции аргентинцев, состоявшейся в Порт-Стэнли 14 июня, Кремль утверждал, своей победой британцы фактически ничего не достигли: Фолклендские острова остались колонией, и, следовательно, их проблема по-прежнему нуждалась в окончательном решении [3, р. DD 1]. Более того, то, что Порт-Стэнли был потерян аргентинцами, не означало, что их борьба за архипелаг закончилась.

Таким образом, оставаясь критически настроенным относительно действий США и Великобритании, СССР не мог противопоставить им ничего существенного. Пропганда осталась единственно возможной его тактикой: по мере того как становилось ясно, что аргентинцы не имели серьёзных намерений относительно военного сотрудничества, Москва была вынуждена оставаться в рамках того курса, который она заняла изначально. Следует помнить о сформулированной Лениным концепции «географического фатализма», согласно которой удалённость России от основных мировых морских путей препятствовала эффективному осуществлению советской политики. Фолклендский кризис интересен тем, что содержал потенциал разворачивания конфронтации сверхдержав, занявших, в конечном итоге, прагматичный подход, не позволивший этой войне перерасти рамки локального конфликта, она так и осталась «странной войной».

Библиографический список

1. Burr R. Documents on Inter-American Cooperation. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955. – 214 p.
2. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 12 May 1982. – P. DD 6.
3. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 17 June 1982. – P. DD 1.
4. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 19 April 1982. – P. DD 2.
5. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 25 August 1982. – P. K 1.
6. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 26 April 1982. – P. DD 1.
7. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 27 April 1982. – P. DD 3.
8. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 3 May 1982. – P. DD 5.
9. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 5 April 1982. – P. K 4.
10. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 7 April 1982. – P. K 1.
11. Foreign Broadcast Information Service of the USSR. – 7 May 1982. – P. DD 1.
12. Haig A.M. Jr. Caveat: realism, Reagan, and foreign policy. – N-Y: Macmillan, 1984. – 367 p.
13. Mastny V. The Soviet Union and the Falklands War // Naval War College Review. – 1983. – May-June. – P. 47–51.
14. Sokolovskiy V.D. Soviet military strategy. – N-Y: Crane, 1975. – 494 p.

ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье на основе анализа архивных материалов, извлечённых из Объединённого государственного архива Челябинской области, освещается антиалкогольная кампания Советского государства второй половины 1980-х годов, проведённая на территории Челябинской области. В работе выделяются причины введения антиалкогольного законодательства на территории нашей страны, к которым, прежде всего, относятся высокий уровень потребления алкоголя, увеличение смертности и снижение продолжительности жизни, увеличение преступности и числа ДТП по причине пьянства, а также травматизма и потерь рабочего времени на производстве. Помимо этого в данной статье рассматриваются основные мероприятия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, проведённые на территории Челябинской области в рамках антиалкогольной политики, а также подводятся итоги данной кампании. К ее положительным итогам на территории Челябинской области относятся: уменьшение смертности, увеличение продолжительности жизни и рождаемости, сокращение преступности и числа ДТП по вине пьяных водителей, сокращение травматизма и потерь рабочего времени на производстве. К отрицательным же итогам антиалкогольной политики мы можем отнести: потери государственного бюджета, рост такого негативного явления, как самогоноварение, рост числа отравившихся различными суррогатами, увеличение числа наркоманов и токсикоманов и, конечно же, рост недовольства политикой государства.

Ключевые слова: Челябинская область, антиалкогольная кампания, антиалкогольное законодательство, антиалкогольная политика, «сухой закон», борьба с пьянством и алкоголизмом, борьба за трезвый образ жизни.

Тридцать лет назад в нашей стране началась самая масштабная кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Она проводилась, когда у руля Советского государства стоял М.С. Горбачёв. Правда, истинными инициаторами введения «сухого закона» принято считать секретарей ЦК КПСС Е.К. Лигачёва и М.С. Соломенцева.

К сожалению, в отечественной исторической науке до сих пор не уделено должного внимания изучению этой проблемы. Более того, отсутствуют специальные труды, посвящённые проведению антиалкогольной кампании второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области. Поэтому данная проблема является актуальной для изучения.

Что же относится к факторам, повлиявшим на введение антиалкогольного законодательства на территории СССР? Это, прежде всего, высокий уровень потребления алкоголя в стране. По данным А.В. Немцова, средний уровень потребления алкоголя в России накануне кампании составлял 14,2 л, из которых 3,8 л (26%) приходилось на самогон [3]. Происходил рост смертности и снижение продолжительности жизни, увеличение преступности и числа ДТП по причине пьянства, а также травматизма и потерь рабочего времени на производстве. Так, с 1965 по 1984 год на 2,5 года сократилась продолжительность жизни у мужчин, что отчасти было связано с ростом потребления спиртного [3]. Число зарегистрированных преступлений на территории России только за десятую пятилетку увеличилось на 250 тыс., причём практически половина преступлений была совершена в состоянии алкогольного опьянения [2]. На территории Челябинской области в 1983 году тоже был зафиксиро-

ван рост преступности, который был равен 37%. Следует отметить, что половина несчастных случаев на производстве перед началом кампании также была связана с пьянством. В годы XI пятилетки произошло увеличение потерь рабочего времени, о чём свидетельствуют данные Челябинского обкома КПСС. Так, по его данным, за 4 года XI пятилетки потери рабочего времени по Челябинской области составили 3 млн. 242 тыс. человеко-дней, предотвращение которых позволило бы дополнительно выпустить промышленной продукции на 400 млн. рублей [15, л. 19]. Происходил рост числа лиц, побывавших в медицинских вытрезвителях. Если в 1981 году только в Кыштымском районе Челябинской области побывавших в медвытрезвителях насчитывалось 2638, то в 1984 их число увеличилось до 3033, то есть возросло на 15% [8, л. 27]. С ростом пьянства и алкоголизма было связано увеличение количества разводов в советских семьях. Показатель разводов по области в начале 80-х годов на каждую 1000 населения составил 3,8, при этом по причине пьянства происходило более половины разводов (55%) [8, л. 2]. Помимо этого с пьянством и алкоголизмом советское руководство связывало падение производства и, как следствие, кризис в экономике страны. Действительно, в начале 1980-х годов по многим показателям наблюдалось невыполнение планов. Например, на территории Челябинской области в 1983 году план реализации продукции с учётом обязательств выполнен лишь на 97,5%, не выполнен план по производству и заготовкам зерна, план по государственной и кооперативной торговле выполнялся лишь на 96% или на 126 млн. рублей меньше плана [4, л. 7]. Именно эти факторы привели к началу

самой масштабной в истории нашей страны антиалкогольной кампании.

Антиалкогольная кампания второй половины 1980-х годов имела свою законодательную базу. Её началом принято считать издание 7 мая 1985 года Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановления Совета министров СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». Далее 16 мая 1985 года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения». Все эти документы содержали конкретные меры по борьбе с пьянством и алкоголизмом в стране.

В советском обществе началась активная работа по агитации и пропаганде трезвого образа жизни, особенно через средства массовой информации. Во многих советских газетах появилась рубрика «Трезвость – норма жизни». Из репертуаров театров, кино вырезались сцены, демонстрирующие пьянство, принимались определённые меры по усовершенствованию работы учреждений культуры и спорта, вовлечению населения в занятие физической культурой. В Челябинской области к середине 1986 года было создано 114 культурно-спортивных комплексов. Правда, по-прежнему в их работе имелся ряд недостатков. Так, укомплектованность клубных учреждений специалистами составляла всего 60,5%, библиотек – 73,4%, спортивных сооружений – 63,9% [9, л. 158]. Во время антиалкогольной кампании было увеличено число оздоровительных групп на 2986 и занимающихся в них на 36,5 тыс. человек [9, л. 159]. В итоге систематическими занятиями физической культурой и спортом было охвачено 48,8% населения Челябинской области в возрасте от 7 до 60 лет [9, л. 162]. Общий же охват населения области народным творчеством составил в 1986 году 14,9%, что на 0,6% больше, чем в 1985 году. Централизованные библиотечные учреждения в первом полугодии 1986 года увеличили число читателей по области на 15 тыс. человек и книговыдачу на 309 тыс. экземпляров [9, л. 159].

При Совете министров РСФСР 23 июля 1985 г. была образована комиссия по борьбе с пьянством, а 1 октября 1985 года такие же комиссии образовывались на предприятиях, в учреждениях и их структурных подразделениях. Также было создано Всесоюзное общество борьбы за трезвость. На территории Челябинской области было образовано 875 первичных организаций Добровольческого общества борьбы за трезвость [6, л. 36]. В каждом районе создавались добровольные дружины, которые следили за общественным порядком. В ресторанах и кафе области постоянно проводились тематические безалкогольные мероприятия: декады сладких блюд, семейных обедов, встречи по

интересам, дискотеки. Только за первое полугодие 1986 года по области было проведено 1200 таких тематических мероприятий [10, л. 47–48].

14 июля 1986 года Челябинским областным комитетом КПСС был принят комплексный план борьбы с пьянством и алкоголизмом, который предусматривал ряд мер, направленных на усиление контроля вопросов решения борьбы с пьянством и алкоголизмом, усиление контроля над работой правоохранительных органов и расширение сети лечебно-трудовых профилакториев, для того чтобы полностью обеспечить принудительное лечение хронических алкоголиков по направлению правоохранительных органов. В рамках данного плана предполагалось дополнительно по области открыть 1950 наркологических коек, провести переподготовку медицинского персонала [6, л. 21]. В итоге, на территории Челябинской области в годы антиалкогольной кампании было открыто и действовало 49 наркологических кабинетов, 2083 наркологических поста, 996 наркопунктов, 5 ЛТП, в которых только в 1986 году проходили лечение 5 тыс. хронических алкоголиков [5, л. 8]. Принятые меры позволили уже в первом полугодии 1986 года увеличить число лиц, взятых на учёт на ранней стадии алкоголизма по сравнению с прошлым 1985 годом. На территории области активизировалась борьба с тунеядством, о чём свидетельствует тот факт, что только в 1985 году выявлено и поставлено на учёт 7,6 тыс. человек, злостно уклонявшихся от общественно полезного труда [5, л. 8]. Следует отметить, что в борьбе с пьянством и алкоголизмом активизировалась работа правоохранительных органов, о чём свидетельствует увеличение числа лиц, привлечённых к административной ответственности за несоблюдение норм антиалкогольного законодательства. Так, в Красноармейском районе Челябинской области в 1985 году к административной ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах привлечено 1447 человек, что на 26% больше, чем в 1984 году [11, л. 47].

В рамках проводимой антиалкогольной кампании в августе 1985 года цены на алкогольную продукцию по всей стране были увеличены на 25%, правда, это было не единственное увеличение цены на спиртные напитки за годы действия антиалкогольного законодательства. Также к мерам по борьбе с пьянством и алкоголизмом относилось сокращение времени, объёмов и мест продажи спиртных напитков. 23 мая 1985 года в Челябинской области был установлен режим продажи винно-водочных изделий в розничной торговой сети с 14 до 19 часов [10, л. 28], а с 1 июня 1985 года была запрещена продажа спиртных напитков в мелкорозничной сети, в торговых предприятиях, которые находились вблизи промышленных предприятий или мест массового отдыха населения [10, л. 30]. На терри-

тории области произошло сокращение сети магазинов, реализовывавших алкогольную продукцию с 2648 в 1985 году до 661, по данным на 1 августа 1987 года, то есть на 75%. За годы кампании было перепрофилировано 25 предприятий общественного питания в безалкогольные рестораны и кафе [13, л. 12]. Была установлена норма отпуска алкогольной продукции по 2 бутылки водки в одни руки, в ресторанах и кафе не более 100 грамм на одного посетителя, при обязательном заказе блюд и закусок, запрещалась продажа винно-водочных изделий во многих посёлках области. Следует отметить, что принятые меры привели к сокращению реализации алкогольных напитков на территории Челябинской области с 18253 тыс. дал в 1985 году до 11416 тыс. дал в 1987 году, то есть на 37,5% [13, л. 12].

Сокращение объёмов, времени и мест продаж алкогольной продукции сопровождалось расширением мелкорозничной сети по продаже безалкогольной продукции. В целом, на 1 января 1986 года по области функционировало 3050 единиц, торговавших безалкогольной продукцией, что на 324 больше, чем в 1985 году [10, л. 50]. Увеличение мест продажи безалкогольной продукции привело к увеличению объёмов её реализации со 163,9 тыс. дал за 7 месяцев 1985 года до 274 тыс. дал за 7 месяцев 1987 года, то есть на 67% [10, л. 12]. Но следует отметить тот факт, что всё равно пивобезалкогольная промышленность Челябинской области в годы кампании только наполовину обеспечивала потребности населения в пиве, квасе и газированной воде.

В итоге, принятые руководством страны и области меры в годы борьбы за трезвый образ жизни дали определённые положительные и отрицательные результаты. К положительным результатам кампании мы можем отнести: уменьшение смертности, увеличение продолжительности жизни и рождаемости, сокращение преступности и числа ДТП по вине пьяных водителей, сокращение травматизма и потерь рабочего времени на производстве. Так, во время действия антиалкогольного законодательства в Советском Союзе во второй половине 80-х годов в среднем в год было отмечено рождение 5,5 млн. детей. Таких показателей страна ещё не знала. При этом увеличение рождаемости сопровождалось увеличением продолжительности жизни у мужчин на 2,6 года [1]. О сокращении преступности, в частности на территории Челябинской области, свидетельствуют данные Челябинского обкома КПСС. Из них видно, что уровень преступности по Челябинской области на 10 тыс. населения в 1986 году снизился и составил 118 преступлений, в 1985 году этот показатель был равен 140,4. Также снизилось количество преступлений по линии уголовного розыска – 75,8 на 10 тыс. населения в 1986 году вместо 102 в 1985 году [11,

л. 41]. За время действия антиалкогольного законодательства в области снизилось количество лиц, в отношении которых были применены меры за распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах с 856 на 10 тыс. населения в 1985 году до 615 в 1986 году, то есть на 28% [11, л. 42]. В результате принятых мер количество водителей, управлявших транспортом в нетрезвом виде, по Челябинской области в 1985 году снизилось на 11,6% по сравнению с 1984 годом, на 41% уменьшилось количество ДТП, совершённых ими [11, л. 47]. Как отмечалось выше, в годы антиалкогольной кампании произошло сокращение потерь рабочего времени на производстве и, как следствие, улучшение трудовой дисциплины. Действительно, в первом полугодии 1987 года по сравнению с первым полугодием 1985 года потери рабочего времени по области снизились на 17,2%, в том числе из-за прогулов на 4,4% [12, л. 11]. В 1985 году по сравнению с 1984 годом была сокращена текучесть кадров на производстве на 0,4%. В годы антиалкогольной кампании на предприятиях Челябинской области произошёл рост производительности труда, который уже в первом полугодии 1986 года составил 7,4% [10, л. 54]. Принятые меры в сфере укрепления трудовой дисциплины привели к увеличению объёма промышленного производства на территории области: уже во второй половине 1985 на 2,6% [14, л. 19]. Но, вместе с тем, достигнутые темпы развития народного хозяйства были недостаточными для выполнения годового плана.

К отрицательным моментам антиалкогольной кампании Советского государства второй половины 1980-х годов относятся: потери государственного бюджета, вырубка виноградников по всей стране, рост такого негативного явления, как самогонаварение, рост числа отравившихся различными суррогатами, увеличение числа наркоманов и токсикоманов и, конечно же, рост недовольства политикой государства среди населения страны. В годы действия антиалкогольного законодательства бюджет страны недополучил около 67 млрд. рублей от продажи алкогольной продукции, что ещё больше увеличило его дефицитность. По всей стране площади виноградников сократились в 2,5 раза. О росте самогонаварения свидетельствовало увеличение числа рассмотренных уголовных дел за изготовление, хранение и сбыт спиртных напитков домашней выработки. Так, по г. Челябинску рассмотрено таких уголовных дел: в 1984 г. – 38; в 1985 г. – 84; в 1986 г. – 287 [15, л. 14]. По Челябинской области в 1986 году за изготовление, хранение и сбыт самогона было осуждено 2578 человек, что в 8,5 раз больше, чем в 1984 году [13, л. 27]. Увеличилось число лиц, отравившихся различными суррогатами. Например, в Красноармейском районе Челябинской области один случай во втором

полугодии 1984 года против 6 случаев во втором полугодии 1985 года [11, л. 52]. Также был отмечен рост наркомании и токсикомании. По данным Челябинского обкома КПСС, на 1 июля 1987 года в области было зафиксировано 438 потребителей наркотиков, в то время как в 1986 году их было зафиксировано 235 человек, а в 1985 году – 85. При этом увеличилось количество преступлений, связанных со сбытом, хранением и потреблением наркотиков [13, л. 20]. Помимо этого, антиалкогольная кампания второй половины 1980-х годов привела к росту недовольства населения политической государственности. Дело в том, что во время действия антиалкогольного законодательства население страны было вынуждено простаивать в многокилометровых и многочасовых очередях за спиртными напитками. В связи с этим в народе появилось большое количество частушек, связанных с антиалкогольной кампанией, а сам Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв получил прозвища «Лимонадный Джо» и «минеральный секретарь».

К 1988 году антиалкогольная кампания потихоньку была свёрнута. Об этом свидетельствует постепенное увеличение производства и продажи алкогольной продукции в стране. Увеличение объёмов производства и продажи спиртных напитков привело к новой волне роста преступности и ухудшению трудовой дисциплины. Так, на территории Челябинской области в 1987 году был зарегистрирован рост преступности на почве пьянства: в Октябрьском районе на 22,6%, Кткульском – на 24,6%. При этом рост преступности на почве пьянства был зарегистрирован и в ряде других районов Челябинской области. В итоге, в 1987 году удельный вес преступлений, совершённых в нетрезвом виде, вырос с 30 до 34% [13, л. 12]. К концу 1987 года ухудшилась трудовая дисциплина на предприятиях города Челябинска и Челябинской области, о чём свидетельствуют данные, извлечённые из архивных материалов Объединённого государственного архива Челябинской области, из которых видно, что за 9 месяцев 1987 года по сравнению с 1986 годов число прогулов на 100 работающих увеличилось с 17,5 до 19,3. Слабо стали работать комиссии по борьбе с пьянством, сократилось количество

выходов добровольных дружин на охрану общественного порядка на 19% уже в первой половине 1987 года [13, л. 34]. В 1987 году за распитие спиртных напитков на производстве или пребывание в нетрезвом виде составлено 4198 протоколов, что на 100 протоколов больше, чем в 1986 году [13, л. 22].

В целом, мы можем прийти к выводу о том, что антиалкогольная кампания Советского государства второй половины 1980-х годов имела ряд положительных и отрицательных результатов.

Библиографический список

1. Антиалкогольная кампания в СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://back-in-ussr.info/2012/03/antialkogolnaya-kampaniya-v-sssr> (дата обращения: 23.08.2015).
2. Немцов А. В. Антиалкогольная кампания 1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/publ/info/811> (дата обращения: 24.08.2015).
3. Немцов А.В. Убойная сила российского пьянства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alcddata.narod.ru/Nemtsov_2003/ (дата обращения: 24.08.2015).
4. Объединённый государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). – Ф. 288. – Оп. 198. – Д. 291. – Л. 7.
5. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 21. – Л. 8.
6. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 39. – Л. 21, 36.
7. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 78. – Л. 55.
8. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 86. – Л. 2, 27.
9. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 122. – Л. 158–159, 162.
10. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 199. – Д. 263. – Л. 12, 28, 30, 47–48, 50, 54.
11. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 200. – Д. 38. – Л. 41–42, 47, 52.
12. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 200. – Д. 39. – Л. 11.
13. ОГАЧО. – Ф. 288. Оп. – 200. – Д. 40. – Л. 12, 20, 22, 27, 34, 50.
14. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 10. – Д. 2920. – Л. 19.
15. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 10. – Д. 2937. – Л. 19, 14.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АРМЯНО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1998–2008 гг.

Политические изменения, произошедшие в новой независимой Армении в 1998 г., существенным образом не повлияли на внешнюю политику республики. Избрание Роберта Кочаряна на должность президента Республики Армения было рассмотрено во Франции как возможность вывести страну из тупика. Инициативы, которые были выдвинуты новыми властями по вопросу Геноцида, свидетельствовали о том, что власть в Армении действительно изменилась, и что некоторые проявления внешней политики новых властей своей активностью отличались от политики прежних. Взаимопонимание, установившиеся в 1998–2008 гг. между высшим руководством Республики Армения и Французской Республики способствовало тому, что тесные и частые контакты стали традиционными.

Особое значение для укрепления армяно-французских межгосударственных связей имел государственный визит президента Ж. Ширака в Армению 29 сентября – 1 октября 2006 года. В ходе встреч с президентом Республики Армения были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес, а также проблемы международного значения, проблема переговорного процесса по урегулированию Карабахского конфликта.

Подобная активная политика принесла свои плоды: 29 мая 1998 г. НС Франции принял закон о публичном признании Геноцида армян 1915 г. Законопроект был представлен социалистической партией Франции, что вытекало из предвыборного обещания премьер-министра Лионеля Жоспена. Франция стала первым в мире государством, которое признало Геноцид армян на уровне закона.

Ключевые слова: армяно-французские отношения, динамика, парламентского сотрудничества, двусторонние отношения, органы местного самоуправления.

Армяно-французские отношения построены не столько на факторе общего настроения высшего политического руководства двух стран, сколько на взаимовыгодных связях между двумя народами (фактор Диаспоры), общности национальных интересов и исторических традициях. Не случайно, что процесс смены власти в обеих странах не привел к значительным сдвигам в отношениях, они сохранили характер добрососедского сотрудничества.

Политические изменения, произошедшие в новой независимой Армении в 1998 г., тоже существенно образом не повлияли на внешнюю политику республики. «Избрание Роберта Кочаряна на должность президента Республики Армения было рассмотрено во Франции как возможность вывести Армению из тупика, поскольку невозможность применения вариантов решения карабахского конфликта, отраженных в позиции Тер-Петросяна, была очевидна. Французские власти, будучи знакомы с более радикальной позицией Кочаряна по вопросу урегулирования конфликта, в его лице видели того человека, который в состоянии реализовать мирное соглашение» [1].

Обе инициативы, в вопросе НК и Геноцида, которые были выдвинуты новыми властями, свидетельствовали о том, что власть в Армении действительно изменилась, и что некоторые проявления внешней политики новых властей своей активностью отличались от политики прежних. Речь идет о следующих особенностях:

1. Визит сопредседателей Минской группы, в ходе которого Армения отвергла вариант поэтапного урегулирования Карабахского конфликта и выразила ясную позицию Республики Армения о возобновлении переговоров, включает следующие вопросы:

– Начало всесторонних переговоров по урегулированию конфликта без предварительных условий.

– Выдвижение варианта «ни автономия, ни независимость» [2].

2. Активная позиция властей Республики Армения в вопросе международного признания Геноцида армян 1915 г., которая значительно отличалась от позиции прежней администрации.

Подобная активная политика принесла свои плоды: 29 мая 1998 г. НС Франции принял закон о публичном признании Геноцида армян 1915 г. [3]. Законопроект был представлен социалистической партией Франции, что вытекало из предвыборного обещания премьер-министра Лионеля Жоспена. Франция стала первым в мире государством, которое признало Геноцид армян на уровне закона [3].

Конечно, на начальном этапе существовали определенные сложности, которые были обусловлены позицией исполнительной власти и президента. Исполнительная власть мотивировала это, с одной стороны, тем отрицательным влиянием, которое может иметь признание Геноцида на франко-турецкие отношения и на роль Франции в регионе, с другой стороны, тем обстоятельством, что Франция является сопредседателем Минской группы ОБСЕ и должна избегать предвзятой позиции в регионе. После того как в Сенате вопрос о внесении закона на повестку два раза был отвергнут: 2 февраля и 24 марта 2000 г., 18 января он был утвержден в НС, а спустя несколько дней подписан президентом Ж. Шираком [3]. Но, несмотря на это, через год в экономических отношениях между Францией и Турцией наметился значительный рост. Франция, будучи основным поставщиком Турции целого ряда товаров и услуг, рассматривала вопрос Геноцида армян как угрозу экономическим интересам Турции.

Именно в этот период 16 марта 1999 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом РА во Франции был назначен Эд. Налбандян, который проработал в этой должности до 2008 г. [3], а затем стал министром иностранных дел Республики Армения.

Важной традицией стали также визиты во Францию представителей властей НКР, очередной из которых состоялся в марте 1999 г. Во Францию отправились президент НКР А. Гукасян и министр иностранных дел Н. Мелкумян, которые встретились с французскими политическими и государственными деятелями и представителями армянской диаспоры [3].

Со времени приобретения Арменией независимости в обеих палатах парламента Франции постоянно и активно действовали группы француженско-армянской дружбы.

Стимулированию армяно-французского парламентского сотрудничества способствуют двусторонние визиты руководителей законодательной власти двух стран. В рамках двустороннего парламентского сотрудничества Францию посетили с армянской стороны председатели Национального Собрания Армении Хосров Арутюнян (с 30 марта по 3 апреля 1999 г.), Артур Багдасарян (12–19 января 2004 г.).

По приглашению председателя НС РА Карена Демирчяна 20 июля 1999 г. [4] делегация Сената Франции во главе с председателем К. Понсле совершила официальный визит в Армению. По инициативе К. Понсле в Версале 14–16 декабря 1999 г. состоялись трехсторонние встречи президентов трех республик Южного Кавказа, которые были посвящены сотрудничеству в южнокавказском регионе.

Армяно-французские визиты на высоком межгосударственном уровне свидетельствовали о существующих интересах в двусторонних отношениях. Спустя несколько месяцев (7–8 сентября 1999 г.) в Армению прибыла делегация МИД Франции во главе с главным советником министра иностранных дел Мишелем Фуше. В Ереване прошли встречи со вторым президентом Республики Армения Робертом Кочаряном, председателем НС Кареном Демирчяном, премьер-министром Вазгеном Саргсяном и министром иностранных дел Варданом Осканяном. Среди обсуждаемых вопросов особое место занимали варианты урегулирования вопроса НК, а также вопросы, связанные с визитом высокопоставленной делегации из Франции.

27 октября 1999 г. в НС Республики Армения был совершен террористический акт, среди жертв которого были премьер-министр Республики Армения и председатель Национального Собрания. Французские власти, высшие политические круги и самые разные слои населения сразу отреагировали на эту трагедию, выразив соболезнование и поддержку Армении [5]. Уже 27 октября 1999 г. заседание НС Франции, на котором присутство-

вали члены правительства, было прервано в знак уважения жертв трагедии. В последующие дни с обращениями к руководству и народу Армении выступили президент Ж. Ширак, премьер-министр Л. Жоспен, председатели Сената и НС К. Понсле и Л. Фабиус, министр иностранных дел Ю. Ведрин.

Для уточнения некоторых вопросов, которые остались за рамками той встречи, 16–22 апреля 2001 г. в Армению прибыла делегация НС Франции во главе с руководителем группы армяно-французской дружбы, депутатом-социалистом Жан-Полем Бретом.

30 июля 2000 г. второй президент Республики Армения Роберт Кочарян с рабочим визитом побывал во Франции, затем 12–16 февраля 2001 г. по приглашению президента Ж. Ширака посетил Францию с государственным визитом. По личной инициативе и при непосредственном участии Ж. Ширака в Париже были организованы встречи между президентом Армении Робертом Кочаряном и президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Достигнутые в результате встреч предварительные договоренности в историю переговорного процесса вошли под названием «Парижские принципы».

20–24 сентября 2001 г. в рамках межпарламентского сотрудничества между Францией и Арменией для участия в торжествах, посвященных 1700-летию принятия Арменией христианства в качестве государственной религии, для вручения писем президента Ж. Ширака президенту Республики Армения Р. Кочаряну и Католикосу Всех Армян Его Святейшеству Гарегину II в Армении побывал руководитель группы армяно-французской дружбы Жак Уден. Его сопровождали сенатор Элен Люк и администратор Сената Верони Боке [5].

Важнейшим направлением двусторонних политических отношений считается формирование и развитие сотрудничества между органами местного самоуправления. В рамках этого сотрудничества 25–28 октября 2001 г. в Армении побывала делегация во главе с мэром Марселя Жан Клодом Годеном. С мэром Еревана Робертом Назаряном были обсуждены перспективы бизнес-связей, а также возможность городов стать побратимами. 10–13 февраля 2002 г. в Армении побывала делегация, возглавляемая председателем верховного совета департамента Буш-дю-Рон Жаном-Ноэлем Герины [5]. Фактически на уровне местных властей также шло активное сотрудничество.

Новый посол Франции в Армении Анри Кюни в январе 2002 г. вручил верительные грамоты президенту Республики Армения Р. Кочаряну.

21 апреля и 5 мая 2002 г. во Франции прошли два этапа президентских выборов, на которых победу одержал действующий президент Ж. Ширак [6]. Он набрал 82% голосов избирателей. Это был самый высокий показатель, зафиксированный в истории Пятой Республики.

В ходе южнокавказского визита 3–5 октября 2002 г. в Армении побывала делегация во главе с госсекретарем МИД Франции Рено Мюзелье [6]. Перед МИД Франции и госсекретарем стояла сложная задача: обеспечение за рубежом единого присутствия французской администрации.

Во французском городе Кламар 31 мая 2003 г. было подписано соглашение о том, чтобы Арташат и Кламар [6] стали городами-побратимами. Оно должно было способствовать гарантии экономических и культурных связей, созданию французских компаний с зарубежными инвестициями.

Во время встречи президентов Ж. Ширака и Р. Кочаряна в Париже в 2004 г. было принято решение провести в 2006–2007 гг. год Франции в Армении. Воля двух президентов гарантировала успех этого ответственного предприятия. В Армении была создана Правительственная комиссия под председательством премьер-министра Армении, в состав которой входили министры и руководители ведомств.

Особое значение для укрепления армяно-французских межгосударственных связей имел государственный визит президента Ж. Ширака в Армению 29 сентября – 1 октября 2006 г. [8]. В ходе встреч с президентом Республики Армения были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес, а также проблемы международного значения, проблема переговорного процесса по урегулированию Карабахского конфликта. Визит президента Франции имел исключительное значение как с точки зрения дальнейшего развития двусторонних отношений, так и в плане углубления сотрудничества между ЕС и Арменией и повышения авторитета Армении на международной арене. Ж. Ширак был единственным из руководителей стран ЕС, который публично высказался о необходимости признания Турцией Геноцида армян как условия вступления в ЕС [9]. Эта точка зрения была вновь озвучена в Ереване в ходе совместной пресс-конференции с президентом РА [9].

Год Армении во Франции начался 21 сентября 2006 г., в День независимости Армении, и завершился 14 июля 2007 г., в День взятия Бастилии. В рамках года Армении во Франции в 165 городах прошло 850 культурных, экономических и благотворительных мероприятий. Президент Франции Ж. Ширак, министр внутренних дел и будущий кандидат правых на президентских выборах Н. Саркози осудили убийство в Стамбуле 19 января 2006 г. редактора армянской газеты «Акос» Гранта Динка и направили свои соболезнования родственникам убитого [10].

Проведение в 2006–2007 гг. года Армении во Франции выявило новый потенциал и перспективы развития многосторонних отношений между двумя странами. Значение визита президента Франции Жака Ширака в Армению с 29 сентября по 1 ок-

тября было исключительным как для дальнейшего развития двусторонних отношений, так и углубления отношений Армении с ЕС, а также в плане повышения международного авторитета Армении.

Второй президент Республики Армения Р. Кочарян 6 сентября 2007 г. принял делегацию, возглавляемую первым секретарем Социалистической партии Франции Франсуа Оландом (депутаты Рене Руке, Бруно Ле Рун, сторонник партии Карим Пакзад, члены западноевропейского комитета АРП Мурад Папазян и Ришар Ананян) [11], которые посетили Армению с ознакомительным визитом по приглашению армянской коалиционной партии АРП. В ходе визита были обсуждены вопросы армяно-французского сотрудничества. Президент Кочарян приветствовал также установление связей между армянскими и французскими политическими силами в лице Армянской революционной партии Дашнакцун и Социалистической партии Франции.

Благодаря усилиям Социалистической партии и лично Франсуа Оланда, в октябре 2006 г. НС принял закон, устанавливающий уголовную ответственность за отрицание Геноцида армян. Закон был принят 127 голосами, против проголосовало 19 депутатов. Он предусматривал штраф в размере 45.000 € и тюремное заключение сроком до года [12].

17 октября 2007 г. в Армении с трехдневным визитом побывал мэр Марселя – Жан-Клод Годен, которого принял президент Р. Кочарян [13]. Мэр сообщил, что вместе с ним в Армению прибыла представительная делегация французских предпринимателей с целью стимулировать экономическое сотрудничество и активизировать работу француско-армянской торговой палаты. Отметим, что Жан-Клод Годен одним из первых поднял в Сенате Франции вопрос о Геноциде армян, и что его роль велика в вопросе признания последнего.

С конца марта 2006 г. французская компания Air France стала совершать регулярные авиaperезовки по маршруту Париж – Ереван – Париж. В сентябре 2006 г. одна из крупнейших французских компаний «Credit Agricole» стала самым крупным акционером банка «АСВА», и банк был переименован в ЗАО «БАНК АКБА-КРЕДИТ АГРИКОЛЬ».

В ноябре 2006 г. в Торгово-промышленной палате Парижа был проведен армяно-французский экономический форум, в котором участвовала правительственная делегация из Армении под руководством министра торговли и экономического развития РА Карена Чшмаритяна.

В марте 2007 г. Армения впервые в статусе почетного гостя приняла участие в 44-ой Парижской сельскохозяйственной ярмарке.

27 мая 2008 г. между правительствами Армении и Франции было подписано финансовое соглашение, согласно которому Армении будет предостав-

лено 24.9 млн. евро на осуществление программы по усовершенствованию системы питьевой воды в Ереване [13].

7 октября 2008 г. в результате конкурса второго оператора сотовой связи Франс Телеком был признан победителем, предложив 51,5 млн. евро предварительных инвестиций и получив предварительную лицензию «Оранж Армения» в 2009 г., сделав дополнительные инвестиции в размере 70 млн. долларов США, с целью осуществлять деятельность не только в Ереване, но и в районах страны, вовлекая как можно больше населения [13].

Взаимопонимание, установившееся в 1998–2008 гг. между высшим руководством Республики Армения и руководством Французской Республики, тесные и частые контакты стали традиционными. Особое место занимает сотрудничество между представителями парламентов, органов местного самоуправления, что является редким не только для европейских стран. В лице Франции Армения приобрела в Европе партнера, который способствует развитию отношений Армении с европейскими структурами. В частности, речь идет о полезной вовлеченности Франции в рамках деятельности Минской группы ОБСЕ по урегулированию Карабахского конфликта.

Сегодня между 30 французскими и армянскими городами и административными единицами установлены тесные связи. Следует отметить, что на децентрализованном уровне взаимовыгодное сотрудничество продолжается и сейчас, оно включает все новые сферы муниципального управления, становясь все более эффективным.

Высокий уровень армяно-французского сотрудничества пока не в достаточной мере подкреплен сотрудничеством в других (например, военно-политических) сферах, а контакты на уровне представителей правительств двух стран происходят редко.

Библиографический список

1. Абраамян Г. История армянского народа: с древнейших времен до наших дней. – Ереван: ЕГУ, 2004. – 195 с.
2. Архив Национального Собрания Республики Армения: сводка отношений Армении и Франции 1998–2009 гг. – Ереван, 2012.
3. Историко-дипломатический архив МИД РА. – Ф. 5. – Д. 22.
4. Историко-дипломатический архив МИД РА. – Ф. 9. – Д. 47.
5. Информационный сайт Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.am> (дата обращения 23.07.2015).
6. Официальный сайт МИД РА. Информация об отношениях с Францией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.am> (дата обращения 24.07.2015).
7. Официальный сайт Министерства обороны Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mil.am/1298097191> (дата обращения 21.07.2015).
8. «Проблема Нагорного Карабаха»: пути урегулирования. Парламентские слушания 29–30 марта 2005 г. – Ереван: 2006. – 470 с.
9. Сайт газеты «Аравот». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aravot.am> (дата обращения 21.07.2015).
10. Сайт газеты «Собеседник». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sobesednik.ru> (дата обращения 21.07.2015).
11. Текущий архив Министерства экономики РА. Справка об армяно-французских торгово-экономических отношениях. – Ереван, 2010.
12. La France et l'Arménie. Relations politiques. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo833/armenie456/france-armenie1020/presentation4410/index.html#so1>
13. Nikolay Hovhannisyan. The Armenian Genocide. – Yerevan, 2002. – 570 p.

УДК 94(470)"16/18"

Ибнеева Гузель Вазыховна

доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
public.mail@kpfu.ru

Попов Илья Александрович

Казанский (Приволжский) федеральный университет
welcoming@yandex.ru

РОЛЬ СТАРОВЕРОВ В РАСШИРЕНИИ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются представления современных англо-американских исследователей о влиянии староверов на ход российской колонизации конца XVI – XVIII вв. Объект рассмотрения – труды американских, канадских и британских историков, изданные в середине 80-х годов XX века.

Староверы в рамках обозначенного периода являлись группой, которая активно перемещалась, и приносила русскую культуру на нерусские земли, являясь, таким образом, проводником русской колонизации. Авторы анализируемых в данной статье работ выделяют следующие основные причины активной миграции староверов. Во-первых, это попытка избежать социального давления и юридического преследования на религиозной почве. Во-вторых, экономическая причина – попытка уйти от крепостной зависимости, налогов и вести хозяйство на свободных землях. В-третьих, идеологические причины: примером такого фактора миграции могут служить поиски староверами и другими религиозными группами мифических земель Беловодья. Значимым результатом данной работы является положение о том, что рост интереса к теме староверов в англо-американской историографии русской колонизации является следствием повышения значения человеческого фактора в современной западной исторической науке. Каждая социальная группа, в том числе и староверы, воспринимается как самостоятельный актор колонизационного процесса.

Ключевые слова: русская колонизация, англо-американская историография, религиозный фактор, староверы, религиозные утопии, история Сибири, Кавказ, Степь.

Религиозный фактор сыграл немаловажную роль в истории мировой колонизации. Важным его составляющим является движение религиозных «диссидентов», которые своими перемещениями стимулировали колонизацию. Так, Реформация в Европе привела к существенной внутренней миграции жителей. Вообще, в XVII–XVIII веках одну из основных категорий мигрантов в Новый Свет составляли представители регионов с сильными религиозными противоречиями.

Для многих европейских и американских исследователей параллель между протестантами, являющимися основой колонизации на Западе, и староверами в России стала совсем прозрачной и естественной. Однако до середины 80-х годов прошлого века в англо-американской историографии участию староверов в процессе российского колониального расширения уделялось незначительное внимание. В последние 30 лет положение изменилось. Тема староверов стала упоминаться у зарубежных исследователей вместе с ростом популярности изучения религиозного фактора русской колонизации. Следует заметить, что роль староверов в российском территориальном расширении отмечается англо-американскими исследователями при изучении истории многих регионов: Сибири и Дальнего Востока, Степи, Кавказа.

Исходя из уже признанной значительной роли староверов в перемещении границы русской колонизации невозможно не задаться вопросом о причинах, побудивших их к подобным передвижениям. Совершенно очевидны политико-идеоло-

гические причины исхода староверов из центральной части России, вызванные конфессиональным давлением государства. По мнению большинства англо-американских авторов, что так же признано и отечественными историками, социальные проблемы и религиозные гонения во время правления Петра I были основными причинами бегства населения и, как следствие, расширения народной колонизации [5, p. 16].

Однако среди современных англо-американских исследователей русской колонизации наибольший интерес вызывают различного рода «нестандартные» причины миграции староверов и крестьян, прежде всего мировоззренческие или ментальные.

Важным ментальным фактором русской колонизации Сибири считается движение русского населения под влиянием различного рода утопий. Альфред Рибер, рассматривая утопии как двигатель русской колонизации, сводит их к двум типам: «возвратные» утопии, смыслом которых является восстановление миропорядка, потерянный староверы после раскола, и утопии, нацеленные на будущее, например построение нового Иерусалима. Оба типа утопий стимулировали движение от центра к периферии, часто проходившее под государственным давлением так, что это перемещение можно сравнивать с высылкой инакомыслящих из центральной части России [9, p. 268]. Таким образом, религиозные утопии побуждали к перемещению не только староверов, но и других последователей еретических толков, а также многих крестьян, для которых идеи о новой жизни

были основой существования. Следует заметить, что ещё отечественный исследователь XIX века А. Щапов признавал значительную роль утопий в колонизации Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, англо-американские авторы во многом лишь развивают положения работ отечественных дореволюционных историков.

Если брать в целом, сибирское направление миграции староверов являлось основным в XVIII–XIX веках. Однако в современной англо-американской историографии их роль именно в присоединении территории Сибири и Дальнего Востока отражена слабо. Американский исследователь истории Сибири Дэвид Коллинс удостоивает их лишь единственного упоминания, отмечая, что «помимо группы переселенцев, состоявших из крестьянских колонистов, перемещение которых было вызвано чисто экономическими причинами, была и другая значительная часть населения, состоявшая из различных религиозных групп, начавших активно перемещаться в сибирские территории» [4, р. 39]. Существенную их часть составляли староверы, которые после реформ патриарха Никона и церковного раскола старались переместиться подальше от государственной власти, а сибирские территории во второй половине XVII века и в течение всего XVIII столетия были для этого наиболее подходящим местом.

Кроме Коллинса, тему староверов в колонизации Сибири затрагивают также в своих работах Валери Кивельсон [7], Пол Верт [10] и др. Отечественные авторы, такие как Н.Н. Покровский, раскрыли данную тему раньше и очень многогранно, и можно сказать, что англо-американские авторы устойчиво следуют отечественной историографической традиции.

Несколько большее внимание со стороны англо-американских авторов получило изучение участия раскольников в освоении территории Степи. Среди данных авторов можно отметить исследователя истории русского казачества Брайана Боека. Его суждения идут вразрез с несколько укоренившимся как в отечественной, так и в зарубежной историографии мнением о том, что основной религиозный мотив русской колонизации заключался в борьбе между христианской Россией и нехристианскими народами, её окружающими, то есть в борьбе с мусульманским югом и христианизацией языческих народов на востоке страны. Согласно заключениям Боека, с которым теперь согласны многие зарубежные исследователи, главным врагом в религиозной борьбе для российских властей были всё же староверы. В свою очередь, для староверов Москва была большим врагом, нежели мусульмане, с которыми они вступали в союзы против Российского государства [2, р. 103]. Таким образом, по мнению Б. Боека, «религиозные диссиденты» становятся одной из сторон, которая способствовала эскалации кон-

фликта. Воспринимая староверов как полноценных участников конфликта, Боек, тем самым, признаёт их роль как самостоятельных акторов колонизации.

Таким образом, можно говорить, как минимум, о двух факторах, которые оказывают воздействие на скорость и направление российской колонизации степных территорий. Первый – это общепризнанный экономический: российское государство преследует беглых староверов вследствие нежелания потерять экономическую выгоду от их эксплуатации. А второй – это военно-идеологический: староверы, выступая как сторона военного конфликта, провоцируют Москву на наступательные действия, поскольку они были источником идеологической и военной опасности для российской власти.

Другим важным сюжетом англо-американской историографии русской колонизации является борьба казаков старообрядческого толка с московскими властями, что является также одним из основных сюжетов и истории русской колонизации Кавказа. Именно переходом казаков-староверов с территории Запорожской Сечи, которая стала контролироваться Россией во второй половине XVII века, в сторону Кавказа Б. Боек объясняет интенсификацию интереса Москвы к данным территориям [2, р. 114]. Кавказ стал для староверов убежищем, однако таковым он для них оставаться долго не мог. Диссидентская угроза от староверов Кавказа для Москвы, как утверждает Боек, представляла большую опасность, чем активность Крымского Ханства в этом регионе [2, р. 116]. Наличие на границе Московского государства русских сообществ, которые противостояли официальной власти, имело дестабилизирующий эффект для российского общества и могло вызвать брожение среди крестьян уже внутри страны.

Боек в своих исследованиях старается сделать ещё более убедительными доводы о силе антагонизма между староверами-казаками и православной Москвой, подчёркивая союз «кубанских» казаков и Крымского Ханства против Москвы. Кроме того, подобный сюжет хорошо демонстрирует всю противоречивость процесса русской колонизации на Северном Кавказе, который нельзя описать только как борьбу «русских» с «нерусскими». Речь идёт о конфессиональном противостоянии, с одной стороны, и процессе уничтожения свободного казачества и всех его теоретических прав на независимость – с другой. Последнее заключение исходит из того факта, что у Боека, как и у многих современных англо-американских авторов, проявляется восприятие казачества как отдельного народа и даже государственного образования, уничтоженного в результате российской колонизации со всеми вытекающими из этого идеологическими выводами [2, р. 231].

Б. Боек является не единственным среди англо-американских исследователей, подчеркивающих

важность изучения проблемы старообрядчества в исследовании истории русской колонизации Кавказа. Она занимает значительное место в работах Томаса Барретта [1], Файрузы Мосташари [8] и др. Тем не менее, воспринимая староверов как отдельную культурно-конфессиональную группу, многие авторы не забывают указать на их значительную роль в продвижении именно «русской» колонизации. Н. Брейфогль в своей книге «Еретики и Колонизаторы: Выковка Российской империи» утверждает, что староверы, хотя и вступали в конфликт с официальными российскими властями, всё же являлись представителями русской культурной среды и расширением русского мира, они готовили хорошую почву для продвижения Российской империи на Кавказе [3, р. 184]. Староверы были своеобразным мостом между русскими и местными народами, с которыми они успели сродниться, и тем самым они способствовали продвижению имперской экспансии, замечает представитель Калифорнийской исторической школы Августин Джерсид [6].

Принимая во внимание большую роль миграции староверов в расширении русской колонизации, всё же не стоит её переоценивать. Дальнейшее перемещение староверов подальше от надвигающейся власти Российского государства привело их в Северную и Южную Америки. Однако эти территории не стали частью России, несмотря на нахождение там русских религиозных диссидентов.

В заключение необходимо сказать, что в дополнение к доминирующей теории об экономической подоплеке российской колонизации у современных англо-американских историков всё больше стало появляться сюжетов, связанных с изучением народной колонизации и оценки различных групп населения как самостоятельных акторов колонизации, действующих независимо, а порой и вопреки государственной политике. В этом проявляется развивающийся антропоцентризм западной исторической науки. Англо-американские исследователи при изучении истории русской колонизации, как и при исследовании других тем, всё больше отходят от концепции «государственной школы», согласно которой расширение российского государства было вызвано решением её правителей. Вследствие этого вполне закономерно обнаружить у современных англо-американских авторов повышенный интерес к староверам как фактору расширения государства.

Следует отметить, что большинство англо-американских авторов стремятся для своих исследова-

ний избрать сюжеты, вызывающие живой интерес у читателя. За последние несколько десятилетий существенно выросло количество работ, связанных с историей казаков, староверов, ссыльных и других социальных групп, которые делают историю России отличной от истории других европейских стран. Как следствие, оценка их роли в процессе русской колонизации в современной историографии также изменилась. Подобный процесс происходит не только в зарубежной, но и в русской историографии. Вместе с тем отметим, что англо-американские историки стараются довольно объективно относиться к историческому повествованию и, в большинстве своём, решающую роль в расширении русского государства оставляют за традиционными экономическими и политическими факторами.

Библиографический список

1. *Barrett T.M.* At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. – Boulder: Westview Press, 1999. – 243 p.
2. *Boeck B.J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. – Cambridge University Press, 2009. – 255 p.
3. *Breyfogle N.B.* Heretics and colonizers: forging Russia's empire in the south Caucasus. – Cornell University Press, 2007. – xii+347 p.
4. *Collins D.* Subjugation and settlement in seventeenth and eighteenth-century Siberia. The History of Siberia // Wood A. The History of Siberia. – L.: Routledge, 1991. – P. 37–56.
5. *Hart J.R.* From Frontier Outpost to Provincial Capital: Saratov, 1590–1860 // Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917. – P. 10–27.
6. *Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. – Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. – 253 p.
7. *Kivelson V., Green R.* Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice. – University Park, PA: Pennsylvania State University, 2003. – 292 p.
8. *Mostashari F.* On the Religious Frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. – N-Y.: I.B. Tauris, 2006. – 203 p.
9. *Rieber A.J.* Colonizing Eurasia // Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history. – Routledge, 2007. – P. 265–279.
10. *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. – Ithaca: Cornell, 2002. – 285 p.

Феденок Юлия Николаевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
fedenok.julia@gmail.com**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА У РУССКИХ:
ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ***

Структурирование жилого пространства является одной из универсалий человеческого поведения. Во всех культурах существуют нормы этикета, регламентирующие расположение индивидов в доме в зависимости от их статуса, возраста, пола и степени родства. У русских с давних пор установились строгие правила использования жилого пространства. В традиционной избе каждый её угол имел свое определенное назначение, что помогало рационально использовать небольшую площадь. В повседневном быту была четкая регламентация взаимоотношений между родственниками – подчеркнуто уважительное отношение к главе семейства, младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам. В конце 19 – начале 20 века, в связи с распадом больших патриархальных семей, внутрисемейные отношения становятся демократичными, а весь уклад таких семей стал отличаться меньшей регламентацией взаимоотношений. Нами было проведено исследование представлений об «идеальной» организации жилого пространства дома среди современных русских школьников. Исследование показало, что традиционная организация пространства дома еще несколько сохраняется в рассаживании за обеденным столом, однако в остальном уже претерпела существенные изменения. Рисунки «идеальных» домов школьников показывают, что для современных городских подростков характерен высокий вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой информации, которые и формируют представления у молодежи об успешной взрослой жизни. При этом установки школьников отличаются в мегаполисе и провинциальном городе, что является отражением разницы в доступности к материальным благам.

Ключевые слова: проксемика, организация пространства, трансформация жилого дома, русские, Москва, Тольятти.

Понятие «дом» для человека имеет много смыслов: это убежище, место жительства, домашний очаг, воплощение идеи уюта и личного пространства. В традиционной культуре внутренняя структура жилища являлась проекцией мира внешнего, а стратегии поведения человека часто выстраивались в зависимости от того, находился человек внутри или снаружи дома [1]. Структурирование жилого пространства является одной из универсалий человеческого поведения. Во всех культурах существуют нормы этикета, регламентирующие расположение индивидов в доме в зависимости от их статуса, возраста, пола и степени родства [3]. Они представлены в виде этноэтикетных «предписаний ритуализованного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия» [2].

Внутренняя структура жилого пространства, в том числе интерьер, является одной из форм презентации личности и связана, в первую очередь, с культурными ценностями человека [5]. Внутреннее убранство домов довольно устойчиво: люди редко меняют внутреннюю обстановку дома, так как его переустройство под воздействием моды или прихоти обычно требует довольно больших материальных затрат [6]. Различия домов и внутренней обстановки в них обусловлены экономическими и социальными отношениями, формами семейной жизни, культурно-бытовыми традициями.

Целью данной работы было выявить трансформации, произошедшие в организации жилого пространства у русских, и представления современной русской молодежи об «идеальном» доме.

Для решения поставленных целей был применен рисуночный метод Э. Холла [15]. Школьникам было предложено нарисовать «идеальный» дом. При этом ставилась задача изобразить план-схему дома, прорисовав его обстановку, подписав комнаты и их принадлежность членам семьи.

Всего в исследовании приняло участие 37 русских школьников, 9 юношей и 28 девушек, в возрасте 15–17 лет, обучающихся в общеобразовательной школе города Москвы. По вероисповеданию большинство юношей отнесли себя к атеистам, а девушки – к христианам православного толка. Почти все юноши проживают в полных семьях, а четверть девушек проживает только с матерью, и только половина всех опрошенных подростков имеет брата или сестру.

Традиционная организация жилого пространства русского дома. Изба была основным жилым помещением для крестьянской семьи, численность которой могла порой достигать до 20 человек. В ней готовили пищу, спали, занимались всеми домашними работами, пряли, ткали, а зимой доили и кормили корову, держали новорожденных телят, ягнят, поросят и кур. Условия домашней жизни крестьян отличались теснотой и скученностью [8].

Для рационального использования сравнительно небольшой площади (обычно 4х4 метра) избы с давних пор установились строгие правила использования её пространства: каждый угол избы имел свое определенное назначение [8]. Мебель изготавливалась при постройке избы и часто плотно крепилась к стенам. Традиционно центральное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-31-1288.

место в крестьянском доме занимала печь, служившая одновременно для отопления и для приготовления пищи. Она занимала от одной четвертой до одной пятой площади избы. Обычно печь помещали в одном из углов дома. Около ее устья был «бабий кут» – место для приготовления пищи, а за её боковой стеной устраивали примост для спанья, а выше его – полати. По диагонали от печи был «красный (святой) угол», где стоял обеденный стол и висел «киот» («божница») с полками для икон. Передний угол считался почетным в избе, под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники [7; 8].

До начала XX века во многих регионах ещё сохранялись большие расширенные семьи, состоявшие из нескольких малых семей, чаще всего женатых сыновей и их родителей, несколько реже только женатых братьев. В таких семьях в повседневном быту сохранялось подчеркнуто уважительное отношение к главе семейства, четко соблюдались правила поведения: младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам. С распадом таких семей отношения становились более демократичными: женщины начали пользоваться сравнительно большими правами, более равные права стали и между родителями и детьми, а весь уклад семей стал отличаться меньшей регламентацией взаимоотношений. В городах трудовой вклад в обеспечение семьи всех взрослых, включая подростков, создавали в семьях еще более равноправные отношения, не нарушая при этом уважительное этикетное отношение к старшим [7].

«Дом мечты» глазами современных городских подростков. Исследование представлений об идеальном доме, проведенное среди московских школьников, показало, что они мечтают жить не только в России, некоторые из них указали, что предпочли бы жить в таких городах, как Амстердам, Нью-Йорк, Сеул, Токио, Сан-Тропе или на берегу моря, к примеру в Испании. Большинство подростков изобразило «дома мечты» привычной современному жителю городов прямоугольной или квадратной формы, и только три девушки нарисовали дома необычной формы. Так, одна девушка мечтает жить в доме, расположенном на дереве.

Половина юношей, нарисовав свой «идеальный» дом, предпочли изобразить «идеальную» квартиру (в том числе и двухэтажную), а половина – одноэтажные дома. Девушки же, в отличие от юношей, предпочитают мечтать об отдельных домах. Особенностью московских девушек является то, что у них нет предпочтения многоэтажным домам, треть из них нарисовала одноэтажные, в отличие от девушек из г. Тольятти и г. Новосибирска, где подавляющее большинство девушек мечтает жить в двух- и трехэтажных домах [12; 13].

Количество комнат на рисунках имеет гендерную специфику: юноши предпочитают от трех до

семи комнат большой площади. У девушек же количество комнат варьирует от двух до двадцати, при этом комнаты могут быть не очень большие по метражу. Основа домов у молодых людей одинакова независимо от их пола. Это, в первую очередь, спальная комната, ванная, гостиная и кухня. Однако несколько человек не указало в своих «идеальных» домах кухни, что может говорить как о некоторой незрелости подростков в плане представления об устройстве быта, так и о мечте оторваться от повседневных забот (например, питаться в ресторанах). На это указывает и то, что несколько человек мечтает иметь прислугу, в том числе повара, чтобы не задумываться о повседневных домашних делах. Некоторые респонденты в своих «идеальных» домах даже не размещают туалетные комнаты, забывая о такой немаловажной детали быта. В гостиной на большинстве рисунков подростки располагают большой диван, а напротив него рисуют большой телевизор или домашний кинотеатр. Столовую как отдельную зону для приема пищи мечтает видеть у себя дома только один юноша и половина всех девушек.

Гендерные различия ярко проявляются в наличии дополнительных комнат. Так, у юношей – это тренажерные залы, футбольное поле, стрельбище или тир, комнаты для компьютерных игр. У девушек значительно чаще, чем у молодых людей, встречаются на рисунках библиотека, кабинет, гардеробная, оранжерея или зимний сад, бассейн и джакузи, а исключительно только на рисунках девушек бывают такие комнаты, как спа-салон, комната для игр детей, для творчества и мастерская. А такие зоны, как гараж, бильярд, комнаты для спорта, танцев или прослушивания музыки, и юноши, и девушки рисуют лишь изредка.

В отличие от других городов, в Москве школьники, рисуя дом своей мечты, нередко помещают там бассейн. С одной стороны – это является отражением ориентации на благосостояние в будущем и стереотипные представления о том, как должны жить обеспеченные люди. Такие же установки нами были выявлены и в других российских городах [12; 13]. С другой же стороны, москвичей отличает большая доступность к роскоши, богатству и техническим возможностям воплощения таких идей.

Маркером успешности и богатства могут выступать как обустройство дома, так и его размер и состав семьи. В нашем исследовании прослеживаются четкие гендерные различия в предпочтении изображения людей в качестве совместных жильцов: если 55% юношей предпочли не изображать людей в своих идеальных домах, то 70% девушек их изобразили. При этом 44% юношей изобразили людей из родительской семьи, а 42% девушек указали людей из будущей семьи.

В домах своей мечты жить отдельно мечтают 44% юношей и 32% девушек. А вот жить одно-

временно с супругом / супругой и родителями мечтают только 11% юношей и всего 4% девушек. В идеальных квартирах своих будущих детей отметили только девушки, что свидетельствует об их большей ориентированности на создание семьи и рождение детей в будущем. Если друзей в своих идеальных домах хотят видеть одинаковое количество юношей и девушек, то слуг указали только девушки.

В Москве одинаковое количество юношей и девушек (только по пятой части респондентов обоего пола) ответили в своих домах мечты комнаты для своих родителей. Это отличает столичный мегаполис от города Тольятти, где подавляющее большинство юношей указало, что и в настоящее время, и в будущем они предпочтут разместить в своих «идеальных» домах родителей [14]. Такое положение вещей, на наш взгляд, объясняется тем, что традиционная патрилокальность, присущая русской культуре, быстрее и сильнее подверглась размытию в столичном мегаполисе. В провинциальных же городах до сих пор сохраняется совместное проживание семей с родителями мужа, обусловленное как традицией, так и экономическим положением россиян.

Интересно то, что количество людей, изображенных на рисунках девушек, зависит от реального количества членов родительской семьи ($r=0,478$, $p=0,16$, $N=25$). То есть чем больше людей в квартире, где проживает девушка, больше людей она изображает на рисунке. Также у девушек есть четкая связь между количеством комнат родительской квартиры и изображением людей на рисунках мечты: чем больше комнат в квартире, в которой девочки выросли, тем охотнее они населяют свои дома людьми ($R=0,441$, $p=0,027$, $N=25$). Таким образом, мы видим, как условия социализации девушек влияют на их жизненные установки.

Ориентация девушек на детей в будущем проглядывается во многих случаях, даже когда они пытаются завуалировать это. Так, девушка указывает, что жить будет с мужем и детьми, но рисует всего одну детскую кроватку, другая девушка рисует шесть комнат, но детей размещает на двухъярусной кровати, еще одна девушка рисует дом, где проживает семья по рождению, но выделяет и место для игр своих будущих детей. Зачастую в многоэтажных домах девушки размещают детей на верхних этажах, как транслируется в западных фильмах.

Любая созданная людьми предметно-пространственная ситуация является своеобразным слепком системы отношений, характерных для этих людей, а наличие личных вещей существенным образом персонифицирует пространство комнаты и создает ощущение интимности. На рисунках наличие таких олицетворяющих пространство вещей чаще встречается у девушек – это изображения ковров, ваз, зеркал, цветов, картин, кресел-качалок, фото-

графий членов семьи и животных. У юношей на рисунках встречаются только картины, ковры, а из животных исключительно собаки, девушки же изображают различные предметы интерьера для создания личного пространства, а из животных указывают также кошек, рыбок, морских свинок. В отличие от рисунков юношей, у девушек значительно больше деталей, а сами рисунки гораздо четче и продуманнее прорисованы. У девушек также встречаются аквариумы на всю стену, спалон, зимние сады и оранжереи. А вот у юношей значительно чаще встречаются компьютерные комнаты, комнаты для игр на приставках и домашний кинотеатр, тир и футбольное поле. В то же время бассейн, комната для спорта и гараж указали как треть юношей, так и треть девушек.

Особое значение для понимания оличивания пространства имеет закрепленное за индивидом приватное пространство. Половина юношей указали свою личную комнату как отдельную от других людей, а четверть делят свою спальню со своими братьями. У девушек ситуация иная: половина из них указала, что личная комната только для них, а четверть – что это совместная комната с будущим супругом. Это отличает московских девушек от жительниц города Тольятти, которые в подавляющем большинстве на рисунках указали в своей комнате присутствие супруга. Это, на наш взгляд, свидетельствует о разных жизненных стратегиях девушек: в провинциальном городе они стремятся выйти замуж в первые годы после окончания школы, а в столичном городе часть девушек предпочитает откладывать время своего будущего замужества.

В жизни традиционной семьи обеденный стол всегда был социальным центром жилища, вокруг которого выстраивалась структура семьи как модель человеческого общества [1]. Значительным в пространственном поведении являются как расположение самого обеденного стола, так и порядок посадки членов семьи вокруг него [9]. Известно, что наиболее демократичные отношения между супругами наблюдаются при овальном или круглом столах, а конфронтация наиболее часто отмечается при прямоугольном столе, особенно в том случае, если супруги рассаживаются друг напротив друга по разные стороны стола.

На анализируемых нами рисунках по форме столы распределялись следующим образом: юноши чаще, чем девушки, рисуют обеденные столы демократического типа, а девушки, наоборот, – авторитарного. На наш взгляд, это обусловлено социокультурными установками девушек о том, что мужчина является главой семьи. На это указывает также и то, что 60% девушек на рисунках указало на четко регламентированные места посадки за обеденным столом людей, в то время как только 20% юношей отметили этот факт.

Форма стола на рисунке зависит от того, жестко ли структурировано пространство реального дома в семье школьника. В интервью с московскими школьниками респонденты нам нередко говорили, что каждый член семьи предпочитает принимать пищу каждый у своего телевизора, а места за столом четко закреплены за каждым членом семьи [4]. На наш взгляд, оба эти факта свидетельствуют о сильной индивидуализации членов семьи в Москве и изменении тесных семейных отношений в сторону отчуждения. Это подтверждается и тем, что в будущем только незначительная часть респондентов, в отличие от жителей других городов, планирует жить совместно с престарелыми родителями. В то же время четко зафиксированные за каждым членом семьи места за обеденным столом могут свидетельствовать о сохранении традиционной внутрисемейной иерархии у русских.

У девушек была выявлена прямая зависимость четко фиксированных мест на рисунках идеальных домов с тем, регламентированы ли места за столом в их реальной жизни ($r=0,618$, $p=0,001$, $N=25$). Это еще раз указывает нам на то, что условия социализации усваиваются девушками и проецируются ими в будущее, транслируя тем самым культурные нормы будущим поколениям. Интересно отметить, что девушки, выросшие в тех семьях, где пространство дома имеет жесткую структуру, часто рисуют кабинет ($r=0,487$, $p=0,013$, $N=25$), библиотеку ($r=0,490$, $p=0,013$, $N=25$) и зеркало ($r=0,435$, $p=0,032$, $N=25$). Последнее указывает на стремление к уединению и некоторой закрытости, вероятно присущее и родительским семьям.

У юношей ситуация иная – если в родительской семье нет четко фиксированных мест за обеденным столом, то юноши изображают кухню на рисунках «дома мечты» ($r=-0,667$, $p=0,035$, $N=10$). Вероятно, это указывает на то, что демократические отношения в семье позволяют юношам комфортно себя чувствовать на кухне, где обычно хозяйничают женщины. Этот комфорт и уют домашнего очага они переносят и в рисунки своих идеальных домов. Юноши, выросшие в семьях, где места за столом четко регламентированы, предпочитают рисовать такие объекты, как бассейн ($r=0,764$, $p=0,010$, $N=10$), бильярд ($r=0,667$, $p=0,035$, $N=10$) и зимний сад ($r=0,667$, $p=0,035$, $N=10$). В отличие от девушек, молодые люди из семей закрытого типа стремятся к открытости и символам успешной жизни.

Интересен и тот факт, что размер ванной комнаты в «домах мечты» московских школьников зависит от реальных условий их проживания. У девушек большая ванная комната на рисунках встречается, если у них есть своя отдельная комната в реальной квартире ($R=0,417$, $p=0,028$, $N=25$), а у юношей размер санузла зависит от метража жилой площади в реальной квартире ($R=0,926$, $p=0,000$, $N=9$). Этот факт указывает на то, что представление об

«идеальном» доме и его внутренней наполненности формируется исключительно в рамках того опыта, который есть в реальности у подростков.

В XX веке структура русской семьи претерпела колоссальные изменения. К потерям в области семьи и семейного быта относят сравнительное ослабление крепости семьи, нарушение внутрисемейного этикета, отступление от обязательной традиционной общесемейной трапезы в повседневной жизни и недостаточность воспитания хозяйственных навыков у детей и др. [7].

Наше исследование показало, что эта тенденция наблюдается до сих пор. Так, старшие школьники, рисуя «идеальные» дома, часто изображают помещения нефункциональные, забывая о многих необходимых деталях жилого дома (кухня, туалет, ванная комната и др.). Традиция проживания молодых семей с родителями мужа сохраняется в провинциальных городах, где большинство юношей отметили этот факт. В столице же только незначительная часть девушек согласна проживать с родителями в будущем.

Совместная трапеза, как элемент традиционной культуры русских, хорошо сохранилась в провинции, но практически потеряна в столичном мегаполисе. В то же время именно в Москве подростки чаще отмечают жесткую фиксацию мест за обеденным столом за каждым членом семьи. На наш взгляд, это является не столько традицией, сколько большей индивидуализацией отношений в столице, что ведет к жесткому разграничению пространства (помимо мест за столом также жестко фиксированы спальные места и комнаты членов семьи).

Сравнивая столичный мегаполис с другими российскими городами, где нами было проведено исследование, можно отметить, что гендерные различия рисунков одинаковы во всех городах, а ориентация на благосостояние в будущем и стереотипные представления о том, как должны жить обеспеченные люди, более гипертрофированы в малом городе, что является отражением уровня доступности к материальным благам у школьников [10; 11].

Проведенное исследование показало, что для современных русских городских подростков характерен высокий вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой информации, которые и формируют представления у молодежи об успешной взрослой жизни. И если «основным смыслом традиции является передача картины мира, а основным средством ее передачи является образец, модель» [1], то образ «идеального» дома является своего рода культурной моделью структурирования жилого пространства, воспринимаемой, а затем и транслируемой подростками. При этом девушки гораздо сильнее воспринимают эту модель, что в дальнейшем, вероятно, приведет к её трансляции в будущие поколения.

Автор благодарит директора, завуча, учителей, а также всех учеников московской школы, которые приняли участие в данном исследовании, а также Д.В. Постникову за помощь при сборе материала.

Библиографический список

1. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. – 191 с.
2. Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 3–17.
3. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.
4. Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтнических школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. – М.: РУДН, 2007. – С. 314–366.
5. Морозов И.А., Бутовская М.Л. Социальное пространство и регуляция социальной напряженности: традиционные и современные контексты // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 380–391.
6. Морозов И.А., Слепцова И.С. «Пространство личности» в «пространстве игры»: ситуативный анализ // Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов. – Саратов; СПб.: Лиска, 2009. – С. 108–139.
7. Русские. Кн. 2. – Шмелева М.Н. Историко-этнографический очерк традиционной культуры / материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. VI. – М.: ИЭА РАН, 1992. – 208 с.
8. Русские: народная культура (История и современность). – Т. 2. – Материальная культура. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 356 с.
9. Фаст Д. Как понять иностранца без слов // Холл Э. Язык тела. Фаст Дж. Как понять иностранца без слов. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1997. – 432 с.
10. Феденок Ю.Н. Традиционная и современная организация пространства дома: идеал и реальность // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – С. 297–298.
11. Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение русских школьников (сравнительный аспект) // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 119–138.
12. Феденок Ю.Н. Образ «идеального» дома у современных городских подростков Западной Сибири: гендерный аспект // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. – Т. 1. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 259–263.
13. Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. «Дом моей мечты»: игра с реальностью в представлении современных подростков // Личность: игра и реальность. – М.: ИЭА РАН, 2010. – С. 235–258.
14. Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Образ идеального дома у современных городских подростков // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 169–174.
15. Холл Э. Язык тела // Холл Э. Язык тела. Фаст Дж. Как понять иностранца без слов. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1997. – 432 с.

РОЛЬ ПРИЗЫВОВ К ВОСПРИЯТИЮ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИСТИКИ

Восприятие является одним из важнейших понятий мистического богословия. Оно связывалось в первую очередь с познанием и принятием, то есть является основным способом воздействия на человека. Также восприятие, прежде всего созерцание, было первым шагом к мистическому единению человека с Богом, которое является целью мистической жизни. В данной статье рассматривается роль призывов к восприятию в ранней немецкой мистике. Наличие призыва подчеркивает особенное значение восприятия в соответствующих случаях, поскольку наиболее осознанно. Исследование проведено на материале двух произведений – мистической поэмы Лампрехта Регенсбургского «Дочь Сиона» и книге мистических откровений Мехтильды Магдебургской «Струющийся свет Божества». В этих произведениях призывы направлены, с одной стороны, от автора к читателям, а с другой стороны, от одних действующих лиц произведения к другим, где выделяется несколько подтипов: (1) контексты, включенные в топос Песни Песней; (2) контексты, не использующие стилистику и образность Песни Песней, в большинстве случаев сюжетные; (3) обращенные к бесам призывы к слуховому восприятию, что показывает значение речи для воздействия на них.

Ключевые слова: средневековая немецкая мистика, Лампреخت Регенсбургский, Мехтильда Магдебургская, восприятие, средненемецкий язык, Песнь Песней, бернардинская мистическая традиция.

В настоящее время произведения средневековых мистиков, в том числе писавших на немецком языке, часто становятся предметом исследования ученых. В мистических текстах, два из которых будут рассмотрены в этой статье, важное место занимает восприятие. Зрительное и слуховое восприятие в средневековой литературе представляет интересный объект для исследования, так как сочетает в себе непосредственный опыт и символические значения и коннотации. Несмотря на это, призывы к восприятию в мистических текстах, обращенные к самому мистику или к читателю, не становились предметом отдельного исследования, хотя они характерны для ситуаций, когда упоминание восприятия наиболее осознанно.

Анализ проводится на материале двух произведений, лежащих у истоков мистической традиции на немецком языке: поэма «Дочь Сиона» Лампрехта Регенсбургского и книга мистических откровений Мехтильды Магдебургской «Струющийся свет Божества».

Об авторах обоих произведений известно очень много. Так, Лампреخت Регенсбургский (ок. 1215 – ок. 1250) – монах-францисканец. В юности он посещал церковную школу и хорошо знал латынь, но изначально не собирался становиться монахом. Однако познакомился с регенсбургскими миноритами и спустя некоторое время вступил в орден. Он оставил после себя две поэмы на немецком языке: «Дочь Сиона» и «Жизнь св. Франциска» [8]. Оба произведения являются переработкой латинских текстов. Так, «Дочь Сиона» основана на латинском трактате «*Filia Sion a deo aversa*». Таким образом, перед Лампрехтом стояла задача адекватно перевести на народный язык устоявшиеся уже

к XII веку латинские формулы мистического языка. Время его творчества не удастся восстановить с точностью, однако Карл Вайнхольд предположительно называет 1240–1250 годы [8; с. 8].

Мехтильда Магдебургская (ок. 1208–1210 – 1280–1290-е гг.) [2, с. 273] представляет собой, в некотором смысле, противоположность Лампрехту. Однако ее жизнь можно также реконструировать только на основе ее собственных замечаний в «Струющемся свете Божества» или по сведениям, которые приводят составители латинского предисловия. Она происходила из знатной и благочестивой семьи и была хорошо образована, что сказывается в сильном влиянии куртуазной традиции на ее стиль. Она пишет, что не знала латынь, но это, возможно, было способом подчеркнуть отсутствие богословского образования. Первое видение она пережила в возрасте двенадцати лет, а позже стала бегинкой в Галле или Магдебурге. Бегинки могли быть и мирянками, но вели жизнь, близкую к монашеской, под духовным руководством монахов-доминиканцев. В конце жизни Мехтильда жила при монастыре в Гельфте. В «Струющемся свете Божества» Мехтильда стремилась записать свои видения и найти адекватное выражение своим переживаниям.

Необходимо также отметить некоторые отличия между произведениями Лампрехта и Мехтильды. Первое из них касается задачи автора и его место в традиции. Мехтильда применяла способы выражения, принадлежавшие как куртуазной, так и церковной литературной традиции, поскольку это был уже готовый инструментарий, в то время как целью Лампрехта был перевод устоявшихся выражений и перенесение уже сложившейся латинской мистической традиции на немецкий язык.

При этом оба автора были знакомы и со светской куртуазной, и с церковной мистической литературной традицией и применяли оба типа средств в своих произведениях. Вторым важным отличием «Дочери Сиона» от «Струящегося света Божества» является строение текста. Так, поэма Лампрехта представляет собой целостное произведение с последовательно развиваемой сюжетной линией. Произведение Мехтильды, напротив, состоит из большого количества не связанных содержательно и сюжетно глав. Это могут быть как лирические главы, так и описания видений или поучения, обращенные к разным людям. Такое различие в построении текста необходимо находит отражение в содержании и, в том числе, в призывах к восприятию.

Контексты, в которых присутствует призыв к зрительному или слуховому восприятию, довольно немногочисленны и у Лампрехта, и у Мехтильды. Однако они показывают авторскую позицию по отношению к тексту и аудитории.

Так, в «Дочери Сиона» Лампрехта часты случаи, когда автор призывает свою аудиторию слушать. «*nu hoeret ouch waz Spes seit!*» [8, с. 358] («Теперь послушайте также, что сказала Spes!»), «*hoeret waz sie dâmit tuo!*» [8; с. 462] («Послушайте, что она с этим сделала!»).

Такие обращения к слушателям типичны и для средневековой куртуазной литературы, как отмечает Аннет Вольфинг [6], и служат для того, чтобы удержать внимание и научить свою публику новому, в большей или меньшей степени мистическому знанию. Похожие контексты встречаются и в прямой речи персонажей, например: «*ei edel herre, schoene frowe! / nû sih selbe unde schowe, / wie der lîp gedîhet*» [8; с. 411] («Благородный господин, прекрасная госпожа! / Посмотри сам и понаблюдай, / как тело в такое состояние приходит»). Важно отметить, что персонажи, обращаясь друг к другу, говорят только о зрительном восприятии, а автор, обращаясь к публике, о слуховом. На этом основании можно предположить, что Лампрехт, возможно следуя куртуазной традиции, предназначал свою поэму для произнесения перед публикой, а не для чтения про себя.

В «Дочери Сиона», несмотря на чрезвычайно ограниченный материал, можно выделить два основных типа призывов к восприятию: внутрисюжетные диалоги персонажей и авторскую речь, обращенную к аудитории. Специфичным для второго типа является слуховое восприятие, тогда как для первого, наоборот, зрительное.

В «Струящемся свете Божества» призывов к восприятию существенно больше, что связано с большим объемом текста. При этом важно, что случаи и слухового и зрительного восприятия встречаются примерно в одинаковом количестве.

Одним из наиболее частых случаев являются контексты, когда Бог обращается к душе (как пер-

сонажу повествования) или к Мехтильде (как к авторскому «Я» повествования). При этом примеры такого рода часто основаны на образности и метафорике Песни Песней, особенно если адресатом является душа, например: «*Liebú tube, nu hoere mich!*» [9; с. 50] («Любезная голубица, теперь послушай Меня!») (ср.: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!» (Песн. 5.2)). В подобных случаях более частотным является слуховое восприятие. Зрительное восприятие проявляется только один раз. Однако этот пример довольно интересен, поскольку содержит призыв на латыни, повторенный затем на немецком языке: «*Vide me, sponsa! Sich, wie schoene min ovgensint, wie reht²⁷ min munt si, wie fûrig min herze ist, wie geringe min hende²⁸ sint, wie snel min fuessesint, und volge mir!*» [9; с. 15] («Виждь Меня, Невесто! Смотри, как прекрасны очи Мои, как правы уста Мои, как огненно сердце Мое, как умелы руки Мои, как быстры ноги Мои, и следуй за Мной!»). При этом восприятие должно быть направлено как на воспринимаемые зрительно вещи (прекрасные очи), так и на аспекты, которые предполагают оценку, а не только созерцание (умелость рук, правота уст). Кроме того, латинская фраза в начале вводит стилистику Песни Песней (ср.: «*Vulnerasti cor meum, soror mea, sponsa*» (Cant. 4.9) / «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста!» (Песн. 4.9)) и задает определенный контекст для восприятия остального текста. Это тем более действенно, что с нее начинается глава.

Отдельный случай призыва к слуховому восприятию содержит 35 глава седьмой книги, представляющая собой молитву. В конце каждого абзаца Мехтильда приводит начальные строки псалмов, используя традиционные сокращения в молитвенниках. Дважды цитируются строки, содержащие призыв к слуховому восприятию: «*Domine, exaudi orationem meam auribus percipe*» [9, с. 249] («Господи, услыши молитву мою и вопль») (Пс. 101.2) и «*Domine, exaudi orationem meam auribus percipe*» [9, с. 249] («Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое») (Пс. 142.1). В отличие от предыдущего случая, латинские цитаты не являются частью прямой речи «персонажей», а воспринимаются только как сокращения прочитанных на латыни покаянных псалмов, которые было принято читать в болезни или при смерти [10, с. 842]. Также и призывы к слуховому восприятию присутствуют постольку, поскольку они есть в тексте традиционных строк сокращения, а не по причине осознанного выбора цитат Мехтильдой.

В книге Мехтильды также присутствует большое количество примеров, не восходящих к Песни Песней или псалмам. В такого рода контекстах используется только визуальное восприятие. Например: «*Sich, wie we si mir getan habent*» [9, с. 200] («Смотри, как Мне от них [ран сердца] было

больно»), или: «Sich an, disem kleinen tier bistu gelich» [9, с. 111] («Смотри, сему малому зверю ты подобна»). В другом случае Бог обращается к ангелам и хвалится любящей душой: «Sehent, wie sikumt züstigen,²¹ die mich gewundet hat» [9, с. 19] («Смотрите, как восходит она»). Это единственный пример такого рода, когда призыв исходит от Бога не к душе, а к небесным силам. В книге также есть несколько глав, где к восприятию душу призывает не Бог, а аллегорические фигуры – Любовь и Смирение: «Nu sich, dis ist alles besser, denne du bist!» [9, с. 133] («вот смотри, все это лучше тебя!») и «sich dich umb und umbe und tû uf din blinden ovgen» [9, с. 45] («осмотришь, оглядишь, раскрой свои слепы очи»). Важно, что обе они, и Любовь и Смирение, говорят только о зрительном восприятии.

Слуховое восприятие в диалогах персонажей «Струящегося света Божества» возникает только, когда Мехтильда или другой персонаж, например дух грешника в аду, обращается к бесам: «Hoerent, ir sündenfresse, sehent an dis loesepfant!» [9, с. 78] («Слушайте, пожиратели грехов, смотрите на этот Выкуп!»). Важно, что, хотя логически в ситуации обусловлено зрительное восприятие, дух человека призывает бесов смотреть на свой Выкуп, то есть на Христа – фраза начинается с призыва к слуховому восприятию. В другом примере Мехтильда закликает бесов слушать ее: «In dem almehtigen gotte mane ich dich, das du nu hoerest mich» [9, с. 92] («Богом Всемогущим указываю тебе, чтобы ты теперь слушал меня»). После этого приказа душа рассказывает бесу о нем самом и говорит: «доколе Бог со мною тут, напрасен весь твой труд». Тогда возопил он: «Увы на колдовство твое, пусти теперь от себя вспять, вовеки не буду тебя удручать» [3, с. 101]. Несмотря на некоторую сказочность, остается в силе и даже еще более подчеркивается роль слухового восприятия и речи для приобретения власти над бесами. За счет заклинательного призыва слушать душа приобретает власть над искушающим ее бесом: он обязан ее слушать и не может уйти.

Вместе с вышеперечисленными контекстами, в последних книгах «Струящегося света Божества» появляются и такие, когда Мехтильда обращает призыв к восприятию к третьим лицам. В некоторых случаях это поучение, например, настоятелю или настоятельнице монастыря: «Du solt haben eines aren ovgen und merken und sehen dine undertane in gotte minneklich und nit arglich» [9, с. 174] («Должно тебе иметь орлиные очи и замечать и видеть подначальных своих в Боге любезно, а не злобесно»). Эти контексты всегда содержат только зрительное восприятие. Напротив, в других случаях призывы слушать либо представляют собой риторические восклицания, либо обращены к слушателям для привлечения внимания. Вторая функция может быть соотнесена, с одной стороны, с функциональными прагматическими формулами

(термин, введенный Н.А. Бондарко) в пропове-ди [1, с. 67], а с другой стороны, с ситуацией куртуазной лирики. Так, А. Вольфинг замечает, что в миннезанге большую роль играет также активное участие аудитории в происходящем, которая должна внимательно слушать жалобы или рассуждения лирического героя о любви [6]. Однако в случае «Струящегося света Божества» из контекста непонятно, к кому обращает Мехтильда эти призывы – к самой себе или же к читателям, поскольку такого рода цитаты предваряют изложение дарованного ей откровения: «Nu hoere noch die stimme – das leret³³ dich die gottes minne!» [9, с. 242] («Теперь послушай еще глас – который учит тебя любви к Богу!»). Почти все примеры последнего рода касаются слухового восприятия. Отдельный случай представляет призыв или даже указание каждый день рассматривать свое сердце: «Sich in din herze zû allen ziten mit des heligen geistes warheit» [9, с. 195] («Взирай в свое сердце на всякое время Духа Святого правдой»). При этом интересно отметить, что в самом тексте главы, написанном Мехтильдой, употребляется повелительное наклонение, тогда как в заголовке, добавленном, возможно, при дальнейшей редакции [3, с. 309], используется модальный глагол: «Du solt din herze ansehen ze allen ziten» [9, с. 195] («тебе должно рассматривать свое сердце на всякое время»). Конструкция с модальным глаголом используется для призыва к восприятию в тексте еще только в поучении настоятелям. Глагол *sollen* используется и в современном немецком для выражения правил и распоряжений [7]. Также и в немецком переводе Библии Десять Заповедей передаются конструкцией «Du sollst...» / «Должно тебе...» [11].

Языковые средства выражения призывов к восприятию важны для анализа, поскольку позволяют читателю лучше понять конкретное содержание, вложенное автором в текст. Что касается глаголов, обозначающих слуховое и зрительное восприятие, Лампрехт использует только три – *hoeren* (слушать), *sehen* (видеть) и *schowen* (смотреть, созерцать). У Мехтильды же встречается несколько большее количество – *hoeren*, *sehen*, *ansehen* (смотреть на что-то), *umbsehen* (осматриваться) и латинские глаголы *video* (видеть) и *exaudio* (услышать, расслышать), которые используются в цитатах и псевдоцитатах из Библии для привнесения определенной стилистики. Также она использует описательную конструкцию – *tû uf din blinden ovgen* (отверзи твои слепы очи).

Если обратиться к синтаксическим структурам, то у Лампрехта, за счет ограниченности примеров, используется только повелительное наклонение, тогда как у Мехтильды, помимо повелительного наклонения, используется также конструкция с модальным глаголом *sollen* (следовать, быть должным) и глагол *manen* (указывать, повелевать)

с придаточным предложением. Тем не менее и в ее книге в подавляющем большинстве контекстов имеет место повелительное наклонение. И в «Дочери Сиона» и в «Струящемся свете Божества» используются при этом формы как единственного, так и множественного числа. Важно отметить, что в повелительном наклонении множественного числа Лампрехт употребляет форму *hoeret*, а Мехтильда – *hoerent*. Это связано с еще не устоявшейся в XII–XIII вв. формой повелительного наклонения во множественном числе. Если для единственного числа германские языки располагали особенной формой, то для множественного числа использовались конкурировавшие окончания индикатива настоящего времени 3 л. мн. и опатива настоящего времени 2 л. мн. [5, с. 221–222, 235–238]. Мехтильда отдает предпочтение первому варианту, тогда как Лампрехт – второму.

Таким образом, призывы к восприятию как в «Дочери Сиона», так и в «Струящемся свете Божества» можно разделить на два основных типа: обращенные к аудитории и к действующим лицам текста и призывы, исходящие от одного действующего лица к другому. Общим для обоих произведений является установка на устность авторской речи, что последовательно прослеживается в анализируемых текстах. В тех случаях, когда Мехтильда призывает свою аудиторию к зрительному восприятию, объектом является не ее авторская речь, а, например, сердце человека или положение дел в монастыре.

Во втором типе призывов – обращенном от одних действующих лиц к другим – можно выделить несколько основных подтипов. Однако из-за малого количества примеров в «Дочери Сиона» эти подтипы выделяются только в «Струящемся свете Божества». Во-первых, это контексты, включенные в топос Песни Песней, где в большинстве случаев используется аудиальное восприятие. Во-вторых, не использующие стилистику и образность Песни Песней сюжетные контексты, в которых основное место занимает визуальное восприятие. И, в-третьих, обращенные к бесам призывы к слуховому восприятию, что показывает значение речи для воздействия на них.

Почти полное отсутствие призывов к восприятию, исходящих от персонажей, в «Дочери Сиона» может быть связано с дидактической интенцией поэмы, и, таким образом, большее значение при-

обретают действия персонажей, имеющие аллегорическое значение, чем призывы к восприятию, не имеющие его.

Библиографический список

1. Бондарко Н.А. Языковые модели в духовной прозе немецких францисканцев XIII–XV вв. // *Arbor mundi*. – 2010. – С. 49–97.
2. Ганина Н.А. «Струящийся свет Божества» Мехтильды Магдебургской в духовном и региональном контексте эпохи // Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования / авт.-сост. Н.А. Ганина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – С. 273–301.
3. Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования / авт.-сост. Н.А. Ганина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 434 с.
4. Палмер Найджел Ф. Книга как носитель значения у Мехтильды Магдебургской // Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования / авт.-сост. Н.А. Ганина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – С. 302–324.
5. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – Изд-е третье. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
6. Annette Volting, *ich ôrlôser und dîn rôrenporten*. Auditive Wahrnehmung bei Walther von der Vogelweide, in: *Walther verstehen – Walther vermitteln*. Walther-Studien 2, hg. Thomas Bein. – Bern: Peter Lang, 2004. – S. 109–130.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6. Auflage.
8. Lamprecht von Regensburg. Sanct Franciscan Leben und Tochter Syon. Hg. von Karl Weinhold. – Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1880. – С. 1–42, 306–494.
9. Mechthild von Magdeburg, *Das fließende Licht der Gottheit*. – Regensburg: Druck und Verlag von Georg Joseph Manz, 1869. – 287 с.
10. Mechthild von Magdeburg. *Das fließende Licht der Gottheit*. / Hg. Von Gisela Vollman-Profe. – Frankfurt a. M., 2003. (Bibliothek des Mittelalters 19).
11. Lutherbibel, revidierter Text 1984, durchgesehene Ausgabe. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibleserver.com/text/LUT/2.Mose20> (дата обращения: 13.08.2015).

«ОТЦЫ И ДЕТИ» И.С. ТУРГЕНЕВА И «АСМОДЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В.И. АСКОЧЕНСКОГО

В статье рассматриваются типологические и генетические параллели между романом В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» и романом И.С. Тургенева «Отцы и дети», а также устанавливаются реальные основания для такой параллели в критической оценке «Отцов и детей» М.А. Антоновичем. Принято считать, что Антонович сравнил тургеневского Базарова с Пустовцевым Аскоченского безосновательно. В статье доказывается, что между Базаровым и Пустовцевым существует очевидная типологическая и генетическая общность. Характер Базарова включает черты, носителем которых является Пустовцев (отрицание традиций, утверждение превосходства разума над чувствами, приземлённый взгляд на любовь, атеизм). Это сходство и позволило Антоновичу указать в своей статье на генетическую связь Базарова с Пустовцевым. В процессе работы над романом «Отцы и дети» автор ведёт дневник от лица Базарова, учится видеть мир его глазами. Тургенев открывает в «нигилисте» способность любить, семейное чувство, умение ценить красоту и поэзию. Антонович, пытаясь дискредитировать Тургенева в глазах молодого поколения, этой глубины в характере Базарова постарался не заметить, хотя проведённая в его статье параллель с Пустовцевым имела под собой реальные основания.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Отцы и дети», В.И. Аскоченский, «Асмодей нашего времени», роман, типологическая общность, генетическая связь, философия нигилизма.

Принято считать, что ничего общего между романом В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858) и романом И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) нет. Полагают, что М.А. Антонович в своей критической статье об «Отцах и детях» привёл сравнение тургеневского Базарова с Пустовцевым Аскоченского безосновательно. Так ли это? Не было ли у Антоновича реальных оснований для подобной параллели? Не обнаружил ли Аскоченский в своём Пустовцеве какие-то черты зарождающегося типа «нигилиста», подхваченные и развитые Тургеневым? И не явились ли два этих романа в совокупности своего рода «прелюдией» к антинигилистическому роману?

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813–1879) – прозаик, журналист, историк. Родился в семье священника И. Аскошного. Во время учёбы в воронежской семинарии изменил фамилию на Отскоченский, а затем – на Аскоченский. События своей жизни Виктор Ипатьевич описывал и осмысливал в литературных произведениях и в дневнике.

Дневниковые записи Аскоченского периода службы в Житомире выдают в авторе человека нетерпимого, неуживчивого: «Странные настоящие мои отношения к товарищам моим по службе. Я не их десятка... Тошно смотреть на эту пустоту чувств и мыслей... Это ходячие статьи свода законов, статьи сухие, бессмысленные, безусловно исполнительные...» [4, с. 30]. Аскоченский вызывает неприязнь у сослуживцев, у него больше врагов, чем друзей. В конце концов в дневнике появляется запись: «Я перессорился со всем городом включительно» [4, с. 50].

В это время и случилась скандальная история, подробно изложенная Аскоченским в его дневнике и ставшая основой его романа «Асмодей нашего времени». В целях более экономного ведения до-

машнего хозяйства Аскоченский поселился на одной квартире с прокурором Готовцевым. Вскоре всё в своём сослуживце стало раздражать Аскоченского: и причёска, и манеры, и поведение на службе и в церкви. С ревностью наблюдает Аскоченский за развитием отношений между Готовцевым и их общей знакомой Мари. Склонность Аскоченского к «пристрастному третированию окружающих» [4, с. 285] привела к тому, что Готовцев вызвал своего жильца на дуэль. Аскоченский от дуэли отказался, мотивируя свой отказ тем, что он «не мальчишка... Мы сидим не на таких местах, чтобы ребячиться» [5, с. 271]. Вслед за этим Аскоченский был вынужден оставить службу и уехать из города.

По следам этой истории Аскоченский написал роман «Асмодей нашего времени» (1858), крайне слабый в художественном отношении. Как писатель, Аскоченский остался в памяти потомков творцом фразы, напоминающей первой своей частью арзамасское имя П.А. Вяземского (Асмодей), а второй – название романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Роман Аскоченского во многом вторичен. Каждой своей страницей он заставляет вспомнить самые разные произведения русской литературы – от басен И.А. Крылова до произведений Ф.М. Достоевского. Характеризуя главного героя, автор прямо отсылает читателя к Лермонтову: «Пустовцев принадлежал именно к тому поколению, которое так верно очертил и так грустно оплакал покойный Лермонтов в своей “Думе”» [2]. «...“Как он честен!” – говорит свет. Да, честен, но честен, как язычник. Не веряйте ему ни вашей тайны задушевной, ни чувства любви и привязанности... он затопчет их в грязь, если только это нужно для его удовольствия и ненасытного эгоизма. Заподозрят читатели автора в преувеличении набросанного образа: но... он уже встречался им в Онегине

Пушкина, и в Печорине Лермонтова, и в Петре Ивановиче Гончарова; только там они выглажены, убраны, причесаны, словно на бал. Любуется ими человек, не зря страшного растрепанного являемых ему типов...» [2]. Главному герою противопоставит в романе Аскоченского Софьян – персонаж, созданный на автобиографической основе.

Сюжет романа прост. Пустовцев, лишенный православных морально-этических ориентиров, вредно влияет на юную героиню: «...сердце её прильнуло к этому искустителю, очарованное его змеиным, неотразимым взором, душа ее покрылась корою бесстыдства» [2], она перестала почитать отца и мать: «...Начинайте ж вашу проповедь. Тема превосходная: о повиновении детей родителям...» [2].

Злодейская сущность Пустовцева с первых страниц романа осознаётся только Софьиным. Пустовцев, боясь разоблачения, интригуется против Софьиной, вызывает его на дуэль. Чтобы не скомпрометировать девушку, Софьян отказывается драться. После этого ему остается только оставить службу и уехать из города.

За свои грехи Пустовцев и соблазненная им Мария жестоко наказаны, несмотря на позднее раскаяние и церковное освящение брачных уз: «лютая чахотка развилась в ней», и она погибла. Пустовцев, несущий на себе «печать проклятья», застрелился. Софьян видит, что его врага хоронят «как великого грешника» – без креста, без иконы, за городом. «Говорящие» фамилии героев, трагическая развязка романа призваны подтвердить мысль автора о мудрости, проницательности страдающей души (Софьян) и разрушительности, губительности эгоистичного, холодного рассудка.

Критика обратила внимание на роман Аскоченского в 1862 г., когда развернулась полемика по поводу «Отцов и детей» И.С. Тургенева и в «Современнике» (1862, № 3) появилась статья М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени». Для такой параллели дал повод сам Аскоченский. Вслед за Антоновичем он так оценил роман Тургенева «Отцы и дети» в посвященной ему статье «Блестки и изгарь»:

«Назад тому несколько месяцев в мае скончавшаяся “Русская речь” с испугом объявляла, что первоклассный наш рассказчик и романист Тургенев готовится выпустить в свет сочинение, в котором безжалостно и во всем своём безобразии встанет на суд всех современное поколение. Мы откровенно приветствовали тогда Тургенева и с робкой надеждой ожидали исполнения задуманного им предприятия, опасаясь в то же время, чтоб он не спасовал перед натиском отовсюду напирających идей, которые деспотически требуют рабского поклонения себе. Но, благодаря Бога, наш талантливый рассказчик устоял и подарил русскую литературу превосходнейшим романом “Отцы и дети”...

Положительно говорим, что одна из величайших заслуг Тургенева состоит в том, что он романом своим заставил высказаться наших “передовых”, раздражив их художнически нарисованною картиною их собственного, всестороннего безобразия, упорно принимаемого и проповедуемого, как идеал “вечной истины, добра и красоты”...» [6, с. 447–448].

Сочувственный отклик Аскоченского на роман Тургенева не случаен. Хотя роман Аскоченского во многом и вторичен, нельзя не заметить, что в фигуре Пустовцева угадываются контуры какого-то нового героя, отличающегося от классического типа лишнего человека. В нашей науке ещё бытует представление, что «второстепенные» писатели лишь «перепевают» мотивы произведений великих классиков. Но в литературном процессе бывает часто наоборот. М.Е. Салтыков-Щедрин высказал однажды следующую мысль: «Значение второстепенных деятелей на поприще науки и литературы немаловажно. Они полезны не только в качестве вульгаризаторов чужих идей, но иногда даже в качестве вполне самостоятельных исследователей истины» [8, с. 343].

Далеко не случайно, что в качестве названия своей статьи об «Отцах и детях» Антонович использовал заглавие романа Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858), в котором самыми чёрными красками изображен не верующий в Бога, циничный «ловелас» Пустовцев, по мысли критика, «родной брат и двойник Базарова»: «“Асмодей” тоже взял на себя задачу изобразить современное молодое поколение в его противоположности со старым, отжившим, качества отцов и детей изображены в нём такие же, как и в романе г. Тургенева; перевес также на стороне отцов; дети проникнуты такими же зловредными мыслями и разрушительным направлением, как и в романе г. Тургенева... На смену старому поколению явилось новое, представителем которого в “Асмодее” является молодой человек, Пустовцев, родной брат и двойник Базарова по характеру, по убеждениям, по безнравственности, даже по небрежности в приемах и туалете...» [1, с. 88–89]. «...Последний роман г. Тургенева живо напомнил нам этого “Асмодее” своею общею мыслью, своими тенденциями, своими личностями, а в особенности своим главным героем...» [1, с. 88].

Следует признать, что Антонович не так уж и не прав, что между Базаровым и Пустовцевым просматривается очевидная типологическая общность, начиная с внешнего сходства между ними. Базарова отличает нежелание следовать правилам хорошего тона и даже элементарным нормам приличия. Вот герой знакомится с отцом друга, будущим хозяином дома, где располагает погостить: «Николай Петрович <...> крепко стиснул его <...> руку», Базаров же свою «сразу ему не подал», на

любезные расспросы «отвечал ленивым, но мужественным голосом» [9, с. 200].

Аналогичным образом ведёт себя герой Асоченского: «Все присутствовавшие оказывали приличное внимание, исключая Пустовцева, который, приняв обычную свою позу, подпевал вполголоса, отчаянно фальшивя на каждой ноте...» [2].

Авторские ремарки также ярко характеризуют героев, подчёркивая нарочитую небрежность в их поведении, в их отношении к людям: «презрительно пожав плечами», «насмешливая улыбка», «хохотал без церемоний», даже неряшливость во внешнем облике: «господин с лохматой головой». «Тонкие губы» Базарова, угловатые черты лица Пустовцева свидетельствуют, по мнению исследователей физиогномики, об эгоистичности характера, эмоциональной холодности, расчётливоститого и другого героя.

В своих философских воззрениях Пустовцев очень часто сходится с Базаровым. «Смерть, – рассуждает Пустовцев, – это общий удел всего существующего (“старая штука смерть” – Базаров)! Кто мы, откуда, куда пойдем и чем будем – кто это знает? Умрешь – похоронят, нарастет лишний слой земли – и кончено (“после смерти из меня лопух расти будет” – Базаров)! Проповедуют там о каком-то бессмертии, слабые натуры верят этому, нисколько не подозревая, как смешны и глупы претензии куска земли на вечную жизнь в каком-то надзвездном мире» [2]. За этой тирадой Пустовцева тоже угадывается будущий Базаров: «Я лежу здесь под стогом. Узенькое местечко, которое я занимаю, крохотно в сравнении с остальным пространством, и часть времени, которую мне удастся прожить, ничтожна пред тою вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» [9, с. 323].

Пустовцев кончил свою жизнь, подобно Базарову, без покаяния. Кошунственно он поступает с иконой: «Чем это пахнет? – спросил он. Я указала на икону ...с каким нечеловеческим остервенением бросился он к столу!... икона уже была у порога, разбитая вдребезги...» [2]. Цинично звучат его слова в разговоре со священником: «“Батюшка! – сказал он, – жена моя хочет говорить с вами. Что следует заплатить вам за такой труд? Не обижайтесь, что же тут такого? Это ведь ремесло ваше. С меня же берут доктора за то, что готовят к смерти”» [2].

Сравним поведение Базарова перед его смертью: «Евгений, – продолжал Василий Иванович и опустился на колени перед Базаровым, хотя тот не раскрывал глаз и не мог его видеть. – Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...»

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное.

– Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется, спешить ещё не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

– Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

– Нет, я подожду, – перебил Базаров. – Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобою ошиблись, что ж! ведь и беспамятных прищипают.

– Помилуй, Евгений...

– Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мешай мне» [9, с. 392–393].

Немаловажную роль в произведениях Тургенева и Асоченского играет имя. Патроним главного героя Асоченского – Пустовцев – «говорит» сам за себя. Имя «Валерьян» латинского происхождения; в древнеримской мифологии «Валерианус» – эпитет Марса. Valerianus, как и Valerius, образовано от «valeo» – «быть сильным, здоровым». Опустошая Marie, «надувая ей в уши свои эксцентрические правила», он становится сильнее. Базар в переносном значении – «крик, шум, суета». Возможно, само появление Базарова в том или ином обществе создает подобную атмосферу в нем.

Таким образом, сложный характер Базарова включает черты, носителем которых является Пустовцев (отрицание традиций, утверждение превосходства разума над чувствами). Это сходство и дало право Антоновичу указать в своей статье на генетическую связь Базарова с Пустовцевым. Заметим, что в набросках первоначального замысла это сходство было ещё более очевидным. В июле 1860 года в городе Вентнор на острове Уайт Тургенев составил «Формулярный список действующих лиц новой повести», где под рубрикой «Евгений Базаров» он набросал предварительный портрет главного героя: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного, работая. (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.) Живет малым; доктором не хочет быть, ждет случая. – Умеет говорить с народом, хотя в душе его презирает. Художественного элемента не имеет и не признает... Знает довольно много – энергичен, может нравиться своей развязанностью. В сущности, бесплоднейший субъект – антипод Рудина – ибо без всякого энтузиазма и веры... Независимая душа и гордец первой руки» [3, с. 157].

В первоначальном замысле фигура Базарова выглядит очень резкой и угловатой. Автор отказывает герою в душевной глубине, в скрытом «художественном элементе». Здесь он особенно близок Пустовцеву. Однако в процессе работы над романом характер Базарова настолько увлекает Тургенева, что он ведет дневник от лица героя, учится

видеть мир его глазами. И вот на последнем этапе работы в тургеневском «нигилизме» начинает потенциально обнаруживаться многое из того, что он отрицает. Тургенев открывает в нём и способность любить, и «романтизм», и семейное чувство, и умение ценить красоту и поэзию. Не случайно Достоевский высоко оценил роман Тургенева и трагическую фигуру «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [7, с. 59]. Антонович, пытаясь дискредитировать Тургенева в глазах молодого поколения, этой глубины в характере Базарова постарался не заметить, хотя проведённая в его статье параллель с Пустовцевым имела под собой реальные основания.

Библиографический список

1. Антонович М.А. Литературно-критические статьи. – М.; Л., 1961. – С. 88–89.
2. Аскоченский В.И. Асмодей нашего времени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/30691728/> (дата обращения: 19.05.2015).
3. Батюто А.И. К истории создания романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. – 1985. – № 4. – С. 157.
4. Дневник В.И. Аскоченского // Исторический вестник. – 1882. – № 7. – С. 30.
5. Дневник В.И. Аскоченского // Исторический вестник. – 1882. – № 8. – С. 271.
6. Домашняя беседа для народного чтения / под ред. В.И. Аскоченского. – СПб., 1862. – Вып. 19 (12 мая). – С.447–448.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1973. – Т. 5. – 407 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 9. – 647 с.
9. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – М.; Л.: Наука, 1964. – Сочинения. Т. 8. – 623 с.

ТРАГЕДИЯ «ДУХОВНОГО РАЗДВОЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ОСМЫСЛЕНИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (на материале книги «Л. Толстой и Достоевский»)

В статье показывается, что в фундаментальном критическом исследовании «Л. Толстой и Достоевский» Д.С. Мережковский много внимания уделяет проблеме «духовного раздвоения» великих русских писателей. Доказывается, что критик-символист стремится выявить разрыв между «религиозным сознанием» и «художественным ясновидением» у Достоевского и, прежде всего, у Толстого. Отмечается, что осмысление Мережковским противоречий, свойственных духовным исканиям Толстого и Достоевского, определяется проектом строительства «нового христианства». В работе учитывается, что многие высказывания Мережковского во втором томе названного критического исследования («Религия») мотивированы его непосредственной реакцией на отлучение Л. Толстого от церкви и несут на себе мощный эмоциональный заряд непосредственного впечатления и даже потрясения от случившегося события.

В статье раскрывается логика, которую использует Д.С. Мережковский, сопоставляя «религию Толстого» и «религию Достоевского». Объясняется, почему критик-символист всё же более высоко оценивает духовные обречения Достоевского. Указывается, что представления Толстого о христианстве Мережковский считает ущербными, неполными, поскольку они сложились вне «символического» гнозиса.

Реконструируется точка зрения автора критического исследования, согласно которой Толстой-проповедник на самом деле приближается к мирозерцанию буддизма. В статье делается вывод о том, что в образном мышлении Достоевского, в отличие от Толстого, критик видит предчувствие «слияния ликов Богородицы и Матери Сырой Земли», которое объявляет одной из самых глубоких религиозных интуиций писателя. Выявляется парадоксальность мышления Мережковского, стремящегося найти сходство в несходном и сближающего религиозные судьбы Толстого и Ницше, воспринимающих христианство как религию «небытия».

Ключевые слова: русская литература, литературная критика, Д.С. Мережковский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, трагедия духовного раздвоения, дух, плоть, новое христианство.

Несомненно, литературная критика Мережковского представляет собой модификацию символистской рецепции словесного искусства. Эстетика Мережковского, подобно концепциям других русских символистов, исходит из положения, что существует метафизическое противоречие между «явлением» и «сущностью». Литературный процесс, творческий путь и личность отдельного писателя в истолковании Мережковского предстают противоречивыми и раздвоенными. Рецептивные механизмы литературных явлений, характерные для критика-символиста, в огромной степени определяются глобальным катастрофизмом, окрашивающим его мировидение.

Мережковский, как и другие представители Серебряного века, по сравнению с критиками XIX столетия, более активно исследует внутренние конфликты, движущие развитие творчества писателя. В системе его критических оценок и интерпретаций весьма значимую роль играет символическая антитеза «лицо – личина», которая широко использовалась в эстетике и поэтике символизма в целом. Весьма активно эта антитеза задействована в книге Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902). Особенно часто автор апеллирует к ней во втором томе этого критического исследования («Религия»), выявляя разрыв между «религиозным сознанием» и «художественным ясновидением» у Достоевского и, прежде всего, у Толстого.

Многие высказывания критика в этой части книги мотивированы его непосредственной реакцией на отлучение Л. Толстого от церкви и несут на себе мощный эмоциональный заряд живого, непосредственного впечатления и даже потрясения от случившегося события, которое испытала вся мыслящая Россия. Мережковский вновь воспроизводит и акцентирует высказанную ещё в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) мысль о неравноценности, «несогласованности» бессознательного творчества Толстого-художника и его сознательной деятельности проповедника. Художественные открытия Толстого по-прежнему оцениваются Мережковским как антитеза его сознательным убеждениям: «Язычество Л. Толстого – прямой путь к христианству Достоевского» [4, с. 156].

Критик отказывает Толстому-мыслителю в праве быть духовным «учителем» своих современников. Отрицание Толстым института церкви, пренебрежительное отношение к самой идее обряда оцениваются Мережковским как путь в исторический тупик, как уничтожение нации: «В условиях земного мира не может быть души без тела, разума без плоти, – не может быть и религии без таинства. <...> в издевательствах Л. Толстого над христианскими обрядами есть нечто возмутительное» [4, с. 231–232]. Критик видит в разрыве Толстого с церковью продолжение «послепетровского» разрушения религиозных основ жизни России. Он

предупреждает своих современников: «Следуя за Л. Толстым в его бунте против церкви, как части всемирной и русской культуры, до конца – русское культурное общество дошло бы неминуемо до отрицания своей собственной русской и культурной сущности...» [4, с. 146].

Другой пункт разногласий Мережковского с Толстым-проповедником вызван тем, что писатель сознательно привержен к «историческому», «аскетическому христианству». Автор исследования заявляет о том, что историческое христианство исказило учение Христа и тем самым ввело в заблуждение человечество. Претендуя на новое, «истинное», толкование Евангелия, Мережковский дерзко берёт на себя роль «духовного учителя» современников, в которой он отказал Толстому. Он пишет: «Историческое христианство усилило один из двух мистических полюсов святости в ущерб другому – <...> святость духа в ущерб святости плоти <...>».

Итак, я спрашиваю: не есть ли, по учению Христа, аскетизм, умерщвление плоти – *только средство*, цель которого – очищение, просветление и, наконец, воскресение плоти?» (здесь и далее курсив Д.С. Мережковского. – Н.К.) [4, с. 147].

Критик анализирует «Ответ Синоду» Толстого и приходит к выводу о том, что в сознательном отрицании плоти отлучённый от церкви писатель идёт даже дальше исторического христианства. По концепции Мережковского, Толстой-проповедник на самом деле приближается к мирозерцанию буддизма, «религии небытия, нирваны, обожествлённого ничто» [4, с. 150]. О выражении миропонимания буддизма в сцене смерти Андрея Болконского писал ещё В.С. Соловьёв в статье «Буддийское настроение в поэзии» (1894) [5, с. 245]. Мережковский вполне солидарен с мнением своего старшего современника: «Этот переход в ничто, погружение в Нирвану начались уже здесь, в первом и окончатся во втором, после Бородинского сражения, умирании князя Андрея» [4, с. 183]. (Мысль о близости духовных исканий Толстого к философии буддизма встречается и в трактате И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (1937), где в то же время присутствует полемика с книгой Мережковского «Л. Толстой и Достоевский») [2, с. 5, 6, 31, 43, 89].

Примечательно, что Мережковский находит сходство в несходном, сближая религиозные судьбы Толстого и Ницше. Он считает, что непонимание духовного смысла христианства, воспринимаемого как религия «небытия», объединяет автора «Войны и мира» с создателем книги «Антихрист». Мережковский заявляет: «...они (Л. Толстой и Ницше. – Н. К.) исходят из одного и того же взгляда на учение Христа, как на буддийский нигилизм, как на вечное *нет* без вечного *да* – умерщвление плоти без воскресения, отрицание жизни без её утверждения» [4, с. 240].

Разрыв между «религиозным сознанием» и «художественным ясновидением» Мережковский находит не только у Толстого, но и у Достоевского, обращаясь к роману «Преступление и наказание». Очевидно, характер интерпретации названного произведения здесь несколько трансформируется, по сравнению со статьёй «Достоевский» (1890), где писатель превозносился за отсутствие однозначных нравственных оценок его героев. Теперь же позиция критика меняется на противоположную: Мережковский считает, что, показывая в романе «Преступление и наказание» крушение идеи сверхчеловека, писатель, подобно Толстому и Ницше, впадает в односторонность. С точки зрения автора исследования, Достоевский не вполне осознаёт, что в христианстве соединяются «центробежное» и «центростремительное» начала («Я» и «Не-я», «Сын» и «Отец»). Этим создатель «нового» религиозного сознания объясняет и «неубедительную» развязку сюжета в романе, претендующем на христианский финал: «Ни “Преступления”, ни “наказания”» [4, с. 214]. Религиозная правда личности, воплощённая в деятельности Наполеона и Петра I, была открыта в учении Ницше, перечеркнувшего в то же время начало общности. Но эта сакрализация личности, по мнению критика, в равной степени оказалась недоступной для авторов «Преступления и наказания» и «Войны и мира», совершивших строгий и безапелляционный нравственный суд над героями-индивидуалистами (прежде всего, над Раскольниковым и Наполеоном) во имя утверждения сверхличных ценностей, во имя духа соборности.

Философия личности, развёрнутая в книге «Л. Толстой и Достоевский», базируется не только на анализе романов «Преступление и наказание» и «Война и мир». Она вбирает в себя и прямое, непосредственное осмысление исторической миссии Петра и Наполеона [4, с. 198]. Пространные исторические размышления и комментарии, предложенные критиком, прямо перекликаются с проблематикой и идейными решениями его романа «Пётр и Алексей» и будущей книги «Наполеон», созданной в эмиграции. В этих произведениях в той или иной форме будет воспроизводиться вывод, сформулированный в исследовании «Л. Толстой и Достоевский»: «...учение Христово не только величайшее самоотрицание, но и величайшее самоутверждение личности, не только вечная Голгофа, распятие, но и вечный Вифлеем – рождение, Возрождение личности» [4, с. 201].

Сравнивая «религию Толстого» и «религию Достоевского», Мережковский всё же склоняется к тому, чтобы в определённом аспекте отдать предпочтение последней. Представления Толстого о христианстве Мережковский считает более ущербными, неполными, поскольку они сложились вне «символического» гнозиса. Критик под-

чёркивает: «Религиозное сознание Л. Толстого отрицает символ в его самой первой и глубокой сущности, признаёт религиозное, как нечто исключительно духовное, бескровное и бесплотное, освобождённое от всех легенд, обрядов, таинств, догматов» [4, с. 244]. Зато о «символичной» природе религиозных воззрений Достоевского автор исследования отзывается одобрительно. Критик считает, что автор «Братьев Карамазовых» способен через «любовь» как высший путь познания открыть истину знаковой «условности» [4, с. 244].

С точки зрения Мережковского, Достоевский приближается к новой религии в большей степени в «ясновидении», в художественном творчестве, нежели в сознании. В образном мышлении Достоевского, в отличие от Толстого, критик видит предчувствие чаемого слияния ликов Богородицы и Матери Сырой Земли, которое объявляет одной из самых глубоких религиозных интуиций писателя.

Обоснованно заключает А.Г. Бойчук: «Идея “святой плоти” подразумевала у Мережковского сакрализацию различных модусов земного, объединявшихся в заимствованном у Достоевского фольклорно-мифологическом символе Великой Матери сырой земли...» [1, с. 480]. Не случайно в словах «старницы», обращённых к героине романа «Бесы» Марье Лебядкиной, критик прочитывает глубинную мудрость, запечатлённую не только в представлениях русского народа, но и в культурной памяти всей Европы. Он замечает: «Богородица – великая мать, не только небесная, но и земная, “Мать сыра земля”, это – незапамятно-древнее, общее всем европейским народам...» [4, с. 246]. Интерес к мифологеме «матери-земли», мотивированный разнонаправленными духовными исканиями, был характерен для многих современников Мережковского. В их числе можно назвать В. Соловьёва, В. Розанова, Н. Бердяева, А. Блока и даже В. Брюсова.

Прорыв к миропониманию истинного христианства, основанного на «новой любви к земле», Мережковский обнаруживает и в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Носителями нового религиозного сознания, в трактовке критика, предстают старец Зосима и Алёша Карамазов. Причём их поклонение матери-земле парадоксально согласуется для Мережковского с призывом Заратустры («быть верными земле»), воспетого Ницше. Характеризуя духовные искания Алёши Карамазова, автор исследования, в частности, заключает: «...Прикосновение к “Великой Матери-сырой земле” дало ему новую силу, и с этой силою идёт он, по завету старца, из своей монашеской пустыни в “мир”, уже не только от земли к небу, <...> но и от неба к земле» [4, с. 259].

Мережковский выстраивает «ступени» раздвоения, по которым двигался «ясновидец плоти» Л. Толстой. Этот путь Толстого оценивается авто-

ром исследования как родственный, «симметричный» движению «противоположного» и «подобного» Достоевского. Мережковский подчёркивает: «...Л. Толстой, ясновидец плоти, углубляясь в её бессознательную стихию, коснулся той же тайны мира, тайны раздвоения – *«Двух в Едином»*, которую вечно испытывал и ясновидец духа, Достоевский...» [4, с. 324–325]. В частности, тайное раздвоение Толстого критик обнаруживает во внутренних противоречиях его героини Анны Карениной. Мережковский мифологизирует образ толстовской героини. Своей «раздвоенностью» Анна Каренина кажется ему родственной персонажам Достоевского: князю Мышкину, Раскольникову, Версикову, Ставрогину. В личности Анны автор исследования выделяет два противоположных начала, два «я». Он утверждает, что в героине Толстого сосуществуют «вакханка», «“преступная” жена» и «Мадонна», «“святая мать”» [4, с. 326].

Интерпретация образа Анны Карениной в «дионисийском» ключе выливается в своеобразный лирико-философский фрагмент, в котором представлены контуры концепции «музыки», во многом определявшей теорию и практику русского символизма. Мережковский объявляет сакральными и самоотверженную любовь Анны-матери, и «стихию», «страсть», «музыку», пленившие её личность, подобно жене Позднышева, героине «Крейцеровой сонаты». Он пишет: «Это, конечно, та же самая радость, смешанная с ужасом (*“страшно и весело”*), которую находит Анна в забытии страсти, в бешенстве вьюги» [4, с. 327].

Помимо перифразов и реминисценций из работы Ницше «Рождение трагедии», в структуру своих критико-философских размышлений Мережковский включает поэтические иллюстрации. Вообще, приём «поэтических скреп» Мережковский часто использует в своём исследовании. Так, «дионисийские» переживания Анны Карениной ассоциируются у него со стихотворными строками Пушкина («Есть упоение в бою...») и тютчевским обращением к ночному ветру: «О, страшных песен сих не пой...». Образная ткань критических высказываний Мережковского, описывающих чувства Анны Карениной, в этой части книги во многом напоминает лирический комментарий к одному из самых «дионисийских» поэтических циклов А. Блока «Снежная маска»: «Радостный ужас метели извне, радостный ужас страсти внутри – как будто одно и то же: одно из другого рождается, одно сливается с другим. <...> И в сладострастии, и в буре есть нечто стихийное, страшное и весёлое, ледяное и жгучее...» [4, с. 327].

Критик демонстрирует высокое мастерство анализа поэтики Толстого, обнаруживает тонкое чувство самого нерва изобразительности автора «Анны Карениной». Он, например, точно показывает важную смыслообразующую роль «снов»

Анны и Вронского, прослеживает символизацию лейтмотива «железа», концептуально значимого для философских обобщений Толстого.

Мережковский, сопоставляя духовные искания Толстого и Достоевского, чаще всего отдаёт предпочтение последнему. Но в то же время автор критического исследования в отдельных случаях превышает и Толстого над Достоевским. Например, он полагает, что автор «Анны Карениной» в большей степени познал мистическую связь, «соединение» начала и конца, рождения и смерти. Получается, что в разгадке тайны «пола» Толстой всё-таки прорывается к «символическому» гнозису, в чём ранее критик ему отказывал. Мережковский приводит ряд ярких художественных сцен, в которых Толстой сталкивает, соединяет «полюс» рождения и «полюс» смерти. Так, автор исследования обращается к размышлениям Левина, который при появлении на свет собственного ребёнка испытывает чувство, подобное тому, которое он узнал в час смерти брата Николая. Анализируя особенности художественного мира, созданного Толстым в романе «Анна Каренина», Мережковский проницательно обнаруживает следующую символическую параллель: «Взгляд рождающей Кити совершенно подобен и совершенно противоположен <...> взгляду умирающего князя Андрея» [4, с. 340]. Наконец, критик точно подмечает, что сцена смерти Анны Карениной «рифмуется» в романе с эпизодом, изображающим роды Кити. Во многом благодаря Толстому, Мережковский приходит к следующему философскому выводу: «Смерть и рождение – два “отверстия”, <...> сквозь которые “одинаково”, то есть в своём последнем *соединении*, символе, “показывается что-то высшее”, чем рождение и смерть» [4, с. 339–340].

Критик-проповедник проецирует на художественные открытия Толстого и Достоевского слова апостола Павла из «Послания к ефесянам» (2: 14–15), чтобы указать на «сокровенную» и, как ему кажется, ещё «не вмещённую» современным сознанием «тайну Христову». Он заявляет: «...мы идём не по двум разным путям, а по одному и тому же пути в две противоположные стороны, совершая вечный круг, от Бога к Богу. Рождение и смерть – одно, Вифлеем и Голгофа – одно, Отец и Сын – одно» [4, с. 340]. Но примечательно, что цитату из Евангелия создатель «нового» христианства затем вполне свободно монтирует с отрывком из стихотворения З.Н. Гиппиус «Электричество», которое в тексте книги, по справедливому наблюдению Л. Шестова, Мережковский «цитирует до десяти раз» [6, с. 130]:

Концы концов коснутся,
Проснутся «да» и «нет»,

И «да» и «нет» сольются,

И смерть их будет Свет <...> [4, с. 340].

Нельзя не согласиться с тем, как характеризует Л. Шестов данное стихотворение З.Н. Гиппиус. Он пишет: «Как видит читатель, стихотворение едва ли может быть названо удачным. Оно схематично отвлечённо – в сущности, рифмованное переложение параграфа из элементарной физики» [6, с. 131]. Однако критик-богоискатель возводит «Электричество» в ранг сакральных текстов. Это видно из комментария к стихотворению, в котором Мережковский расшифровывает незамысловатую символику Гиппиус. Он приходит к заключению, что образность столь любимого им «Электричества» предсказывает «свет неимоверного видения, которым кончается всё, видение Савла по пути в Дамаск» [4, с. 340]. В таком соединении столь разнородных текстов (стихотворения Гиппиус и цитат из «Деяний святых апостолов» (9: 3–6)) для Мережковского нет никакого противоречия. Согласно его религиозному проекту, например, Достоевский и Толстой вполне могли стать «великими апостолами» «нового христианства». В частности, Толстому критиком отводилась возможная миссия Савла, ставшего Павлом.

Толстой и Достоевский как русские пророки «нового приближения ко Христу» в восприятии Мережковского парадоксально переключаются с Ницше, воплощавшим взлёт и провидческий дар полярной, европейской культуры. Все три гения совпали, с точки зрения критика-символиста, в предсказании «конца всемирной истории» [4, с. 349–350].

Библиографический список

1. Бойчук А.Г. Дмитрий Мережковский // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов). – М.: Наследие, 2001. – Кн. 1. – С. 779–850.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 6. – 719 с.
3. Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): Религиозный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 46 с.
4. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.
5. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 574 с.
6. Шестов Л. Власть идей // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Мережковского в оценке современников / сост., вступ. ст., библиогр. А.Н. Николюкина. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 109–134.

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА КАК МИСТЕРИИ В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА

В данной статье исследуются античные источники восприятия творчества как мистериального познания на материале поэзии Валерия Брюсова. Служение поэзии и желание проникнуть к источнику знаний о мире привели Брюсова к поиску универсального способа достижения этих знаний и обновлению внутреннего мира поэта. Углубляясь в понимание содержания и сути античных мистериальных практик, реализующих эстетическое преображение души посвящаемых и их приобщение к тайнам мироздания, Брюсов приходит к осознанию смысла творчества. Стоит заметить, что поэт не пытался реконструировать в своем творчестве, в частности в поэзии, или в жизни сами мистериальные ритуалы, он понимал мистерии в более широком и метафорическом смысле, а именно, как вышеупомянутый способ духовного обновления и познание микрокосма и макрокосма в их взаимосвязи через символическое проживание опыта лирического героя его поэзии. Восприятие творчества как мистериального процесса, как восходящего пути познания и духовного совершенствования прослеживается с начала XX века до смерти автора и проявилось в поэтическом наследии автора в создании герметичных многоуровневых символов, высоком, пафосном стиле, назидательном и поучительном тоне многих стихотворений, восприятии лирического героя как посвящаемого в тайны мироздания.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, лирический герой, античные мистерии, герметизм, символ, познание, восхождение.

Представление о художественном творчестве как мистерии было весьма распространенным среди писателей и поэтов Серебряного века. Воспоминания символистов и их современников делают очевидным факт всеобщего увлечения мистериями и попытки осуществить их в реальной жизни и творчестве, чему есть обоснование: смена мировоззренческой парадигмы на рубеже веков, попытка идентифицировать себя в историческом контексте, обращенность к источникам мудрости в древних учениях и практиках, эсхатологические предчувствия и многое другое. Часто увлечение мистериями было игрой и поверхностным отношением к древним античным практикам, но некоторыми писателями и поэтами мистерии античности воспринимались серьезно – как способ совершенствования и самопознания, реализуемый в творчестве. Мистериальность творчества произрастала из стремления проникнуть во внерациональную основу общечеловеческих духовно-творческих интенций и запечатлеть их динамику в частном, собственном мистическом опыте, например в поэтической рецепции Валерия Брюсова.

Одним из подобных источников было содержащееся в античной мистериальной традиции, прослеживаемое и в герметизме, представление об эволюции человеческой души, согласно которому существует ряд универсальных принципов мироустройства, скрытых в недрах мистериальных практик. Мистерия предстает универсальным путем к расширению границ восприятия, созерцанию мироздания и его познанию: «Мистериальность, как она понимается в русском символизме, пронизывает все виды творческой деятельности. Она и есть родовой признак творчества как искусства выхода за очерченный круг данности. Это мистический образ становящегося человека. Мистерия – это действие, соединяющее человека и Бога, данного

человека и идеального человека, существующее и идеал, – символический акт их тождества» [8, с. 307]. Знания, которые приобретались в мистерии, закрыты по своей сути, они представляют собой многоуровневые символы, проникновение и понимание которых раскрывало взаимосвязь видимого и невидимого миров. О.М. Фрейденберг, ссылаясь на античных философов, говорит о прохождении мистерии как счастливой возможности обретения духовного бессмертия, возрождения, нравственном воскресении: «человек, посвященный при жизни в мистирию, добывает этим великое блаженство; со ступени на ступень восходит он к созерцанию нравственно совершенных вещей» [16, с. 139]. Брюсов не пытался реконструировать в стихотворениях историческое явление процесса священнодействия, он воспринимал мистирию гораздо шире, метафоричнее – как процесс восхождения духа и мастерства поэта к совершенству, как способ познания себя и мира.

Эстетическое воздействие античного мировоззрения на поэтов-символистов, в частности на Валерия Брюсова, широко изучается в последние три десятилетия. В работе З.Р. Жукоцкой исследован теургический аспект в творчестве русского символизма – у А. Белого, А. Блока и В. Брюсова, которого автор работы причисляет к ряду поэтов-теургов. Исследователь приходит к мнению, что мистерия на рубеже XIX–XX веков приобретает универсальный характер, становится связующим звеном человека и Бога, и русский символизм устремляется к сверхчуждственному, используя символ как инструмент своего восхождения: «...сам человек путем самосовершенствования в творческом процессе восходит на вершину Божественного откровения, постигая тайные пределы и беспредельность своего духовного строя. В этом своем порыве русский символизм открывает абсолютное пространство духовного синтеза» [8, с. 305].

В связи со схожестью передаваемых в процессе античных мистерий тайн и принципов мироустройства с герметическими идеями интерес представляет исследование И.Г. Кулешовой, изучающей художественное бытие в лирике Бальмонта и Брюсова. Автор исследования считает, что при создании художественного пространства на поэтов оказало влияние герметическое учение, в особенности принцип аналогий, или теория двух бездн: «...у К. Бальмонта эти бездны имеют свою предельную точку, дойдя до которой то, что находится в верхней бездне, незамедлительно должно отразиться в нижней бездне. Здесь можно увидеть связь творчества поэта с учением Гермеса Трисмегиста, в частности с особенностью восприятия и трактовки одного из пунктов Изумрудной скрижали: “То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществились чудеса единой вещи”» [10, с. 117]. Однако автор не затрагивает рецепцию этого принципа в лирике В. Брюсова, несмотря на прямое цитирование герметических изречений в его произведениях.

Обширное исследование о мистериальности в культуре конца XIX – начала XX века представляет собой работа Г.В. Варакиной «Мистериальные истоки русского синтетизма», в которой исследователь приходит к выводу о неспособности модернистской эпохи преодолеть индивидуальное для достижения всеединого: «В отличие от мистерий Древнего Мира, раскрывавших феномен всеобщности и универсальности, современная концепция так и не сумела преодолеть болезнь индивидуализма. Тем самым, культура рубежа веков создала лишь новую утопию – мечтая о едином, но не отказываясь от единичного; утверждая преобразующую силу творчества, но останавливаясь исключительно на поиске новых форм искусства» [6, с. 313].

Об увлеченности Брюсова мифической Атлантидой, оккультизмом и эзотерикой писали М.В. Покачалов, В.Э. Молодяков, Н.А. Богомолов, А.А. Воронин, С.А. Слободнюк и другие исследователи. Большинство ученых едины во мнении, что поэт серьезно изучал мистические источники знания не только как художник, творец, но, в большей степени, как ученый, историк, проводя линию преемственности культуры и знаний от Лемурии к Атлантиде и далее, через все мистерии и эзотерические учения древних цивилизаций, к дальнейшим эпохам. Данная «магистраль» (название одного из стихотворений Брюсова) широко представлена во всем творчестве автора: поэзия («Магистраль», «Пирамиды», «Жрец Изиды», «Женщины Атлантиды» и другие), проза («Алтарь Победы», «Огненный ангел», «Юпитер Поверженный»), статьи («Наши дни», «Ключи тайн», «Учителя Учителей»).

Стремление проникнуть сквозь века к источнику этих знаний и достичь новых ступеней совершенства стимулировало Валерия Брюсова на постоянное внутреннее движение вверх, преодоление самого себя: «Начать “новую жизнь” можно только восходя на высшую ступень лестницы. Душа или идет вперед или погибает. Это – закон. <...> Совершенствование не моральное требование, но внутренняя потребность духовного организма», – писал поэт Н. Петровской в 1909 году [12, с. 796]. Эта потребность реализовалась в познании, в постоянном поиске и изучении новых источников знания, эта «внутренняя потребность духовного организма» являлась основополагающим условием осуществления мистериального преображения и постижения мира.

В одном из писем Вяч. Иванова Брюсову мы находим строки, говорящие об отношении двух поэтов к своему творчеству, в частности к поэзии как к мистерии: «Благодарю <...> за данную мне возможность так интимно, путем опыта, заглянуть в **мистерии твоего творчества** (здесь и далее выделено мной. – З.Д.), и быть может, показать тебе немного свои» [13, с. 521]. Само творчество понимается Брюсовым как путь посвящения, тернистый путь преодоления в себе земного, становление теургом, стремление к достижению совершенства своих произведений и своей личности: «О, будемте все, как боги, // Познавши добро и зло» («Люцифер», 1898) [5, т. 1, с. 231], «А! Быть как божество! хоть миг один!» («Хмель исступленья», 1901) [5, т. 1, с. 322]. В мгновения экстаза, «внерассудочными путями», интуицией пытается Брюсов проникнуть в невидимый мир, почувствовать сопричастность внутреннего мира всему универсуму. И если в мистериях поклонялись божествам, чья история служила примером мистерии духа и мифологической основой таинства (например, Изиде и Озирису, Деметре и Персефоне, Дионису и другим), то Брюсов однозначно воздвиг на пьедестал поэзию: «Могу о себе сказать теперь другими словами, словами моего Одиссея:

Я – добровольец меж рабов...

Но та, кому я рабствую, это все же божество, ибо ее имя – моя поэзия» [12, с. 795].

Особенно ярко рецепция творчества как мистерии проявилась в стихотворениях, в которых поэт не раз обращается к символам, образам и мотивам египетских и греческих мистерий («Нить Ариадны», 1902; «Орфей и аргонавты», 1904; «Гимн богам», 1913; «Жрец Изиды», 1900; «Пирамиды», 1917; «Загадка Сфинкса», 1921–1922; «В разрушенном Мемфисе», 1913; «К Деметре», 1904; «Ученик Орфея», 1918; «Посвящение», 1920; «Я», 1899; «Начинающему», 1906; «Сеятель», 1907; «Зерно», 1909; «Всхождение», 1914; «Египет. Поучение», 1912; «К прошлому», 1897; и др.). С конца XIX века в лирике Брюсова начинают появляться стихотво-

рения, в которых реализуется та самая «внутренняя потребность духовного организма» в познании и постижении тайн бытия, в ощущении мистериальности творческого и познавательного процесса: **«Шепчу я слова заклинаний, // Молю неизвестного бога. // И много тревожит вопросов: // Кто создал семью великанов? // Кто высек людей из утесов, // Поставил их стражей туманов?»** («На острове Пасхи», 1985) [5, т. 1, с. 68]; **«Где я последнее желанье // Осуществлю и утолю? // Найду ль немыслимое знание, // Которое, таясь, люблю?»** («Последнее желанье», 1902) [5, т. 1, с. 270].

Во многих стихотворениях звучат идеи всеединства, умирания и воскресения души, познания иного мира, бесконечного пути этического восхождения, древний процесс нисхождения и восхождения души и многие другие. Содержание этих стихотворений наполнено смутными предчувствиями, тоской о былой жизни, эмоциональной устремленностью ввысь, за грань реального. Им свойственны диалогичность и античный пафосный высокий слог: **«Дух торжествует светоносный, // Твоя и наша жизнь – всё та ж!»** («Перешедшие – оставшимся», 1916) [5, т. 2, с. 295]; **«Тот, владыка написанных слов, // Тот, царящий над мудростью книг!»** («Египет. Поучение», 1912) [5, т. 2, с. 322]. Каждое кропотливо подобранное внутренним чутьем слово становится ключом к мистическому, прорастает в глубинах духа подобно зерну: **«...Этот мир двояко бесконечен, // В тайнах духа – образ мой исчез;...»** («Каждый миг», 1900) [5, т. 1, с. 226], **«...мой дух восхождением хмелен»** («Всхождение», 1914) [5, т. 3, с. 335]. Символ в творческой мистерии поэта является инструментом для познания микрокосма и макрокосма, для проникновения за завесу тайны в область сверхчувственного: **«...Те две тесьмы – сиянье диадемы; // Ей тайно венчаны, поэты, все мы, // Вскрывает путь в огонь веков она»** («Посвящение», 1920) [5, т. 3, с. 86], **«Усни для этой жизни косной: // В твоей руке твой карандаш // Шепнет, что есть иные весны, // И ты узнаешь голос наш»** («Перешедшие – оставшимся», 1916) [5, т. 2, с. 295], **«Пойми – весь мир, все тайны в нас, // В нас Сумрак и Рассвет»** («Царю Северного Полюса», 1989–1900) [5, т. 1, с. 256]. Автор приоткрывает покров, за которым скрыты истины, он интригует, чтобы пробудить в читателе мистическое предчувствие приближающегося восхождения: **«...именно он (поэт) играет роль собирателя и дешифровщика природных символов “вселенской аналогии”. Благодаря этому художник приобретает особую миссию, связанную с функцией распространения вселенской и природной мудрости на Земле»,** – поэтому находить и раскрывать вселенские связи на совершенно ином, высшем уровне под силу только поэтам, пророкам, мудрецам и жрецам, которые способны проникнуть в суть символа и познать его [10, с. 68].

«Поэзия – искусство слов: это – истина. Но дело в том, что эта истина, так сказать, эсotericическая. Великие поэты ее знали, но разглашать ее считали невозможным. Непосвященными она была бы понята ложно. Случилось так, что в наши дни эта истина досталась именно непосвященным», – говорит Историк в диалоге Брюсова «Здравого смысла тартарары» [2, с. 401]. Поэт, по мнению Историка, является посвященным в тайны мироустройства, сохраняет их и передает дальнейшим поколениям через свое творчество. В стихотворении «Поэту» (из сборника стихотворений «Все напевы») автор раскрывает смысл творчества поэта на примере Данте, совершившего путешествие в загробный мир:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

(«Поэту», 1907) [5, т. 1, с. 447].

Мотив нисхождения и восхождения в иной мир, так же как мотив умирания и воскресения, является базовым, сакральным мотивом древних таинств, так как приобщение к знанию об ином мире Озириса в Египетских мистериях, Персефоны в Элевсинских мистериях, Орфея и Диониса в Орфических мистериях и в некоторых других мистериях Востока раскрывает значение всеобщей мистерии духа, ее эволюции. Поэтому путешествие Данте в ином мире является не чем иным, как мистериальным духовным преображением и приобщением к тайнам мироустройства. Соответственно, отсылая читателя к образу Данте, автор стихотворения дает понять, что поэт обязан во имя своего творчества быть способным пожертвовать собой (как посвящаемые в мистерии и мифические боги), служить поэзии как божеству и беспрестанно трудиться на пути восхождения к вершинам мастерства слога и глубины содержания. Поэт должен уметь абстрагироваться и не держаться за земную жизнь, перевоплощаться и проникать в судьбы других людей, всего мира. Он должен созерцать происходящие со стороны («Всего будь холодный свидетель», «На все устремляя свой взор», «К бесстрастью себя приневолю»), только так он сможет, в миг прозрения, уловить нечто глубинное и значимое:

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность взойти на костер.
Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

Гордый, поучительный тон стихотворения лишь на первый взгляд кажется холодным и отчужденным, но страстью и решительностью проникнуть слова лирического героя, в них кипит жажда познавать мистические откровения, жертвовать земными страстями ради служения поэзии («Быть может, все в жизни лишь средство // Для ярко-певучих

стихов»; «И ты с <...> детства // Ищи сочетания слов), ради своего духовного воскресения, подобно божествам мистерий и даже Христу:

Лови, что шепнет тебе Рок,

И помни: от века из терний

Поэта заветный венок.

Брюсов воспринимал поэзию как возможность формирования и прохождения своего собственного мистериального пути и прозрения истин. Для создания необходимого настроения, этого мистериального чувства приближения к божественной тайне, приподнимания «покрывала Изиды», автор вживается в тот или иной образ («Как Данту, <...> Должно тебе щеки обжечь»). Он чувствует, думает и дышит как посвященный, как жрец, как теург, как зерно, как божество и т.д., чтобы внутри рождались именно слова и интонации, являющиеся универсальными символами для раскрытия и ретрансляции содержания, которое автор стремится уяснить для себя и вплести в ткань произведения. Он созидает мистерию творчества, которая становится его путем к высшему знанию и обновлению души.

Библиографический список

1. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. – М.: НЛЮ, 1999. – 549 с.
2. Брюсов В.Я. Здравый смысл тартарары. Диалог о футуризме // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. Статьи и рецензии. – М.: Худож. лит., 1973. – 656 с.
3. Брюсов В.Я. Истины. Начала и намеки // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. Статьи и рецензии. – М.: Худож. лит., 1973. – 656 с.
4. Брюсов В.Я. Огненный ангел: [Роман] / сост., вступ. ст., коммент. С.П. Ильёва. – М.: Высш. шк., 1993. – 480 с.
5. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1973.
6. Варакина Г.В. Мистериальные истоки русского синтетизма в культуре «серебряного века»: дис. ... д-ра культурологии. – Кострома, 2009. – 341 с.
7. Воронин А.А. Брюсов: посев Атлантиды. Некоторые атлантологические комментарии к жизни и творчеству поэта // Брюсовские чтения 2010 года: сб. статей. – Ер.: Лингва, 2011. – 448 с.
8. Жукоцкая З.Р. Культурфилософия русского символизма, теургия и откровение: дис. ... д-ра культурологии. – М., 2003. – 321 с.
9. Иванова О.Ю. Античность как энтелехия культуры серебряного века: дис. ... канд. культурологии. – М., 1999. – 298 с.
10. Кулешова И.Г. Художественное бытие в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2006. – 169 с.
11. Молодяков В.Э. Загадки Серебряного века. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 432 с.
12. Петровская Н.И. Из «Воспоминаний» // Литературное наследство. Валерий Брюсов. Т. 85 / под ред. Н.А. Щербиной. – М.: Наука, 1976. – 854 с.
13. Письмо Вяч. Иванова от 01.02.1909 г. к В.Я. Брюсову // Литературное наследство. Валерий Брюсов. Т. 85. – М., 1976. – 854 с.
14. Покачалов М.В. Проблема кризисов и гибели античной культуры в творчестве русских символистов: дис. ... канд. культурологи / Гос. акад. славянской культуры. – М., 2000. – 162 с.
15. Слободнюк С.А. «Идущие путями зла». Древний гностицизм и русская литература 1880–1930 гг. – СПб., 1998. – 425 с.
16. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.
17. Шюрэ Э. Великие Посвященные: Очерк эзотеризма религий. – М.: ООО Издательство «София», 2008. – 480 с.

Акбашева Альмира Сабировна

кандидат педагогических наук, профессор
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
almira_as@mail.ru

Мокшина Светлана Рифкатовна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
S-lbragimova@ya.ru

ОБРАЗ НЕПОКОРНОГО ДУХА В СТИХОТВОРЕНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «ЖИВ, А НЕ УМЕР...»*

Авторы статьи рассматривают стихотворение Марины Цветаевой «Жив, а не умер...» (5 января 1925) как осмысление и развитие ключевой для творчества Цветаевой мысли о невмещаемости поэта в рамки замкнутой и обыденной жизни, о принадлежности его к пространству души и духа. Внутренний конфликт порождает не только острую неприязнь поэта к любым проявлениям земного и отношение к телу как к тюрьме и вынужденному заточению, но и потребность бросить роковой вызов самой жизни, вступить с ней в диалог, внешне недопустимый, но осуществленный в глубине души. Своеобразным «рупором» мятежных и бунтарских настроений поэта становится его alter ego – Демон – образ архетипический, мифологический, традиционный для всей мировой культуры, в анализируемом стихотворении явивший те личностные грани, которые наиболее органичны внутреннему миру самой Цветаевой. Авторы статьи приходят к выводу, что в стихотворении «Жив, а не умер...» явлен процесс рефлексии поэта: осознание мощи своего поэтического дара порождает возможность восприятия себя как посланника высших миров, обладающего сверхчеловеческой силой, но заключенного в оковы земных проблем и потому проявляющего себя как непокорный дух, подобно демонической сущности.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, дух, душа, демон, тело, жизнь, оппозиция, художественное сознание, невмещаемость, пространство.

Конец 1924 года – начало 1925-го – один из самых тяжелых периодов в жизни Марины Цветаевой: финансовые и бытовые трудности, «ненадежность будущего в Чехии» [4, с. 136], особое состояние ожидания рождения сына, отдаленность от России и многое другое совмещалось с напряженными поисками ответов на вечные философские вопросы о жизни и смерти, теле и душе, размышлениями о своей сдавленности бытом и одиночеством. В письме семье Черновых Сергей Эфрон признается: «Марина измучена и издергана так, что на нее временами смотреть страшно. <...> Я не знаю, что бы дал, чтобы вырвать у жизни ей досуг...» [4, с. 137–138].

Все это не могло подавить вдохновение Марины Цветаевой, и переживания этого сложного периода нашли отражение в ее поэзии 1924–1925 гг. (циклы «Сон» [8, т. 2, с. 244–245], «Жизни» [8, т. 2, с. 251], стихотворения «Живу – не трогаю...» [8, т. 2, с. 247], «Крестины» [8, т. 2, с. 252], «Жив, а не умер...» [8, т. 2, с. 254], «Существования котловиною...» [8, т. 2, с. 255], «Что, Муза моя! Жива ли ещё?...» [8, т. 2, с. 255], «От родимых сёл, сёл!...» [8, т. 2, с. 261]).

Стихотворение «Жив, а не умер...» звучит как вызов беспощадной жизни, как ответ на мучительные страдания, и при этом оно построено как продолжение откровенной беседы, в которую вовлечены автор и читатель. Первые строки ошеломляют адресата неожиданным восклицанием, ведь «понятия “демоническое” и “демонизм” чаще всего воспринимаются с негативным оттенком» [6, с. 3]:

Жив, а не умер
Демон во мне!

В теле – как в трюме,

В себе – как в тюрьме [8, т. 2, с. 254].

Не отвлекаясь на обзор произведений русских поэтов и писателей по избранной нами проблеме, отметим, что восприятие тела лишь как временной и мешающей душе оболочки традиционно для русской литературы так же, как обращение к образу демона (достаточно вспомнить творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, Б.Л. Пастернака, А.А. Ахматовой и др.).

Цветаева в стихотворении «Жив, а не умер...» замещает привычный для читателя образ совершенно неожиданным: в теле поэта томится не светлая и божественная душа, а мятежный и темный дух – Демон.

Цветаевский Демон, в отличие от своих «предшественников», лишен свободы и заключен в человеческое тело. Это обусловлено тем, что в стихотворении «Жив, а не умер...» поэт развивает ключевую для своего творчества мысль о своей невмещаемости и неписываемости в рамки земной и обыденной жизни и принадлежности к пространству души и духа. В поэтическом сознании Марины Цветаевой человек не гармоничен, а как бы разделен на истинное Я (душа, внутренний мир) и Я фальшивое, ложное (телесная оболочка).

Острая неприязнь героини к мирскому и суетному порождает отношение к собственному телу как к тюрьме и временному заточению. Похожее миро- и самопонимание прочитываем и в стихотворении 1923 года «Поезд жизни»:

Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.

* Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В15-48.

.....
 Где от котлет разогретых, щёк
 Остывших... – Нельзя ли дальше,
 Душа? Хотя бы в фонарный сток
 От этой фатальной фальши... [8, т. 2, с. 230].

Мотив стесненности делает стихотворение «Жив, а не умер...» похожим на картину «Демон сидящий»: композиция врубелевского полотна создает ощущение зажатости мощной фигуры героя между верхней и нижней перекладинами рамы [3], которые, по мнению Д.В. Сарабьянова, заставляют «Демона согнуться, как Атланта» [7, с. 54–55]. И цветаевский Демон предстает не свободным и парящим над землей, а заточенным в человеческое тело.

Образ Демона – это смысловой центр, вокруг которого сгущаются и на который «нанизываются» [2, с. 142] остальные мотивы стихотворения. Ассоциативно он неразрывно, интертекстуально связан с образами, созданными в мировом и русском искусстве до Марины Цветаевой, символизирующими «состояние духовного “раздора” и внутренней борьбы» [5, с. 386]. Но поэт избирает лишь те личностные грани Демона, которые наиболее точно соответствуют состоянию своего внутреннего мира: гордости, гениальности мифологического Демона; мятежность, сила, печаль и тоска лермонтовского из одноименной поэмы; страдание и величавость врубелевского (по словам художника, «Демон – это дух, соединяющий в себе мужской и женский облик. Дух, не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всем том дух властный... величавый...») [1, с. 165–167]).

В раннем творчестве Марины Цветаевой Демон олицетворяет:

1. Силу и мощь поэтического дара: в стихотворении 1913 года «Идите же! – Мой голос нем...» лирическая героиня в ответ на безразличие возлюбленного, способного воспринимать лишь поверхностное и не сумевшего разгадать тайну ее души и внутреннего мира, восклицает:

Какого демона во мне
 Ты в вечность упустил! [8, т. 1, с. 182].

2. Многоликость, искушенность и соблазнительность лирического героя (героини): подруга в стихотворении «Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!..» названа и «героиней шекспировских трагедий», и «юной трагической леди», и «язвительной и жгучей», и «лучше всех», и «демоном крутолобым».

Во второй строфе стихотворения «Жив, а не умер...» пространственные границы тесной «тюрьмы» расширяются до целого мира. Цветаевский Демон бросает вызов божественному и человеческому мироустройству и враждебен ему: «Мир – это стены». Они тесны для Демона, и есть единственный путь: «Выход – топор».

Фальшь, наигранность и суетность всего происходящего в чуждой поэту реальности подчерки-

вает цитата из второго акта комедии В. Шекспира «Как вам это понравится», с которой автор нехотя соглашается:

И не слукавил,
 Шут колченогий [8, т. 2, с. 254].

Общеизвестно, что придворные шуты были наделены правом изрекать любую, даже самую нелепую истину, скрытую в шутке.

Создание игровой ситуации, когда истина облекается в театральное и искусственное, когда ее высокий статус снижен (например, как здесь, использованием просторечных слов и выражений: *лепечет, слукавил, колченогий шут*), не ново для поэзии Цветаевой: похожий прием находим, например, в стихотворении «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...» [8, т. 1, с. 454] из цикла «Комедьянт»: искреннее признание в любви скрыто за шутливым тоном и сценическими жестами героини, изображающими ее безразличие. Примечательно, что для Шекспира мир – это сцена, для Цветаевой мир – это стены: во втором случае подчеркивается замкнутость пространства. (Иначе решается проблема пространства, например, в поэме Цветаевой «Попытка комнаты», но не об этом речь в данной статье.)

Тема сцены и актера плавно и логически перетекает в мотив славы, причем последняя оказывается приравнена к таким, казалось бы, противоположным по семантике понятиям, как трюм и тюрьма. По Цветаевой, слава есть одна из преходящих радостей земного мира, которые безразличны и даже нежелательны для Демона, возвышающегося над тщетным. Заметим, что в том же 1925 году Марина Цветаева вернется к размышлениям о славе в стихотворении «Слава падает так, как слива...» [8, т. 2, с. 260], итогом чего станет утверждение: «– Слава! Я тебя не хотела: / Я б тебя не сумела нести».

И слава, и тога символизируют невозможность быть собой, означают необходимость оправдывать чьи-то ожидания, следовать привычным для человека правилам и предписаниям.

Цветаева вступает в спор и с самыми незыблемыми постулатами, противопоставляя не только себя, но и всех поэтов обычным людям, ведь поэт – существо иного порядка, он посланник другого мира, а это значит, что жизнь в собственном теле – лишь временное пристанище Духа на пути к Вечности, и для поэта не являются истинными такие общечеловеческие ценности, как долголетие («Многие лета! / Жив – дорожи! / (Только поэты / В кости – как во лжи!»), тепло и покой («Лучшего стоим. / Чахнем в тепле»), красота, молодость и богатство («Бренных не копим / Великолепий»). Такое представление о предназначении поэта на земле похоже на понимание «демонического» в античности: по Платону и Аристотелю, демоны – посредники между людьми и высшими богами [6, с. 34].

Тело сдерживает, закрепощает не только Демона внутри себя, но и безудержную мысль, которая рвется в небо, в Вечность, но сдавлена висками – «тисками маски железной».

Обращаясь к «певчей братье», автор сравнивает тело со стойлом, котлом, топью, склепом, крайней ссылкой, наделяя человеческую оболочку самыми негативными качествами. Вместе с тем тело есть тайна, которая скрыта от автора, и он не желает ее разгадывать.

Все это призвано объяснить читателю, насколько сложно поэту находиться в собственном теле и жить реальной, земной жизнью. Эту мысль выражает не только образная составляющая стихотворения, но и его структура:

1. Для каждой из восьми строф характерно следующее построение: первые две строки говорят об остром нежелании и даже невозможности находиться в собственном теле, а последние две – как объяснение причин этой невозможности.

2. Рефреном звучат строки «в теле – как...», причем автор выделяет их то с помощью тире, то помещая в конце строфы, то используя повтор.

3. Завершает стихотворение одна строка, расположенная отдельно от других строф, она подытоживает то, что сказано выше.

На фонетическом уровне обилие согласных звуков, особенно глухих ([т], [ск], [сц], [с], [ч], [х]), «мычащих» ([м] и его сочетания с другими), «режущих» ([р], [ж], [рж], [з]), передает бессилие и напряженное состояние узника, пытающегося вырваться из плена, а закрытые слоги создают ощущение безвыходности и замкнутого пространства.

Таким образом, в стихотворении «Жив, а не умер...» явлен процесс рефлексии: отношение к поэтическому таланту и гению как к божественному дару, осознание его мощи порождает возмож-

ность восприятия себя как посланника высших, сакральных миров, обладающего сверхчеловеческой силой и, будучи заключенным в оковы земных проблем и несчастий, проявляющего себя как дух непокорный, томящийся в собственном теле подобно демонической сущности.

Библиографический список

1. Врубель М. Письма к сестре. Воспоминания о художнике Анны Александровны Врубель. Отрывки из писем отца художника / вст. ст. А.П. Иванова. – Л.: Комитет популяризации художественных изданий при Государственной академии материальной культуры, 1929. – 208 с., ил.
2. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
3. Демон сидящий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%EC%E5%ED_%F1%E8%E4%FF%F9%E8%E9 (дата обращения: 15.04.2015).
4. Кудрова И.В. Путь комет: в 3 т. – Т. 2. После России. – СПб.: Крига; Издательство Сергея Ходова, 2007. – 560 с., 123 ил.
5. Нольман М.Л. От «Демона» Пушкина к «Демону» Некрасова // К истории русского романтизма. – М.: Наука, 1973. – С. 386–418.
6. Попова Л.В. «Демоническое» в художественной культуре Серебряного века: культурфилософские аспекты: дис. ... канд. культурологии. – М., 2014. – 221 с.
7. Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: МГУ, 1993. – 320 с.
8. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994.

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ЦИКЛА С.А. КЛЫЧКОВА «ЗАКЛЯТИЕ СМЕРТИ»

В статье рассматривается вопрос о поэтике цикла стихотворений С.А. Клычкова «Заключение смерти». В частности, выявляются и характеризуются факторы и принципы циклообразования, использованные поэтом в названном произведении.

Автор статьи опирается на наиболее авторитетные исследования, посвящённые проблемам циклизации. Кроме того, учитываются наиболее значимые в научном отношении работы, обобщающие сведения о поэтике лирического цикла.

В статье реконструируется история создания цикла «Заключение смерти», изучение которой необходимо для приближения к разгадке авторского замысла скрепления нескольких стихотворений в одно «сверхжанровое единство». Показывается, как некоторые факты биографии С.А. Клычкова преломляются и преобразуются в стихотворениях цикла, обеспечивая определённый уровень художественной целостности указанного литературного произведения. Анализируется качественный и количественный состав лирического целого в авторских редакциях поэта, а также в публикациях, вышедших после его смерти.

В статье выявлены основные факторы циклизации, выделены «скрепы», объединяющие отдельные стихотворения в художественное целое. Это – общность образов и мотивов; минорное лирическое настроение; единый лирический герой; лексическое наполнение (лексика определённых тематических групп, перекликающаяся с заглавием и общим настроением цикла). Особое место среди факторов циклообразования занимает антитеза, выступающая в произведении в качестве ведущего композиционного приёма. Использование антитезы порождает контраст художественных смыслов произведения.

Исследование поэтики цикла С.А. Клычкова «Заключение смерти», постижение механизмов художественной интеграции, реализованной в названном произведении, позволило автору статьи приблизиться к пониманию мировосприятия одного из самых ярких представителей новокрестьянской поэзии.

Ключевые слова: цикл, циклизация, факторы циклизации, художественная целостность произведения, С.А. Клычков, «Заключение смерти».

Вопрос о жанровой природе литературного цикла на сегодняшний день в литературоведении остаётся одной из обсуждаемых проблем. На данный момент литературоведческая наука насчитывает немалое количество работ, посвящённых изучению и описанию данного литературного феномена. Называя лирический цикл «жанровым образованием» (И.В. Фоменко [11]), «сверхжанровым единством» (М.Н. Дарвин [1]), исследователи подчёркивают сложность рассматриваемого литературного явления. Анализ существующей научной литературы по данному вопросу показывает, что универсального определения понятию «лирический цикл» выработано не было, однако исследователи едины во мнении, что лирический цикл – это совокупность нескольких произведений, объединённых автором по каким-либо признакам. Изучение совокупности произведений позволяет выявить скрытые смыслы, не выводимые из семантики каждой отдельной единицы цикла, и таким образом приблизиться к авторской воле создания лирического единства. Как точно замечает В.А. Сапогов, «пристальное исследование структуры поэтических циклов, сравнение разных редакций сборников, изучение работы поэтов по составлению циклов открывают неожиданные, часто на первый взгляд не заметные аспекты содержания художественного произведения» [7, с. 90]. Таким образом, представляется возможность поиска новых путей постижения авторской картины мира как отдельно взятого писателя,

так и нескольких авторов, работающих в одном литературном направлении.

В данной статье мы обратимся к лирическому циклу С.А. Клычкова «Заключение смерти».

Следует отметить, что творчество поэтов-новокрестьян нередко становилось объектом внимания литературоведов. Однако художественное наследие С.А. Клычкова остаётся малоисследованным. Как замечает С.А. Щербаков, «если термины “есениноведение” и “клюеведение” уже прижились в литературоведении и приобрели статус его самостоятельных разделов, то в отношении Клычкова об этом говорить пока рано» [12, с. 12]. И действительно, изучение творчества С.А. Клычкова активизировалось лишь с последнего десятилетия XX века. Это объясняется тем, что долгое время многие произведения автора не были доступны широкому кругу читателей. В конце 1980-х – начале 1990-х годов начинается публикация ранее не печатавшихся стихотворений С.А. Клычкова, ведётся работа по восстановлению наследия автора, его произведения становятся объектом изучения учёных.

Будучи писателем-прозаиком, переводчиком, Клычков также является одним из ярких представителей новокрестьянской поэзии. Анализируя лирические произведения рассматриваемого нами автора, мы приходим к выводу о том, что лирические циклы занимают значительное место в поэтическом наследии автора.

Цикл «Заключение смерти» был написан в конце 20-х – начале 30-х годов XX века и относится

к позднему периоду творчества поэта. В то время автор всё чаще писал не для публикации, а в стол, его произведения подвергались жёсткой цензуре, а позже и вовсе не печатались. Рассматриваемое нами произведение впервые стало доступно для чтения в 1989 году. В журнале «Новый мир» были опубликованы материалы «Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии» [9], среди которых также были предложены читателю стихотворения цикла «Заклятие смерти», печатавшиеся под названием «Из цикла “Заклятие смерти”». Во вступительной статье к данной публикации С.И. Субботин объясняет появление данного наименования. Исследователь пишет о том, что в цикле «<...>» было по крайней мере десять стихотворений, но два из них, шедшие по замыслу автора под номерами IV и VIII в АК [Архив Клычковых] не сохранились. В связи с этим сохранившиеся тексты <...> перенумерованы по порядку и публикуются по авторской машинописи под заголовком «Из цикла “Заклятие смерти”» [9, с. 196].

Разногласия во мнениях учёных, изучающих природу лирического цикла, показывают невозможность дать полный универсальный список принципов циклизации, опираясь на которые поэты объединяют свои произведения в «сверхжанровые единства» (термин М.Н. Дарвина [1, с. 14]). Из комментариев С.И. Субботина к полному собранию сочинений С.А. Клычкова в 2-х томах узнаём, что поэт всегда был внимателен к композиции и составу произведений в своих изданиях: «Готовя к печати авторские сборники стихов, Клычков не только уделял много внимания их композиции, но и изменял её при переиздании своих книг» [3, т. 1, с. 494]. Как уже говорилось выше, два стихотворения из рассматриваемого нами цикла в настоящее время утрачены, однако восемь из сохранившихся («Не спится мне перед отъездом...», «Сколько лет с божницы старой...», «Я сплю тяжёлым жутким сном...», «Всё те же у родного дома...», «Сколько хочешь плачь и сетуй...», «Ой, как ветер в поле воет...», «Давно не смотрит Спас с божницы...», «Как свеча, горит холодный...») печатаются в той последовательности, в которую их выстроил сам автор.

Литературоведение активно взялось за изучение наследия С.А. Клычкова сравнительно недавно, однако на сегодняшний день существует немало работ, объектом изучения которых становятся произведения указанного автора. Так и цикл «Заклятие смерти» упоминался исследователями в контексте общих особенностей поздней лирики С.А. Клычкова (Е.А. Демиденко [2], И. Ростовцева [6], Е. Семёнова [8], С.Н. Солнцева [10], Б. Романов [5] и др.). Но вопрос структурной организации, художественной целостности цикла специально не поднимался.

Данный лирический цикл создаётся поэтом в то время, когда гонения цензуры заставляют

С.А. Клычкова отказаться от публикации собственных произведений. Упомянутое обстоятельство тяготит душу автора, он тяжело переживает эти события. Это во многом объясняет и трагическое заглавие цикла – «Заклятие смерти». Заглавие, как одна из сильных позиций текста, определяет общий эмоциональный тон лирического повествования, а следовательно, является одним из структурообразующих факторов циклизации, который мы выделяем в данном художественном единстве. Лексема «заклятие» трактуется в «Словаре русского языка» (под ред. С.И. Ожегова) как «магические слова, которыми заклинают» [4, с. 169]. В свою очередь, лексеме «заклинать» в том же источнике даётся толкование «подчинять себе, произнося магические слова» [4, с. 169]. Таким образом, заглавие предвосхищает общую минорную тональность лирического цикла и эмоциональный настрой лирического субъекта. Анализ текстов произведений, входящих в исследуемое художественное единство, показывает, что подтекст заглавия цикла поддерживается множеством лексем, содержащих негативную коннотацию. Это прослеживается как в обилии эпитетов, содержащих отрицательное эмотивное отношение лирического субъекта к происходящему вокруг него (*убогий, старый, изношенный, холодный, кривой, скрипучий, глухой, страшный, немой, безродный, бесплодный, слепой, костлявый*), так и характерной лексикой, ассоциирующейся с понятием «смерть» (*горечь, страдание, кровь, помин, поминки, саван*). Как видим, словесная «ткань» произведения предвосхищает и доминирующее настроение лирического единства, и основной мотив цикла – мотив «смерти, утраты, потери». В начале художественного целого лирический герой говорит о потере сна, потере покоя:

Не спится мне перед отъездом,
Не спит и тополь у окон:
Давно он все прочел по звездам,
Чего не знает он?..

(«Не спится мне перед отъездом...») [3, т. 1, с. 250].

Потеря сна для человека обусловлена присутствием в жизни тревоги, переживаний, длительных раздумий, душевных терзаний. Отсутствие сна, невозможность отдохнуть, на какой-либо период избавиться от мрачных мыслей – всё это доставляет лирическому герою чувство душевного дискомфорта, доходящего до крайней степени: он становится уверенным в том, что бессонной ночи никогда не наступит конец:

Не дожидаться до рассвета...
Не увидишь больше дня!

(«Сколько хочешь плачь и сетуй...») [3, т. 1, с. 253].

С приходом рассвета жизнь лирического героя отнюдь не обретает новые краски, не приносит новые силы. Он ассоциирует пробуждение с «лишним подарком» судьбы:

И пробуждению и дню

Дивлюсь, как лишнему подарку!

(«Я сплю тяжёлым жутким сном...») [3, т. 1, с. 251].

Внутренние терзания на время оставляют лирического героя наяву, однако перемещаются вместе с ним в «тяжёлый и жуткий сон» [3, т. 1, с. 251], погружают в оцепенение души, приводят к состоянию апатии, не покидая его практически круглосуточно. Даже время в мире лирического героя становится тягучим, медлительным. Данный факт подчёркивается, во-первых, обилием наречий со значением качества действия (*еле, чуть, не спеша, врасяжку, тяжко*); во-вторых, ритмикой самих стихотворений цикла.

Мотив «потери, утраты» становится сквозным в «Заклятии смерти». Длительные бессонные ночи приводят лирического героя к осознанию потери самого себя, своей судьбы:

И вот: судьбы моей и доли

И не было и нет!

(«Не спится мне перед отъездом...») [3, т. 1, с. 250].

При этом лирический герой понимает, что своим потерям он «обязан» утрате привычного деревенского уклада жизни. Поднимая проблему жизненного переворота на рубеже 20–30-х гг. XX века, С.А. Клычков, таким образом, включается в общий контекст развития поздней лирики новокрестьянских поэтов. Мотив сожаления о «Руси уходящей», об утрате традиционного, веками складывавшегося, деревенского уклада жизни является устойчивой характеристикой позднего периода творчества поэтов-новокрестьян, таких как С.А. Есенин, Н.А. Клюев, А.В. Ширяевец и др. Наиболее болезненным для поэта является отход от традиций церкви. Собственные переживания автор спроецировал и на лирического героя цикла. Исследователи творчества С.А. Клыčkova (например, Е.А. Демиденко [2]) замечают, что одной из характеристик его произведений становится сближение автора и лирического субъекта, а в поздней лирике поэта они практически тождественны.

Мотив сожаления об ушедшей крестьянской Руси также становится сквозным в лирическом единстве. На основе приёма антитезы построены образы старой и новой России. Старую деревенскую Русь автор называет «царством стариков», характеризует её через образ деда, который сшил себе саван и удалился в небытие. Новую Россию автор характеризует через образ пьющего отца и внучат с неясной походкой. Эти люди, по мнению лирического героя, не могут свято хранить традиции предков. Данная мысль подчёркивается повествованием о нынешнем состоянии символа веры, главного атрибута церковного быта русского человека – красного угла:

Да и сам я часто спяна

Тычу в угол кулаки,

Где разжились тараканы

И большие пауки!

Где за дымкой паутинной

В темном царстве стариков

Еле виден Спас старинный

И со Спасом рядом штоф.

(«Сколько лет с божницы старой...») [3, т. 1, с. 251].

Мотив ухода от исконных церковных традиций поддерживается в цикле трансформацией образа Спасителя. Если в начальных стихотворениях цикла образ Спаса виден лирическому герою («Где за дымкой паутинной / В темном царстве стариков / Еле виден Спас старинный / И со Спасом рядом штоф») [3, т. 1, с. 251], то уже к седьмому стихотворению цикла наблюдается уход образа Спаса из обители людей («Давно не смотрит Спас с божницы, / И свет лампад давно погас: / Пред изначальным ликом жницы / Он в темноте оставил нас!») [3, т. 1, с. 253]. В конце этого же стихотворения наблюдается итог трансформации образа иконы – Спас заменяется символикой советской власти: «И вот теперь в привычном месте / Висит не Спасов образок, / А серп воздания и мести / И сердца мирный молоток!» [3, т. 1, с. 253]. В приведённых примерах также наблюдаются противопоставление: образок – образ старой России, серп и молот – символ новой, чуждой лирическому герою, России. Данная трансформация демонстрирует ощущение безвозвратной утраты гармонии прежней жизни, потерю Бога, а следовательно, и погружение окружающего мира во тьму, в хаос. Лирический герой чувствует растущее отчуждение человека от Бога, а Бога от человека. Ощущение богооставленности мира порождает апокалиптичность настроения лирического героя, что поддерживается в цикле лексикой тематических групп «свет» и «тьма». Клычков активно использует приём антитезы:

И свет висит на частоколе,

Бери хоть в руки этот свет...

(«Не спится мне перед отъездом...») [3, т. 1, с. 250].

Ни звезды нет, ни огня!

Не дожидаться до рассвета...

Не увидишь больше дня! ...

В этом мраке, в этой темноте

Страшно выглянуть за дверь...

(«Сколько хочешь плачь и сетуй...») [3, т. 1, с. 253].

Как свеча, горит холодный

На немом сугробе луч...

(«Как свеча, горит холодный...») [3, т. 1, с. 254].

Таким образом, приём антитезы оказывается в лирическом цикле «Заклятие смерти» одной из художественных скреп.

Помимо приёма антитезы, своё антагонистическое отношение к переменам в российском обществе Клычков также выражает через трансформацию образа природы. Лирика поэта всегда была связана с фольклорными традициями, сближающими состояние природы с чувствами лирического героя. В начальных стихотворениях цикла наблюдаются подобные параллели:

Не спится мне перед отъездом,
Не спит и тополь у окон...

(«Не спится мне перед отъездом...») [3, т. 1, с. 250].

Описание убогого родного края перекликается с минорным настроением лирического героя. Однако к концу цикла образ природы практически полностью исчезает из общей художественной картины. Этот момент сигнализирует о сужении жизненного пространства лирического героя. Если в первых стихотворениях цикла фигурирует образ сада, родного края, то к середине произведения лирическое пространство характеризуется разомкнутостью, сужается до размеров избы. Лирический герой признаётся, что ему «страшно выглянуть за дверь» [3, т. 1, с. 253]. Таким образом, наблюдается ещё один пример противопоставления: агрессивный внешний мир и изба – защитница лирического героя от происходящих вне её стен событий. Ведущим становится мотив отчуждения человека от природного мира. В конце лирического цикла жизненное пространство, переходящее от природного окружения к домашнему, предельно сужается: светлое начало жизни концентрируется в тонкой полоске света, своеобразной точке – холодном и немом луче, который поэт сравнивает с мерцанием свечи:

Как свеча, горит холодный
На немом сугробе луч...

(«Как свеча, горит холодный...») [3, т. 1, с. 254].

В конечном итоге свет, олицетворяющий собой жизненные силы лирического героя, переходит из материального мира в мир духовный, вовсе не видимый человеческому глазу:

Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму!

(«Как свеча, горит холодный...») [3, т. 1, с. 254].

Таким образом, говоря об особенностях поэтики рассмотренного нами цикла, следует обратить внимание на следующие структурообразующие факторы, характеризующие цикл «Заклятие смерти» как художественное единство. Это, прежде всего, общность мотивов (смерти, утраты, потери) и лирической тональности стихотворений. Указанный уровень художественной целостности поддерживается заглавием. Он также обеспечивается специфическими лексическими средствами: 1) обилием эпитетов с отрицательной коннотацией; 2) характерной лексикой, ассоциирующейся с широким и многозначным пониманием категории «смерть» (смерть не только как физиологическое, но и как духовное явление; смерть человека как части погибшего природного мира; смерть как потеря Бога); 3) лексикой тематических групп «свет» и «тьма». Все указанные факторы позволяют говорить об общем минорном настроении лирического единства.

Наконец, роль повторяющейся в цикле художественной «скрепы» играет антитеза, выступающая в произведении в качестве ведущего композицион-

ного приёма. Контраст художественных смыслов, подчёркнутый антитезой, демонстрирует душевный разлад лирического героя с окружающей его действительностью, невозможность стать частью природы, вновь обрести гармонию с внешним миром. Лирический герой, с одной стороны, загнан в угол и полон отчаяния, а с другой стороны, не ищет путей обретения душевного спокойствия, мирится с действительностью, сулящей ему только смерть.

Библиографический список

1. Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1983. – 104 с.
2. Демиденко Е.А. Поздняя лирика С. Клычкова: мировоззренческие установки и образ лирического героя // Сборник к 70-летию С.И. Субботина // Ключевослов. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kluev.org.ua/collegium/sbornik.php>. (дата обращения: 14.01.2015).
3. Клычков С.А. Полн. собр. соч.: в 2 т. / подг. текста и комм. М. Нике, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина. – М.: Эллис Лак, 2000.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
5. Романов Б. «И долго думал он о Боге...»: Сергей Клычков и народная вера // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы: сб. ст. по итогам междунар. науч. конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения С.А. Клычкова. – М.: Из-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2011. – С. 32.
6. Ростовцева И. Лирическое, слишком лирическое... // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы: сб. статей по итогам международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения С.А. Клычкова. – М.: Из-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2011. – С. 234.
7. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения: Тезисы докладов IX Науч.-теорет. и метод. конференции. – М.: Из-во Московского пед. ин-та, 1966. – С. 90.
8. Семёнова Е. Сергей Клычков. Последний Лель // Голос Эпохи. – 2014. – № 3. – С. 233.
9. Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии / вст. статья, подг. текста и комм. С.И. Субботина // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 193.
10. Солнцева С.Н. Творчество С.А. Клычкова как предмет научного изучения // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы: сб. статей по итогам международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения

С.А. Клычкова. – М: Из-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2011. – С. 14.

11. *Фоменко И.В.* Лирический цикл как метатекст // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов: межвуз. темат. сб. – Калинин: Калининский государственный

университет, 1979. – С. 112.

12. *Щербаков С.А.* Растительный мир как природный, историко-культурный и духовный феномен в русской поэзии XX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М: Изд-во Московского гос. обл. ун-та, 2012. – 40 с.

УДК 821.161.1.09

Кушнирчук Наталья Петровна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
kushnirchuk@list.ru

Б. ПАСТЕРНАК ПОД ПЕРОМ ЦЕНЗУРЫ («ОХРАННАЯ ГРАМОТА», 1929–1931)

Период конца 1920-х годов для Бориса Пастернака – годы творческого самоопределения. В это непростое время поэта особенно остро волновали вопросы о соотношении творца и окружающей его действительности, о природе творчества, о назначении творчески одаренной личности и ее месте в истории. «Охранная грамота», само название которой взывает к справедливости, стала знаковым текстом. На ее страницах поэт выражает глубокие мысли о роли и судьбе искусства, о поэте, призванном самой судьбой и талантом быть отражением своего времени. Непростая творческая история повести демонстрирует отчаянную попытку Пастернака защитить автономный статус поэта, невзирая на жесткие условия, продиктованные идеологически настроенной цензурой. Под неусыпным контролем бдительных политредакторов цензоры вычеркивают из текста повести целые страницы. Однако на фоне этого особенно осязателен органичный, присущий как великий дар природы, выстраданный годами преданность поэту искусству. Основной задачей данной статьи является наблюдение над цензурными вторжениями в текст «Охранной грамоты» с целью выявления позиции поэта в его эстетических отношениях с культурой и искусством переломной эпохи.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Охранная грамота», автобиографизм, цензура, цензурная правка.

«Охранная грамота» есть и будет сочинением решающего значения. Не так важно, что по ней будут <...> судить обо мне, как то, что по ней <...> мне будут следовать.

Б. Пастернак

*Из письма к матери, 9 апреля 1930 года
[1, с. 183]*

30 декабря 1929 года Б. Пастернак пишет письмо сотруднику издательства П.Н. Медведеву, в котором идет речь о неудачной попытке публикации романа в стихах «Спекторский». Автор благодарит Медведева за подробный разбор «несчастливого Спекторского», а затем рассказывает о том, как сотрудник Ленгиза Лебедев, разговаривая с поэтом как с «уличным мошенником», начал настаивать на «букве идеологии <...>, точно она – буква контракта. <...> Точно я по договору выразил готовность изобразить революцию как событие, культурно выношенное на заседаниях Ком. Академии в хорошо освещенных и отопленных комнатах, при прекрасно оборудованной библиотеке» [8, т. 8, с. 384–385]. И далее следует фраза, которая очень точно характеризует принципы цензуры конца 20-х – начала 30-х годов. Пастернак пишет: «...точно в договор был вставлен предостерегающий меня параграф о том, что изобразить пожар значит призывать к поджогу» [8, т. 8, с. 385].

После настоятельной просьбы о расторжении договора с Ленгизом и возвращении рукописи Пастернак делает приписку: «Как все это <...> тяжело! Сколько кругом ложных карьер, ложных ре-

путаций, ложных притязаний! И неужели я самое яркое в ряду *этих* явлений? Но я никогда ни на что не притязал. Как раз в устранение этой видимости, совершенно невыносимой я стал писать “Охранную Грамоту”. Я готов быть осужденным и вычеркнутым из поминанья за *дело*, на основании моей действительной наличности, но не иначе» [8, т. 8, с. 386] (курсив автора. – Н. К.).

Как справедливо пишет Л. Горелик, на протяжении всего творческого пути Пастернака волновали вопросы о соотношении творца и действительности, о процессах, побуждающих к творчеству, а также об уникальных свойствах творческой личности, выделяющих его на фоне остальных людей [3, с. 10]. С конца 1920-х годов в творчестве Пастернака тема осмысления своего жизненного и творческого пути усиливается. Поэт решает представить свой взгляд на место поэта в русской культуре переломной эпохи, противопоставляя его принципу автобиографизма, охватывающему все его творческие порывы и знаменующему конец искусства.

Таким образом, «Охранная грамота» создается как защита творческой свободы в его эстетических отношениях с миром.

Над повестью «Охранная грамота» Пастернак начал работать в 1927 году. Изначально эта работа задумывалась как статья, посвященная немецкому поэту Райнеру Марии Рильке (1875–1926), влияние которого на Пастернака было очень сильным. «Я обязан Вам основными чертами моего характера, всем складом духовной жизни. Они созданы Вами», – писал Пастернак Рильке [9, с. 62].

Литературовед К. Азадовский так прокомментировал это высказывание: «Всю жизнь Пастернак стремился к передаче *сущности*, к овладению содержанием в такой мере, чтобы форма рождалась естественно, как у живого существа. Труд художника мыслился им как аскетическое ученичество и подчинен был основной задаче – явить в слове “образ мира”, пронизанный счастьем существования и родства со всем. Этому Пастернак учился у Рильке» [9, с. 3].

Таким образом, уже изначально было ясно, насколько творческая позиция Пастернака противостояла все набирающему обороты господству партийной идеологии и все более набирающей обороты деятельности цензуры. Это предопределило трудности на пути создания творческой истории «Охранной грамоты», первоначально названной «Статья о поэте».

Первую часть «Охранной грамоты» Пастернак закончил в 1928 году, в 1930–1931 были написаны вторая и третья. Сам поэт характеризовал свою работу как воспоминания, которые, по словам Пастернака, «сами по себе <...> не представляли бы никакого интереса, если бы не заключали честных и прямых усилий понять с их помощью, что такое культура и искусство, если не вообще, то хотя бы в судьбе отдельного человека <...> Я в этой книге не изображаю, а думаю и разговариваю. Я стараюсь в ней быть не интересным, а точным» [8, т. 8, с. 629].

В печать «Охранная грамота» выходила частями: публикация первой части – в «Звезде» (1929, № 8), второй и третьей – в «Красной нови» (1931, № 4, 5, 6). В том же 1931 году «Охранная грамота» вышла отдельным изданием («Издательство писателей» в Ленинграде).

Еще в 1925 году, после постановления ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной литературы», Пастернак был уверен, что условия, создаваемые в литературе и искусстве, позволят писателю остаться свободным. Откликаясь на резолюцию, Пастернак пишет: «Все заставляет предполагать, что стиль, соответствующий эпохе, будет создан. <...> Я думаю, что труд умнее и благороднее человека и что художнику неоткуда ждать добра, кроме как от своего воображенья» [8, т. 5, с. 211–212]. Однако художнику без борьбы и существенных потерь остаться свободным в эпоху тотального контроля не представлялось возможным.

Уже публикация отдельных частей «Охранной грамоты» вызвала предостерегающие и доста-

точно опасные реплики издателей. Так, при публикации второй части редакция «Красной нови» предупреждает своих читателей: «Печатаемая повесть Б. Пастернака “Охранная грамота”, редакция оговаривает свое несогласие с содержащимися в повести отдельными философскими характеристиками и оценками явления искусства, носящими идеалистический характер. Развернутую критику этой повести редакция даст в ближайшем номере» [5, с. 3].

На повесть, вышедшую тиражом 6 тыс. 200 экземпляров (вместо предполагаемых 10 тыс.), обрушился шквал неодобрительных отзывов.

10 декабря 1931 года Союз писателей объявил дискуссию «О политической лирике». «Охранная грамота», вышедшая в ноябре 1931 года отдельным изданием, уже обратила на писателя резко негативное внимание критики. Автобиографизм произведения, подчас переходящий в исповедь, давал широкое поле для обвинений. Я. Эльсберг, А. Селивановский, Н. Оружейников открыто осуждали творческую эстетику поэта и его мировоззрение.

Критик А.П. Селивановский резко выступил против Пастернака, причислив его к лагерю буржуазного реставраторства. Выражение подобных взглядов он увидел в стихотворении «Другу» (1931) и, особенно, в «Охранной грамоте», которую назвал «развернутой платформой идеалистического буржуазного искусства» [9, с. 156]. Абсолютно неприемлемой показалась ему мысль об искусстве, самостоятельно ставящем себе цели. Он предложил Пастернаку задуматься о том, что окружающая его атмосфера лести мешает ему стать в ряды современной революционной поэзии.

После дискуссии А. Тарасенков опубликовал в «Литературной газете» статью «Охранная грамота идеализма», в которой называет произведение «уходом в идеалистическое созерцательство, аполитизмом, сопряженным в своем объективном развитии с уходом от пролетариата в стан его прямых врагов» [13, с. 2], а весь творческий метод поэта – субъективным идеализмом. И, как утверждает критик, только «резким разрывом со своим прошлым и настоящим Пастернак может быть спасен для сегодняшнего дня, <...> спасен и как художник» [там же].

На фоне разгромных выступлений критики особенно выделялась статья Р. Миллер-Будницкой «О философии искусства Б. Пастернака и Р.М. Рильке» («Звезда», 1932, № 5), в которой автор «Охранной грамоты» был обвинен в субъективном идеализме и неокантианстве. По тем временам подобное заявление было равносильно обвинению в контрреволюционности. Все эти выступления и определили дальнейшую судьбу повести: сборник «Воздушные пути» вышел без «Охранной грамоты» (ГИХЛ, 1933). Рукопись, подготовленная Борисом Пастернаком для этого издания, попадает в архив издательства и далее с восстановлением

цензурных сокращений была опубликована лишь в 1982 году в издательстве «Советский писатель».

По существу, идеологически направленная против Б. Пастернака критика исполняла роль опоры для последующей цензурной расправы.

В 30-е годы в структуре Главлита произошли изменения, значительно расширяющие его функции, а также функции многих инстанций, вовлеченных в репрессивную структуру. В сентябре 1930 года выходит Постановление Политбюро ЦК «О работе Главлита», в котором Наркомпросу поручено его реорганизовать. Так, для оперативной работы по контролю назначают ответственных политредакторов, утверждаемых Главлитом [11]. Политредакторы должны были оставлять письменный отзыв о каждом произведении, поступающем в печать, с подробным анализом и указанием мест, подлежащих изъятию или переработке. Политредактор, «в случае последующего обнаружения в напечатанной рукописи политически или идеологически вредных моментов, в отзыве не отмеченных, привлекается к ответственности перед советским судом и партийным контрольным органом» [13, с. 287]. Таким образом, с 1930-х годов Главлит полностью подчиняется партийным органам.

В рамках этих идеологически обостряющихся событий серьезные цензурные изменения терпят как журнальные публикации «Охранной грамоты», так и, особенно, отдельное издание.

В письме Груздеву, датированном 3 марта 1931 года, Пастернак пишет: «“Охранная Грамота” сейчас вся в переписке, на днях получу ее отреминтонированной и перешлю Вам. <...> Я не умею исчислять листов по рукописи, но думаю, что в вещи не меньше 5-ти п. л., а может быть, и все шесть. – Условий “Кн(игоиздательс)тва” не знаю» [8, т. 8, с. 484–485]. Однако «хирургические» следы цензурной правки выглядели так: от первоначального текста «Охранной грамоты» осталось всего 4 печатных листа¹.

Так, цензурой было удалено из текста отдельного издания 1931 года упоминание о В. Ленине, которое еще было опубликовано в журнальной редакции 1929 года. Как живой современник эпохи, Пастернак решается сделать объектом искусства фигуру Ленина, внося в художественный образ «неприкасаемого» вождя (по циркулярам цензуры) живые штрихи незаурядной личности: «Клубок громких и независимых мыслей вмиг, на месте, без ненужных прикрас превращался в клубок спокойных слов, произносившихся так, точно достаточно было одного их звучанья, чтобы слово стало делом. Он думал вслух, то есть с такою правильно-стью в следовании мыслей, что большинству, для которого предрассудок стал вторым языком, оставался непонятен. <...> На девятом съезде Советов впервые услышал <я> Владимира Ильича. Я говорю, разумеется, о последней неуловимости, то есть

позволяю себе одну из таких аналогий, на почве которых делались сближения с лукавым хозяйственным мужичком, и множество других, менее убедительных» [5, с. 161]. Посмертная Лениниана не допускала никаких вторжений в монументальную масштабность вождя руководителей партии. Именно поэтому в представленном отрывке «человечивание» вождя выглядело с позиции цензуры идеологической ошибкой, и в отдельном издании удалено.

Новизна поэтического словотворчества, новой образной системы, ставшая той «высокой болезнью», которой был наделен замечательный поэт, ведет к тому, что опытная рука цензора, улавливающая все возможные негативные смысловые оттенки в тексте, вычеркивает целые страницы, в которых в поэтическую символику Пастернака прорывается жестокое время. В отдельном издании 1931 года полностью отсутствует текст из 11 глав: «Пространство, прежде бывшее родиной матери, заболело гангреной тыловых фикций и пошло линейными дырами отвлеченного несуществования. Когда нас развезло жидкою тундрой и душу обложил затяжной дребезжащий, государственный дождик. Когда вода стала есть кость и времени не стало чем мерить. Когда после уже вкушенной самостоятельности пришлось от нее отказаться и по властному внушенью вещей впасть в новое детство, задолго до старости» [8, т. 3, с. 137]. И далее удален фрагмент зарисовки городской сцены: «Они стреляли то пачками, то отдельными редкими вопрошаньями в ночь, полными жалкой безотзывной смертоносности, и так как им нельзя было попасть в такт и много гибло от шальных пуль, то в целях безопасности по переулкам вместо милиции хотелось расставить фортепьянные метрономы» [8, т. 3, с. 227]. (В посмертной редакции 1982 года текст восстановлен по наборной машинописи. [7])

Исповедальность текста «Охранной грамоты» иногда подвергает поэта в беспощадные по своей силе высказывания, характеризующие страшное лицо эпохи зарождающегося террора и непереносимую боль беспомощности протеста: «Наконец, недостаточно оценив эти впечатления в то время, я узнал, как мало нужно гению для того, чтоб взорваться».

Кругом – львиные морды, всюду мерещащиеся, сующиеся во все интимности, все обнюхивающие, – львиные пасти, тайно сглатывающие у себя в берлоге за жизнью жизнь. Кругом львиный рык мнимого бессмертья, мыслимого без смеху только потому, что все бессмертное у него в руках и взято на крепкий львиный повод. Все это чувствуют, все это терпят. Для того чтобы ощутить только это, не требуется гениальности: это видят и терпят все. Но раз это терпят сообща, значит, в этом зверинце должно быть и нечто такое, чего не чувствует и не видит никто.

Это и есть та капля, которая переполняет чашу терпения гения» [7, л. 198]. (Случайно сохранившийся в «Красной нови» фрагмент был удален в отдельном издании 1931 года.)

Цензура беспощадно убирает из текста «Охранной грамоты» мысль о том, что величие художника определяется мерой и степенью его служения своему времени, очевидно исходя из аксиомы о преувеличении роли государства в судьбе поэта советской эпохи. Вычеркнута в отдельном издании «Охранной грамоты» 1931 года фраза: «Время, позируя художнику, может вообразить, будто подымает его до своего преходящего величия» [7, л. 198].

Тема сотрудничества с эпохой и не-сотрудничества с ней постоянно волновала Пастернака. В 8 главе 3 части отдельного издания он пишет: «Был <...> Хлебников с его тонкой подлинностью. Но часть его заслуг и донныне для меня недоступна, потому что поэзия моего понимания все же протекает в истории и в сотрудничестве с действительной жизнью». Далее цензура сократила фразу «И у людей, а не в описанных Свифтом государствах», справедливо прочитав в этом образе смысл принижения роли советского государства. [7, л. 178].

Там же Пастернак противопоставляет Хлебникова Асееву и Маяковскому, которые, по его мнению, все же пошли на сделку с советской действительностью. Пастернак считал это трагедией, и сам переживал по поводу своего двойственной позиции. Поэт в своей исповеди готов признать временные уступки власти. «Когда я писал 905-й год, то на эту относительную пошлятину я шел сознательно из добровольной идеальной сделки с временем, — писал он в письме Константину Федину [8, т. 8, с. 268–269]. А затем в письме В. С. Познеру объяснял причины этой «сделки»: «Я был свидетелем незаслуженного своего признания. <...> Наимягчайшие сожаления о “непонятности” (при непрекращающихся знаках расположения) действуют на меня, как неосновательная ревность человека, всем для тебя пожертвовавшего. И я не зверь, надо наконец внять столь милым людям, ну ее к черту, истину, если с нею в доме так трудно» [8, т. 8, с. 361]. Поэт чувствовал, что Асеев и Маяковский сознательно стесняют себя в поэтическом плане. Как подлинный поэт, он понимает всю меру личной опасности и поэтического упадка при утрате своего кредо. О причинах своего расхождения с Маяковским Пастернак напишет в очерке «Люди и положения» (1956–1957): «Позднейший Маяковский <...> недоступен мне. До меня не доходят эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно. Это <...> Маяковский никакой, несуществующий. И удивительно, что никакой Маяковский стал считаться революционным» [8, т. 3, с. 336].

Первая (1929) и две последующие части (1931) «Охранной грамоты» вышли в свет с разницей в два года. Активная переписка с родными и друзьями говорит о мучительных сомнениях поэта и ожидании трагического конца. В письме Ж.Л. и Л.Л. Пастернак (26 февраля 1930 года) поэт пишет: «“Охр<анную> Гр<амоту>” я написал в 27-м году. Тогда было все же другое время. Но и в ней уже есть то, что увеличивается с каждым годом и убивает меня. Я стал отягощать искусство прощальными теоретическими вставками, вроде за вещательных истин, в каком-то не оставляющем меня чаянии моего близкого конца, либо полного физического, либо частичного и естественного, либо же, наконец, невольного-условного. <...> Под этими писаньями нет счастья <...>. *Причины того, разумеется, не личные и не семейные*» (курсив мой. — Н.К.) [1, с. 473].

Чувствуя свою зависимость от внешних обстоятельств, поэт, выстрадавший каждую стихотворную строчку, понимает, что это — измена искусству, что это — смерть искусства:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют! <...>

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба [8, т. 2, с. 80].

Из смертоносных «битв» с цензурой Пастернак выходит израненным, но не убитым. Перво-степенным для поэта является убеждение, что искусство выше преходящей действительности. «Для Б.Л. Пастернака искусство реальнее самого бытия, а бытие само реально, поскольку оно вторгается в искусство», — утверждает Д.С. Лихачев [4, с. 398].

Характерным становится дополнение, сделанное автором в отдельном издании «Охранной грамоты», которое было вычеркнуто из текста рукописи, хранящейся в архиве «Звезды»: «Безличная уступчивость, которую я теперь разделяю со всеми моими современниками — по всему свету, вероятно, тоже временна. И, вероятно, в тот день, когда симптомы, отличающие землю XX века от Юпитера или Венеры, опять хлынут в мои стихи, этих неповторимых признаков неповторимого бытования опять на стенах у меня не будет» [2, с. 194].

Наблюдения над цензурными вторжениями в тексты Пастернака приводят к мысли о его неутомимом стремлении сохранить свою правоту в отношениях с культурой и искусством.

Примечание

¹ Наборная машинопись, восстанавливающая цензурные сокращения 1931 года, хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. Фонд 613. Оп. 1. Ед. хр. 7378.

Библиографический список

1. Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 896 с.
2. Б.Л. Пастернак. Письма к В.М. Саянову. Публикация А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. – Л.: Наука, 1979. – С. 193–202.
3. Горелик Л.Л. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака. – М.: РГГУ, 2011. – 370 с.
4. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1987. – 520 с.
5. Пастернак Б. Охранная грамота // Звезда. – 1929. – № 8. – С. 148–166.
6. Пастернак Б. Охранная грамота // Красная новь. – 1931. – № 4. – С. 3–23; № 5/6. – С. 32–46.
7. Пастернак Б.Л. «Воздушные пути». Рассказы. Наборный экземпляр // РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Ед. хр. 7378.
8. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2003–2005.
9. Письма 1926 года: Р.М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. – М.: Книга, 1990. – 255 с.
10. Постановление СНК РСФСР «Об утверждении положения о главном управлении по делам литературы и издательства и его местных органов» от 6 июня 1931 года // История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – С. 57–59.
11. Селивановский А. О буржуазном реставраторстве и социалистической лирике (Речь на поэтической дискуссии в ВССП 16 дек. 1931) // Красная новь. – 1932. – № 2. – С. 156–157.
12. Тарасенков А.К. Охранная грамота идеализма // Литературная газета. – 1931. – 18 декабря (№ 68 (167)). – С. 2.
13. Циркуляр Главлита об уполномоченных Главлита и политредакторах // История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 1997. – С. 286–288.

Ёлшина Татьяна Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной технологической университет
elshina_46@mail.ruТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ ИГОРЯ ДЕДКОВА
(полемиические заметки)

В статье исследуется история постепенного становления И.А. Дедкова в качестве автора театральных рецензий. В основном анализируются рецензии на спектакли по пьесам А.Н. Островского, к которому у Дедкова было особое отношение. Интерес представляет история написания первой рецензии Дедкова на спектакль Костромского театра им. А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (реж. А. Сагальчик). Этот спектакль имел весьма шумную славу: в столичном журнале «Театральная жизнь» были опубликованы три отрицательных отзыва на спектакль провинциального театра. По сути дела, Дедков не только не соглашался со столичными рецензентами, но волею судьбы оказался в центре спора двух столичных театральных изданий: журнала «Театральная жизнь» и журнала «Театр». В работе показано, как постепенно формируется представление Дедкова об особенностях освоения классики современным театром, его умение читать режиссерскую партитуру, быть внимательным к актерским работам. Он учится видеть спектакль в потоке соседних искусств (музыкальное решение и художественное оформление). Но главным открытием Дедкова-рецензента становится слово, то есть тот инструмент, который пригодится ему впоследствии в главном деле его жизни – литературной критике. Как литературный критик Дедков оттачивал свое мастерство благодаря театральным рецензиям. Он и впоследствии считал, что переживание и обдумывание искусства – это основа критики. В театральных рецензиях он, как и Островский, умел заглядывать в «святые колоды» чужой души, а сочувствие и понимание торжествовали над судом и обличением.

Ключевые слова: И.А. Дедков, театральная рецензия, провинциальный театр, столичные рецензенты, режиссерская партитура, актерское мастерство, музыкальное решение, художественное оформление, трактовка классической драмы.

К моменту написания первой рецензии на спектакль по пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1966) И.А. Дедков был уже опытным театральным рецензентом. Но главное – он знал и любил Островского, эта любовь шла от впечатлений детства, то есть была укоренена в глубине его памяти. Как человек пытливый, Дедков с интересом изучал литературоведческие и мемуарные источники о творческой индивидуальности Островского, понимал высокую эстетическую ценность созданного Островским национального театра. Этому помогало многое, в том числе – личное знакомство с известным исследователем Островского В.Я. Лакшиным и знание его книг, а также постоянное общение и дружба с В.Н. Бочковым, знание его исследований об Островском и Щелыкове, знакомство с научной работой щелыковской команды Бочкова, наконец, чтение восторженных статей об Островском Ап. Григорьева. Знания Дедкова были обширны, его рецензии «обеспечены» ими, «покоились» на них, но не «щеголяли» ни грузом цитат, ни сложной терминологией. Рецензии Дедкова демократичны в полном смысле этого слова.

Зададимся вопросом: почему, будучи интеллектуально и эмоционально готовым к анализу спектаклей по пьесам Островского, которые (за редким исключением) открывали каждый театральный сезон, Дедков вплоть до 1966 года не отрецензировал ни одного спектакля? И только «Мудрец» Островского заставил его взяться за перо. Ответ, наверное, прост: спектакль понравился. Работа молодого режиссера А. Сагальчика сразу вызвала споры, к которым в провинции не привыкли. «Это

в столицах публика ко всему привыкла и удивить ее трудно, но здесь-то, здесь – ах как все было внове, и какая великолепная молва поползла по городу, и какие вскипели споры, и как сладко их было слушать, поскольку не приучены к ним, не привыкли. И публика разделилась на две партии, и на знамени каждой было имя Островского» [5, с. 109].

Дедков анализирует суть разногласий, которые сводились к нескольким позициям: не принявшие спектакль зрители были шокированы отсутствием традиционных декораций, их смущал современный облик персонажей, отсутствие занавеса и одетые в униформу слуги, которые по ходу действия меняли облик сцены. Принявшим спектакль зрителям все эти новации, напротив, нравились. Дедков встал на защиту режиссерского решения, он спорил с теми, кому хочется превращать живое зрелище в музейный зал, «чтобы на сцене были продемонстрированы иллюстрации в лицах на тему “дворянство и бюрократия в пореформенной России”» [5, с. 110].

Дедков обращает внимание на художественное решение спектакля, рецензент хочет проникнуть в режиссерский замысел и донести его до читателей и зрителей. Он предлагает понять характер Глумова (Е. Воронова) изнутри: «Нет, этот Глумов не двурушник, не слуга всех господ и всех направлений. Он живет по правилам, которые застал в мире или которые ему навязали. Он и впрямь искреннее обычного, когда можно сказать злое, обличающее слово. Не из кого, не из чего выбирать Глумову. Не Чацкий же он, родословная не та, не крикнуть ему: “Карету мне, карету!”», не подадут ему карету» [5, с. 111].

Рецензент необычайно ярко интерпретирует несколько сцен из спектакля. Например, сцену появления Крутицкого (С. Каленский) и Мамаева (В. Макасеев). «Безликие слуги ... раскатывают ковровую дорожку, и на зрителя из глубины сцены шествуют, почти маршируют Крутицкий и Мамаев. Крутицкий – маленький надутый человек в черном, со вздернутым подбородком, выпученными глазами и замашками грозного жандармского чина, привыкшего наблюдать за состоянием умов в государстве. У него темперамент вождя, он способен вскочить на стол и дать гневный отпор реформаторам. Он похож на закупоренный беспомощный вулкан» [5, с. 112].

Дедков не просто пересказывает сцену из спектакля – он интерпретирует ее, используя свои данные блестящего литератора. Сцена из спектакля превращается в небольшой литературный сюжет, читая который воочию видишь то, что происходило на сцене. Читатель «видит» спектакль, который «создал» Дедков. Особенность Дедкова-критика заключается в том, что он чувствовал себя не просто союзником художника, не просто посредником между зрителем и сценой – он словно «соревновался» с режиссером, пытаясь другими художественными средствами донести до зрителя его, режиссера, мысль. Завершающая спектакль сцена, которая вызвала недоумение у недоброжелателей, трактована Дедковым как сцена вынужденного примирения с Глузовым. Когда Глузов, только что переживший крах своих надежд, полулежит на огромном столе, он не чувствует себя побежденным. Вокруг стола застыли его враги, готовые мириться, прощать и сотрудничать. На сцене мир, где все связаны круговой порукой.

Современники Дедкова часто жаловались на отсутствие свободы, на невозможность сказать правду. Известный театровед Н.А. Шалимова тоже сетовала: «По условиям времени Дедков уже не мог написать впрямую, о чем идет речь» [7, с. 91]. Прочитайте последнюю фразу Дедкова, характеризующую мир, возникший на сцене: «Крутицкий немислим без Городулина (какой же консерватизм без оттеняющей его либеральной фразы?), а Городулин – без Крутицкого (какое же свободомыслие, если нет жандармов?), и все они немислимы без Глумова, вначале их паствы, затем помощника и наконец партнера в их многозначительной “государственной” игре» [5, с. 113].

В данной характеристике государственного порядка «непрямота» критика связана не с политическими узами, а с собственными поэтическими возможностями. Он умел сказать так, что имеющий уши – слышал, имеющий душу – понимал. Впоследствии, когда после 1990-х начнут резать правду-матку, срывая голос и не выбирая выражений, мы вдруг все увидим, что нет ни правды, ни матки: за криком исчезали нравственные ценности,

а истина ускользала. Дедковский не прямой путь к истине вел читателя к пониманию, возможно, не упрощенным до грубости путем. Но на этом пути истина обреталась, а не вдалбливалась в тебя мегафонными криками из противоположных углов политической сцены. Чужой довод остается лишеным смысла, если в нем не присутствует крупница собственного открытия. Достоинством Дедкова-критика было умение создать в читателе собеседника, в его статьях у читателей рождалась иллюзия совместного пути к совместным открытиям.

Дедков писал рецензию ярко, пристрастно, словно готовился, что ему будут возражать – и возражения не заставили себя ждать. Да еще какие возражения! В столичном журнале «Театральная жизнь» появились сразу две рецензии на спектакль провинциального театра – и обе отрицательные. Это напоминало какой-то заговор. Мы прекрасно помним, что, соблюдая некую объективность, солидные журналы стараются посмотреть на сложные явления искусства с разных позиций. В данном случае все было иначе: «В редакцию пришли одновременно два материала: письмо костромского врача Р. Кублицкого и статья московского критика Б. Елистратова» [12, с. 14], – так редакция журнала представила эту мизансцену и этот критический дуэт. В статье Кублицкого перечислены все пять недостатков спектакля: во-первых, в пьесе Островского пять действий, а в спектакле их только два; во-вторых, режиссер отказался от декораций, грима и костюмов; в-третьих, героиня спектакля, Манефа, характеризуется Глузовым как «пьяная, глупая, невежественная», а в спектакле она обладает приличными манерами, одета в современное платье и у нее модная прическа; в-четвертых, в сцену Турусиной и Крутицкого зачем-то введен элемент секса; в-пятых, зрителю остается непонятно, для чего в последней сцене Глузов лежит на столе? ради новаторства? Новаторство – это единственный диагноз доктора Кублицкого. Но самое забавное в этой рецензии – ее концовка: «...многие артисты играют по-настоящему хорошо. Прежде всего надо отметить С. Каленского, исполняющего роль Крутицкого. Молодой артист Е. Воронов пластичен и эффектен в роли Глумова. Н. Стрелкова (Мамаева), В. Макасеев (Мамаев), С. Русинюк (Городулин) вместе с остальными исполнителями составляют неплохой ансамбль» [12, с. 14].

Согласитесь, что отзыв врача Кублицкого производит странное впечатление. Актеры играют хорошо, слаженно, так, значит, им не мешает ни отсутствие грима, ни современные прически, ни приличные манеры Манефы, ни элементы секса, ни странное поведение Глумова. Наличие актерского ансамбля говорит о хорошей режиссерской работе, о том, что актеры верят в него и идут на встречу его новаторству. Читаешь рецензию и понимаешь, что ее автор сам себе противоречит и сам

не может понять, хороший это спектакль или нет. Возникает еще одно недоумение: почему солидный журнал поместил такой непродуманный, явно противоречивый отзыв?

Если статья Кублицкого хотя бы занимательна, то работа московского критика Елистратова производит унылое впечатление какой-то «отписки», да еще с обидными фактическими ошибками. (Кострома названа в рецензии родиной Островского, однако великий драматург родился в Москве, хотя это, видимо, не все московские критики знают). Рецензия вновь перечисляет преступления А. Сагальчика: отсутствие декораций, костюмов, грима, занавеса, снова не нравится темп спектакля. Об одном замечании Елистратова стоит сказать особо. Не нравится Елистратову, что Сагальчик хочет «убедить зрителей в том, что герои Островского со всеми их недостатками и пороками близки нашей действительности» [12, с. 15]. Самое забавное, что при этом критик Елистратов выступает под знаменем утверждения «вечно живой классики». Как можно чувствовать классику живой, если ее герои и ее проблемы чужды современности и далеки от нее?

На этом разговор не закончился. Дедков отвечал критикам из «Театральной жизни» на страницах «Северной правды». Такой ответ был нужен прежде всего костромичам, особенно тем из них, кто, услышав о выступлениях в центральной прессе, побегал в библиотеки читать критику в адрес родного театра. Ответ нужен был театру, его руководству, его режиссерам и актерам. Ответ нужен был самому Дедкову, потому что именно он написал положительную рецензию на вызвавший такую реакцию спектакль. Столичная шумиха всех удивляла. «Итак, мы прославились, – начал свой ответ Игорь Дедков. – Целых две страницы посвятил журнал «Театральная жизнь» критическому разбору спектакля...» Дедков аргументированно доказывает, что «никто из критиков упрямо не хочет говорить о самом спектакле в целом, о его смысле, о главном: сохранена ли, донесена ли до зрителя живая мысль Островского, его понимание людей, общественных противоречий и проблем» [11].

Если Вы думаете, что распря Дедкова с «Театральной жизнью» этим закончилась – Вы ошибаетесь. В десятом номере журнала за 1967 год будет опубликована «реплика» (в две колонки, однако) за выразительной подписью: «журналист». В ней неведомый автор делает сокрушительное открытие. Оказывается, Дедков защищает спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» потому, что он сам является автором положительной рецензии на этот спектакль. Вот небольшой отрывок из статьи неведомого автора «Театральной жизни»:

«После премьеры спектакля “На всякого мудреца довольно простоты” в газете “Северная правда” была напечатана большая рецензия. Она заканчивалась словами: “Молодая режиссерская изобре-

тательность, острота художественного мышления сделали этот спектакль незаурядным, праздничным. Автор этой рецензии... И. Дедков Вот, оказывается, в чем дело! Не желание ли реабилитировать самого себя побудило И. Дедкова вновь взяться за перо?... похоже на то» [16, с. 15].

Согласитесь, что довод «журналиста» смехотворный, но он радует душу автора: «поймал» провинциального простака на правонарушении. В чем унижительная суть этого довода? В том, что использовавший его человек не привык к тому, что люди отвечают за свои слова и готовы отстаивать свое мнение. Честно говоря, для трусливого провинциального рецензента было бы естественней промолчать в ответ на две страницы унижительной столичной критики. Но Дедков – иной. И нас это радует. Но и здесь мы не можем поставить точку – не этим завершилась история первой рецензии Дедкова на спектакль по пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Она завершилась публикацией блестящей рецензии Дедкова в столичном фундаментальном журнале «Театр». Но это уже другая история.

Традиционно считается, что первая статья, сделавшая Дедкова знаменитым, – это статья «Страницы деревенской жизни», опубликованная в «Новом мире» еще при А.Т. Твардовском в качестве редактора. На самом деле первые столичные публикации Дедкова были связаны с театром и с творчеством А.Н. Островского. Дело было так. В начале 1967 года театральные рецензии Игоря Дедкова, опубликованные в «Северной правде», были замечены в журнале «Театр». 17 марта 1967 года заведующая отделом журнала «Театр» И.А. Василинина обратилась к И.А. Дедкову с письмом, в котором выразила желание сотрудничать с костромским критиком: «Не хотели бы Вы что-нибудь сделать для нас? Может быть, Вам будет интересно поговорить о спектакле “На всякого мудреца...”?» [4, с. 625]. Так в седьмом номере журнала «Театр» за 1967 год была опубликована рецензия И. Дедкова «Путь наверх. Российский вариант» на спектакль Костромского драматического театра им. А.Н. Островского «На всякого мудреца...» в постановке режиссера А. Сагальчика.

За право открытия И. Дедкова, «талантливый критик из Костромы», среди сотрудников журнала «Театр» даже разгорелась борьба: право первенства у И. Василининой оспаривал театральный критик А. Асаркан. Он рассказал, что впервые прочитал статью И. Дедкова еще в 1966 году, когда, проезжая через Кострому, случайно купил газету «Северная правда». После публикации статьи Дедкова в журнале «Театр» А. Асаркан прислал открытку в редакцию «Северной правды», в ней он поздравил И.А. Дедкова с удачной публикацией, рассказал историю своего заочного знакомства с ним и добавил: «Очень рад Вашему успеху в номере – рад, на-

верное, больше, чем Вы, и повсюду рассказываю, что Я ПЕРВЫЙ». Оценивая саму статью, он писал: «Вы вносите в журнал запальчивость, которую там в последнее время по разным причинам не культивируют, что для лучших традиций может оказаться губительным» [4, с. 626]. Иными словами, А.Н. Островский не только помог Дедкову выбрать свою «малую родину» на ближайшие тридцать лет, но и открыл путь начинающему критику в один из лучших столичных журналов.

Однако вернемся к рецензиям Дедкова. Говоря о них, сразу хочется поспорить с известным театроведом Н.А. Шалимовой, которая считает, что для Дедкова главное – «социальный контекст», «значение спектакля для самосознания интеллигентного зрителя». Как мне кажется, искусство театра в рецензиях Дедкова не становилось поводом, чтобы заявить о насущных социальных проблемах, не превращалось оно и в средство формирования самосознания зрителей. Он находил способы описания театрального зрелища как явления искусства, используя при этом богатство своего художественного языка.

Н.А. Шалимова считает, что в статьях 1960-х годов Дедков «представляет за целое поколение, сформированное идеями XX съезда, высказывает его мысли, убеждения и пр. По ним видно, какое воздействие на молодого критика оказала в свое время “новомирская” статья Померанцева “Об искренности в литературе”» [7, с. 90]. От связи со своим поколением не может уйти ни один человек – это бесспорно. Но при этом меньше всего Дедков хотел быть «голосом из хора», он никогда не принадлежал к «группе скандирования», особенно когда речь шла о творчестве, об искусстве, где его человеческая уникальность проявлялась в полную силу. Теперь о статье В. Померанцева [9]. Напомню, что она опубликована в 1953 году, когда Дедков, увлеченный новой политической ситуацией в стране, еще учился в университете. Вполне возможно, что Дедков эту статью читал, но ни в Дневнике, ни в рецензиях, ни в доступных нам письмах нет упоминания о Померанцеве, зато много раз упоминаются Добролюбов, Ап. Григорьев, Кугель и Лакшин. Отвлекаясь от частных замечаний, необходимо сказать, что в целом работа Н.А. Шалимовой – это первое профессиональное исследование статей Дедкова о театре, здесь много верных и глубоких суждений, дается оценка рецензионной деятельности Дедкова в историко-культурном аспекте.

Читая рецензии Дедкова, понимаешь, что их написание никогда не было для него «галерным трудом», каждая рецензия отличалась собственным тоном, стилем, языком. Дедков исследует именно этот спектакль, этого режиссера, с этими актерами. Здесь его отличие, например, от Л.А. Аннинского [2], который в своей книге о театре так и не за-

шел ни в один театр, ограничившись разговорами о драматургии В. Арро, А. Гельмана, И. Дворецкого – он читатель пьес, а не зритель спектаклей.

Эмоциональный тон рецензии обычно Дедков задает сразу, в самом заголовке: «Победа и поражение Егора Глумова»; «Ах, счастье в ближайшую среду!..» Собственно, так и положено на театре: поражать зрителей с первой сцены – точно так делает Дедков. Для каждой театральной зарисовки у него есть своя «краска». Это может быть рассказ об оригинальном декоративном решении, как в спектакле Калининского театра «Счастливый день» (реж. Ю. Николаев), где художник Т.И. Сельвинская изготовила макет уездного городишки, с церковкой, колоколами, пожарной каланчой и уличными фонарями, а зрители вдруг поняли, что благодаря этой художественной находке им становится «интересно не только смотреть, но и рассматривать» [13]. Это может быть рассказ о музыкальном дивертисменте к спектаклю «Последняя жертва» (реж. Л. Шварц), где Дедков пользуется приемом «словесного рисования», которым он мастерски владел.

Иногда рецензия начинается с некой театральной репризы, неизвестно кому принадлежащей (как в спектакле «Бешеные деньги»), которая дает отрицательную, очень экспрессивную характеристику главному герою: «Что за шут гороховый этот Савва Геннадич Васильков? Что за имя, что за костюм, что за манеры, что за дикая речь? Что за явление такое среди приличной московской публики?» [14].

Рецензии Дедкова показывают, что он понимал режиссерскую партитуру, был внимателен к режиссерским находкам, хорошо видел и понимал актера. Как внимательный читатель, он замечал, в чем состоит новизна режиссерского решения спектакля, где режиссер спорит с драматургом. Понимая, что призвание театра состоит не в том, чтобы пересказывать пьесу, а в том, чтобы предложить такое решение, когда действие пьесы активно проживается на сцене и захватывает зрительный зал, он все-таки умел увидеть противоречия, которые, возможно, не видят ни зрители, ни создатели спектакля.

Анализируя спектакль «Последняя жертва», Дедков поначалу пересказывает восторженные мечты Юлии Тугиной о счастье, дает внутренний монолог, в котором «чистая, изящная, очаровательная» героиня (такой играет ее Е. Новикова) готовится к замужеству в ближайшую среду. Рецензент раскрывает нам внутренний конфликт пьесы: по закону комедии Островского, весь зрительный зал знает, что счастья в среду не будет, что жених обманывает Юлию. Дедков сначала пересказывает спектакль с полным доверием к внешнему рисунку событий, а потом «инспектирует» каждого героя: жениха Дульчина (Е. Путивец), с его хитроспле-

тенными монологами и обманчивой самопрезентацией, невесту Тугину, с ее преувеличенной наивностью, которая, однако, не помешала ей взять «расписочку» со своего жениха и мысленно обмерить его поместье. Оказывается, «нравственная чистота Юлии Тугиной преувеличена в спектакле и приведена в противоречие с текстом и жанром комедии» [12]. Дедков стремился проникнуть в авторский замысел, дать четкую аргументацию поведению героев. В ходе рецензии Дедков поставил под сомнение излишнюю поэтизацию Юлии: «светлый ангел небесной чистоты» слишком много заботится о деньгах, кроме того, образ главной героини не только внутренне противоречив, он еще не соответствует комедийному жанру, в котором благополучно выступают другие актеры.

Если Дедкову спектакль нравится, например «Бешеные деньги» в постановке Малого театра (реж. Л. Варпаховский), то его веселую, искрящуюся юмором рецензию читать – одно удовольствие. Я видела этот спектакль, читая рецензию Дедкова, я увидела его еще раз. Могу подписаться под каждым восторженным словом рецензента. Удивительно и непривычно было видеть в роли Саввы Василькова Юрия Каюрова, который обычно играл роль В.И. Ленина, а здесь блистал в роли «дерзкого пионера российского предпринимательства».

Если спектакль Дедкову не нравится, правду он все равно скажет, но как будет медлить, как будет уводить разговор куда-то к школьным экзаменам, к темам сочинений, к Всероссийскому смотру спектаклей, посвященных юбилею А.Н. Островского! А речь он поведет о «Грозе», которую в Костромском театре неудачно поставил главный режиссер П.И. Слюсарев, где роль Катерины неудачно сыграла его жена, Ж. Сиротина. Дедков с большой приязнью относился к нашему театру, и Слюсарева он ценил, по пунктам перечислял его достоинства в статье, написанной для журнала «Театр».

Но, как говорится, Платон мне друг, но истина дороже. Чтобы не унизить напрямую спектакль Костромского театра, Дедков взял для сравнения «Грозу», поставленную Северо-Осетинским театром, и отдал ей свое вдохновенное слово: «В осетинской “Грозе” жила, страдала от тихого и степенного насилия свекрови и безоглядно любила красивая и молодая женщина <...> ни фальши, ни позы, ни ломанья – таким поэтичным, мягким, плавным было каждое движение» [5, 147]. А вот небольшая цитата о нашем спектакле: «Все вро-

де бы одеты по-русски, и песни русские поют, но трагедия из народной русской жизни не состоится: тут драма экзальтированной барышни неясного происхождения, угнетенной рычащей озлобленной Кабанихой. И точь-в-точь “по Добролюбову” после того, как Катерина бросится в Волгу, по заднику сцены скользнет то ли радуга, то ли “луч света”» [5, с. 149].

Нет, не превратится Дедков в «придворного» критика! Островский ему это не позволит.

Безоглядная смелость Дедкова дорогого стоит. Каждый читающий его тексты понимает это. И, наверное, не надо доказывать, что его тексты написаны от собственного имени. Это не голос из хора – это солист ведет свою партию, где за каждое слово, за каждую ноту заплачено жизнью.

Библиографический список

1. Акимов Н. О театре. – М.; Л.: Искусство, 1962. – 352 с.
2. Аннинский Л.А. Билет в рай: размышления у театральных подъездов. – М.: Искусство, 1989. – 192 с.
3. Дедков И.А. Во все концы дорога далека: Литературно-критические очерки и статьи. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1981. – 199 с.
4. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994 / сост., прим. Т.Ф. Дедковой. – М.: Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
5. Дедков И.А. Эта земля и это небо: Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 гг. / сост. Т.Ф. Дедкова. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ», 2005. – 432 с.
6. Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. и отв. ред. Т.А. Ёлшина. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – 282 с.
7. Дедковские чтения, 1995–2001: Статьи и воспоминания / сост. Т.Ф. Дедкова. – Кострома, 2004. – 150 с.
8. Журавлева А.И., Некрасов В.Н. Театр А.Н. Островского. – М.: Просвещение, 1986. – С. 11.
9. Новый мир. – 1953. – № 12. – С. 218–245.
10. Северная правда. – 1962. – 4 октября.
11. Северная правда. – 1967. – 24 февраля.
12. Северная правда. – 1969. – 28 сентября.
13. Северная правда. – 1971. – 10 июня.
14. Северная правда. – 1973. – 20 апреля.
15. Театральная жизнь. – 1967. – № 2. – С. 14.
16. Театральная жизнь. – 1967. – № 10. – С. 15.

ТИП ГЕРОЯ В РАССКАЗАХ 2012–2015 ГОДОВ (на материале публикаций журнала «Новый мир»)

В статье выявлена типическая специфика образов героев как элемент поэтики новейших рассказов, опубликованных в «Новом мире», издательская стратегия которого является одной из ведущих и отражает знаковые тенденции литературного процесса в России. Доказано, что доминирующий тип героя – одинокий человек – определяет характер реальности, освоенной писателями. Представляется возможным с достаточной долей уверенности говорить о наличии определенного типологического сходства в концепциях героев разных авторов, в которых создается индивидуальный облик и раскрывается мироощущение человека, оказавшегося в мире хаоса. Наблюдения над героями рассказов позволяют сделать вывод об особенностях поэтики рассказа и современной писательской практики: во-первых, многие произведения свидетельствуют о потребности человека сформировать новое отношение к одиночеству (изоляции от других людей, отсутствию взаимопонимания со стороны окружающих) как а) возможности обратиться к чтению серьезных книг, созерцанию величия окружающих его объектов, размышлению о различных бытийных явлениях; б) условию взаимодействия с природой; в) способу ухода от действительности для обретения душевного комфорта, то есть речь идет о нарастании философского пафоса; во-вторых, поиск смысла жизни ведется персонажами в онтологическом контексте. Результаты исследования, представленного в статье, существенны для уточнения содержания концепции личности героя и нравственно-эстетической парадигмы новейшего русского рассказа.

Ключевые слова: малая проза, поэтика, русский рассказ, современная литература, «Новый мир», тип героя, одиночество.

«Новый мир» представляет собой важнейшее явление отечественной культуры наряду с журналами «Знамя», «Октябрь» и др. Однако именно данный ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли принято считать «символом образованности и интеллигентности», несмотря на противоречивые отзывы о его деятельности, особенно в 1990-е годы [8]. Новомирские «новинки» прозы и поэзии являются попыткой отразить специфику современного литературного процесса. Позиция журнала, при которой внимание редколлегии, отбирающей произведения, соответствует принципу сочетания художественной новизны с интеллектуальной основательностью и концентрацией авторских позиций на злободневные проблемы, зафиксированных в названии литературно-художественного журнала, обусловила наш выбор данного периодического издания в качестве источника для анализа экспериментов в области малой прозы. Журнал публикует произведения, имеющие статус творческого наследия России, и демократично реагирует на опыты современных начинающих талантливых писателей, размещая их произведения на своих страницах.

Литературная жизнь России первого десятилетия XXI века отмечена художественными экспериментами, в том числе в области малого эпического жанра. Это объективная данность. Изменяется социально-экономическая жизнь страны – появляются произведения, запечатляющие образ растерянного современника, запутавшегося в сложных общественных и нравственных проблемах или утратившего свои культурные корни.

Изучение малой прозы 2000-х годов только начинается. Русский рассказ имеет особенности

эволюции, специфику поэтики, важное значение для уяснения общей логики развития современного литературного процесса. Раскроем некоторые особенности поэтики рассказа, проанализировав новейшие публикации «Нового мира» в аспекте систематизации художественных образов для выявления культурно-философского потенциала рассказа как «формы времени». Отметим, что проблема типа героя достаточно разработана в отечественных исследованиях, посвященных раскрытию уникальной природы словесного искусства и других аспектов творчества (работы Л.Я. Гинзбург, В.Д. Днепров, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, Г.Н. Пospelова, Н.Т. Рымарь, Р.Д. Тименчика, М.Б. Храпченко). Методологической установкой исследования является положение концепции об авторе и герое М.М. Бахтина [1] как об особой «смысловой интонации».

Кризисная атмосфера рубежа веков, настроение разочарования в нравственно-этических идеалах у большинства людей и обеспокоенность населения России за свою дальнейшую судьбу охватили общество и, как следствие, отразились в литературе. Е.А. Шкловский – постоянный автор «Нового мира», прозаик, критик, филолог по образованию – последовательно раскрывает в рассказах проблемы одиночества человека и смысла его жизни. Глубокая характеристика человеческого бытия содержится в цикле небольших зарисовок под общим названием «Грибница» [10], рассказах «Чужой» [11] и «Дауншифтеры» [12]. Исследователь М.А. Бологова пишет о взаимосвязи типа героя и специфики реальности в произведениях писателя. Оба компонента автор репрезентирует, как правило, в заглавии [2, с. 243]. Человек у Е.А. Шклов-

ского является порождением переломной эпохи, а сам писатель воспринимается как пропагандист неореалистического типа героя, осознающего свою отстраненность от течения жизни, но пытающегося удержаться в привычном ритме хлопот и забот.

Цикл «Грибница» составляют «Живая вода», «Тук, тук, тук...» и одноименный цикл рассказов. Объединяет миниатюры лейтмотив одиночества как покинутости, позволяющий увидеть социальные аномалии, а также тема судьбы человека в условиях общественного хаоса. Онтологический смысл пребывания человека наедине с собой обнаруживается в рассказе «Живая вода». Главный герой – доброжелательный старик-Профессор, как его окрестил Родион, другой персонаж. Дед употребляет местную родниковую воду для очищения организма от вредных веществ в надежде продлить свое пребывание на земле. Одиноким Родион, которому «сорок с небольшим» лет, уставший от жизни и сомневающийся в существовании ее смысла, оказывается способен понимать проявления бытия и интуитивно и благодаря разговорам с Профессором: «Родиону нравится... слушать журчание водички... Может, сил прибавит... Рассказывал же Профессор, что если накануне какого-то праздника... окунуться в проточную воду, то после смерти праведником войдешь в Царствие Небесное» [10]. Устремленность к добру – это то качество, которым, по мнению старца, должен обладать человек, чтобы жить. Индивидуализация образа Родиона углубляется за счет приема самонаблюдения персонажа.

Оригинальная рецепция агиографической традиции Е.А. Шкловским представлена в рассказе «Тук, тук, тук». Писатель кратко воспроизводит непростую судьбу женщины. Христианское представление о предопределенности судьбы человека волею всевышнего переосмыслено. Отсутствует упование на спасительное воздействие божественных сил. События канонического писания сквозь жизненную коллизию не просвечивают, но идеи страдания и самоотречения, характерные для русской культуры, интерес к роли традиционных духовных основ православия присутствуют. Современный персонаж тяготеет к герою-праведнику, для которого характерна не воцерковленность, а кротость, нравственное совершенство, стремление к добродетели и поиск онтологического смысла жизни.

Героиня рассказа Е.А. Шкловского теряет родных. Звук «тук» исходит от тяпки, которой труженица приводит в порядок огородные грядки. Героиня представляет собой вариант типологической трансформации героя-праведника: она труженик. Занимая себя трудом, женщина пытается выжить. Предметом художественного изображения в рассказе выступают сущностные черты образа жизни Валентины: «Ходит она по участку низко наклонив

голову, словно ей навстречу ветер... Будто прячется, будто старается стать совсем незаметной» [10]. В основу поэтики ее образа положен принцип стороннего наблюдения. Рассказ характеризуется философским пафосом. В центре внимания писателя – бытие человека, поиск им душевной/духовной опоры. Автор ставит проблему парадоксального сочетания самоотречения человека и неизбежной конечности жизни с ее равнодушием: «Так что ее подвижничество, действительно, никому, кроме нее самой, не нужно» [10]. В контексте авторской истории подвижничество понимается как самоотверженность героини, живущей для блага своих родных, но когда родственники трагически уходят к праотцам, она находит «трехлетнего соседского мальчонку» и словно возрождается. В рассказе Е.А. Шкловского продолжает существование традиционный для русской литературы тип героя-подвижника. Принципиальное значение имеет обновление этого типа героя в соответствии с актуальными ориентирами художественного миромоделирования действительности. У В.Е. Шкловского внутреннее спокойствие человека предполагает его онтологическую приобщенность к бытию, исключая отчаяние одинокого труженика.

Особого рассмотрения заслуживает малая проза О.В. Покровской, фиксирующая критические точки в онтологическом сознании человека и его образе жизни. В дебютном рассказе писателя «Черт» [6] подняты нравственные проблемы человека, среди которых особо выделяется отрицание традиционных мироустроительных ценностей. Главный герой Илья изображен как социально-психологическая модификация человека-чудака, старающегося не «возражать» житейским обстоятельствам. Другой герой – Валентина – являет собой тип героя-жертвы семейных обстоятельств. Она одинока и требует от родственников внимания и помощи. Однако в мире произошла переконфигурация отношений между людьми, семейные отношения распались. Сюжет рассказа прост. Пенсионерка Валя сообщает братьям о странном происшествии – за ней наблюдает черт. Родственники принимают решение свозить одинокую женщину на природу «развеемся». Подозрительная Валя думает, что ее хотят убить, и не принимает их заботу. Возвращаясь домой, Илья видит в подъезде сестры черта, в которого до этого не верил. Рассказ закончен. Его сюжетная схема представляет собой изображение истории не только об утрате кровных связей. Образ черта символизирует конец эпохи моральных ценностей. Наступило время отказа от человека, сотворенного по Божьему подобию. Произошла подмена духовно-бытийного бытовым. Фольклорная символика футурологически интерпретируется как предвестие начавшегося процесса обесценивания бытия. Человек ощущает случайность своего пребывания на земле.

Определяющая черта героя-чудака – чувство совести: «Илья безнадежно думал, как исправить положение, и не видел выхода. Он понимал, что их (братьев. – *О.С.*) долг – окружить ее (сестру, вырастившую братьев. – *О.С.*) заботой, вниманием...» [6]. Формальное чувство ответственности становится доминантой характера братьев, душевно также одиноких. Однако писатель предлагает новое видение одиночества человека, усматривая в нем не психологическое состояние конкретного индивида, а черту мироустройства. Именно по этой причине пейзаж, единожды данный в рассказе, выписан по-онтологически сдержанно: «Вода казалась свинцовой, тяжелой, было пустынно, даже птицы не летали, а у самого берега скользили водомерки» [6]. Трактовка одиночества непривычна для читателя: это возможность не только созерцать величие природы, но и необходимое условие взаимодействия с ней для обретения душевного равновесия. Данный тезис становится определяющим при выделении типа героя-чудака и объясняет его странность (то есть непохожесть на других людей) окружающим, которые не понимают его задумчивости и кротости.

В цикле «Московская ностальгия» [7] созданы образы героя-грешника («Музыка») и мученика («Малиновая водка»). В основе идейного содержания образов оказывается аксиологическая категория общечеловеческих заповедей. Если в сюжете первого рассказа грешники-интеллектуалы добровольно совершают финансовую махинацию, то во втором тип героя визуализирует социально-экономическую проблему России – обнищание народа.

Духовный крах образованных молодых людей подчеркнут названием рассказа – «Музыка». Звуки фортепианной музыки в баре провинциальной гостиницы начала 1990-х годов на мгновение восстанавливают человеческое в каждом из персонажей. Автор рассказа выступает против взятия людьми на себя права быть «хозяевами» жизни, нарушивших библейскую заповедь «...Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Страх, овладевающий героями цикла «Московская ностальгия», является силой и объективным законом современного существования.

В рассказах отсутствуют философские монологи или диалоги. Речь персонажей бытовая, их разговоры – о прозе жизни. Онтологическое измерение структуры мира коренится в его бытии, которое локализовано в обществе особой иерархией духовных и материальных ценностей. Абсурдность бытия человека представлена О.В. Покровской в формах взаимодействия героя и мира. Персонажи живут в континууме бытия своей эпохи, впитывая его лично, на уровне быта, в доставшейся им духовной и культурной ситуации: «– Сейчас братья родные друг друга душат, режут и сдают за копейку...» [7]. В образе пенсионерки преобла-

дает подавленность человека социальной ролью: «Екатерина Петровна, лишившись с пенсионным возрастом работы, переехала на подмосковную дачу. Еще ... поняла, что панически боится ночной черноты и абсолютного одиночества в пространстве...» [7]. Несоответствия между помыслами человека и окружающей его действительностью раскрыты через судьбу героини. Переломы в истории государства отражаются на характере персонажа. В рассказе изображен не социально-бытовой конфликт. Одиночество выступает для героев стимулом восстановить утраченное, оборванное человеческое общение. Одиночество рассмотрено автором как забвение человеком христианской основы русского жизненного уклада.

В рассказе «Костюм зайца» [7] описан один день из жизни успешной женщины, которая нашла для себя уютное место вдали от московской суеты. Образ главной героини – Елены Андреевны – неоднозначен. Женщина создает за городом сокровенный мир и желает, чтобы ни сын, ни муж не нарушали ее привычный жизненный уклад. Однако ощущение вины перед сыном – за недостаточную материнскую заботу – и мужем – за ненадлежащее исполнение роли примерной супруги – берет верх, и Елена Андреевна отправляется в Москву. По мнению О.В. Покровской, ощущать гармонию с миром человек может только в случае постоянного саморазвития, решая возникающие противоречия, благодаря которым достигается его внутренняя и внешняя согласованность с самим собой и миром. Автор демонстрирует становление гармонии в душе героини как естественного процесса, хотя она обретает счастье несколько экстремально: полностью изолировавшись от семьи, но отвечая при этом на возникающие вопросы и обретая впоследствии душевный покой.

В рассказе представлено понимание бытия через внутреннее состояние умной, но одинокой женщины, ее рефлексии. Земной мир позиционируется как преходящий. Это не ново. Однако мир природы также помещен автором во временную плоскость жизни героини, которая через собственные образы репрезентирует бытие. Природная красота становится для нее образцом целостности бытия. Одиночество – способом ухода от действительности во имя спасения собственной души и сохранения индивидуальности. Героиня оказывается способной осознать и восстановить утраченный порядок мира, созидать в нем и относится к типу одинокого героя-творца, ценностные установки которого обусловлены единением с миром природы.

Рассказы Е.А. Эдина демонстрируют философский потенциал малого прозаического жанра. Это обстоятельство приводит к необходимости выявления их проблематики, специфики персонажа, настойчиво ведущего поиск смысла жизни и пытающегося преодолеть одиночество. В цикл рас-

сказов «Май фэмили» [13] включены небольшие произведения, построенные на основе реконструкции истории отношений между членами семьи. Их проблематику можно определить как противопоставление родственной любви разрушающему человеку равнодушию и бессердечию кровно близких людей. В рассказах цикла конфликт носит этический характер. По тематическому признаку миниатюры «Оранжевая полоска под дверью», «My sister's name» и «Незнание облаков не освобождает от ответственности» могут быть причислены к философским семейным историям. То же самое следует сказать о новом рассказе писателя «Плюшевая жизнь» [14].

Заглавия цикла и миниатюр сохраняют внутреннее идейно-тематическое единство. Три рассказа, составившие цикл «Май фэмили», отличает скрытая глубоко внутри, но осознанная любовь главного героя к семье. Писателю удалось преодолеть «частность», расширить границы художественного пространства от домашних до бытийных. О философской направленности произведений Е.А. Эдина и его стремлении понять основы семейной гармонии говорит особый финал рассказов, раскрывающий бесконечность жизненных и душевных превращений героев.

В рассказе «Плюшевая жизнь» доминирующим становится мотив детства – времени, когда человек, будучи беззаботным, чувствует свою защищенность и роль тотема исполняют игрушки. Пытаясь угадать судьбу персонажа, автор вглядывается в его детские годы. Миг формирует вечность. Молодой человек, оказавшийся в неоднозначной ситуации любовного адюльтера, стремится сохранить «память детства», дабы побороть возникший в душе страх и обрести верный жизненный путь. Герой, мысленно возвращаясь в детство, пытается найти потерянный когда-то нравственный ориентир. Деликатность и наивность персонажа «Плюшевой жизни» отмечена автором двояко: как черта человека, опустошенного изнутри, и недоразвитой личности, выявляющая в нем животное начало: «Он еще ни разу не изменял жене. Когда два года назад выяснилось, что с ребенком пока не получится, секс стал редок и не горяч... Словно перешли с плотоядного на растительный уровень существования. Словно сами стали детьми, домашними питомцами друг друга» [14]. Воспоминание об игрушках изменяют статус сиюминутного наслаждения на вечный грех, а бытовые (предметные) детали – на бытие. В рассказе детские мотивы реализованы в сложной временной перспективе. Автор описывает игрушечного медведя, случайно оказавшегося в комнате возлюбленной героя: «На стене, на световом экране окна в темной комнате, где они лежали в обнимку, обозначился силуэт – большая голова и два округлых уха... Можно было подумать, что снаружи в окно заглядывает настоящий медведь...

Но взгляд его *снова* упал на экран с медвежьими ушами, и он ощутил *прежнее* неприятное волнение. Он попытался понять, что не так, разобраться в этом... Лет пять лет назад он купил жене медвежонка... Они *несколько раз* переезжали с места на место... Медвежонок переезжал с ними... и *вновь* собирал манатки, пока однажды не отправился искать бродяжьего счастья – потерялся где-то по дороге... Теперь выходило так, что потеряшка вырос, вернулся... Он встал и убрал медведя с окна. Лег. Закрыл глаза. И *снова* открыл с непонятным трепетом... Экран был пуст. Но странное чувство не уходило» [14] (курсив наш. – О.С.). Время в рассказе стремится к вечности – выделенные курсивом слова доказывают это утверждение. Любимая игрушка соотносится со счастливой семейной жизнью героя и вдруг исчезает. Однако не игрушка, а время делает персонажа другим. Личностно-психологический подтекст образа дома-берлоги неразрывно связан с хранилищем тепла, устойчивости и любви. В душе героя растет ощущение тоски и боли от ушедшей любви и счастливой семейной жизни. Название рассказа наполняется тонкой иронией, а мотив детства, являясь философским, наделяет произведение онтологическим звучанием. Повествовательная техника автора позволяет создать особое бытийное пространство, в котором человек напряженно пытается найти себе место. Автор создает образ растерянного человека, по определенным причинам оказавшегося в ситуации внешнего и внутреннего хаоса. Утратив семью – образец традиционной ценности, человек превращается в странника, который не просто скитается по миру, а ищет причину своих неудач. Одиночество вынуждает человека анализировать свои действия.

Малая проза А.П. Краснящих, филолога по образованию, сохраняет свою актуальность на протяжении нескольких лет. Событийная сторона произведений А.П. Краснящих сведена к минимуму. Рассказ «Антибиблиотека-2» начинается с описания истории, о которой автор собирается поведать читателю: «У этой вещицы две части, одна – рассказ Борхеса “Другой”, другая – то, что случилось со мной. У Борхеса Борхес-старый встречает Борхеса-молодого и молодой его не узнаёт» [3]. Ничего особенного в рассказе не происходит. Речь идет о том, как изменяется человек с течением времени. Перед читателем два типа рассуждения героя. Первое – о взрослении и старости человека: «Но откуда сбежало, где жило-поживало, ни о чём не думая, твоё второе “я”?» [3]. Второе – о случае в поезде Харьков – Феодосия (Кафа). О категории сюжета в рассказе сказано: «Ох уж мне эти увлекательные истории – кому они сейчас нужны? Кому нужен захватывающий сюжет, интрига, чтоб сердце замирало от предчувствий и удовольствий...» [3]. Связь сюжета с интересами массовой аудитории подчеркнута: «Осень, осень у нас, у сюжетов. Стоят все

сюжеты голенькие, что твой лес, когда всё облетело; все сюжеты похожи один на другой – и чёрт с ним – от корней до верхушки. Куда делась ваша хваленая увлекательность, интрига, это вечное “что-то случилось”?» [3]. Логика сюжетосложения писателя подчинена категории «случай».

В рассказе «Антибиблиотека» из цикла «Библиотека» [4] дано описание полки и рассуждение о систематизации книг на ней. Для художника сюжет оказывается неважен. События ограничены происшествием – оторвавшейся от стены книжной полки. Герой рассказа размышляет, как лучше расставить книги: может ли Бахтин стоять перед Пиранделло? Книжная россыпь для него не обезличенная масса, а имеет необыкновенную энергию, «вырывающуюся из-под обложки» [4], поэтому важно, чтобы каждый автор имел свое достойное место. Пребывая в состоянии одиночества, читатель оценивает произведения через личность автора. Происходит очеловечение книг.

Несмотря на некоторую монотонность повествования, в рассказе утверждается целая система жизненных ценностей: потребность читать серьезные книги как одна из составляющих здорового образа жизни, думать и интеллектуально саморазвиваться. Бесстрастный стиль повествования – визитная карточка А.П. Краснящих. Форма философского монолога героя рассказа выявляет мотив одиночества как ведущий в произведении. Мотив игры героя с книгами, которые он очеловечивает, формирует специфический философский подтекст рассказа, который имеет символическое прочтение. Эпизоды с книгами способствуют раскрытию художественного образа персонажа-читателя, призванного быть типом героя-мыслителя.

Рассказы А.П. Краснящих-филолога подводят своего рода итог читательского кризиса в России. Герой истории становится аналитиком одного из самых знаковых культурных явлений России – культуры чтения. Его рассуждения – своеобразная форма покаяния в причастности к читательской катастрофе России. В центре внимания писателя – идея духовного возрождения великой России. Герой рассказа выполняет свою читательскую задачу, предчувствуя ухудшение жизни и деградацию человека. Примечательно, что А.П. Краснящих не пишет о способах борьбы с нечитающими людьми, а рассуждает о жизни онтологически. Особое внимание писателя сосредоточено на человеке как непрерывно меняющемся и развивающемся существе (проблематика рассказа «Антибиблиотека-2»).

В рассказах Е.А. Шкловского, О.В. Покровской, Е.А. Эдина, А.П. Краснящих представлены разнообразные типы человеческих характеров, тем не менее налицо общие черты некоторого образа. На материале публикаций журнала «Новый мир», печатающего актуальные произведения, отражающие тенденции современного литературного процесса,

уместно выделить ведущий тип героя – одинокий человек. Выявленный тип героя демонстрирует доминирующую в новейшей литературе концепцию «внесоциальной», но мыслящей личности, оказавшейся наедине со своими проблемами, и онтологические черты мировосприятия современного человека. Тип одинокого человека имеет вариации: праведник, подвижник (Е.А. Шкловский), творец, чужак, жертва, грешник, мученик (О.В. Покровская), странник (Е.А. Эдин), мыслитель / читатель (А.П. Краснящих). Принцип создания художественного образа в рассказах, как правило, стороннее наблюдение. В частности, анализ возникшей жизненной ситуации героя может быть представлен как ответ на письмо литературного персонажа. В этом случае ирония служит средством дополнительной характеристики героя и его миропонимания. Прием несобственно-прямой речи, когда персонаж говорит и от себя, и от автора [9], усиливает психологический портрет персонажа.

Философия жизненных явлений, воплощенная в новомирских рассказах 2012–2015 годов, имеет тесную связь с онтологией, восходящей к идее определения бытия как единства пяти видов реальности: объективной, физической, субъективной, социальной и виртуальной. Ценностные установки героев рассказов обусловлены их связью с той или иной реальностью. В основе определения типов героев находится способность/неспособность персонажа взаимодействовать с миром, гармонично / дисгармонично ощущать себя в нем.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Baht_AvtGer/02.php (дата обращения: 06.08.2015).
2. Бологова М.А. Имя и дискурсивный поиск в книге Е. Шкловского «Та страна» // Критика и семиотика. – Вып. 14. – Новосибирск: НГУ, 2010. – С. 241–262.
3. Краснящих А.П. Антибиблиотека-2 // Новый мир. – 2012. – № 12. – С. 104–110 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2012_12/Content/Publication6_746/Default.aspx (дата обращения: 23.03.2015).
4. Краснящих А.П. Библиотека // Новый мир. – 2013. – № 9. – С. 94–126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_9/Content/Publication6_939/Default.aspx (дата обращения: 20.04.2015).
5. Краснящих А.П. Письма // Новый мир. – 2014. – № 5. – С. 77–84 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_5/Content/Publication6_1120/Default.aspx (дата обращения: 23.04.2015).

6. *Покровская О.В.* Черт // Новый мир. – 2012. – № 9. – С. 112–118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2012_9/Content/Publication6_679/Default.aspx (дата обращения: 11.01.2015).

7. *Покровская О.В.* Московская ностальгия // Новый мир. – 2013. – №4. – С. 82–92 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_4/Content/Publication6_832/Default.aspx (дата обращения: 11.01.2015).

8. *Сердюченко В.Л.* Что происходит с «Новым миром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/serd02.html> (дата обращения: 23.04.2015).

9. *Степанов Е.В.* Шкловский Е.А. Аквариум // Знамя. – 2009. – №3. – С. 210–211 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/3/st20.html> (дата обращения: 11.03.2015).

10. *Шкловский Е.А.* Грибница // Новый мир. – 2012. – № 2. – С. 90–102. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2012_2/Content/Publication6_522/Default.aspx (дата обращения: 07.04.2015).

11. *Шкловский Е.А.* Чужой // Новый мир. – 2013. – № 7. – С. 119–123 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_7/Content/Publication6_894/Default.aspx (дата обращения: 07.04.2015).

12. *Шкловский Е.А.* Дауншифтеры // Новый мир. – 2014. – № 7. – С. 102–105 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_7/Content/Publication6_1167/Default.aspx (дата обращения: 07.04.2015).

13. *Эдин Е.А.* Май фэмили // Новый мир. – 2013. – № 9. – С. 82–89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_9/Content/Publication6_937/Default.aspx (дата обращения: 08.04.2015).

14. *Эдин Е.А.* Плюшевая жизнь // Новый мир. – 2015. – № 1. – С. 122–126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_1/Content/Publication6_1305/Default.aspx (дата обращения: 12.05.2015).

**ОПЫТ ЭТНОГЕНДЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале повести Адама Шогенцукова «Назову твоим именем»)**

Автор статьи предлагает метод этногендерной экспертизы художественного текста, основанный на идентификации и описании специфики «женского бытия» по восьми базовым онтологическим модулям: «семья», «власть», «школа», «предметный мир», «религия», «национальные традиции», «афористика» и «интертекст». Исследование проводится на материале повести классика кабардинской литературы Адама Шогенцукова «Назову твоим именем», изданной в 1970 г. в Нальчике. Системный анализ текста позволил выявить особенности кавказской гендерной картины мира, где архетипы мужественности и женственности определяются социокультурными и этическими традициями патриархального общества. Об этом можно судить по локализованности главной героини в «мужском мире» с минимальным присутствием в нем «женских» реалий. Структура общественно-политической власти представлена абсолютным господством мужчин, знаком гендерной асимметрии отмечены также и остальные бытийные уровни повести. В амбивалентном образе главного героя нашло отражение пограничное состояние общества, одной стороной обращенного к древним этическим ценностям, а другой – к инновациям исторического времени.

Авторская позиция в повести определяется поиском адекватных путей к гендерному диалогу, гармоничному равновесию и принципам партнерства между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: гендер, этногендер, художественный текст, повесть, стратификация, семья, власть, школа, предметный мир, религия, традиции, афористика, интертекст.

Гендерное литературоведение – новое перспективное направление в системе гуманитарных знаний, способное дать углубленное представление о человеке в его конкретизированном маскулинном или фемининном измерении. Как отмечает З.Ю. Тугуз, «исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью большинства социальных и гуманитарных наук, при этом разные науки и научные сообщества обладают разной степенью чувствительности к включению гендерной тематики в свое интеллектуальное поле» [3]. Литературоведение является одной из наук, в которой метод этногендерной экспертизы востребован при анализе художественного текста. Мы считаем, что глубокого уровня конкретизации в гендерном литературоведении можно достичь при учете этнокультурного фактора, поскольку понятия «женственность» и «мужественность» в каждой национальной культуре реализуются по-своему.

Однако перспективность рассматриваемого направления до сих пор сопровождается недостаточной разработанностью отдельных, конкретных методик анализа. Как отмечает С. Охотникова, «до сих пор не сформирована методология гендерных исследований в литературоведении, а в связи с этим отсутствует и методика анализа текста» [1, с. 273]. Н.Л. Пушкарева также указывает на отсутствие в литературоведении «оригинальных и обновленных методов и подходов в изучении мужского и женского дискурсов» [2, с. 381]. В данной статье мы предлагаем один из возможных вариантов этногендерной экспертизы, проведенной на материале повести кабардинского писателя Адама Шогенцукова (1916–1995) «Назову твоим именем». Суть методики заключается в стратифицированном рассмотрении этногендерно окрашенных

«зон» текста, отражающих специфику базовых духовно-нравственных ценностей народа.

Повесть А. Шогенцукова можно назвать «тысячу первой повестью о гендере», где речь идет об извечной проблеме «любовного треугольника». Как живет женщина сейчас на Кавказе, в кабардинском обществе? Насколько продвинулся прогресс в вопросе выбора ею спутника жизни? Толерантно ли относится общество к свободной воле девушки? Названная повесть в этом отношении стала своего рода зеркалом, где в художественно отточенной форме нашли отражение все ответы на поставленные вопросы.

Автор воссоздает некий синхронический срез «гендерной действительности», прибегая к приему протокольной точности исторического времени в самом начале произведения: «Поздним вечером 27 июня 1962 года в селении Малуко была похищена и увезена в неизвестном направлении выпускница местной школы Залина Шаджокова» [4, с. 5]. Начав с такого кульминационного пика, на протяжении повествования автор попеременно обращается к ретроспективным и перспективным линиям жизни главной героини, выявляя причины и следствия инцидента, ставя диагноз обществу, пытаясь определить криминальную составляющую древнейшего кавказского обычая умыкания.

При этом очевидна амбивалентная позиция автора, который, с одной стороны, выступает за сохранение накопленного за столетия этнокультурного опыта своего народа. Во всяком случае, изначально ценностные ориентиры повествованию задают «вшитые» в ткань текста народные афоризмы, а также семантически мотивированное название селения «Калез» (Старая Крепость), у подножия которого разворачиваются все драматические события. А с другой стороны, автор с явными

просветительскими наклонностями напряженно ищет пути пересмотра сценария жизни женщины в рамках здравого смысла и новых исторических условий.

По сути, в повести речь идет о молодой кабардинке, которая стала невольницей собственной женской судьбы и «осуществленной волей» мужчин – своего родного деда, брата и нелюбимого претендента на ее руку и сердце. В таком сюжетном ядре узнается архифабула «Кавказского пленника» А.С. Пушкина, «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого. Шогенцуковская Залина – возвышенная, благородная, гордая, во многом разделяет судьбу своих литературных предшественниц, ставших жертвами давления «мужского мира».

Проведенная нами гендерная экспертиза повести Ад. Шогенцукова по нескольким параметрам позволяет выявить интересную закономерность, связанную с локализованностью героини в «мужском мире» с минимальным присутствием в нем женских реалий.

Семья. Структурный состав семьи Залины определяют дедушка, брат, позже дядя. Симптоматично, что автор не счел нужным включать в художественную модель семьи ни бабушку, ни мать, ни тетю, ни сестру главной героини. Налицо – гендерная диспропорция.

Власть. С самого начала повести судьба незадачливой невесты решается колхозным парткомом, в составе которого нет ни единой женщины, но есть шестеро мужчин: Исмель Хаджиков, Нашхо Джатагажьев, Бекболат Кодзев, Безруко Мешев, лейтенант Хурзиков, Альбек Мазуков. Каждый из них назван с патриархальной уважительностью – с полновесной формой имени-фамилии. Также характерно, что при идентификации личности похищенной невесты ее определяют как «внучку деда Каншао» и как «дочку покойного Каральби», по сложившейся традиции игнорируя «женскую родословную».

Школа. В школьном мире крупным планом выделен спортзал, куда «жених» приходит на «смотрины» потенциальной невесты. О многом говорит характеристика, данная школьнице: «Точеные ножки, тоненькая талия, тугая грудь. Ох, козочка! Что спереди, что сзади – ничего не скажешь! Товар подходящий» [5, с. 24]. Среди учителей, как положительный образ, выделяется Дышана Канокова, которая пытается воспитывать «настоящих рыцарей» и «истинных горянок». Примечателен эпизод, где она останавливает рвущихся к школьному автобусу мальчиков: «Эх вы, рыцари мои, рыцари! Все оказались первыми. Есть случаи в жизни, когда мужская честь, честь горца-рыцаря состоит в том, чтобы оказаться первым, а сейчас ваша мужская доблесть должна была подсказать вам быть последними, позади девочек, под дождем у дверей автобу-

са. Вы это поймете позже, правда?» [5, с. 16]. Здесь же следует отметить «говорящее» имя учительницы: «Дышана» – с кабардинского переводится как «золотая мать», что указывает на идеализацию ее психологического облика автором.

Предметный мир. Футбольное поле, коньяк, водка, шашлычная, машина, конь, гвозди, автоцистерна, каракулевая шапка, бритва, мужское общежитие, карабин, уздечка, вожжи, папиросы, кинжалы, хомут; цветы, ведро, молоко, веник, посуда, платье. Метод сплошной выборки ключевых предметов также позволяет сделать вывод о сильной позиции мужского мира и мужских ценностей. Обращает внимание на себя то, что даже описание комнаты Залины дается в повести глазами мужчин: дедушки, дяди и Мусаби, взгляд которых фиксирует набор нейтральных предметов: подушки, покрывало, кувшины с засохшими цветами, письменный стол, тетрадь, томик Тютчева [5, с. 119].

Религия. Религиозную точку зрения на брачно-семейные отношения в повести представляет местный священнослужитель (мулла) Асламурза, который «от имени Всевышнего» защищает интересы мужчин: «Аллах создал свет, сотворил мужчин и женщин. Тот же аллах повелел, чтобы женщина выходила замуж. Замечайте: женщина выходит, а не мужчина. Значит, женщина отдает себя во власть мужчины. Это воля аллаха. И никто ее не может изменить» [5, с. 83].

Адыгэхабзэ (национальные традиции). В данном вопросе мнение народных старейшин совпадает с законами шариата: «Назир выдал сестру замуж. Это его право. Он взрослый мужчина» [5, с. 66]. «У нас ее брат, он и будет решать» [5, с. 83].

Афористика. Если судить по представленным в повести гендерно окрашенным изречениям героев, может сложиться впечатление о «войне полов» в традиционном горском обществе: «Что может быть скучнее девчонок?» [5, с. 14], «С каких пор женский каприз решает мужские дела горца?» [5, с. 35], «Хочу поговорить как мужчина с мужчиной» [5, с. 35], «Тесная обувь разносится» [5, с. 178]. Сюда же следует добавить поговорки, в которых уничижительное отношение (отрицательного персонажа) к женщине выражено через зооморфный образ: «если овца сама не идет, ее уносят» [5, с. 25], «Любой неук (невыезженная лошадь – Л.Х.) становится под седло» [5, с. 36] и т. д. Можно также отметить обилие в тексте глаголов повелительной формы (иди, забудь, приведи в порядок, пойми, послушай, замолчи, сиди, не дури, успокойся и т. д.), подчеркивающих «репрессивное» патриархального общества отношение к женщине.

Интертекст. Человеку свойственно в сложные моменты жизни искать психологическую опору в прошлом историко-культурном опыте человечества, воплощенном в авторитетных именах мирово-

го уровня. В интертекстуальном поле шогенцуковского текста наблюдается превалирование мужских имен: Дон-Кихот, Штраус, Тютчев, Максим Горький, Бетал Калмыков, Алим Кешоков, Дарвин, Тимирязев. Незримую связь с русской культурой в повести осуществляет ботаник-просветитель Юрий Иванович. Из женских авторитетов в повести фигурирует лишь один персонаж – Сатаней (героиня нартского эпоса), что также свидетельствует об обделенности героини единомышленницами-наставницами из мировой культуры.

Проведенная нами соответствующая экспертиза повести А. Шогенцукова «Назову твоим именем» показывает социально обусловленную и культурно детерминированную гендерную картину, где наблюдается заметное преобладание «мужского мира» над «женским». Системный анализ текстового пространства по параметрам «семья», «власть», «школа», «предметный мир», «религия», «национальные обычаи», «афористика», «интертекст» позволяет увидеть первичность «маскулинного» и вторичность «фемининного» в кабардинском селении середины XX столетия. Судя по повести, миром героини в буквальном смысле правят мужчины: брат Назир продает сестру, дедушка Каншао одобряет сговор, жених Хапача Хакумышев «присваивает» девушку, мужской коллектив парткома не противодействует злу, дядя Мухаж увозит ее в горы и т. д.

Женское окружение Залины представлено всего лишь 6 малозначительными персонажами: учительницей Дышаной Хамуразовной, которая занимает позицию стороннего наблюдателя, в основном рассуждает о сложившейся ситуации; хитрой, завистливой Масират, поварихой на ферме «сварливой старой девой» Асли, а также двумя эпизодическими женщинами: Харзиной и Надей, которые воспрепятствовали заключению мусульманского брака и помогли бежать героине повести. К этому очевидному перевесу мужчин в количественном плане следует добавить целый отряд трактористов, табунщиков, водителей, инженеров-механиков, сторожей, пастухов, живущих на ферме, где поселилась Залина, убежав в горы от сельских пересудов и сплетен.

С точки зрения гендерной асимметрии на интересные рассуждения наталкивает концовка повести, одновременно объясняющая и смысл заголовка. Повесть завершается прощальными словами героини, обращенными к возлюбленному: «Если сын будет, назову твоим именем!» [5, с. 192]. То есть беременная женщина, предчувствуя, предугадывая традиционные «социальные предпочтения», уже заранее программирует приход в мир еще од-

ного мужчины. Слово «девочка» она даже не озвучивает, на подсознательном уровне поддерживая «сильную позицию сильного пола».

«Как любят в русских деревнях на Волге? Как любят в японских рыбацких поселках? Как любят ночные сторожа а мексиканских ранчо? Как любят конюхи, тренеры в английских скаковых конюшнях?» [5, с. 183]. Размышляя над этническими вариациями любви в мировой культуре, А. Шогенцуков в своей повести изобразил достаточно реалистичную гендерную картину Кабарды 60-х гг. XX столетия, где на прочной основе сохраняется патриархальная модель семейно-брачных отношений, но при этом проклевываются первые ростки женской эмансипации.

Такое диалектическое состояние «пробуждающегося общества» нашло отражение в сложном, многогранном образе главного героя повести Мусаби. В том, что он в пылу гнева туристическим топориком отрубает себе палец, выразился его иррациональный протест против косных, темных пережитков прошлого. Вместе с тем сон под «старой грушей» [5, с. 130] означает «мужскую солидарность» героя с нравственно оправданными ценностями адыгской этнокультуры. Как пишет М.А. Хакуашева, «старая груша – бессмертный архетип Мирового древа, трансформированный в литературный. По существу, это и есть «древо жизни» адыгского народа [4, с. 90].

В повести Шогенцукова представлен целый узел социальных конфликтов, «гендерных войн», любовно-психологических коллизий. Весьма примечательно, что объединяющим, примиряющим началом всех конфликтов, в особенности, «мужского» и «женского», выступает парный национальный танец [5, с. 15], являющийся для автора символом всеобщей гармонии.

Библиографический список

1. *Охотникова С.* Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: в 2 ч. – Иваново, 2002. – Ч. 2. – С. 273–279.
2. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетейя, 2007. – 496 с.
3. *Тугуз З.Ю.* Этнокультурные особенности гендерных отношений в республике Адыгея: автофер. дис. ... канд. соц. наук. – Майкоп, 2012. – 26 с.
4. *Хакуашева М.А.* Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2007. – 378 с.
5. *Шогенцуков А.А.* Назову твоим именем. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 192 с.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ТЕРМИН

Автор статьи пытается выявить специфику литературоведческого понятия «литературная позиция». В современном литературоведении нет чёткого определения понятия «литературная позиция», в научных энциклопедиях и справочниках термин до сих пор не зафиксирован. Но, несмотря на это, он довольно активно упоминается во многих исследованиях, анализирующих художественное творчество писателей. Проанализировав литературоведческие работы разных лет по данной проблеме (Л.Е. Азариной, П.Е. Бухаркина, А.А. Виноградова, К.Н. Григорьяна, А.А. Дырдина, О.Ф. Коноваловой, Н.В. Королевой, В.Д. Рак, О.Б. Лебедевой, Е. Нымм, В.Ю. Проскуриной, И.З. Сермана, Д.М. Хитровой, Т.Б. Шишковой, Б.М. Эйхенбаума и других учёных), мы пришли к следующим выводам. Определение «литературная позиция» вбирает в себя следующие особенности: 1) систему философских и эстетических взглядов писателя, мировоззрение, индивидуальное отношение к явлениям действительности, а также его творческую личность; 2) художественный метод и специфику его воплощения в творчестве; 3) многообразие стилистических приёмов в произведениях писателя, влияющих на специфику идейности и образности творчества; 4) своеобразные мотивы в художественных произведениях; 5) взаимодействие автора и читателя, их диалог; 6) авторскую позицию, отношение писателя к героям художественного нарратива; 7) оценку творчества писателя современниками и литературными критиками.

Ключевые слова: литературная позиция, литературоведческий термин.

В современном литературоведении нет чёткого определения понятия «литературная позиция», в научных энциклопедиях и справочниках рассматриваемый нами термин до сих пор не зафиксирован. Но, несмотря на это, он довольно активно упоминается во многих исследованиях, анализирующих художественное творчество писателей. Так, работы П.Е. Бухаркина («Литературная позиция М.В. Ломоносова»), А.А. Дырдина («Традиционные аспекты литературной позиции Андрея Платонова и Михаила Пришвина в конце 1920-х – начале 1930-х годов»), О.Ф. Коноваловой («К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV века»), Н.В. Королевой, В.Д. Рак («Личность и литературная позиция Кюхельбекера»), И.Б. Роднянской («Герой лирики Лермонтова и литературная позиция поэта»), И.З. Сермана («Литературная позиция Державина»), М.В. Строганова («О литературной позиции Грибоедова», «Ещё о литературной позиции А.С. Грибоедова», «Снова о литературной позиции А.С. Грибоедова»), Д.М. Хитровой («Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х годов») и Б.М. Эйхенбаума («Литературная позиция Лермонтова») посвящены исследованию литературного наследия писателей в этом ракурсе. Определение также используется в работе К.Н. Григорьяна «Батюшков» и в учебнике для высших учебных заведений О.Б. Лебедевой «История русской литературы XVIII века» в главе «Литературная позиция и эстетические манифесты Ломоносова».

В диссертационных работах Л.Е. Азариной «Литературная позиция А.С. Суворина» (2008), А.С. Дементьевой «Литературная позиция журнала П.И. Макарова “Московский Меркурий” (1803)» (2006), М.Л. Майофис «Консервативное крыло общества “Арзамас”: литературная

и общественно-политическая позиция С.С. Уварова, Д.Н. Блудова, Д.В. Дашкова» (2002), Н.В. Назаровой «Литературная позиция О.И. Сенковского в 1830-х гг.: на материале повестей, подписанных псевдонимом А. Белкин» (2010), Е. Нымм «Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы)» (2003), Е.В. Переваловой «Журнал М.Н. Каткова “Русский Вестник” в первые годы издания. Литературная позиция» (1998), В.Ю. Проскуриной «Литературная позиция журнала “Современник” (1838–1846 годы)» (1985), Д.М. Хитровой «Литературная позиция Е.А. Баратынского 1820-х – первой половины 1830-х годов» (2005), Т.Б. Шишковой «Литературная позиция и тактика Ф.В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие» (2009) термин «литературная позиция» является ключевым.

Во многих современных работах определение «литературная позиция» тесным образом перекликается с понятиями «литературно-критическая позиция», «эстетическая позиция», «художественная позиция». Так, диссертационные исследования А.А. Виноградова «К.Н. Леонтьев: литературно-критическая позиция» (2005), Е.П. Дерябиной «Литературное окружение и эстетическая позиция А.А. Фета в 1850-е годы» (2004), А.Ф. Кругловой «Художественная позиция А.Ф. Писемского в литературном процессе 1840–60-х годов» (2008), М.В. Орловой «Литературная критика З.Н. Гиппиус: к вопросу об эстетических позициях» (2006), Г.Г. Рамазановой «Журнал “Московский наблюдатель”: эстетическая позиция и литературные публикации» (2012) ярко выявляют эту тенденцию в литературоведении.

Целью нашей статьи является рассмотрение понятия «литературная позиция». Его нет в энциклопедических литературных словарях. В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова у слова «позиция» [от латин. positio –

положение] есть несколько дефиниций, особо интересующих нас: «1. Положение, расположение. ...4. Точка зрения, принципиальное отношение к чему-нибудь, определяющий характер действий, поведения» [14, с. 725]. Последняя трактовка понятия тесно соприкасается со спецификой многих литературоведческих работ, перечисленных нами.

А.А. Виноградов во введении к диссертационной работе «К.Н. Леонтьев: литературно-критическая позиция» отмечает: «Цель нашей диссертации: дать характеристику литературно-критической позиции Леонтьева. С точки зрения этимологии слово “позиция” заимствовано в Петровскую эпоху через польское посредство из французского языка и является синонимичным слову “положение”...<...>... Поэтому слово “позиция”, понимаемое в переносном значении (“точка зрения, отношение к какому-либо вопросу”) сближается с семантикой “положения” (“утверждение, мысль, лежащие в основе чего-либо, выдвинутые кем-либо; тезис”), что обуславливает представление отношения автора к творческому вопросу анализа этого отношения.

Объектом исследования являются литературно-критические статьи, философское и художественное творчество Леонтьева. Предметом – эстетические и религиозно-нравственные взгляды Леонтьева, проявившиеся в его критической прозе» [3, с. 5]. Таким образом, исследователь акцентирует внимание на синонимии термина с другим литературоведческим определением – «точка зрения», включающим в себя эстетическое, философское и религиозно-нравственное своеобразие творчества писателя.

Термин «точка зрения», по мнению Н.Д. Тамарченко, в современном литературоведении пользуется популярностью. Исходя из рассмотрения различных обоснований этого термина литературовед делает вывод о том, что «точка зрения в литературном произведении – положение “наблюдателя” (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображённом мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое, с одной стороны, определяет его кругозор – как в отношении “объёма” (поле зрения, степень осведомлённости, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; с другой – выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [16, с. 386].

Важна трактовка понятия «литературная позиция» в самих исследовательских работах, представляющих для нас с этой научной стороны особый интерес. Так, А.А. Дырдин писал: «Литературной позицией мы называем комплекс идей и образов, определяющий связь писателя с культурным наследием в целом и литературой как главным его проявлением, особой духовно-эстетической парадигмой. Этим понятием охватывается все то, что

“создает совокупный художественный образ мира литературы, запечатлевает отношение писателя к людям литературы, литературному быту и процессам творчества”» [5, с. 2]. «Литературная позиция», по А.А. Дырдину, – это составная часть общей философско-эстетической системы писателя, его представление о литературном творчестве, точка зрения и принципиальное отношение к жизни, искусству, философии, религии, онтологическим ценностям и эстетике, определяющее характер художественного метода и творчества в целом, а также идейность произведений.

Термин «идейность», по утверждению А.С. Козлова, «в большей степени связан с позицией автора, с его отношением к изображаемому. Это отношение может быть различным, так же как и различными могут быть и идеи, выраженные автором. Позиция автора, его идеология определяются прежде всего эпохой, в которой он живёт, присущими этому времени общественными взглядами, выражаемыми той или иной социальной группой» [9, с. 33].

Заметим, что термин «литературная позиция» в своём узком значении может пониматься как «авторская позиция». В.П. Мещеряков отмечает: «Образ автора не есть личность писателя как реального человека, а субъект повествования, который воссоздаётся читателем на основе осмысленного текста» [9, с. 137]. В некоторых произведениях авторская позиция выражена открыто – в оценке событий, характеристике героев, в рассуждениях философского, морального, личного плана. Иногда позиция автора совпадает с точкой зрения персонажа – проводника авторских мыслей, идейных оценок. Образ автора «выражает систему нравственных, идейных и эстетических взглядов писателя, ему свойственна оценочно-идеологическая речь» [9, с. 137].

Б.М. Эйхенбаум, исследуя творчество Лермонтова, не акцентировал внимание на рассматриваемом нами термине, в то время как вся его исследовательская работа под названием «Литературная позиция Лермонтова» была посвящена эстетике поэта, а также историческому освещению его творческого пути. Большое внимание в работе уделено оценке произведений Лермонтова критиками-современниками. Б.М. Эйхенбаум рассматривает особенности «подтекста» Лермонтова, тем самым раскрывая художественную систему поэта в полной мере. «Одна из самых важных стадий в научной работе над Лермонтовым (еще далеко не достигнутая) – приближение к такому пониманию его текста: к чтению “между строками”, к раскрытию “подтекста”, составляющего органическую и очень важную сторону его художественной системы» [18, с. 7]. Исследователь пытается создать «исторический портрет поэта» («...основные штрихи этого портрета начинают

определяться уже в период ранней юности – в те годы, когда стали явственно проступать признаки “новой русской атмосферы») [18, с. 8], рассматривает особенности мировоззрения Лермонтова («Но было бы ошибкой думать, что творчество юного Лермонтова замкнуто традициями декабристской идеологии и поэзии; декабризм – только общая “гражданская” база его мирозерцания и поведения») [18, с. 9], его систему идей («Проблема добра и зла, ангела и демона, рая и ада составляет идейный и языковой центр юношеских произведений Лермонтова») [18, с. 18], а также обращается к рассмотрению эволюции творчества («Лермонтов, действительно, пережил очень глубокую и сложную эволюцию, пожалуй, даже серьезный перелом мировоззрения и художественного метода. Это сказалось прежде всего на лирике...») [18, с. 31]). Большая часть литературоведческого труда Б.М. Эйхенбаума содержит анализ произведений М.Ю. Лермонтова, однако следует отметить, что во всём многообразии ракурсов рассмотрения лермонтовского творчества исследователь выявляет основные элементы создания литературного портрета поэта, его литературной точки зрения, «литературной позиции».

В статье М.Б. Строганова «Снова о литературной позиции А.С. Грибоедова» «литературная позиция» анализируется «с точки зрения литературоведения как человековедения, и все собственно литературоведческие категории реализуются в творчестве через литературный быт...» [13, с. 75]. Работа рассматривает понятие как литературоведческую категорию, в основе которой лежит гуманизм.

П.Е. Бухаркин в статье «Литературная позиция М.В. Ломоносова» отмечает: «Литературная позиция М. В. Ломоносова неоднократно попадала в поле аналитического зрения многих и разных исследователей...<...>... при обращении к данной проблеме первоочередное внимание...<...>... уделялось либо рассмотрению его эстетико-литературных воззрений, либо уяснению взаимоотношений с современными литераторами...<...>... не менее значимым кажется и другой возможный здесь ракурс – когда литературная позиция выводится непосредственно из литературных поступков автора, прямо соотносится с его поэтической продукцией, а не с одними его эстетическими высказываниями и человеческим поведением» [2, с. 26]. А у О.Б. Лебедевой мы видим, что «своеобразие литературной позиции Ломоносова определяется именно энциклопедическим складом его ума, всеобъемлющим типом сознания, в котором эстетическое начало неразрывно связано с научным мировоззрением и социальной концепцией. Эта неразрывная связь эстетики, прагматики и идеологии, характеризующая литературную позицию Ломоносова, определила поэтику его эстетических манифестов...» [8, с. 42].

По О.Б. Лебедевой, «литературная позиция» Ломоносова определяется рядом значимых факторов: ораторским пафосом и установкой на диалогический тип взаимодействия текста с воспринимающим сознанием; двойным назначением литературного текста, призванного быть не только объектом эстетического наслаждения, но и орудием прямого созидательного социального воздействия; пониманием литературы как высокого искусства, назначением которого является формулировка высоких идеальных понятий и словесное выражение представлений о должном на самом высоком, бытийном уровне реальности, с целью воплощения этих идеальных категорий в реальность материальную.

К.Н. Григорьян в работе «К.Н. Батюшков» также использует этот термин в своём научном обиходе: «Не было и нет единого мнения по поводу литературной позиции Батюшкова, принадлежности его к тому или иному направлению» [4, с. 136]; «Разноречивые суждения о литературной позиции Батюшкова вызваны самым характером его творчества, в котором отражён один из существенных переходных этапов развития русской поэзии» [4, с. 137]. Термин в этом исследовании не получил должной широты и масштабности понимания, поскольку был сведён к минимуму своего значения – «литературной позиции» как способа реализации литератором эстетических аспектов художественного направления.

О.Ф. Коновалова в работе «К вопросу о литературной позиции писателя XIV века», характеризуя творчество древнерусского писателя, рассматривает «литературную позицию» как определённую систему взглядов, «точек зрения», основанных на религиозно-философских воззрениях своего времени и выражающихся в художественном стиле произведения, его тематике и образной системе, а также как авторскую позицию, отношение писателя к собственному творчеству: «Писатель занимает особую позицию по отношению к своему произведению. Он всюду говорит о собственном ничтожестве, о своем неумении писать, впрочем, так же как и о бессилии человеческого слова вообще...<...>...сводя на нет свою роль в написании жития, автор стремится тем самым подчеркнуть невыразимость всего того, что служит предметом его писаний и одновременно как можно больше возвысить святого» [6, с. 206]. Данный литературовед обращает большое внимание на личность автора и его художественные задачи.

В исследовании И.З. Сермана «Литературная позиция Державина» отмечается: «Есть писатели, позиция которых в литературе не вызывала никаких сомнений у современников и не порождает недоумений и у тех, кому приходится иметь дело уже не с живым писателем, а с его “наследием”...» [12, с. 3]. Специфика понятия «литературная позиция» раскрывается в обосновании художественного ме-

тогда Г.Р. Державина, а также его связи со стилевыми доминантами произведений.

Работа Н.В. Королевой, В.Д. Рак «Личность и литературная позиция Кюхельбекера» [7] характеризует «литературную позицию» в ракурсе развития литературного воззрения поэта в связи с исторической эпохой его времени. Большое внимание в исследовании уделяется взаимодействию Кюхельбекера с литераторами, оказывающими глубокое влияние на становление его личности, а также на его эстетические и нравственные поиски. Аналогичным образом подобное значение этого термина раскрывает исследование Е. Нымм «Литературная позиция И. Ясинского в 1880-е годы», где важнейшей смысловой доминантой является художественный метод: «Близость к литературной позиции Золя обнаруживается в отстаивании Ясинским художественного метода писателей-натуралистов» [10, с. 13].

Д.М. Хитрова в работе «Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х годов» затрагивает вопрос об источниках эстетических воззрений Баратынского. Литературная позиция Баратынского в диссертации понимается «как система эстетических воззрений поэта, одновременно находящихся непосредственное применение в его поэтической практике и диктующих принципы литературного поведения» [15, с. 150]. Исследователь опирается также на работы Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова и Ю.М. Лотмана. «Тем самым, опираясь прежде всего на понятие “литературной личности”, введенное Тыняновым, мы пытаемся расширить сферу его действия: говоря о “литературной позиции”, мы имеем в виду не тот авторский миф, который сложился в результате читательской рецепции, но совокупность собственных литературных установок автора, объединяющих его поэтическое творчество и литературно-бытовое поведение и в таком виде предлагаемых для рецепции читателя» [15, с. 151]. Аналогичной теоретической трактовки этого понятия придерживается и Т.Б. Шишкова, ссылаясь в своей работе на диссертационное исследование Д.М. Хитровой и поясняя: «Говоря о “литературной позиции” Булгарина, мы, прежде всего, имеем в виду совокупность тактических установок» [17, с. 3].

В работе В.Ю. Проскуриной читаем: «Под литературной позицией журнала мы подразумеваем совокупность нескольких моментов: его ориентацию на конкретный круг сотрудников, представляющих собою некоторую идейную и творческую общность; эстетическую программу издания, выраженную как в критических, так и беллетристических материалах; курс журнала в литературно-общественном движении эпохи (отношение к различным культурным традициям, социальным и литературным группировкам, участие в литературных полемике и т.п.) [11, с. 4]. Исследо-

вательница делает большой акцент в пояснении литературоведческого термина на эстетические и культурные движения эпохи того времени. Л.Е. Азарина, исследуя литературную позицию А.С. Суворина, также отмечает: «Для понимания литературной позиции Суворина следует рассмотреть, как его представления о литературе, о театре воплотились в его художественном творчестве, какие новые грани литературной позиции раскрывает его проза и драматургия... <...> ...Литературную позицию Суворина следует рассматривать в контексте эстетической мысли его времени, на фоне тех движений, которые происходили в различных областях культуры – в литературе, журналистике, театре...» [1, с. 3].

Литературоведы последнего десятилетия исследуют «литературную позицию» в ракурсе эстетических воззрений, а также с точки зрения критической деятельности писателя, его положения в общественных и литературно-журналистских кругах той эпохи, в которой он жил. Термин «литературная позиция» также включает в себя и ориентацию на художественное направление, к которому принадлежит творчество писателя.

Проанализировав литературоведческие работы разных лет, мы пришли к следующим выводам. Определение «литературная позиция» вбирает в себя следующие особенности: 1) систему философских и эстетических взглядов писателя, мировоззрение, индивидуальное отношение к явлениям действительности, а также его творческую личность; 2) художественный метод и специфику его воплощения в творчестве; 3) многообразие стилистических приёмов в произведениях писателя, влияющих на специфику идейности и образности творчества; 4) своеобразие мотивов в художественных произведениях; 5) взаимодействие автора и читателя, их диалог; 6) авторскую позицию, отношение писателя к героям художественного нарратива; 7) оценку творчества писателя современниками и литературными критиками.

Библиографический список

1. Азарина Л.Е. Литературная позиция А.С. Суворина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2008 – 203 с.
2. Бухаркин П.Е. Литературная позиция М.В. Ломоносова // Русская литература. – 2011. – № 1. – С. 24–38.
3. Виноградов А.А. К.Н. Леонтьев: литературно-критическая позиция: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Кострома, 2005. – 213 с.
4. Григорьян К.Н. К.Н. Батюшков // Пушкинская элегия: национальные истоки, предшественники, эволюция / под ред. Ю.К. Герасимова. – Л.: Наука, 1990. – С. 135–150.
5. Дырдин А.А. Традиционные аспекты литературной позиции Андрея Платонова и Михаил-

ла Пришвина в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Русская национальная философия в трудах её создателей. Статья написана на основе доклада, прочитанного в 1991 году на Международной конференции русистов, которую организовала Ольштынская Высшая педагогическая школа (Новая Калетка, Польша) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin5.html (дата обращения: 4.11. 2014).

6. Коновалова О.Ф. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XIV. – С. 205–211.

7. Королева Н.В. Личность и литературная позиция Кюхельбекера / Н.В. Королева, В.Д. Рак // В.К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Серия « Литературные памятники». – Л.: Наука, 1979 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0370.shtml (дата обращения: 4.11. 2014).

8. Лебедева О.Б. Литературная позиция и эстетические манифесты Ломоносова // История русской литературы XVIII века: учебник. – М.: Академия, 2000. – 415 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/lomon.html>

9. Мещеряков В.П. Введение в литературоведение. Основы теории литературы: учебник для бакалавров / В.П. Мещеряков, А.С. Козлов, Н.П. Кубарева, М.Н.Сербул. – М., Юрайт, 2012 – 422 с.

10. Нымм Е. Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы) // Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 2003. – 165 с. (= Dissertationes

Philologiae Slavicae Universitatis Tartuens – 12). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/381754.html#5.8> (дата обращения: 4.11.2014).

11. Проскурина В.Ю. Литературная позиция журнала «Современник» (1838–1846 годы): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1985. – 309 с.

12. Серман И.З. Литературная позиция Державина // Державин. Библиотека словесника. – Л.: Просвещение, 1967 – 122 с.

13. Строганов М.В. Снова о литературной позиции А.С. Грибоедова // Культура и текст. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. – № 2. – С. 75–84.

14. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Альта – Принт», 2006. – 1239 с.

15. Хитрова Д.М. Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / ред. Л. Киселева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. – с. 149–180.

16. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.

17. Шишкова Т.Б. Литературная позиция и тактика Ф.В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2009. – 196 с.

18. Эйхенбаум Б.М. Литературная позиция Лермонтова // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 3–82. – (Лит. наследство; Т. 43/44).

ПРОБЛЕМА ДЕРИВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается сущность деривационных отношений в парадигме «производящий фразеологизм → производный фразеологизм». Несмотря на традиционное понимание фразеологизма как устойчивой единицы, современное состояние языка способствует возникновению всякого рода преобразований, в том числе и преобразований фразеологизмов. В этом случае развитие отрасли знаний о развитии фразеологической системы имеет большое значение, так как становятся видны динамические процессы, происходящие внутри языковой системы: процессы саморазвития и самодвижения. Фразеологические единицы, будучи уже единицами вторичной номинации, продолжают свое развитие и сами становятся производящей базой для новых фразеологических единиц. Процесс «вторичного» фразеобразования идет в двух направлениях: внешнее и внутреннее фразеобразование. Современное отечественное языкознание, несмотря на достаточно разработанную теоретическую основу, до сих пор не выработало единой точки зрения на природу процессов производности, нет единого понимания и в терминологии. Статья направлена на определение сущности процесса деривации в сфере фразеологии как способа вторичного фразеобразования, обобщению и систематизации терминологического аппарата, выявлению возможностей фразеологических единиц разных классов вступать в деривационные отношения, обнаружению фразеобразовательных средств. Выявление специфических механизмов, определение закономерностей и причин именно этого процесса способствует созданию типологии внутреннего фразеобразования, что, в свою очередь, поможет выявить внутренние ресурсы языка. Необходимость такого понимания объясняется тем, что появление фразеологических новообразований не только способствует регулярному обогащению фразеологического состава современного языка, но и придает высказыванию особую экспрессию.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, внешнее фразеобразование, внутреннее фразеобразование, деривация, производящий фразеологизм, производный фразеологизм.

Современное общество находится в состоянии значительных социальных, политических, экономических и других преобразований, которые не могут не отражаться в языке. Используя язык как средство общения, общество создает условия для тех или иных языковых изменений. В первую очередь такие изменения находят отражение в лексическом и фразеологическом составе русского языка. Одним из способов пополнения фразеологического фонда языка является образование фразеологизмов на базе уже имеющихся в языке ФЕ. Сегодня вопросу развития парадигмы «производящий фразеологизм → производный фразеологизм» уделяется достаточно пристальное внимание, но до настоящего времени проблема «вторичного» фразеобразования остается малоразработанной и в силу этого крайне противоречивой. Между тем значение отрасли знаний о саморазвитии фразеологической системы очевидно: изучение деривационного потенциала фразеологизмов приоткрывает завесу над тайной динамических процессов внутри фразеологического состава русского языка.

Традиционно фразеология рассматривалась как учение об «устойчивых сочетаниях слов», а сам фразеологизм воспринимался как застывшее, статичное, не способное к изменениям образование. Исследования фразеологизма и его природы позволили ученым подойти к выводу о том, что фразеологический состав языка, как и язык в целом, подвержен изменениям, а значит, находится в по-

стоянном развитии. В связи с этим назрела острая необходимость выяснения механизмов фразеобразования, выявления закономерностей и причин этого процесса. Для фразеобразования характерны свои специфические черты: наличие способов и средств, с помощью которых осуществляется фразеобразование; условия для реализации процесса фразеобразования. Специфика этого процесса диктует и появление своей системы терминов.

Начало диахронному изучению фразеобразования положили работы Б.А. Ларина. Дальнейшее развитие проблемы диахронного фразеобразования находим в работах Ю.Ю. Авалиани, Н.Н. Амосовой, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина, В.Т. Бондаренко, В.В. Виноградова, С.Г. Гаврина, Ю.А. Гвоздарева, В.И. Зимина, В.В. Истоминой, В.И. Кодухова, М.М. Копыленко, А.В. Кунина, В.М. Мокиенко, М.Ф. Палевской, Р.Н. Попова, Л.И. Ройзензона, Г.А. Селиванова, В.Н. Телии, А.М. Эмировой и др. Возникновение фразеологических единиц на базе переменных сочетаний слов ученые рассматривают как внешнее фразеобразование. Динамическое развитие языка обусловило активизацию еще одного способа – внутреннего фразеобразования (по терминологии Ю.А. Гвоздарева – вторичной транспозиции). Под внутренним фразеобразованием понимаем образование нового фразеологизма на базе уже имеющейся в языке фразеологической единицы [4, с. 7]. По словам В.Н. Телии, «...к фразеобразованию имеет прямое отношение и развитие фразеологизмов, уже суще-

ствующих в языке. Это деривационно-системное, «вторичное» фразеобразование связано с внутренним развитием фразеологических единиц, обусловленным их функционированием в системе языка» [7, с. 43].

Существенная особенность изучения способов внутреннего фразеобразования заключается в том, что производные ФЕ должны рассматриваться не как отдельно взятые единицы, а в их соотношении с соответствующими производящими фразеологизмами. Именно сопоставительный анализ фразеологических новообразований и их базы позволяет судить о внутреннем фразеобразовании. Это происходит в том случае, если производный фразеологизм приобретает новое индивидуальное значение и новые морфологические и грамматические свойства в отличие от производящего.

Анализ исследований, посвященных проблеме фразеобразования в сфере фразеологии, позволил сделать вывод о том, что фразеология современного русского языка – это динамичная, постоянно развивающаяся система, а фразеобразование – это сложное языковое явление, для которого характерны свои способы, закономерности и результаты. Внутреннее фразеобразование осуществляется несколькими способами: деривацией, внутрифразеологической омонимией, экспликацией, импликацией и, частично, контаминацией.

В настоящей работе рассматриваем наиболее продуктивный способ внутреннего фразеобразования – деривацию (от лат. *derivatio* – отведение; образование). В нашем материале это фразеологизмы типа *втаптывать в грязь* → *втаптывание в грязь*; *варить суп из топора* → *варка супа из топора*; *делить шкуру неубитого медведя* → *деление шкуры неубитого медведя*, *дележка шкуры неубитого медведя*; *копаться в грязном белье* → *копание в грязном белье* и др.

Процесс такого образования фразеологических единиц лингвисты называют по-разному: морфологическая деривация (А.В. Жуков), деривационно-системное, вторичное фразеобразование (В.Н. Телия), вторичная фразеологическая деривация (Ю.Ю. Авалиани, А.М. Эмирова); единицы, появившиеся в процессе развития фразеобразовательной системы, получили следующие наименования: трансформы соответствующих глагольно-субстантивных фразеологических сочетаний (Е.В. Смерчко), отфразеологический устойчивый словесный комплекс, отфразеологическое производное образование, субстантивный отглагольный дериват (А.М. Бушуй), синтаксические вариации фразеологических единиц (Ю.А. Гвоздарев).

В научных исследованиях фразеологизмы-дериваты часто рассматриваются как варианты одной и той же единицы; в зависимости от характера преобразования ученые выделяют разные типы фразеологических вариантов: фонетические, мор-

фологические, синтаксические, лексические (в том числе количественные), варианты смешанного типа и др. Понимая вариантность как «представление об образных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой формы» [6, с. 80], считаем, что под вариантами во фразеологии следует понимать разные проявления одной и той же единицы без нарушения тождества этих единиц.

Такое понимание позволяет нам предположить, что фразеологизмы, которые стали предметом нашего исследования, нельзя квалифицировать как варианты. Подтверждение находим в следующем высказывании: «...наблюдения показывают, что различного рода вариантные преобразования фразеологических единиц имеют определенные границы, выход за пределы которых уже нарушает сферу варьирования и имеет результатом фразеологическую деривацию» [1, с. 8].

Представим нашу точку зрения относительно того, что мы вкладываем в понятие «деривация», когда речь идет о фразеологии и о фразеологических единицах. В современном языкознании деривация как способ фразеобразования понимается по-разному: в узком смысле деривация – это выводимость одного из другого с опорой на формальное средство, а в широком смысле – без опоры на формант. Такое понимание не может не вызвать существенные разногласия и не позволяет выявить следствия деривации, а значит, не позволяет систематизировать и описать результаты процесса. Так, например, к процессам деривации относят эллиптирование исходной формы ФЕ, приводящее к сокращению первоначального компонентного состава ФЕ или к его сжатию (*проливать крокодиловы слезы* – *проливать слезы*); деривацией называют и обратный сжатию процесс, когда наблюдается развертывание фразеологической единицы в структурно более сложное образование (*грош цена* – *грош цена в базарный день*) [2, с. 54]. Вероятно, можно было бы согласиться с автором, так как, на самом деле, в результате эллиптирования исходной формы (эллипсиса, импликации, сжатия, сокращения числа компонентов, отпочкования, по терминологии других авторов) и в результате развертывания (экспликации, увеличения числа компонентов) появляется единица, образованная на базе фразеологизма, уже имеющегося в языке, отличающаяся «своими особыми дистрибутивными связями и иной синтаксической функцией». Но в полной мере согласиться с этим не позволяет отраженное в лингвистических справочниках положение о том, что деривация – это не только образование новой единицы, но и процесс, сопровождающийся формальными (но не структурными. – Е.Е.) изменениями в самой единице. С другой стороны, в научной литературе есть и наблюдения о вну-

трифразеологических деривационных процессах, осуществляемых в виде словообразовательной активности некоторых компонентов при сохранении их исходного образа. Считается, что этим достигается более дифференцированное выражение семантико-стилистических возможностей ФЕ в связи с контекстуальными условиями ее использования. Эта точка зрения высказана в работе А.М. Бушуя [2, с. 56]. К способам «словообразовательной активности» автор относит деривационную трансформацию в «двухфраземные гнезда глагольных компонентов ФЕ посредством приставки» и приводит примеры: *валить в кучу – с-валивать в кучу; валить с больной головы на здоровую – с-валивать с больной головы на здоровую; в-гонять в гроб – вогнать в гроб; менять гнев на милость – с-менить гнев на милость, пере-менить гнев на милость; ото-гревать змею на груди – со-греть змею на груди, при-греть змею на груди*. На наш взгляд, нет оснований считать видовой коррелят типа *вгонять в гроб* (от *вогнать в гроб*) дериватом, так как в этом случае не появляется новая единица, приставка указывает лишь на то, что в одном случае действие мыслится как длящееся, в другом – как достигшее предела; сравним: *вгонять в гроб* – «доводить до смерти», *вогнать в гроб* – «довести до смерти». А значит, нет оснований утверждать, что подобные образования вступают в деривационные отношения.

В ряде работ находим, что к фразеологическим дериватам относятся образования с суффиксом -к-: *дойная корова – дойная коров-к-а, как об стену горох – как об стен-к-у горох* и образования с суффиксами уменьшительности, ласкательности: *заблудшая овца – заблудшая ов-ечк-а, горя мало – гор-юшк-а мало, забубенная голова – забубенная голов-ушк-а* и др. Если бы разговор шел об отдельных лексемах, в которых происходят такие суффиксальные преобразования, имелось бы полное основание говорить о разных словах, а значит, и о дериватах. Но заметим, что во фразеологизме как раздельнооформленной единице все гораздо сложнее: в деривационные отношения вступают не отдельные компоненты, а весь фразеологизм в целом, морфемные варианты (это явление во фразеологии квалифицируется именно так) не приводят к изменению фразеологического значения. Сравним: *и заблудшая овца, и заблудшая овечка* – это человек, оторвавшийся от своего круга, общества семьи и т. п., сбившийся с правильного пути; *горя мало и горюшка мало* – это оценка безразличия, невнимания к чему-л.; отсутствия беспокойства по поводу чего-л. с чьей-л. стороны; и *забубенной головой, и забубенной головушкой* называют бесшабашного, разгульного человека. Приведенные пары фразеологизмов не различаются ни категориальной, ни субкатегориальной семантикой, значит, и в этом случае нет оснований говорить о дерива-

ционных отношениях между подобными фразеологизмами.

В отдельных исследованиях образования анализируемого нами типа рассматриваются как словообразовательные варианты: «...в словообразовательных вариантах фразеологических единиц чаще всего возникают окказионализмы. Это происходит за счет включения слов с яркими эмоционально-оценочными суффиксами в компонентный состав фразеологизмов на место нейтральных слов: ...*филькина грамота* и *филюшкина грамота, сердце екнуло* и *сердчишко екнуло*» [5, с. 11]. Позволим себе не согласиться с такой точкой зрения. О словообразовательных вариантах можно говорить лишь тогда, когда речь идет о лексемах, мы же рассматриваем сверхсловные единицы.

Морфемные изменения в одном из компонентов фразеологизмов типа *фиговый листок* (*лист, листик, листочек*), *год-другой* (*годок-другой*), *точь-в-точь* (*точка в точку*), на наш взгляд, также не дают оснований считать производный фразеологизм дериватом. Эти варианты различаются лишь стилистическим наполнением, так как и семантически, и морфологически, и синтаксически эти фразеологизмы тождественны. Сравним: *Ох, изморился я, отцы... Жарынь!.. Кваску бы испить, Аграфена Филипповна?.. – А ты ступай в кабинет ко мне, – предлагал Nicolas. – Там найдешь, чем червяка заморить* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). – *Прихватив кое-что, чтобы, как говорится, червячка заморить, и выпив одну рюмочку водки, господин Голядкин уселся в креслах* (Ф. Достоевский. Двойник).

Ю.А. Гвоздарев утверждает, что «образования типа *изобретать велосипед – изобретение велосипеда, менять декорации – смена декораций* относятся к синтаксическим вариациям». По его словам, «изменение в этих формах охватывает только область синтаксических отношений между составляющими компонентами, т. е. по сути дела здесь реализуется грамматическая парадигма фразеологической единицы...». [3, с. 156]. На наш взгляд, в этих и подобных соотносительных парах происходят более сложные изменения, чем просто изменение синтаксических отношений. В работе А.М. Бушуя есть замечания о том, что в состав фразеологического гнезда, развивающегося на базе глагольного компонента ФЕ, входит однокоренное имя существительное: *менять декорации – пере-менить декорации – пере-мена декораций*. На наш взгляд, именно корреляты типа *переменить декорации – перемена декораций* и есть та соотносительная по образованию пара, которая вступает в деривационные отношения. Подтверждение нашей точки зрения находим в работе Л.Н. Колесниковой и Р.Н. Попова. [5, с. 9]. Говоря о вариантности, авторы работы отмечают, что некоторые фразеологи не различают варианты фразеологиз-

мов и «весьма распространенные во фразеологической системе русского языка явления деривационного характера»: *бить баклуши – битье баклуш, явиться с повинной – явка с повинной*. Авторы утверждают, что фразеологизмы именного типа с отвлеченными отглагольными существительными образовались на почве глагольных фразеологизмов и воспринимаются не как варианты, а как производные на их основе новые ФЕ не с процессуальным, а с предметным значением. Безусловно, несмотря на то, что при деривации происходят структурные преобразования только в одном из компонентов, это приводит к изменению фразеологического значения во фразеологизме в целом.

Обобщив сказанное, предложим систему терминов, которые используются при описании деривационных отношений во фразеологии. Под деривацией в сфере фразеологии понимаем процесс создания ФЕ (фразеологизмов-derivатов) на базе уже имеющихся в языке фразеологизмов, принимаемых за исходные, с формальным и семантическим изменением природы производных единиц. Деривационное значение рассматривается как обобщенное фразеологическое значение производных единиц, принадлежащих к одному классу, передаваемое их общим категориальным значением; деривационные отношения – как отношения производности между производящей и производной фразеологическими единицами. Производящий фразеологизм – это исходная единица фразеологического состава русского языка, на базе которой формируется новая, производная единица с новым индивидуальным значением. Производный фразеологизм – это единица фразеологического состава русского языка, образованная от уже имеющегося, производящего фразеологизма, с новым индивидуальным значением, выполняющая иные функции в языке и в речи. Соотносительные производящие и производные фразеологизмы различаются чаще всего принадлежностью грамматически главного компонента к разным частям речи. Это различие достигается тем, что производящие фразеологизмы отличаются от производных наличием или, напротив, отсутствием аффиксов. Кроме того, соотносительные фразеологизмы, вступающие в деривационные отношения, имеют различные грамматические свойства.

Наблюдения за материалом позволяют утверждать, что раздельнооформленность фразеологизма ни в коей степени не мешает фразеологизму стать дериватом, производной единицей. Таким образом, один фразеологизм из соотносительной пары по образованию является деривационной базой, производящей и мотивирующей единицей для другого фразеологизма, производного и мотивированного. При этом значение производного фразеологизма может быть истолковано только через значение производящего фразеологизма.

Специфика деривационных отношений во фразеологии проявляется в том, что, во-первых, в деривационные отношения вступают не отдельные компоненты, а весь фразеологизм в целом как единое языковое образование; во-вторых, границы деривации уже, чем в лексике. При этом синтаксическая структура и компонентный состав соотносительных по образованию фразеологизмов остаются тождественными. Грамматически главный компонент производящего фразеологизма, преобразуясь в производном фразеологизме, сохраняет свою позицию и остается грамматически главным компонентом нового, производного фразеологизма.

В деривационные отношения вступают фразеологизмы как разных структурно-семантических классов, так и фразеологизмы одного класса: *забрасывать грязью* (проц.) → *забрасывание грязи* (предм.), *коптить небо* (проц.) → *коптителю неба* (предм.), *день и ночь* (кач.-обст.) → *дневать и ночевать* (проц.); *рыцарь без страха и упрека* (предм.) → *рыцарство без страха и упрека* (предм.), *длинный рубль* (предм.) → *длина рубля* (предм.). Сложность в определении направления производности рассматриваемых единиц наблюдается в том случае, где фразеологическая первообразность неочевидна либо противоречива.

Самые продуктивные деривационные отношения (анализу подверглись 631 единица-derivат) наблюдаются между процессуальными и предметными фразеологизмами (99%): *затягивать пояс* – «испытывать недостаток в пище» → *затягивание пояса* – «недостаток в пище»; *шарахаться из одной крайности в другую* – «попеременно принимать крайне противоположные решения» → *шараханье из одной крайности в другую* – «попеременное принятие крайне противоположных решений»; *толочь воду в ступе* – «заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время» → *толчение воды в ступе* – «занятие чем-либо бесполезным, пустая трата времени» и другие подобные, в которых грамматически главный компонент – глагол – с помощью аффиксального средства меняет свою частеречную принадлежность в производном фразеологизме.

Структурные изменения глагольного компонента в существительное осуществляются суффиксальным способом (с помощью материально выраженного суффикса или нулевого). Наиболее продуктивно происходит образование дериватов с помощью суффиксов -ени-, -ни-, -ани-, -к-, -ти-, -тель-, -ость-, -б-, -ств-, -ежк-, -ок- [4, с. 16]. С их помощью образовано 93% анализируемых предметных фразеологизмов; наиболее продуктивен суффикс -ени- (50% производных предметных фразеологизмов-derivатов образовано при изменении глагольного компонента посредством этого суффикса от основы глагольного компонента настоящего времени на -и- или от основ на

согласный): *сводить счета* → *сведение счетов*, *бить в грудь* → *биение в грудь*, *коптить небо* → *копчение неба*, *выносить/вынести сор из избы* → *вынесение сора из избы*. Посредством суффикса -ниј- (-њј-) образовано 35% фразеологизмов-derivатов: *блуждать потемках* → *блуждание в потемках*, *кататься как сыр в масле* → *катание как сыр в масле*, *влиять хвостом* → *вливание хвостом*; 7% предметных фразеологизмов образовано при помощи суффикса -тиј- от основ неопределенной формы объектных глаголов: *открывать/открыть Америку* → *открытие Америки*, *шить дело* → *шитье дела*, *снимать/снять шкуру* → *снятие шкуры*. Образование предметных фразеологизмов от производящих процессуальных при помощи других суффиксов происходит значительно реже. Материалы нашей картотеки показывают, что только 7% фразеологизмов-derivатов образовано безаффиксальным способом: *ловить блох* → *ловля блох*, *выбирать/выбрать меньшее из зол* → *выбор меньшего из зол*.

Невозможность образовать предметный фразеологизм от процессуального объясняется в основном двумя факторами: неблагозвучностью субстантивированного вторичного образования и особым характером фразеологического значения, не развивающегося по пути дальнейшей абстракции.

Фразеобразование в современном русском языке – динамичный процесс, благодаря этому фразеоло-

логический состав находится в состоянии постоянного внутреннего саморазвития и самодвижения. Производные фразеологизмы-derivаты обогащают семантические категории предмета, а значит, увеличивается номинативный строй языка.

Библиографический список

1. Авалиани Ю.Ю. О вторичной фразеологической деривации. К вопросу о развитии фразеологической системы русского языка // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1975. – С. 7–13.
2. Бушуи А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) // Проблемы фразеологии. – Тула, 1980. – С. 53–59.
3. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. – Ростов н/Д., 1977. – 184 с.
4. Ермакова Е.Н. Фразе- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2008. – 41 с.
5. Колесникова Л.Н., Попов Р.Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. – Тула, 1980. – С. 3–13.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / главн. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Телия В.Н. О типах и способах фразеобразования // Проблемы русского фразеобразования. – Тула, 1973. – С. 25–43.

РЕАЛЬНЫЕ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ

В настоящей статье рассматривается проблема дифференциации эвфемизмов с точки зрения их функционирования в языке и речи, а также способности сохранять эвфемистическое значение в контексте и вне его. В современной лингвистике эвфемистические единицы традиционно подразделяются на языковые, речевые и/или окказиональные. Однако анализ основных отличительных признаков языковых и речевых эвфемизмов позволяет утверждать, что подобная классификация является достаточно категоричной и спорной в силу того, что эвфемистические единицы реализуют свои основные функции в речевой коммуникации, но в то же время закрепляются в системной организации языка и возникают на основе языковых средств. Кроме того, представленные в научной литературе определения и характеристики не позволяют четко дифференцировать окказиональные и речевые эвфемизмы.

Более целесообразным критерием для классификации представляется способность эвфемистических единиц сохранять эвфемистическое значение в контексте и вне его. Согласно данному критерию эвфемизмы могут быть дифференцированы на реальные, потенциальные и окказиональные. Реальные эвфемизмы воспринимаются как таковые вне зависимости от контекста и могут быть легко декодированы большинством носителей языка. Эвфемистическое значение потенциальных эвфемизмов может быть воспринято только в определенных прагматических условиях общения. Функционирование окказиональных эвфемистических единиц также обусловлено контекстом, однако окказиональные эвфемизмы, в отличие от потенциальных, используются только в идиолектах (т. е. в речи единичных носителей языка) или в определенных социальных группах. Целесообразность подобной классификации подтверждается рядом убедительных примеров.

Ключевые слова: эвфемизмы, язык, речь, контекст, реальные эвфемизмы, потенциальные эвфемизмы, окказиональные эвфемизмы.

Важным системным свойством эвфемизмов является их дифференциация в зависимости от степени устойчивости в речи, способности сохранить эвфемистическое значение вне определенного контекста, а также от легкости декодирования. Согласно вышеуказанным критериям эвфемизмы традиционно классифицируются на языковые, речевые и/или окказиональные. На существенные различия между эвфемизмами языка и речи в плане значения, формы и употребления указывают А.М. Кацев, Е.П. Сеничкина, М.Л. Ковшова, Е.К. Павлова, В.П. Москвин, Р. Рада и др. Рассмотрим основные аспекты данного вопроса, представленные в современных исследованиях.

Языковые (или, в терминологии Н.В. Тишиной и Р. Рады, общеупотребительные, узуальные) эвфемизмы составляют ядро корпуса эвфемистических наименований в том или ином языке. По мнению М.Л. Ковшовой, языковые (или общезыковые) эвфемизмы – это «устойчивые, легко воспроизводимые в речи большинством носителей языка общеизвестные слова или выражения» [2, с. 53]. Такие эвфемизмы легко воспроизводятся продуцентом и так же легко декодируются реципиентом, поскольку хранятся в памяти обоих коммуникантов в виде готовых к использованию единиц. Соотнесенность подобных наименований с одними и теми же референтами вне зависимости от контекста и прагматических условий общения обуславливает тот факт, что именно языковые эвфемизмы получают в словарях, хотя и нерегулярно, соответствующие пометы [10, S. 87; 7, с. 52]. Целесообразным представляется указание на определенные семан-

тико-структурные свойства, релевантные для рассматриваемых наименований.

Во-первых, языковые эвфемизмы являются синонимами тех единиц, которые воспринимаются участниками коммуникации как бестактные или грубые. Иными словами, языковой эвфемизм должен характеризоваться одним закрепленным за ним значением; например, эвфемистическое выражение *жрица любви* используется только в одном значении – *проститутка*. В связи с этим не вполне корректным представляется причисление к языковым эвфемизмам слова *готов* в значении *пьяный* [7, с. 52], поскольку данная единица может в зависимости от контекста иметь различную семантику, в том числе и эвфемистическую (например, употребление слова *готов* в значении *умер*). Этот же критерий не позволяет классифицировать как языковые эвфемизмы единицы с общей, «диффузной» семантикой: *некоторый, несколько, это, делать* и т. д.

Во-вторых, языковые эвфемизмы подвержены процессам «девальвации» эвфемистической функции. В результате единица либо воспринимается как нейтральная (например, таковыми являются «стертые» эвфемизмы *кончина, покойник*), либо приобретает отрицательную оценку и переходит в разряд деэвфемизмов (термин Е.П. Сеничкиной), требуя новой эвфемизации (например, слово *любовник*, служившее эвфемизмом единицы *возлюбленный* в XIX в., сегодня само замещается эвфемизмами *друг, бойфренд*) [7, с. 53]. М.Л. Ковшова отмечает, что в большей степени это относится к так называемым обиходно-бытовым эвфемизмам, в частности к эвфемизмам, служащим для

обозначения некоторых физиологических особенностей человека, а также интимных отношений. В силу постоянного воспроизведения в речи подобные наименования быстро утрачивают эвфемистические возможности [2, с. 51].

Оппозицию языковым, общеупотребительным эвфемизмам составляют наименования, представляющие собой индивидуально-контекстные замены, устойчивость и воспроизводимость которых в речи ограничены отдельными коммуникативными ситуациями. Несмотря на очевидную логичность подобного противопоставления, отмечаемые в научной литературе признаки подобных эвфемизмов, а также выбранная для их обозначения терминология представляются достаточно спорными.

Так, М.Л. Ковшова, помимо традиционного противопоставления «языковых» и «речевых» эвфемизмов, предлагает дополнительную дифференциацию речевых и окказиональных эвфемизмов.

Использование речевых эвфемизмов ограничено узким кругом семейного или дружеского общения. Окказиональные эвфемизмы, по мнению М.Л. Ковшовой, близки к речевым, однако, в отличие от последних, «они создаются на случай, порой единственный, их употребления в речи» [2, с. 54–55]. Оба вида эвфемистических наименований создаются в среде знакомых между собой коммуникантов и могут оставаться неясными для остальных носителей языка. Это обуславливает своеобразную функцию, реализующуюся при использовании подобных единиц – это фатическая, или контактоустанавливающая, функция, способствующая сближению собеседников, относящихся к одной социальной группе.

Однако приведенные выше определения и характеристики не позволяют четко дифференцировать окказиональные и речевые эвфемизмы. Например, исходя из предложенных критериев сложно определить, к какому виду эвфемизмов относятся единицы *Витамин Рэ* (ремень) и *наш котик в ванной самовыразился* (об отправлении животным естественных потребностей) (М.Л. Ковшова определяет их как речевой и окказиональный соответственно, однако полагаем, что второй эвфемизм может быть легко декодирован большинством носителей языка, в то время как первый может использоваться в узком круге лиц).

Схожую классификацию предлагает Р. Рада. Однако в используемой ею терминологии нерегулярно воспроизводимые, незакрепленные в языковой системе и соответственно не зафиксированные в словарях эвфемизмы квалифицируются как окказиональные, а наименования, употребляемые лишь в единичных случаях, – как *Ad-Hoc-Bildungen* (эвфемизмы, созданные «для особого случая»).

Е.П. Сеничкина выделяет лишь окказиональные эвфемизмы, отмечая, что они «обладают всеми свойствами эвфемизмов, кроме готовой воспроиз-

водимости в речи» [7, с. 53]. В качестве примеров она приводит эвфемистические наименования, использованные в различных произведениях художественной литературы (так называемые авторские эвфемизмы), например: *стегать... по спине и по всему, что ни есть у казака* (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба); *часть тела, которая служит более для сидения, чем для катания* (В. Каверин. Исполнение желаний).

Подводя итог анализу языковых и речевых эвфемизмов, следует отметить отсутствие единой точки зрения исследователей данной проблемы на терминологический аппарат, используемый для обозначения рассматриваемых явлений, и на выделение характерных признаков эвфемизмов в зависимости от частоты и эффективности их использования.

Прежде всего, представляется спорной строгое разграничение речевых и языковых эвфемизмов. По мнению О.С. Сахно, эвфемизмы отличаются «именно сочетанием в своем номинативном пространстве моментов объективно-языкового и субъективно-речевого планов. Можно предположить, что эти планы при употреблении эвфемизмов находятся в состоянии динамического равновесия» [6, с. 137]. Иными словами, тот или иной эвфемизм в равной степени может рассматриваться и как факт языка (словаря), и как факт речевой коммуникации.

Будучи обусловленными исключительно специальными требованиями речевого поведения и реализуя свои функции только в условиях речевой коммуникации, эвфемизмы закрепляются в системе языка и возникают на основе языковых средств. Невозможность строгой дифференциации языка и речи, тесную взаимообусловленность этих понятий отмечает Г.В. Колшанский: «Сущность языка и состоит именно в том, что он представляет собой не простой набор единиц, а систему, существующую реально только в виде множества высказываний, другими словами, язык есть прежде всего процесс коммуникации, бесконечный процесс построения фраз» [3, с. 15]. Исходя из этого, целесообразной представляется классификация не на основе принадлежности эвфемизмов к языку или речи, а в зависимости от их способности сохранять или терять эвфемистическое значение за пределами конкретной речевой ситуации или контекста. Под контекстом понимаются как паралингвистические условия общения (экстралингвистический контекст), так и «внутрилингвистические» особенности, предполагающие, что «место каждого отдельного языкового элемента, имеющего относительную номинативную самостоятельность (слово, словосочетание), должно определяться, прежде всего, тем окружением, в котором оно встречается в речевой цепи» (лингвистический контекст, дистрибуция) [3, с. 39].

В связи с этим предпринимается попытка классификации эвфемизмов согласно указанному выше критерию на реальные и потенциальные.

Реальные эвфемизмы воспринимаются таковыми большинством носителей языка вне зависимости от контекста, хотя и обладают эвфемистическим эффектом, варьирующимся в диапазоне от среднего до минимального. Важным признаком реальных эвфемизмов является однозначность их семантики (за ними закреплено, как правило, одно эвфемистическое значение, реализующееся вне зависимости от контекста). Можно предположить, что важнейшим качеством реальных эвфемистических единиц является их способность в любых условиях употребления (в различном контексте, а иногда и вне его) вызывать представления о конкретном предмете или явлении, конвенциональное наименование которого нежелательно по тем или иным причинам.

По своим формально-структурным признакам реальные эвфемизмы представляют собой однословные единицы или устойчивые словосочетания, образованные преимущественно средствами лексического уровня языковой системы путем семантических операций над замещаемой единицей. Прежде всего, это метафоры (*zur ewigen Ruhe eingehen*, досл. *отправиться в вечный покой*, нем. *умереть*; *lady of the night*, досл. *ночная леди*, англ. *проститутка*) и метонимии (*die Bequemlichkeit*, досл. *удобство*, нем. *туалет*; *to powder one's nose*, досл. *пудрить нос*, англ. *идти в туалет*).

Потенциальные эвфемизмы, так же как и реальные, с достаточной степенью регулярности воспроизводятся в коммуникации, относительно легко продуцируются и декодируются участниками общения, однако дифференцирующим признаком служит их значительная обусловленность контекстом, вне которого эвфемистическое значение не будет воспринято и декодировано, и у реципиента не возникнет ассоциаций с табуированным понятием.

Отчасти это обусловлено тем, что подобные эвфемизмы потенциально могут коррелировать с несколькими табуированными понятиями одновременно. Прежде всего, речь идет о единицах, характеризующихся так называемой «диффузной» семантикой. Это местоимения, слова с неопределенной семантикой, гиперонимы. Например, глагол *делать*, не имеющий вне определенного контекста ассоциативных связей с общественно порицаемыми явлениями, в конкретной ситуации может получить эвфемистическое значение *справлять естественную потребность*; с другой стороны, в сочетании с местоимением *это* данный глагол может употребляться в значении *иметь половые отношения*; наконец, в форме совершенного вида (*сделать это*) возможно использование этой же единицы в значении *совершить преступление*.

Кроме того, как отмечалось выше, закрепленность эвфемизма в языке подтверждается его синонимическими отношениями с замещаемой единицей. Однако очевидно, что глагол *делать* не является синонимом упомянутых табуированных единиц.

Как потенциальные могут также быть классифицированы эвфемизмы, представляющие собой заимствованные единицы и термины. Е.К. Павлова отмечает, что подобные единицы, например слова и выражения из медицинской терминологии, могут расцениваться как языковые эвфемизмы, поскольку «они постоянно используются для эвфемистического обозначения определенных денотатов», при этом «смысл выражения сохраняется, происходит только смягчение формы» [5, с. 78]. Однако, как уже отмечалось выше, основным критерием при дифференциации потенциальных и реальных эвфемизмов (в терминологии Е.К. Павловой – языковых и речевых) могут являться лишь прагматические условия коммуникативной ситуации, а также факт сохранения или утраты рассматриваемыми единицами эвфемистического значения в различных контекстах.

З. Лухтенберг приводит ситуацию, когда два врача в разговоре между собой используют узкоспециальные медицинские термины, а не общеизвестные обозначения заболеваний [9, S. 120]. В этом случае используемые в речи термины не являются эвфемизмами, поскольку их употребление не связано с намерением скрыть или смягчить истинный диагноз. Однако такая прагматическая установка может появиться в другой коммуникативной ситуации, участниками которой являются врач и пациент, следовательно, термин будет выполнять функцию эвфемизма.

К потенциальным относится большая часть эвфемизмов политической сферы, что обусловлено их функционально-прагматическими установками. Как отмечает Е.К. Павлова, подобные единицы предназначены «для сокрытия неприглядных, осуждаемых моральными и социальными нормами сторон жизни общества и служат для формирования нужного эмоционально-оценочного восприятия какого-то конкретного дискретного во времени события» [5, с. 78–79]. Будучи употребляемыми чрезвычайно часто, данные единицы теряют свои эвфемистические свойства (эвфемистическая замена становится очевидной, наименование приобретает отрицательный оттенок) и переходят в состав общеупотребительных средств. Например, такие слова как *confrontation*, *conflict*, *operation*, *incident*, появившиеся вскоре после Второй мировой войны, эвфемистически использовались в английском языке в значении *война*, *вооруженное противостояние* вместо слова *war*. Однако сегодня их эвфемистическое значение исчезло, и данные единицы воспринимаются как нейтральные синонимы слова *война*.

Вслед за М.Л. Ковшовой считаем целесообразным выделение окказиональных эвфемизмов как наименований, активно использующихся в идиолектах (т. е. в речи единичных носителей языка) или в определенных социальных группах. Однако не вполне корректно расценивать фатическую функцию как основную коммуникативную задачу данных наименований. Скорее, использование окказиональных эвфемизмов обусловлено в первую очередь индивидуальными привычками говорящего, особенностями его языкового вкуса, жизненным опытом, а не только коммуникативной интенцией сближения с определенной социальной группой.

Таким образом, приходим к выводу, что эвфемизмы необходимо рассматривать не как единицы языка или речи, а как обусловленные контекстом элементы, основанием для дифференциации которых могут служить, во-первых, степень их распространённости в языке (что позволяет отличать окказиональные эвфемизмы от реальных и потенциальных), во-вторых, сохранение ими эвфемистического значения вне зависимости от контекста (это является дифференцирующим основанием при сопоставлении реальных и потенциальных эвфемизмов).

Библиографический список

1. *Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. – Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
2. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
3. *Колианский Г.В.* Контекстная семантика. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 152 с.
4. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 264 с.
5. *Павлова Е.К.* Эвфемизмы как существенный элемент речевой коммуникации (опыт прагматического лингвистического анализа эвфемизмов в языке политики США) // Социокультурное варьирование в языке: сб. науч. тр.; Московский государственный лингвистический университет. – 2001. – Вып. 452. – С. 76–86.
6. *Сахно О.С.* Эвфемизмы как объект и предмет лингвистического описания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2004. – № 4. – С. 136–139.
7. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
8. *Тишина Н.В.* К проблеме определения эвфемизма: эвфемизмы в свете теории прототипов // Вестник МГЛУ. – М., 2004. – Вып. 475. – С. 88–89.
9. *Luchtenberg S.* Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 834. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1985. – 299 S.
10. *Rada R.* Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Akad. Kiado. Budapest, 2001. – 212 S.

«ДРУГОЙ» КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТЕПЕНИ ЭКСПЛИЦИТНОСТИ СУБЪЕКТА ДИСКУРСА (на материале юридических текстов)

Объектом исследования настоящей работы выступает юридический дискурс, который представлен текстами разной жанровой принадлежности. Предмет исследования – эксплицитные и имплицитные средства репрезентации субъекта юридического дискурса как механизмы его позиционирования, выбор которых обусловлен степенью детерминированности субъекта Другим, чувствительной к культурно-специфическим факторам. Автор исходит из предположения, что, вопреки устоявшемуся мнению о безличности юридического дискурса, субъект находит регулярное выражение в составляющих данный вид дискурса жанрах, используя достаточно обширный диапазон единиц, маркирующих его разнообразные ипостаси. Степень экспликации субъекта, детерминированная диалектической связью с Другим, является определяющим критерием категоризации дискурса как институционального или персонализированного. В работе предпринимается комплексное исследование категории субъекта в его диалектике с Другим, выявляются языковые единицы, маркирующие разнообразные ипостаси субъекта в юридическом дискурсе. Качественное и количественное соотношение маркеров субъекта применительно к разным языкам, культурам, историческим эпохам имеет выход в плоскость расширения и углубления изучения данной семиотической категории. В статье отмечается, что жанровые образования юридического дискурса, балансируя между полюсами «институциональность – персональность», развили различные варианты позиционирования субъекта: полная децентрация субъекта, стирание всех его индивидуальных характеристик, самопозиционирование как репрезентанта безликого Другого; ослабление личностного начала за счет определенных лингвистических приемов с целью солидаризации с Другим, разделения с ним ответственности или акцентирования своей дискурсивной роли; позиционирование своей уникальности, автономности, представление себя как субъекта свободной воли, который несет личную ответственность за высказывания.

Ключевые слова: юридический дискурс, субъект дискурса, жанр, средства репрезентации субъекта дискурса, Другой, деперсонализация, институциональный субъект.

Взаимосвязь языка и права традиционно является сферой общих интересов как лингвистов, так и правоведов. В последние десятилетия весьма активно исследуются различные аспекты юридического дискурса (Л.Е. Попова, И.Н. Грязин, Л.Н. Шевырдяева, И.В. Палашевская, Н.В. Овчинникова, И.М. Васильянова, Р. Tiersma, Р. Goodrich, С. Langford и др.). Многочисленные исследования в таких сферах, как язык права, юридический перевод, юридическая терминология, лингвоюридическая экспертиза текстов, исследования отдельных юридических жанров проведены на внушительной практической основе. Одним из менее изученных аспектов юридической дискурсивной проблематики оказывается специфика юридического дискурса, обусловленная особенностями его субъекта как семиотической категории, детерминированной Другим.

В большинстве исследований вышеупомянутых авторов одним из важнейших лингвистических признаков юридического дискурса признается безличность. Отмечается, что юридический дискурс в целом не может быть субъективным и персонализированным, поскольку является продуктом безликого ЗАКОНА. Данные идеи перекликаются с положениями французского постструктурализма, представители которого, провозгласив «смерть субъекта», источниками дискурсов признавали не отдельных индивидов, а то или иное институциональное образование, деперсонализирующее субъек-

екта [1; 2; 5; 8]. Поскольку безличность юридического дискурса никогда не ставилась под сомнение, субъект в многообразии его ипостасей не входил в сферу внимания исследователей.

Идея «смерти субъекта» как источника высказываний, воплощаемая в стирании всех его индивидуальных характеристик, элиминирования «я», замещении понятия «субъект» понятием «скриптор» – фигуры, снимающей претензии на статус детерминанты текста, – нашла отражение в институциональном юридическом дискурсе. Институциональный субъект знает о своей деперсонализации и не допускает позиционирования себя в ипостаси личности, проявления которой вуалирует с помощью определенных языковых знаков [4]. Данное положение иллюстрируют следующие примеры из судебного (1) и законодательных (2), (3) текстов:

(1) *The court thus concludes from these evidences that defendant made an election and chose allegiance to the Emperor of Japan, rather than citizenship in the United States at his majority* (United States v. Minoru Yasui).

(2) *Настоящий Закон устанавливает принципы и определяет основные направления регулирования правовых отношений* (Проект Закона «Об интернете»).

(3) *In the Political Parties, Elections and Referendums Act... section 145 is amended as follows* (Political Parties and Elections Act, 2009).

В примере (1) субъект имплицитно личностное начало, используя в целях самореференции

коллективное имя, маркирующее его институциональную ипостась, манифестируя неразделимость с *Другим*. Второе высказывание – пример искаженной репрезентации субъекта законодательного дискурса, когда место субъекта действия занимают лексемы, обозначающие неодушевленные объекты – правовые акты, используемые с предикатами, характерными для одушевленных лиц: *вступает в силу, прекращает свое действие, предусматривает, устанавливает, определяет, регулирует*. Подобная персонификация правового акта приводит к тому, что он воспринимается адресатом как самостоятельно действующее лицо. Это тот случай, когда субъект стремится «отсутствовать» в дискурсе, прячется за подставным синтаксическим подлежащим, а ЗАКОН «говорит» как будто сам за себя, приобретая черты одушевленности. В примере (3) в целях деперсонализации субъекта используется страдательный залог. Не привязанный к субъекту дискурс получает статус объективного заданного дискурса, что весьма важно с точки зрения правового регулирования общественных отношений в масштабах целого государства, поскольку только объективность как атрибут ЗАКОНА является неперенным условием его обязательности для адресатов. Я-высказывания вызывают гораздо меньше доверия, поскольку исходят от себе подобного, в то время как за бессубъектным пассивом можно усмотреть продукт ЗАКОНА.

Институциональному субъекту юридического дискурса (*Я-как-Другой*) противостоит Субъект-индивид (*Я-как-Я*) – личность, обладающая относительной степенью свободы дискурсивной деятельности, действующая от собственного имени и генерирующая дискурс, в котором находят отражение феноменологические смыслы, личностная квалификация событий, то есть дискурс, как пишет В. Фон Гумбольдт, «напрямую подчиненный произволу говорящего» [3].

Стоит отметить, что в контексте юридического дискурса речь может идти только об относительном характере свободы субъекта: субъект всегда детерминирован *Другим* (будь то дискурсивное сообщество, участником которого он является, общественное мнение или общечеловеческие ценности как высший уровень *Другого*). В качестве примера дискурсивной свободы Субъекта юридического дискурса может служить следующее высказывание:

(4) *I regret that I cannot put into more impressive words my belief that, in their conviction upon this indictment, the defendants were deprived of their rights under the Constitution of the United States (Abrams v. US).*

Как явствует из высказывания, стандартная манера изложения, свойственная институциональному дискурсу, субъект которого выстраивает высказывания, следуя канонам юридической техники,

уступает место более свободной, творческой, метафорической форме персонализированного текста, опирающейся на элементы юридической риторики. Эмоциональная компонента в таком тексте часто преобладает над рациональными структурами дискурса, создавая атмосферу сожаления по поводу несправедливого решения большинства. Необходимость отразить в дискурсе эмоциональное состояние, противопоставить себя большинству, то есть *Другому*, детерминируют выбор в качестве механизмов самопозиционирования местоимений первого лица единственного числа, которые лучше всего отвечают потребности в самовыражении.

Анализ теоретических источников свидетельствует о том, что, несмотря на многочисленные исследования в области средств репрезентации субъекта в дискурсе, вопрос о его маркерах в высказываниях в условиях юридического дискурса не был предметом специального исследования как на материале английского, так и русского языков. Некоторые аспекты данной проблемы можно обнаружить в работах ряда англоязычных исследователей – П. Тирсмы, П. Гудрича, К. Лэнгфорд, Дж. Джорджа [6; 7; 9; 10].

В ходе исследования маркеров субъекта в юридических текстах различных жанров мы пришли к следующим выводам:

1. Вопреки априорно предполагаемой безличности юридического дискурса, субъект находит регулярное выражение в юридических текстах, при этом используется достаточно обширный диапазон единиц, маркирующих его разнообразные, в том числе и личностную, ипостаси.

2. Степень эксплицитности субъекта, детерминированная диалектической связью с *Другим*, является определяющим критерием категоризации дискурса как институционального или персонализированного.

3. Среди черт, присущих институциональному дискурсу, являющемуся прототипическим в правовой сфере, выделяются: 1) устойчивая связь субъекта с дискурсивным сообществом (судейским корпусом, законодательным органом и т. п.), которое управляет иерархией статусных ролей и позиций; 2) деперсонализация, обусловленная чувством отчуждения у субъекта собственных мыслей, действий, собственного «я»; 3) нормативная заданность правовой коммуникации, надзор за соблюдением установленных норм коммуникации; 4) закрепленные стратегии коммуникации; 5) стереотипная коммуникативная ситуация (судебное заседание, составление завещания).

Признаки институционального юридического дискурса можно проследить на примерах (5) и (6):

(5) *FOR THESE REASONS, THE COURT UNANIMOUSLY*

1. Dismisses the Government's preliminary objection... (Budayeva v. Russia, 2008).

(6) На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 191 - 197 и 239.7 ГПК РСФСР, **Верховный Суд Российской Федерации** решил: жалобу Нетупского Павла Иосифовича удовлетворить частично (Решение Верховного суда по делу № ГКПИ 00-1064).

Приведенные высказывания демонстрируют устойчивую связь субъекта с дискурсивным сообществом: коллективное имя субъекта является семантическим содержанием коммуникации, в которой субъект и *Другой* неразделимы. Субъект деперсонализирует высказывания, элиминируя свою личность, скрывая собственное «я» за формой третьего лица и безличными конструкциями; выстраивает дискурс, следуя установленным в дискурсивном сообществе правилам и нормам коммуникации, пользуясь устойчивыми номинациями. И наконец, субъект генерирует дискурс в рамках стереотипной коммуникативной ситуации – судебного заседания.

Среди признаков, позволяющих рассматривать тот или иной текст как гибридный вариант с присущей ему диалектикой персонального и институционального, мы выделяем: 1) генеративно-активную позицию субъекта, который выступает в ипостаси личности (*Я-как-Я*), а не репрезентанта дискурсивного сообщества (*Я-как-Другой*); 2) как следствие, преобладание эпистемического «я», соотносящегося с мыслями, чувствами и убеждениями субъекта, над функциональной характеристикой субъекта как представителя дискурсивного сообщества; 3) выбор языковых средств, подчиняющийся мироощущению субъекта, возможность включения оценочных суждений; 4) институциональный формат коммуникации; 5) ограниченную тематику общения. Последние два признака, имеющие институциональную природу, препятствуют уходу субъекта в сферу персонального дискурса.

Оппозицию «персональное vs институциональное» можно представить как факт индивидуального самовыражения vs факт институционально-ролевой детерминированности субъекта.

4. Жанровые образования юридического дискурса, балансируя между полюсами «институциональность – персональность», развили различные варианты позиционирования субъекта: полная децентрация субъекта, стирание всех его индивидуальных характеристик, самопозиционирование как репрезентанта безликого *Другого*; ослабление личностного начала за счет определенных лингвистических приемов с целью солидаризации с *Другим*, разделения с ним ответственности или акцентирования своей дискурсивной роли; позиционирование своей уникальности, автономности, представление себя как субъекта свободной воли, который несет личную ответственность за высказываемые пропозиции.

Если степень проявления субъектности в персонализированных жанрах, варьируясь от максималь-

ной эксплицитности до полной деперсонализации субъекта, предопределяется преимущественно культурными или личностными факторами, в институциональных юридических жанрах дискурсивное сообщество навязывает субъекту тот или иной способ самопозиционирования, устанавливая допустимые пределы персонализации.

Так, судебское дискурсивное сообщество не допускает использования местоимений первого лица единственного числа в целях репрезентации субъекта, так как в этом случае: 1) создается впечатление независимости отдельного судьи от судебного сообщества, разрушается образ единогодушного суда, его целостность; 2) присвоение дискурса *Я*-субъектом может рассматриваться как стремление самоутвердиться, а не вынести справедливое и беспристрастное решение; 3) «следы» личности субъекта могут подорвать объективность и беспристрастность акта правосудия, поскольку воспринимаются адресатом как чье-то субъективное мнение, а не объективный продукт служителя Фемиды.

Так, когда в одном из судебных решений американский судья С. Брейер ошибочно употребил местоимение *I* вместо *we* (пример 7), тем самым противопоставив себя дискурсивному сообществу, данный факт вызвал огромный резонанс в суде, особенно среди судебных обозревателей, а судья был вынужден принести извинения за ошибку. Подобная реакция позволяет предположить, что судебные решения строго охраняются от любого посягательства на их институциональность.

(7) *In Richards, we considered an Alabama Supreme Court holding that state-law principles of res judicata prevented certain taxpayers from bringing a case (which I will call Case Two)* (South Central Bell v. Alabama, 1999).

Таким образом, манифестируемый отказ от местоимения первого лица единственного числа в дискурсе судебного решения имеет целью устранение субъективности в пользу максимальной объективности, которую придает дискурсу «безликий» *Другой*, представляющий ЗАКОН.

5. В ходе проведенного исследования мы выявили неоднородный диапазон маркеров субъекта в юридическом дискурсе. Этот диапазон включает разные способы его представления: от эксплицитной формы выражения с помощью местоимения первого лица единственного числа до устранения субъекта, «низведения» его в импликацию посредством бессубъектных конструкций.

Среди механизмов, участвующих в позиционировании субъекта выделяются: а) протипические (местоимение первого лица единственного числа и имя собственное), непосредственно соотнесенные с личностью субъекта; б) периферийные, варьирующиеся от единиц, отличающихся от маркера-прототипа менее выраженным эгоцентризмом, до

средств, размывающих границы субъекта, деперсонализирующих его. По мере удаления от центра в периферийной зоне мы выделяем единицы *мы-парадигмы*, ролевые дескрипции, неопределенно-личные конструкции (ближнепериферийная зона), имеющие существенные отклонения от прототипа в силу отсутствия у них соотносительности с личностью говорящего, размытости границ субъекта; безличные конструкции с элиминированным субъектом, которые отличаются максимальной приверженностью к «обезличенности» (дальнепериферийная зона).

6. Русскоязычные и англоязычные жанры юридического дискурса характеризуются универсальными и специфическими вариантами позиционирования субъекта. В англоязычном юридическом дискурсе прямая эго-референция более регулярна, в то время как в жанрах русскоязычного дискурса употребление маркера «я» имеет определенные ограничения в силу разного отношения к автономности личности (индивидуалистичная – коллективистская культура). Так, если в примере (8) субъект особого мнения, судья Верховного суда США, выражает свою позицию с помощью местоимения *I*, в примере (9) субъект, представляющий российскую культуру, редуцирует «я» в безличной конструкции.

(8) *I regret sincerely that I am unable to agree with the judgment in this case, and that I think it my duty to express my dissent* (Dissenting, Lochner v. New York).

(9) *Представляется, что Суд в нарушение принципов конституционного судопроизводства уклонился... от своей главной обязанности* (Особое мнение по Определению Конституционного суда РФ от 02.04.2009 г. № 484-О-П).

Еще одно культурно обусловленное различие можно проследить на примере жанра «жалоба». Судебные жалобы в англосаксонской культуре более формализованы и «обезличены», поскольку традиционно используют коды и стратегии речевого поведения дискурсивного сообщества. Эта особенность стоит за примером (10):

(10) *Plaintiff has suffered physical injuries and mental anguish. Plaintiff has incurred expenses for medical care and treatment* (Complaint).

Субъект русскоязычной жалобы часто при создании текста выбирает языковые средства, соотносимые с его личностью, эксплицирующие его *Я*:

(11) *Мое право самовыдвижения кандидатом в депутаты является прямой формой реализации моего права быть избранным, гарантированного мне... Я утверждаю: невозможно свободное волеизъявление народа, когда... беспричинно отсекается подавляющая часть её населения* (жалоба в Конституционный суд РФ).

Еще одно различие, которое было отмечено нами в ходе анализа фактического материала, свя-

зано со строем английского и русского языков: в русскоязычном юридическом дискурсе для репрезентации субъекта регулярно используются морфологические маркеры первого лица единственного и множественного числа глагола, что не характерно для аналитического английского. Эту закономерность иллюстрирует пример (12):

(12) *На основании части первой статьи 76 излагаю свое особое мнение* (Особое мнение по Постановлению Конституционного суда РФ № 19-П).

В заключение можно отметить, что предложенный алгоритм анализа субъекта в его взаимосвязи с *Другим* на примере центральных жанров юридического дискурса может быть спроецирован на другие юридические жанры, которые не вошли в сферу анализа предлагаемого исследования, а также другие типы дискурса как на материале английского и русского, так и других языков мира.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Крапивкина О.А. Субъект в контексте юридического дискурса (лингвопрагматический анализ). – Иркутск, 2015. – 154 с.
5. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
6. George J. Judicial Opinion Writing Handbook. – Wm. S. Hein Publishing, 2007. – 854 p.
7. Goodrich P. Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. – London: Macmillan, 1987. – 266 p.
8. Lacan J. Ecrits: A Selection. – N.-Y.: W.W. Norton & Company, 1977. – 376 p.
9. Langford C.L. Toward a Genre of Judicial Dissent: Lochner and Casey as Exemplars // Communication Law Review. – 2009. – V. 9. – №. 2. – P. 1–12.
10. Tiersma P.M. Legal Language. – Chicago: University Of Chicago Press, 1999. – 328 p.

Список источников

1. Жалоба в Конституционный суд РФ (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialectic.ru/Konst_sud.htm (дата обращения: 10.10.2014).
2. Особое мнение по Определению Конституционного суда РФ № 484-О-П (2009) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2014).
3. Особое мнение по Постановлению Конституционного суда РФ № 19-П (1998) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим до-

стуга: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2014).

4. Проект закона «Об интернете» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdi.ru/sf/PO08/3-4_31.htm (дата обращения: 12.01.2015).

5. Решение Верховного суда РФ № ГКПИ 00-1064 (2000) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.04.2015).

6. *Abrams v. United States* (1919) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.cornell.edu/supct/html/historics/USSC_ (дата обращения: 05.02.2015).

7. *Budayeva v. Russia* (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echr.com> (дата обращения: 05.02.2015).

8. Complaint [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.millerandzois.com/Sample-](http://www.millerandzois.com/Sample-Uninsured-Motorist-Complaint-District-Court.html)

[Uninsured-Motorist-Complaint-District-Court.html](http://www.millerandzois.com/Sample-Uninsured-Motorist-Complaint-District-Court.html) (дата обращения: 21.09.2014).

9. *Lochner v. New York* (1905) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.cornell.edu/supct/html/historics_0045_ZD1.html (дата обращения: 05.02.2015).

10. Political Parties and Elections Act (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/publications/political-parties-elections-bill.htm> (дата обращения: 23.02.2015).

11. *South Central Bell v. Alabama* (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/supct/html/97-2045.ZO.html> (дата обращения: 26.04.2015).

12. *United States v. Minoru Yasui* (1942) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bss.sfsu.edu/internment/yasui1942.html> (дата обращения: 26.04.2015).

Ухова Лариса Владимировнадоктор филологических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
larissauchowa@mail.ru**Аниськина Наталия Васильевна**кандидат филологических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
yar_nauka@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СПОРНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ*

В статье представлена методика исследования рекламного текста, направленная на выявление особенностей восприятия и интерпретации имплицитной информации в спорных рекламных текстах. Рекламные тексты находятся в зоне повышенной речевой ответственности в силу своего функционирования в законодательном поле. В связи с этим особый акцент их создателями делается на неоднозначность понимания адресатом имплицитно выраженной информации, которая вызывает затруднения и в процессе лингвистической экспертизы текстов. Предлагается поэтапный алгоритм выявления скрытого смысла высказывания в восприятии и интерпретации его целевой аудиторией, включающий в себя лексико-семантический анализ высказываний на основе лингвистических словарей, контекстный анализ высказываний, верификацию полученных данных с учетом современной речевой практики; направленный ассоциативный эксперимент; эксперимент по выявлению особенностей восприятия потребителями лексикографической и рекламной вербальной информации.

В статье представлены результаты исследования спорного рекламного текста, посвященного биологически активной добавке, поскольку в рекламе данной товарной категории часто встречаются нарушения, связанные с имплицитным выражением информации о лечебных свойствах продукта. Сопоставляя данные словарей, Национального корпуса русского языка и результаты ассоциативного и психолингвистического экспериментов авторы приходят к выводу о том, что использование при оценке спорного рекламного текста только лексико-семантического анализа некорректно, так как не позволяет выявить особенности восприятия и интерпретации текста представителями целевой аудитории. При проведении психолингвистического эксперимента респондентами стали люди пожилого возраста (65 лет и старше), поскольку именно этой возрастной категории и адресован анализируемый в статье спорный рекламный текст.

Ключевые слова: рекламный текст, спорный рекламный текст, адресат рекламного текста, имплицитная информация, юрлингвистика, психолингвистический эксперимент, речевое воздействие, рецептивные схемы, коммуникативно-стилевая мимикрия.

Выявление имплицитной информации в рекламном тексте традиционно считается проблемным полем лингвистической экспертизы, поскольку реклама в силу своего функционирования в законодательном поле находится в зоне повышенной речевой ответственности. Как известно, использование имплицитной информации является для создателей рекламных текстов достаточно эффективным и привлекательным приемом, что объясняется несколькими причинами: 1) потребитель воспринимает имплицитную информацию без анализа и критической оценки, так как выводит ее сам, а следовательно, принимает ее такой, какой она подается, и не требует доказательств; 2) поскольку имплицитная информация не выражена явно, рекламиста и рекламодателя труднее привлечь к юридической ответственности. Таким образом, на основе имплицитной информации строится прием латерального (побочного) программирования – воздействие на человеческое поведение в обход сознания и воли потребителя [8, с. 218].

Как отмечает И.А. Стернин, «скрытый смысл выражается автором текста с использованием языковых единиц и конструкций, при восприятии

которых реципиентом легко реконструируются определенные, регулярно актуализируемые в данной культуре мыслительные (когнитивные) схемы интерпретации того или иного типа высказываний. При этом устанавливается содержательная эквивалентность выраженного в тексте эксплицитного (явного) значения языковых единиц и реконструируемого реципиентом скрытого смысла» [10, с. 270]. Такие когнитивные схемы восприятия текста (в том числе и рекламного) исследователь предлагает назвать *рецептивными* схемами, «то есть свойственными сознанию людей схемами понимания скрытого смысла языковых выражений» [10, с. 270].

Практика показывает, что обычно для оценки подобных, так называемых *спорных* (термин юрлингвистики), рекламных текстов проводится исключительно лексико-семантический анализ, однако, на наш взгляд, такой подход не позволяет получить объективных результатов. Задачи экспертизы наиболее эффективно помогает решить комплексное исследование, включающее психолингвистический эксперимент, который направлен на выявление особенностей восприятия и интерпретации спорного текста целевой аудиторией. Несмо-

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 01201455067).

тря на то, что опросы не являются инструментом собственно лингвистического исследования, по мнению А.Н. Баранова, проведение психолингвистического и социолингвистического экспериментов в данном случае совершенно оправдано. Безусловно, важно, чтобы при этом в эксперименте участвовали представители именно той демографической группы, которой и был адресован рекламный текст.

В рамках данной статьи предлагаем алгоритм исследования спорного текста на примере рекламы биологически активной добавки. Выбор данной товарной категории не случаен, так как для рекламы подобных товаров особенно характерно использование «рецептивных схем». Дело в том, что согласно ФЗ «О рекламе» в рекламе БАДов не допускается указание на лечебные свойства объекта рекламирования [11], однако наличие именно такого указания делает текст убедительным для потребителей и побуждает их совершить покупку. Рекламодатели стремятся завуалировать информацию о лечебных свойствах продукта, выразить ее имплицитно еще и для того, чтобы избежать штрафных санкций.

Материалом для исследования послужили тексты радиорекламы пищевого продукта (ПП) из бурых морских водорослей, неоднократно становившиеся предметом административных и судебных разбирательств между УФАС и компанией, выпускающей этот продукт. Поскольку тексты, рекламирующие ПП, являются довольно объемными, для анализа были отобраны отдельные высказывания, содержащие имплицитную информацию, а именно те фразы из рекламных текстов ПП, в которых, согласно определению УФАС, выявлены признаки нарушения ФЗ «О рекламе»: *способствует очищению сосудов и капилляров от атеросклеротических отложений, способствует нормализации сахара в крови, способствует нормализации артериального давления, применяется в качестве профилактического продукта при многих заболеваниях, нормализует обменные процессы в организме.*

Для того чтобы определить содержит ли реклама указание на лечебные свойства объекта рекламирования, необходимо было провести исследование, включающее несколько этапов:

- 1) лексико-семантический анализ высказываний на основе лингвистических словарей,
- 2) контекстный анализ высказываний,
- 3) верификация полученных данных с учетом современной речевой практики (для чего использовались данные «Национального корпуса русского языка» – далее НКРЯ),
- 4) проведение направленного ассоциативного эксперимента для выявления ментальных представлений россиян о таких ценностных категориях, как «здоровье» и «забота о здоровье» [1, с. 191–192];

5) проведение психолингвистического эксперимента для выявления особенностей восприятия потребителями лексикографической и рекламной вербальной информации.

Такое поэтапное и многоаспектное исследование спорного рекламного текста необходимо: каждое из отобранных слов, взятое в отдельности, не может служить указанием на лечебные свойства продукта, однако в тексте слова не воспринимаются изолированно. Как отмечает Г.В. Колшанский, «семантика языковых единиц раскрывается лишь в коммуникативных отрезках» [5, с. 39], именно контекст позволяет снять многозначность слова. Имплицитно выраженная информация возникает за счет использования семантических и коммуникативных пресуппозиций, а также за счет апелляции к концептам, отражающим национальное языковое сознание. В связи с этим логично предположить, что совместное употребление проанализированных выше слов вполне может быть воспринято потребителем как указание на лечебные свойства объекта рекламирования.

Нередко при проведении экспертизы рекламных текстов специалисты ограничиваются только первыми двумя этапами, однако, на наш взгляд, это не вполне корректно, так как данные словарей и анализ контекста часто не отражают особенностей языковой картины мира, характерной для потребителей рекламируемого товара. Восполнить этот пробел помогает работа с НКРЯ, а также изучение концептов, связанных с содержанием исследуемых рекламных текстов.

На этапе лексико-семантического анализа проводилось исследование данных словарей об особенностях значения и употребления отдельных слов, входящих в спорные высказывания. Особое внимание уделялось тем лексемам, которые играют ключевую роль в рекламном тексте (используются несколько раз, имеют развернутые синонимические и словообразовательные ряды). В частности, для оценки указанного рекламного текста нами были выбраны следующие лексемы: *способствовать, нормализация/нормализовать, профилактика/профилактический.*

Анализ словарных статей показал, что слово *профилактический* имеет следующие значения: 1) относящийся к профилактике (*профилактическая медицина, профилактическая прививка, профилактическое направление здравоохранения, профилактический ремонт машин*); 2) предназначенный, служащий для профилактики (*профилактические средства, профилактические кабинеты*) [3; 9].

Как можно заметить, сами формулировки значений не включают сему ‘*имеющий отношение к медицине*’, однако большинство примеров, напротив, указывают на наличие такой семы в этом слове. Показательны и включенные в словарные статьи литературные иллюстрации: *В каждой*

семье должно быть предоставлено большое место врачу, его совету, его санитарному и профилактическому руководству (Макаренко. Книга для родителей); И Толе тоже надо будет немедленно измерить температуру, хорошо бы и банки поставить профилактически (Чаковский. Блокада) [9].

Однако анализ словарных статей, посвященных слову *профилактика*, показал, что в его значении сема 'имеющий отношение к медицине' не столь важна, о чем свидетельствует выбор примеров: *профилактика заболеваний, профилактика преступности* [3]; *профилактика и ремонт автомобилей* [9]. Вместе с тем тот же анализ показал, что данное слово не содержит указания на лечебный характер чего-либо или способность предотвращать заболевания (не содержит семы 'лечение'), поскольку связано с сохранением нормального состояния, то есть с сохранением здоровья, но не лечением заболеваний.

Анализ словарных статей, посвященных слову *нормализовать* (давление, обменные процессы), позволяет сделать вывод о том, что его использование также не может служить прямым указанием на лечебный эффект, поскольку обменные процессы, давление, уровень сахара и пр. сами по себе не являются заболеванием, а глагол *нормализует* лишь указывает, что рекламируемый продукт приближает эти процессы (уровни) к норме, делает нормальными: *нормализовать экономику, нормализовать снабжение Москвы продовольствием, нормализовать обмен веществ, нормализовать семейные отношения, последовательно нормализовать международную обстановку* [3]; *нормализация отношений, нормализация торговли* [9]. Очевидно, что семантика данного слова не содержит прямого указания на лечение/лечебный эффект.

Согласно данным словарей не имеет такого указания и слово *способствовать*: 1) оказывать помощь; содействовать (*способствовать успеху; способствовать выздоровлению; В этом начинании я готов вам всячески способствовать*); 2) быть причиной, средством осуществления чего-л., делать возможным что-л. (*Погода в этом году способствовала урожаю; Вечерние прогулки способствуют укреплению нервной системы*) [3]. В словаре С.И. Ожегова указывается, что это слово означает 'помогать возникновению, развитию чего-н.' [7].

Подтверждает этот вывод и анализ литературных примеров, представленных в словарных статьях: [*Журналы*] способствовали к распространению у нас новых понятий и взглядов (Белинский. Литературные мечтания); Я очень рада, моя милая, что так устроилось, и готова способствовать твоему счастью всем, чем могу. (А. Островский. Лес) [9].

Таким образом, лексико-семантический анализ высказываний на основе лингвистических слова-

рей не позволяет говорить о том, что отобранные лексические единицы содержат прямое указание на лечебные свойства рекламируемого товара, однако словари, как известно, не всегда отражают актуальное значение слова – значение, в котором слово чаще всего используется в современной речевой практике. Для верификации результатов лексико-семантического анализа мы обратились к данным «Национального корпуса русского языка». Для сопоставления использовались только современные нехудожественные тексты, так как именно к этому типу относятся и анализируемые высказывания.

Слово *профилактика* встречается в 219 текстах созданного подкорпуса и употребляется в следующих контекстах:

- 1) профилактика заболеваний – 131 текст,
- 2) профилактика правонарушений – 50 (в том числе экстремизма – 9, наркомании – 7),
- 3) бытовая и производственная профилактика – 18 (в том числе профилактика техники – 13),
- 4) противопожарная профилактика – 9,
- 5) профилактика ДТП – 2,
- 6) прочее – 9.

Очевидно, что 60% контекстов употребления исследуемого слова связаны с медициной, а потому можно предположить, что именно это значение слова *профилактика* первым актуализируется в сознании носителя современного русского языка.

Аналогичная ситуация наблюдается и в практике использования слова *нормализовать*: из 49 примеров 22 (45%) относятся к медицинской теме, 16 примеров (32,6%) – к политике и еще 12 (24,5%) – к другим темам. Показательно и использование слова *нормализовать* в следующем контексте: «Если вернуться к началу нашего разговора, к теме болезненного состояния наших СМИ – какой еще набор лекарств сможет нормализовать ситуацию?» (Евгений Абов, Виталий Куренной. Газета – ценный актив // Отечественные записки. 2003). Использование метафоры «ситуация в обществе – болезнь» свидетельствует о том, что носители языка осознают наличие семы 'лечить' в семантике слова *нормализовать*, хотя этот факт и не зафиксирован в словарях.

Отличается только практика использования слова *способствовать* (всего 1451 пример), у которого лишь 5% контекстов относятся к теме медицины.

Таким образом, анализ данных НКРЯ позволяет понять, что в структуре значения выбранных слов семы 'лечение' и 'отношение к медицине' играют гораздо более важную роль, чем это зафиксировано в их лексикографическом описании. Однако в тексте слова не воспринимаются изолированно, поэтому на следующем этапе был проведен контекстный анализ высказываний – исследование семантики выбранных слов с учетом контекстов, в которых они используются. Данные, полученные

на первом и втором этапах, учитывались при отборе стимульного материала для проведения психолингвистического эксперимента и интерпретации его результатов.

Очевидно, что проанализированные ранее слова употребляются в контекстах, насыщенных медицинскими терминами и словами, входящими в лексико-семантическое поле «лечение» [6]:

1) компоненты рекламируемого продукта: *полисахарид ламинарии, витамины А и Е, фукоидан, ламинарин, селен, микроэлементы, альгиновая кислота* и т. д.;

2) органы/части тела и процессы, происходящие в них: *сосуды, капилляры, глазное яблоко, кровоснабжение глаз, стенки сосудов, зрение, микроциркуляция крови, тромбообразование*;

3) заболевания и их симптомы: *атеросклеротические отложения, отеки, трофические нарушения, комплексная терапия атеросклероза, сердечно-сосудистые заболевания*, и т. д.

При характеристике самого рекламируемого продукта неоднократно повторяются слова *диетический* и *лечебный*, что, с одной стороны, обусловлено полным наименованием продукта (*пищевой продукт для диетического и лечебного питания*), но, с другой стороны, безусловно, способствует повышению «медицинского градуса» текста. В среднем в исследуемой рекламе на каждую тысячу словоупотреблений приходится 318 слов, относящихся к лексико-семантическому полю «лечение», в чем, без сомнения, можно усмотреть проявление коммуникативно-стилевой мимикрии¹. Нельзя не отметить и насыщенность рекламных текстов лексикой с положительной оценкой: слово *ценный* сообщает о том, что продукт *‘имеет важное, существенное значение’* [БТСРЯ], *сбалансированный* – создан *‘с правильным соотношением частей, элементов чего-л.’* [БТСРЯ], *питательный, полезный* и т. д.

В то же время в тексте нет прямого указания на лечебный эффект рекламируемого продукта, все выбранные нами фразы относятся не к самому продукту, а к его компонентам, например: *«Все минеральные вещества водоросли представлены органическими водорастворимыми солями и поэтому легко нами усваиваются. И процентное соотношение микроэлементов соответствует плазме человеческой крови. <...> Все это способствует нормализации артериального давления»*; *«Продукт содержит водорослевую альгиновую кислоту, которая освобождает наш организм, наши суставы от неорганических солей, от шлаков, от токсинов»*, *«А вот входящий в состав водоросли витамин К способствует восстановлению наступающих с возрастом повреждений стенок сосудов, уменьшает отеки»* и т. д.

В данном случае мы встречаемся с таким традиционным способом выражения имплицитной

информации, как следствие, причем это следствие выводится «на одном или двух шагах рассуждения», а потому находится близко к эксплицитной части семантики высказывания [2, с. 51].

Следующим этапом стал психолингвистический эксперимент по выявлению особенностей восприятия и интерпретации лексикографической и рекламной вербальной информации. На наш взгляд, наиболее репрезентативные результаты должны были быть получены в социальных (образование, профессия), возрастных и гендерных группах, поэтому именно эти параметры были заложены в констатирующую часть разработанной анкеты. Кроме того, в анкету был включен стимульный материал с вариантами ответов, как соответствующих дефинициям, зафиксированным в словарных статьях, так и содержащих данные НКРЯ и лексемы *‘лечит’*, *‘способствует выздоровлению’*. Респондентам необходимо было выбрать (подчеркнуть) нужное с их точки зрения значение слова.

В эксперименте приняли участие 10 человек – 6 женщин и 4 мужчины возрастной группы 65 лет и старше. Из них 8 человек имеют среднее специальное образование и 2 человека – высшее. Такое ограниченное число участников объясняется особенностью направленного ассоциативного эксперимента: направленность ассоциации делает ее значительно более сосредоточенной, сокращает разброс (за счет снятия ненаправленных реакций) и потому позволяет, в отличие от свободного ассоциативного эксперимента, ограничиться значительно меньшим числом информантов для получения надежных данных.

На стимульную реплику *«Заботиться о своем здоровье – это...»* были получены следующие реакции: 1) вести здоровый образ жизни – 22 реакции; 1) посещать врача и следовать его рекомендациям – 7 реакций; 3) заботиться о духовном здоровье (общаться с друзьями, ходить в церковь и т. д.) – 4 реакции. Следовательно, для большинства респондентов данной возрастной категории забота о здоровье включает в себя превентивные меры, скорее предупреждающие болезнь, нежели связанные с ее лечением.

Стимульная реплика *«Для Вас здоровье – это...»* позволила получить следующие реакции: *хорошее настроение* (8 реакций), *не болезнь, хорошее самочувствие* (5 реакций), *здоровый образ жизни* (2 реакции), *жизнь* (2 реакции), *успех, красота, бодрость, работа, общение*. Как видно из ответов, здоровье воспринимается и понимается респондентами уже не только на физическом, но и психологическом и социальном уровнях, хотя ради справедливости следует заметить, что это все же единичные реакции.

На реплику-стимул *«Для Вас здоровый – это...»* были получены следующие реакции: *жизнь*

нерадостный (6 реакций), *активный* (6 реакций), *не больной* (3 реакции), *общительный* (2 реакции), *трудоспособный* (2 реакции), *уравновешенный, современный, подтянутый, ухоженный, сильный*.

Практически все респонденты не доверяют рекламе лекарственных препаратов в СМИ, однако при этом продолжают следить за рекламной информацией и в периодической печати (20% опрошенных), и на телевидении (50%), и на радио (30%), причем предпочитают развернутые рекламные тексты, в которых содержится подробная информация, аргументация и иллюстрирующий материал.

Важным в рамках настоящего исследования являлся вопрос об отношении респондентов к биологически активным добавкам (БАД), которые позиционируются на рынке лекарственных средств как изделия, НЕ являющиеся лекарственными препаратами. Однако ответы респондентов показали, что те из них, кто пробовал использовать БАДы в практике своего лечения, считают их бесполезными (70% опрошенных), а остальные никогда не прибегали к такого рода терапии. Следовательно, несмотря на то, что респонденты этой возрастной категории отрицают возможность/необходимость медикаментозного лечения, к нелекарственным препаратам все же относятся скептически.

На последнем этапе респондентам были предложены фразы, содержащие информацию, имплицитно указывающую на лечебные свойства продукта. Результаты показали, что практически всех респондентов, независимо от пола, предложенные высказывания убедили в том, что продукт может оказывать лечебный эффект. Такие реакции были получены на коммуникативные отрезки *‘способствует очищению сосудов и капилляров от атеросклеротических отложений’*, *‘способствует нормализации сахара в крови’*, *‘способствует нормализации артериального давления’* (100% ответов). Не всех респондентов убедили в лечебных свойствах продукта фразы *‘применяется в качестве профилактического продукта при многих заболеваниях’* (80%) и *‘нормализует обменные процессы в организме’* (50%). Однако если учесть, что в презентации рекламируемого продукта используются все эти коммуникативные отрезки, то можно считать, что данный рекламный текст обладает коммуникативной эффективностью и побуждает реципиента к нужному для рекламодателя выводу (а впоследствии, возможно, и поступку).

Следовательно, можно утверждать, что рекламные тексты, содержащие имплицитно выраженную информацию, обладают мощным коммуникативным эффектом, позволяющим склонить потребителя к нужным рекламодателю действиям. Проведенное исследование показало, что методы лингвистической экспертизы оказываются нерелевантными в оценке рекламных текстов, содер-

жащих имплицитно выраженную информацию. В таких случаях эффективнее прибегать к психолингвистическим процедурам, результаты которых позволят с большой долей объективности оценить спорный рекламный текст.

Примечание

¹ Под **коммуникативно-стилевой мимикрией** понимается намеренная подмена одной речевой ситуации другой с целью скрыть/«замаскировать» истинную интенцию автора. При этом новая ситуация диктует использование соответствующего арсенала функционально-стилистических средств языка (*прим. авт.*).

Библиографический список

1. Анишкина Н.В. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»: к проблеме оценки спорного рекламного текста / Н.В. Анишкина, Л.В. Ухова // Понимание в коммуникации – 7: сб. науч. трудов / под общ. ред. Е.Г. Борисовой. – Коломна, 2015. – С. 187–194.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Имплицитность в языке и речи / под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Коливанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.
6. Лоскутова Д.Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 22 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2010.
8. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2, 3.
10. Стернин И.А. Выявление скрытых смыслов текста и лингвистическая экспертиза // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве: сб. науч. трудов / под общ. ред. Е.Г. Борисовой, Н.В. Анишкиной: в 3 т. – М.; Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – Т. 2. – С. 270–272.
11. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/advert> (дата обращения: 22.08.2015).

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПРОФЕССИЙ В НЕМЕЦКО-РУССКИХ И РУССКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена немецким наименованиям лиц по профессии в сфере железнодорожного транспорта на начальном этапе его развития с 30-х гг. XIX в. до начала XX в. В публикации дается краткая классификация железнодорожных профессий по характеру труда, изучаются наиболее распространенные способы словообразования наименований, а также прослеживаются семантические изменения ряда названий с течением времени, затрагивается процесс перехода неологизмов в разряд устаревших слов в связи с модернизацией отрасли. Указываются языки, из которых происходит значительная часть заимствований железнодорожных терминов в период становления отрасли. Объясняются причины принадлежности большинства наименований лиц по профессии к разряду имен существительных мужского рода. В работе рассматриваются профессии как исключительно железнодорожные, так и из других областей, которые нашли применение на железной дороге. Источником языкового материала послужили общие и технические переводные словари (немецко-русские и русско-немецкие), вышедшие в конце XIX в. – начале XX в., которые в настоящее время являются редкими изданиями. Словари анализируются с точки зрения наличия в них железнодорожных терминов и особенностей их перевода. В статье также названы отечественные лингвисты, которых интересовала смежная проблематика: наименования лиц, категория профессионального деятеля в целом и в конкретных сферах как на материале русского, так и немецкого языков. Не существует отдельных исследований, посвященных наименованиям железнодорожных профессий на материале немецкого языка, в связи с чем данная статья представляется актуальной.

Ключевые слова: наименования лиц по профессии, железнодорожные профессии, немецкая железнодорожная лексика.

Возникновение железнодорожной отрасли в странах Европы и Америке привело к появлению большого количества новых наименований лиц по профессии. Это породило историческую и лингвистическую проблему, связанную с их изучением и выявлением закономерностей образования названий железнодорожных специальностей.

Исследования по номинациям профессий в российской лингвистике начались с 60-х годов XX в. и охватывают период в последние полвека. Отечественных ученых интересовали различные аспекты проблемы. Структурно-семантические характеристики затронуты в работах А.И. Моисеева [7], лингвокогнитивный анализ был проведен Е.И. Головановой [2], историко-этимологическая сторона вопроса интересовала Л.А. Шкакову [15]. Они исследовали проблему в целом, безотносительно какой-либо отрасли профессиональной деятельности. Были ученые, которые изучали наименования лиц по профессии в конкретной сфере, например, словообразовательную и историко-лексикологическую характеристику наименований спортсменов в русском языке дала А.С. Авакова, педагогов – Л.Н. Маляренко [4], исследование номинаций в области ремесленно-промышленного производства на материале английского языка представлено Н.В. Шиловой [14].

Иноязычные обозначения лиц по роду деятельности таких европейских языков, как английский, немецкий, французский также вскоре стали предметом исследования ученых. Работа К.С. Мейрмановой [5] касается системных и коммуникативных аспектов наименования лица в современном немецком языке, структуру и семантику номинации

лиц по профессии изучали Е.Ю. Новикова [10], Н.В. Кожанова [3]. Ранее анализу наименований лиц по профессии в сфере железнодорожного транспорта на материале немецкого языка отдельного внимания не уделялось. Между тем с этой отраслью связан большой пласт человеческой деятельности.

Немецкая железнодорожная лексика еще не создала на период конца XIX – начала XX вв. своего собственного расширенного словаря и содержалась во многих словарных изданиях как общего, так и технического характера. Нами изучены наименования лиц по профессии на железной дороге в словарях различного типа: в «Немецко-русском словаре (Энциклопедии немецкого языка)» 1911 года издания [9], «Немецко-русском военнотехническом словаре», выпущенном в 1887 г. [8], а также «Русско-немецком военнотехническом словаре» 1872 г. [11].

«Русско-немецкий военнотехнический словарь» 1872 г. [11] включает в себя незначительное количество терминов, относящихся к железнодорожному транспорту. Объясняется это тем, что в военном деле того времени рельсовый транспорт использовался главным образом для переброски войск и техники на платформах, в пассажирских и грузовых вагонах. Расширение словарного запаса, имеющего отношение к железным дорогам, приходится в русском языке в основном на конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в., когда в России оформились контуры рельсовых путей, тянувшихся на запад против возможных противников в лице Германии и Австро-Венгрии.

Стоит отметить, что «Немецко-русский военнотехнический словарь» 1887 г. [8] содержит в себе

гораздо больший пласт железнодорожной лексики, что связано с завершением формирования немецкой сети путей сообщения.

Судя по словарям, профессии на железной дороге в Германии достаточно разнообразны, иерархичны и точно отмечают не только специализацию человека, но также, прямо или косвенно, его социальный статус. В связи с этим профессиональную железнодорожную лексику можно подразделить на несколько пластов:

1. Первый из них относится к наименованиям лиц, которые проектируют рельсовые пути, привязывают их к местности и ведут строительство путей с первого этапа – расчистки будущего полотна железной дороги. Это инженерно-технический состав и рабочие, воплощающие в жизнь проекты: *der Geolog* ‘геолог’, *der Kartograph* ‘картограф’, *der Erdmesser* ‘землемер, геометр’, *der Dräni(e)rer* ‘дренажник’ [9].

2. Другой пласт образуют названия рядовых строителей, занятых возведением насыпей, засыпкой щебня, укладкой шпал и рельсов. Как правило, это чернорабочие: *der Dämmer* ‘рабочий на заградительных, земляных работах’, *der Plani(e)rer* ‘планировщик, ровняльщик (при земляных работах)’, *der Sandkärrner* ‘возчик песка’, *der Schienenleger* ‘укладчик рельсов’ [9]. К этой же категории относятся лица несколько более высокой квалификации: *der Schachtmeister* ‘десятник над землекопами’, *der Oberbauvorarbeiter* ‘старший укладчик пути, артельный староста, десятник’ [8] и др.

3. Значительную группу составляют наименования людей, занятых на уже возведенных железных дорогах и самом железнодорожном транспорте. Ведущую роль здесь играют работники, которые непосредственно обслуживают технику и пассажиров. Во-первых, это машинисты разных рангов, их помощники: *der Maschinist*, *der Lokomotivführer*, *der Maschinenführer* ‘машинист’ [8; 9], *der Maschinenmeister*, *der Maschinenwärter* ‘машинист’ [9], *der Oberlokomotivführer* ‘старший машинист’ [8], *der Obermaschinenmeister* ‘главный или старший машинист’ [9]. Сюда же относятся *der Conducteur* ‘кондуктор’, *der Remonteur* ‘ремонтёр’ [11], *der Kuppler* ‘сцепщик’, *der Oberbremsler* ‘старший тормозильщик’, *der Schmierer* ‘смазчик’ [8]. Многие из профессий имеют прямое отношение к заводским специальностям: *der Mechaniker*, *der Mechanikus* ‘механик’ [11], *der Heizer* ‘истопник, кочегар’, *der Maschinenschlosser* ‘слесарь-механик’, *der Maschinenaufseher* ‘монтер’ [9] и др.

4. Поезд включает в себя не только пассажирские, но и грузовые вагоны различных типов с обслуживающим их персоналом. На грузовых станциях имеются такие особые профессии, как *der Güterbeschrauber* ‘надсмотрщик за товарами, таможенный надсмотрщик’, *der Güterbestätiger* ‘от-

правитель товаров, упаковщик’, *der Güterschreiber* ‘служащий на товарной станции’, *der Expeditionsvorsteher*, *der Expeditionsleiter* ‘заведующий или директор транспортной конторы’ [8] и др.

5. С 30-х гг. XIX в. на железнодорожных станциях появился телеграф и обслуживающий его персонал: *der Telegraphenbeamte*, *der Telegraphist* ‘телеграфист’, *der Telegraphenamtsleiter* ‘начальник телеграфной станции’, *der Telegrapheningenieur*, *der Telegraphentechniker* ‘инженер-электротехник’ [9].

Номинация железнодорожных профессий в немецком языке, как и в других языках, является результатом длительного развития как общеупотребительной лексики, так и профессиональной. При анализе соответствующих названий можно выделить два крупных разряда. Первый из них связан с профессиями, встречающимися в различных отраслях, тогда как второй – с конкретной терминологией железнодорожного дела. Однако при этом происходил процесс, когда общетехнический или общеупотребительный термин приобретал дополнительные оттенки значения в железнодорожной отрасли. Например, слово *der Schlosser* ‘слесарь’, обозначавшее ранее мастерового, занимавшегося обработкой металлов, получило более сложное профессиональное значение. Так, в железнодорожных мастерских и депо слесарь занят ремонтом сложных агрегатов и механизмов парового двигателя и ряда других узлов локомотива. Таким образом, хотя профессия и сохраняет прежнее наименование *der Schlosser*, но в железнодорожной терминологии имеет свое специфическое значение.

Слово проводник – *der Schaffner* – многозначно. До возникновения рельсовых путей сообщения оно чаще всего обозначало в немецком языке управляющего человека, и имеющего достаточно высокий ранг. В железнодорожной отрасли произошел семантический перенос, и проводник стал обозначать человека более низкого ранга – управляющего в вагоне, который размещал по местам пассажиров, следил за освещением, отоплением и чистотой. Впоследствии термин приобрел специфически железнодорожное значение и перестал использоваться для обозначения просто управляющего. Так, в современном словаре *der Schaffner* ‘1. кондуктор, проводник (пассажирского вагона), 2. устар. управляющий’ [1].

В статье рассматриваются наименования лиц по профессии, относящиеся к обоим пластам: как возникшие исключительно при номинации реалий железнодорожной сферы, так и лексемы, заимствованные из других областей, но нашедшие применение на железной дороге.

С точки зрения словообразования наименования лиц по профессии рассматриваемой отрасли в немецком языке можно подразделить на следующие группы:

1) производные, то есть слова, состоящие из корня и словообразующего аффикса [13, с. 67] (*der Dämmer* ‘рабочий на земляных работах’, *der Schmierer* ‘смазчик’ [9], *der Sortierer* ‘сортировщик’ [11]);

2) сложнопроизводные, в образовании которых одновременно участвуют словосложение и суффиксальное словопроизводство [13, с. 70] (*der Oberbauvorarbeiter* ‘старший укладчик пути’, *der Verladeaufseher* ‘начальник товарной станции’ [8]);

3) образованные путем субстантивации, то есть перехода из других грамматических классов слов в класс существительных без применения каких-либо словообразовательных средств [12, с. 100] (*der Packhofsbeamte* ‘служащий пакгауза’, *der Schalterbeamte* ‘кассир’ [8]).

В отличие от достаточно распространенных в современном немецком языке наименований профессий, образованных при помощи аббревиации, в словарях XIX – начала XX вв. подобных лексем нами не выявлено. Это можно объяснить тем, что на тот период времени язык не освоил еще данный способ словообразования, а также тем, что железнодорожное дело было достаточно новой отраслью.

При аффиксном образовании для обозначения рода деятельности лиц мужского пола в немецком языке, как правило, используются суффиксы *-or*, *-ist*, *-ant*, *-eur*, *-eut*, *-ier*. Однако универсальным средством словообразования в этом случае является суффикс *-er*. Кроме того, могут также использоваться суффиксы *-ner*, *-ler*, которые принято рассматривать как расширенные варианты суффикса *-er* [12, с. 160]. Первоначально *-n*- и *-l*- входили в состав основы слова, однако после сдвига слоговой границы эти новообразования превратились в самостоятельные суффиксы (*der Kärner* ‘тачечник’, *der Oberschaffner* ‘обер-кондуктор’, *der Tischler* ‘столяр’ [9]). Для наименования ряда лиц по профессии используется также суффикс *-or* (*der Güterinspektor* ‘начальник товарной станции’, *der Streckenrevisor* ‘ревизор пути’ [8]). Слова французского происхождения, вошедшие в немецкий язык, имеют суффикс *-eur* (*der Oberconducateur* ‘оберкондуктор’ [11], *der Maschineningenieur* ‘инженер службы тяги’ [8]).

Ряд терминов имеют такой тип образования, когда одна их часть, чаще первая, является заимствованным иностранным словом, а вторая – немецким, например, *der Colonnenführer* [8] ‘укладчик рельсов на дороге’. Подобная модель словообразования характерна для многих европейских языков, но все же следует сказать, что в целом в рассмотренных словарях нами не выявлено большого количества подобных конструкций. Существуют также термины, в которых одна часть заимствована из одного языка, а вторая – из другого, например, *der Sektionsingenieur* ‘начальник желез-

нодорожного участка’ [9], *die Sektion* взято из латинского языка, *der Ingenieur* – французское слово. Но таких терминов в немецком языке крайне мало.

Для наименования одной и той же профессии в немецкоязычных странах существуют различные региональные варианты. Например, ‘начальник тракции и тяги’ в литературном немецком языке – *der Maschinenmeister*, а в австрийском варианте языка – *der Verkehrschef* [9].

Следует обратить внимание на то, что в немецких словарях конца XIX – начала XX вв. достаточно редко по сравнению с современными изданиями указывалась принадлежность деятеля к мужскому или женскому полу. Это связано с тем, что феминистское движение в Германии особенно активизировалось лишь в 70-е гг. XIX в., а также с тем, что в железнодорожной сфере работали первоначально главным образом мужчины, а если и были заняты женщины, то профессии, которыми могли владеть оба пола, обозначались только в мужском роде, особого внимания гендерным различиям не уделялось.

Как указывается в статье А.И. Моисеева, основная доля наименований специальностей приходится на долю имен существительных [6, с. 140]. Таким образом, кроме суффиксов грамматическим средством выражения рода принадлежности выступает и артикль. Но имеются сложные существительные, опорным компонентом которых является причастие, и эти слова могут употребляться для обозначения лиц как мужского, так и женского рода. Однако на примере рассматриваемых нами словарей видно, что подобным существительным дано обозначение лиц мужского рода, так как авторы опираются на реалии современной им железнодорожной практики. В этой отрасли работали первоначально преимущественно мужчины. Например, *der Packhofsbeamte* ‘служащий пакгауза’, *der Bahnhofbeamte* ‘служащий на станции’, *der Streckenbeamte* ‘начальник околотка’ [8] и др.

В немецком и русском языках не всегда совпадает количество лексем, используемых для обозначения лица по профессии. Некоторым русским однословным наименованиям в немецком языке могут соответствовать сложные слова, состоящие из двух и более корней, например, *der Wagenmeister* ‘десятник’, *der Maschinenwärter* ‘машинист’, *der Nieteinschlag* ‘заклепщик’ [9] и многие другие. Из приведенных примеров видно, что если в русском языке для образования новых слов чаще используются суффиксы, обозначающие лицо, выполняющее какую-либо деятельность, то в немецком языке широко распространены сложные слова, состоящие из нескольких основ.

В рассматриваемых словарях не встречается устаревших названий профессий в железнодорожной отрасли, так как эти издания охватывают первоначальный период ее становления, и в них

включены слова, которые только начинают входить в общее употребление. Поэтому ни одной лексемы с пометой «архаизм» среди номинаций, связанных со сферой железнодорожного транспорта, в данных словарях нами не выявлено. Зато встречается ряд наименований, которые в настоящее время устарели и по различным причинам отсутствуют в современном языке. Например, профессия тормозного кондуктора (*der Bremser, der Bremsenwärter* [8]) характерна для начального этапа рельсовых путей, когда в каждом вагоне имелся служащий, который через систему рычагов или вращением специального штурвала прижимал тормозные колодки к ободу колеса. С постепенным введением с конца 60-х XIX в. пневматических тормозов эта специальность отошла в прошлое, хотя термин некоторое время еще существовал в языке: мы встречаем его как в «Немецко-русском словаре» 1887 г., так и в «Энциклопедии немецкого языка» 1911 г. Кроме историзмов, вышедших из употребления вместе с понятиями, как в вышеупомянутом примере, обнаруживаются случаи архаизмов – лексических единиц, вышедших из употребления. Хотя соответствующий предмет используется до сих пор, он получает другие названия. В связи с развитием языка, с обновлением словаря эти устаревшие слова вытесняются более современными синонимами. Так, например, в современных словарях отсутствует термин *der Bahnhofsvorwalter* ‘начальник станции’ [9], хотя сама профессия существует до сих пор. Однако в «Большом немецко-русском словаре по общей лексике» [1] ‘начальник станции’ обозначается как *der Stationsvorsteher*, а наименование *der Bahnhofsinsektor*, имеющее в «Энциклопедии немецкого языка» перевод ‘начальник станции’, в словаре 2004 г. переводится только как ‘станционный смотритель’. Это объясняется тем, что в современном немецком языке произошло переосмысление ряда железнодорожных терминов в сторону снижения ранга лица, занимавшего ранее более высокий социально-профессиональный статус.

В связи с тем, что железнодорожная отрасль в 30–50-е гг. XIX в. в Германии только зарождалась, в словарях более позднего периода встречается достаточное количество многокорневых наименований лиц по профессии. В силу особенностей немецкого языка можно отметить слова, состоящие из нескольких корней, которые переводятся на русский язык целыми словосочетаниями, например, *der Drehschreibenwärter* ‘сторож у поворотного круга’, *der Eilgutexpeditionsvorsteher* ‘заведующий конторой отправки товара большой скоростью’ [8] и т. п. Описательный характер толкований в русском языке объясняется тем, что эта отрасль стала развиваться в России позднее, чем в Германии, и не успела еще обзавестись широким словарным запасом по сравнению с более устоявшейся лексикой этой сферы в немецком языке, а также спецификой

рассматриваемых языков. Например, однословный немецкий термин *der Schwellenstopper* [9] переводится словосочетанием ‘подбивающий балластный песок под шпалы’. Многословные наименования в обоих языках непродуктивны и со временем пересматриваются и часто заменяются.

Итак, в статье на примере переводных словарей различных типов конца XIX – начала XX вв. рассмотрена специфика образования наименований железнодорожных специальностей. Выяснено, что при образовании новых слов в период зарождения отрасли основным является суффиксальный способ, а также словосложение, что прослеживается и в современном немецком языке. Большинство наименований относятся к разряду имен существительных мужского рода. При изучении заимствованных слов в сфере профессиональной терминологии, связанной с железнодорожным транспортом, отмечается, что основой значительной части данных наименований является латинский язык, хотя встречаются заимствования и из других языков, например французского, греческого, английского. Наблюдается также частый переход общеупотребительных или общетехнических слов в разряд железнодорожных терминов.

Краткий исторический анализ развития немецкой железнодорожной лексики показывает, что она росла и совершенствовалась в тесной связи со становлением этой отрасли. Факты, приведенные в нашей статье, свидетельствуют о том, что одни слова появлялись, позднее становились архаизмами и уходили в прошлое по мере модернизации железнодорожной техники. Другие лексические единицы, образованные различными способами, входили в норму и становились общеупотребительными. Эти архаизмы и неологизмы нашли большее или меньшее отражение в словарях, использованных для написания данной статьи.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский словарь по общей лексике: в 3 т./ сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. – М.: Русский язык – Медиа, 2004. – 2200 с.
2. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: лингвокогнитивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2004. – 367 с.
3. Кожанова Н.В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 244 с.
4. Маляренко Л.Н. Название лиц педагогической профессии в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 251 с.
5. Мейрманова К.С. Системные и коммуникативные аспекты номинации лица в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 168 с.

6. *Моисеев А.И.* Наименования лиц по профессии как предмет лингвистического изучения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1968. – Т. 27. – Вып. 2. – С. 140–146.
7. *Моисеев А.И.* Наименование лиц по профессии в современном русском языке: Структурно-семантическая характеристика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1968. – 27 с.
8. Немецко-русский военно-технический словарь / сост. И. Миллер, К. Модрах. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887. – 834с.
9. Немецко-русский словарь (Энциклопедия немецкого языка): в 2 т. / под ред. К.О. Тиандера. – СПб.: Просвещение, 1911. – 1520 с.
10. *Новикова Е.Ю.* Структура, семантика и тенденции развития наименований лиц по профессии в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 218 с.
11. Русско-немецкий военно-технический словарь / сост. И.С. Кузнецов. – СПб.: Типография Артиллерийского журнала, 1872. – 452с., доп. 44с.
12. *Степанова М.Д.* Словообразование современного немецкого языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 376 с.
13. *Степанова М.Д., Чернышева И.И.* Лексикология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1962. – 312 с.
14. *Шилова Н.В.* Формирование системы производных наименований лиц по профессии в английском языке: Сфера ремесленно-промышленного производства): дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2006. – 195 с.
15. *Шкатова Л.А.* Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-ономасиологический анализ): дис. ... д-ра филол. наук. – Свердловск, 1987. – 427 с.

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ РЕЧЕВОГО АКТА ЭКСПЛИКАЦИИ СОМНЕНИЯ (на материале английского языка)

Статья посвящена анализу реакции слушающего на выраженное говорящим сомнение. Целью работы является исследование перлокутивного эффекта речевого акта экспликации сомнения. Для достижения цели ставятся несколько задач, которые решаются в процессе изучения работ по общим вопросам теории речевых актов и анализа материала из современных англоязычных художественных произведений. Экспликация сомнения является речевым актом, исследование которого осуществляется в рамках теории речевых актов. Согласно данной теории, любое единичное высказывание имеет иллокутивную и перлокутивную цели: первая реализуется во время говорения, а вторая – посредством говорения. Установлено, что иллокутивная цель речевого акта экспликации сомнения заключается в информировании адресата о том, что говорящий придерживается мнения о вероятном несоответствии его суждения реальному положению дел. Следовательно, перлокутивную цель речевого акта следует понимать как намерение говорящего воздействовать на адресата с тем, чтобы он понял, что говорящий сомневается в чем-либо. В ходе исследования удалось выявить перлокутивный эффект и перлокутивные последствия речевого акта. Перлокутивный эффект предполагает понимание иллокутивного смысла и пропозиционального содержания высказанного говорящим сомнения и его принятие слушающим. Эффект принятия означает последующие перлокутивные последствия со стороны адресата, которые представляют собой вербальные и невербальные реакции. Вербальная реакция может быть представлена речевыми актами, в которых выражается понимание сомнения, а также речевыми актами согласия/несогласия и совета.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт экспликации сомнения, иллокутивная цель, перлокутивная цель, перлокутивный эффект, перлокутивные последствия, вербальные и невербальные перлокутивные последствия.

Актуальность статьи обусловлена общим интересом ученых к коммуникативно-прагматическому анализу общения, что способствует изучению языковых средств в их реальном функционировании в конкретных ситуациях общения (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик). Исследование перлокутивного эффекта речевого акта экспликации сомнения входит в область частных проблем современной лингвистической прагматики, теоретико-методологическую базу которой составляет теория речевых актов.

Целью данной работы является анализ перлокутивного эффекта речевого акта экспликации сомнения. Поставленная цель предполагает необходимость решения следующих задач: 1) определить перлокутивную цель речевого акта экспликации сомнения; 2) установить его перлокутивный эффект, вербальные и невербальные перлокутивные последствия.

На протяжении последних пятидесяти лет исследователи речи неоднократно обращались к теории речевых актов. Основные положения данной теории были сформулированы английскими логиками и философами Дж. Остином, Дж. Серлем, Дж. Личем и др. во второй половине XX века.

На сегодняшний день под речевым актом исследователи понимают «высказывание, порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык/речь» [7, с. 111].

Мы разделяем точку зрения исследователей, которые полагают, что при определении речевого акта нужно рассматривать не изолированного говорящего и пассивного слушающего, а обе по-

зиции на коммуникативной оси. В связи с этим, мы согласны с мнением Ш. Сафарова, который определяет речевой акт как «единицу взаимодействия интерактантов», подчеркивая его адресатонаправленность и ситуативно-дискурсивную зависимость [5]. Из определения следует, что речевой акт предполагает наличие адресанта и адресата и является элементарной единицей общения. Данная мысль подтверждается моделью речевого акта, в которой, помимо говорения, учитывается цель высказывания, его результат и адресат:

- 1) локутивный акт – адресант выбирает языковые средства для осуществления речевого акта;
- 2) иллокутивный акт – адресант выражает определенную коммуникативную цель, задает ряд условий осуществления речевого акта;
- 3) перлокутивный акт – посредством говорения адресант производит изменения в сознании или поведении адресата [11].

Основным параметром иллокутивного акта является иллокутивная цель – смысл высказывания [6]. З. Вендлер рассматривает иллокутивную цель как «ментальный акт, совершения которого добивается от слушателя говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего» [2, с. 243], а Д.А. Бокмельдер определяет иллокутивную цель как намерение говорящего выразить языковыми средствами своё ментальное состояние [1, с. 22].

Если человек говорит что-либо другому человеку, то он делает это с целью определенным образом воздействовать на партнёра по коммуникации. Речевоздействующий эффект – перлокуция – это третья составляющая речевого акта. Как отмечает Дж. Остин, иллокутивный акт является действием

и осуществляется в процессе говорения (in saying), в то время как перлокутивный акт является воздействием и осуществляется посредством говорения (by saying) [11, с. 89]. Ф.Х. Еемерен и Р. Гроотендорст поддерживают Дж. Остину в том, что иллокуция и перлокуция – два различных аспекта завершенного речевого акта. Они определяют перлокутивную цель как намерение говорящего вызвать определенное речевое или неречевое поведение адресата, то есть определённый перлокутивный эффект [3, с. 61–63].

Приняв во внимание вышесказанное, а также собственные наблюдения за фактическим материалом, мы установили, что иллокутивная цель речевого акта экспликации сомнения заключается в информировании адресата о том, что говорящий придерживается мнения о вероятном несоответствии его суждения реальному положению дел [10]. Следовательно, перлокутивную цель данного речевого акта следует понимать как намерение говорящего воздействовать на адресата с тем, чтобы он понял, что говорящий сомневается в чем-либо.

Согласно мнению Ф.Х. ван Еемерену и Р. Гроотендорсту, в повседневном общении некоторые речевые акты рассчитаны на то, чтобы получить от собеседника определенные вербальные или невербальные (физические или ментальные) ответы, в которых он выражает своё понимание предшествующего речевого акта. Указанные авторы различают *непосредственные* перлокутивные эффекты и *последующие* перлокутивные последствия: первые заключаются исключительно в *принятии речевого акта слушающим*, а вторые включают все *другие последствия речевого акта* [3, с. 31].

Что касается речевого акта экспликации сомнения, мы полагаем, что непосредственный перлокутивный эффект здесь имеет место тогда, когда адресант понимает иллокутивный смысл и пропозициональное содержание высказанного говорящим сомнения и принимает его. Эффект принятия означает последующие перлокутивные последствия со стороны адресата, которые представляют собой *вербальные и невербальные реакции*.

При выражении говорящим сомнения от адресата часто не требуется вербальной реакции, а *невербальное* перлокутивное последствие заключается в реакции, осуществляемой в сознании слушающего, что можно наблюдать в (1), ср.:

(1) «None of them ever came to see him?»

«No, sir. I think he quarreled with his sister at New York».

«Do you know her name?»

«Hampton». *His eyes narrowed with doubt. «But I'm not sure».*

«You don't know her address, of course?»

«I don't, sir» [15, p. 367].

В (1) иллокутивной целью адресанта является информирование полицейского о том, что он сомневается в фамилии женщины. Кроме того, сомнение прочитывается в глазах адресанта. Адресант

правильно декодирует иллокутивную цель, в результате чего перлокутивное последствие представляет собой ментальную невербальную реакцию – адресат понимает, что собеседник испытывает сомнение. Следующий вопрос *You don't know her address, of course?* адресат задаёт, исходя из знания, что мужчина не обладает достоверной информацией об интересующем его объекте.

Вербальными перлокутивными последствиями являются речевые акты, при помощи которых адресат реагирует на выраженное говорящим сомнение. Рассмотрим следующие примеры, ср.:

(2) «Why would they kill the man that killed Marriott, if they don't go in for murder?»

«Because he would be the type that would get picked up sometime and would talk – when they took his dope away from him. I mean they wouldn't kill a customer».

«What makes you so sure the killer took dope?»

«I'm not sure».

«Oh, I see». She straightened up and nodded [13, p. 82].

(3) «I have the will in front of me, and it says Burke Lovell is leaving the ranch to Mariah Geraty, not to his daughter Mariah Geraty. *But I'm not sure that it will make any difference*», Claire said in a doubtful voice.

«I understand what you mean. You think that the court won't see the difference between the words Mariah Geraty and daughter Mariah Geraty», Claire said [16, p. 99].

В (2) адресат выражает свое понимание высказанного адресантом сомнения фразой *Oh, I see*. В (3) адресат не только выражает понимание сомнения высказыванием *I understand what you mean*, но и уточняет, правильно ли он понял проблему собеседника и его сомнение.

В ходе исследования мы выявили случаи, когда вербальной реакцией адресата на понимание сомнения является:

1) согласие/несогласие

При согласии с говорящим ответная реплика – как и исходная – выполняет контактоустанавливающую функцию, направленную на нахождение единой пресуппозиции, взаимопонимания. В дискурсе реагирования на экспликацию сомнения адресат порой полностью разделяет неуверенность говорящего относительно некоторого положения дел. При полном согласии мнение, намерение или желание адресата полностью совпадают с мнением, намерением или желанием говорящего, что выражается в реплике-реакции [4, с. 6]. Собранный фактический материал свидетельствует о том, что полное согласие адресата с сомнением адресанта выражается при помощи фраз *So do I, Me too* и т.п.:

(4) He leaned against the wall and stared at her thoughtfully. «*I'm not sure you'll be able to get along with him*». Chandler twisted his lips in doubt.

«Me too. But I'll do my best. I don't have any choice anyway», she said miserably [12, p. 65].

В (4) говорящий сомневается, что его напарника, работая под прикрытием, сможет наладить отношения с опасным преступником и найти с ним общий язык. Сомнение выражается вербально и невербально. Женщина много слышала о бандите и знает его нрав, поэтому она тоже не уверена в своём успехе и соглашается с мнением коллеги.

При несогласии с говорящим реакция адресата обычно имеет апеллятивно-характеризующее значение, которое соединяет в себе характеристику говорящего и/или апелляцию к его когнитивному сознанию по поводу нерациональности выдвигаемых речевых намерений [8]. Например:

(5) «Yes, you're good-hearted. You take after Sian Quoye. Your poor grandfather. I never knew him. Dead before I was born <...>», aunt said.

«I heard that story. He was just a kid».

«Twelve years old».

«Father told us about him sometimes. But I doubt he was twelve. I never heard he was twelve. If he drowned when he was twelve he couldn't have been my grandfather».

«Oh, you don't know Newfoundlanders. For all he was twelve he was your father's father. But not mine. My mother – your grandmother – that was Sian's sister Addy, and after young Sian drowned she took up with Turvey, the other brother. Then when he drowned, she married Cokey Hamm, that was my father».

<...> Quoye hated the thought of an incestuous, fit-prone, seal-killing hild for a grandfather, but there was no choice. The mysteries of unknown family [17, p. 41].

В (5) мужчина сомневается, что его дедушка в двенадцатилетнем возрасте смог оставить после себя потомство. Пожилая тётя не разделяет его неуверенность, поскольку она, в отличие от племянника, хорошо знает историю семьи.

2) совет

Совет является директивным речевым актом, иллюкутивная цель которого заключается в побуждении к действию или изменению состояния, бенефактивному или полезному, по мнению советующего, для собеседника [9, с. 23]. Реагируя на экспликацию сомнения, адресат выражает совет при помощи высказываний с модальным глаголом *should* и др., ср.:

(6) «I'm not sure I remember the circumstances of Thayer's death», Glorie said.

«You should recollect», Fenner said. She kept silent. «Then the quicker you get out of this room the better pleased I'll be. I don't want to be dragged into a murder rap» [14, p. 121].

В (6) девушка не уверена, что помнит обстоятельства смерти своего друга. Перлокутивный эффект заключается в понимании адресатом её состояния, а перлокутивное последствие – в выражении совета (постараться вспомнить произошедшее). Из контекста ясно, что, если она не последует совету, адресат не сможет ей помочь.

Таким образом, перлокутивный эффект речевого акта экспликации сомнения заключается в том,

что адресат понимает высказанное говорящим сомнение, а перлокутивное последствие – в его невербальной или вербальной реакции. В свою очередь, вербальная реакция может быть представлена речевыми актами, в которых выражается понимание сомнения, а также речевыми актами согласия/несогласия и совета.

Библиографический список

1. Бокмельдер Д.А. О перлокутивном эффекте высказывания // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск: ИГЭА, 2000. – С. 21–22.
2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 238–251.
3. Еемеерен Ф.Х. Речевые акты в аргументативных дискуссиях Ф.Х. Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Foris Publications – Dordrecht, 1994. – 232 с.
4. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких курсах совещания и переговоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 13 с.
5. Сафаров Ш. Система речевого общения: универсальное и этноспецифическое. – Самарканд: Самаркандское отделение изд-ва им. Г. Гуляма, 1991. – 172 с.
6. Сёрль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Сёрль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – С. 242–263.
7. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
8. Чухно А.А. Косвенные директивы и реакции на них: фактор адресата: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 21 с.
9. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 217 с.
10. Якубова Н.М. Выражение сомнения в иницирующем речевом акте (на материале английского языка) // Казанская наука. – 2013. – № 9. – С. 216–223.
11. Austin J.L. How to Do Things with Words. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 168 p.
12. Blumlein M. Twenty-Two and You (from The Doctor Diaries) // Fantasy & Science Fiction. – 2012. – Mar/Apr. – P. 127–169.
13. Chandler R. Farewell, My Lovely. – NY: Pocket Books, 1988. – 250 p.
14. Chase J.H. The Doll's Bad News. – М.: Айрис Пресс, 2008. – 286 с.
15. Crouch B. Abandon. – NY: Minotaur Books, 2009. – 416 p.
16. Gieson J.V. The Stolen Blue. – NY: Penguin, 2000. – 246 p.
17. Proulx A. The Shipping News. – NY: Simon & Schuster, Inc., 1993. – 366 p.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ И ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Широта и даже безграничность значений форм изъявительного наклонения глаголов и процессуальных фразеологизмов в современном русском языке объясняется такой же способностью этих единиц при употреблении их в речи осложняться элементами значений всех «живых» категорий: вида, лица, числа, времени, залога, при этом все названные выше категории вносят в значение формы изъявительного наклонения семы своих категориальных и частных значений.

В настоящей статье описывается специфика связи и взаимодействия форм прошедшего времени и изъявительного наклонения. Так как формами прошедшего времени обозначаются действия, процессы, происходившие до момента речи, то говорящий оказывается не действующим лицом, а только вспоминающим, воспроизводящим по памяти прошедшие действия, события.

Исследование, проведенное автором, показало, что действия, обозначенные формами прошедшего времени, семантически тождественны действиям, обозначенным формами настоящего времени. Больше того, модальные значения форм прошедшего времени тоже тождественны модальным значениям форм настоящего времени, употребленным в речи.

Действия, события, обозначенные глаголами и процессуальными фразеологизмами в форме прошедшего времени, так же реальны, как и такие же глаголы и процессуальные фразеологизмы, употребленные в форме настоящего времени.

Действия, обозначенные формами прошедшего времени, специфичны в том, что ими обозначается результат действия. Действия, обозначенные формами настоящего времени, называют сам процесс, само событие.

Названное видовое значение глагольной формы объясняет более «спокойную» модальную характеристику действия, события, хотя такое снижение яркости модального значения необязательно.

Наблюдения над модальностью форм прошедшего времени показали, что хотя они обозначают совершившиеся события, тем не менее остаются в языке хранителями чувственного, мыслительного, социального, культурного и всякого другого опыта человечества; прошедшее учит, воспитывает современников, которые к нему обращаются, и потомков, которые понимают и переживают прошедшее как бы заново, потому что оно «впечатано» в индивидуальные значения процессуальных единиц. Говоря другими словами, в прошедшем время умерло, а модальность осталась, живет для настоящего и готовит будущее.

Ключевые слова: глагол, процессуальный фразеологизм, изъявительное наклонение, прошедшее время, момент речи, модальное значение.

Модальные значения трехформенной категории наклонения, как морфологической базы синтаксической категории модальности, связаны и взаимодействуют с трехформенной категорией времени. Специфика связи и взаимодействия этих двух категорий заключается в том, что характер общего модального значения каждой формы наклонения определяется характером общего категориального значения каждой временной формы. Характер частных модальных значений каждой формы наклонения зависит от индивидуального лексического или фразеологического значения процессуальной единицы, от взаимодействия общих и частных значений других грамматических категорий, в форме которых употреблена данная процессуальная единица.

Формы прошедшего времени имеют только общее временное значение, потому что ими обозначаются действия, которые говорящий, читающий, слушающий воспринимает как осуществившиеся или осуществлявшиеся, может быть, задолго до момента речи. О прошедшем говорит, слушает, пишет, читает, думает, беседует человек, живущий, действующий «сейчас», в настоящее время; человек, который обогащается прошлым эмоциональ-

но, рационально, социально, профессионально, психически, эстетически и во многих других отношениях. Причина такого воздействия прошедшего времени в том, что оно, не имея частного временного, полностью сохранило модальное значение, которое «впечатано» в индивидуальное значение каждой процессуальной единицы. Особенность модального значения форм прошедшего времени в том, что оно тождественно модальному значению формы настоящего времени того же глагола, употребленного в том же по лексико-грамматическому составу предложении-высказывании. Разница модальных значений двух форм возможна лишь количественная: модальность форм настоящего времени ярче выражена, потому что она непосредственно связана с сопереживанием говорящего, его соучастием, присутствием, а такое же модальное значение форм прошедшего времени более или менее спокойно, потому что это событие или эти события уже были, сейчас не происходят. И говорящий о нем (них) только вспоминает: *Князь Игорь и Ольга на холме сидят, // Дружина пирует у берега. // Бойцы поминают минувшие дни // И битвы, где вместе рубились они* (А.С. Пушкин. Песнь о вешем Олеге).

Однако такой разницы может и не быть, и модальное значение форм прошедшего времени может вызывать такое же глубокое, острое переживание, как и модальное значение форм настоящего времени. *Когда перешли границу, ощутили триумф, но и очаги остервенелого сопротивления зверя. У Балатона много людей потеряли. Одна из группировок противника, здорово укрепившись, окрысилась. Нас спасли женщины-зенитчицы! Враг пустил около 500 танков и прорубил наши рубежи, но напоролся в глубине своего выступления на 200 (примерно) наших зенитчиц. Неимоверно бесстрашные девчата положили горизонтально стволы и шарахнули по танкам из зениток... Героями стали человек 30–40...* (Из воспоминаний генерал-майора Губенко Александра Алексеевича. Советская Россия, 7 мая 1998 г.)

Как видим, описываемые события происходили более 50 лет тому назад, но модальность форм прошедшего времени сохранилась в памяти А.А. Губенко очень ярко, так, как будто это происходит 7 мая 1998 г. Лексическими значениями форм прошедшего времени передается современному читателю целая гамма сложнейших образов-оценок: двигательных (перешли, пустил), образов-действий (прорубил, окрысилась, напоролся, шарахнули, спасли), разнообразных чувств – триумфа, утраты, признательности, восхищения. В выражении сложнейшей модальности участвуют, кроме глагольных форм, многие другие лексико-грамматические компоненты текста.

В следующем тексте, тоже формами прошедшего времени, передается чувственный и мыслительный образ протеста, возмущения. *Ее (Г.С. Улановой) протест и возмущение сполна выразился в том, что она все последние годы не принимала журналистов, не давала интервью, не участвовала в модных тусовках, в шумных пирах во время чумы* (Лар. Ягунков. Правда России, 8–14 апреля 1998 г.).

Характер модального значения, яркость и определенность его не изменились бы, если бы были использованы формы настоящего времени: *выражается, не принимает, не дает интервью, не участвует*.

В тексте *Сотрудники станции («Северный полюс-2», или «СП-2») вели наблюдения за погодой, регулярно передавая сводки по радио полярным бюро погоды и далее, в органы службы погоды Советского Союза. Запускали радиозонды с целью изучения нижних слоев атмосферы. Измеряли скорость и направление течений на разных глубинах, определяли во всей толще воды температуру и соленость. Изучали жизнь подводного мира, физические свойства льдов разного возраста. С помощью точных магнитных приборов регистрировали поведение магнитного поля, его колебания* (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли) лексическими

значениями форм прошедшего времени передается информация о добывании знаний о неизвестных ранее человеку свойствах Арктики, высказывается глубоко уважительное отношение к высококвалифицированному, планомерному, разнообразному труду полярников на крупной льдине. Дополнительными средствами выражения названной модальности являются наречия на -о.

В лексических значениях форм прошедшего времени может заключаться информация, которая вызывала у говорящего сначала острое чувство страха, сменяющееся потом разрядкой напряжения, благополучным концом. Об этом свидетельствуют, например, следующие две цитаты: *Механик осторожно повел трактор по деревянному настилу. И в тот момент, когда он достиг уже середины замерзшего разводья, лед под ним начал опускаться. Но Комаров дал полный газ, тяжелая машина дрогнула и быстро выбралась на другую сторону. Я снял шапку и рукавом ватника вытер мокрый лоб* (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли). *Мы видели, как один груженный як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко уперся своими короткими, крепкими ногами* (Н.К. Рерих. Алтай – Гималаи).

В выражении названной модальности участвуют наречия на -о и прилагательные. Лексически значением форм прошедшего времени может передаваться мысль о состоявшемся открытии, которое стало источником больших творческих свершений: *Именно тогда, в середине 50-х годов, я открыл для себя в этом (хоровом. – А. Ч.) искусстве непочатый край возможностей* (Г.В. Свиридов); или воспоминание о явлении в природе и в мире животных, вызвавшем у говорящего яркое чувство прекрасного: *Лучшее было, что на близкие острые скалы утром выходили олени и долго стояли, поводя головой навстречу солнцу* (Н.К. Рерих. Алтай – Гималаи).

Модальность суровой необходимости принимать самостоятельно ответственное решение может выражаться особым синтаксическим построением, при котором сталкиваются лексические значения глагольных форм. В таких конструкциях роль форм времени отступает на последний план: модальность остается одинаковой с формами прошедшего или настоящего времени. *Он (Макаров) прислал Гаврилову радиогамму, в которой предлагал экипажу поезда оставить технику на Востоке и вылетать в Мирный. Предлагал, а не приказывал* (В. Санин. 72° ниже нуля).

Кроме прошедшего, способного иметь такой же широкий круг модальных значений, какой имеет настоящее, в русском языке есть формы с одним модальным значением: так называемое давно-прошедшее, прошедшее мгновенное и прошедшее, омонимичное повелительному наклонению. Каждая из названных форм имеет специальное

морфологическое выражение. Давнопрошедшее имеет суффикс -ыва/-ива со значением многократной повторяемости – делывал, сизивал, хаживал, формы прошедшего мгновенного, называемого еще междометным, представляют собой чистую основу – прыг, скок, стук, хватъ, шелк, третья форма, омонимичная повелительному наклонению, типа случись, окажись и др. под. За каждой из этих форм закрепилось одно модальное значение: за давнопрошедшим – значение задумчивого спокойного воспоминания о приятных сердцу бывших действиях, поступках. *Я делывал с ними грибные набег: Раскапывал листья, обшаривал пни* (Н.А. Некрасов. Крестьянские дети). *Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел как надтреснутый* (И.С. Тургенев. Певцы). *Цена-то ведь человеку по работе дается; у спорого мастера, говорят, руки золотые. Знавала я таких мастеров. Они за работу брались с чистой душой* (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве). *Старушка ей: «А вот камин; // Здесь барин сизивал один. // Здесь с ним обедывал зимою // Покойный Ленский, наш сосед... // И старый барин здесь живал...»* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). *Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, пивали чай* (И.С. Тургенев. Дневник лишнего человека).

За прошедшим мгновенным закрепилось значение зрительного, двигательного, звукового образа очень быстрого действия, которое представляется говорящему недлящимся. *Что силы есть, // Хватъ друга камнем в лоб!* (И.А. Крылов. Пустынник и медведь). *...легче тени // Татьяна прыг в другие сени* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). *Эта полячка, бывало, даже руку на него поднимала: сделает, бывало, истерику, да мах его рукою по очкам* (Н.С. Лесков. Воительница). *На цыпочках пройдет он в спальню, бесшумно разделется и – бултых в постель!* (А.П. Чехов. Учитель словесности). *Он хлоп, и вдавливает муху в стену!* (А.С. Пушкин. Выстрел).

За прошедшим, омонимичным повелительному наклонению в форме 2-го лица единственного числа, закрепилось модальное значение внезапного, неожиданного действия. *В эту-то Дуняшу и влюбись Аким! Да так, как прежде никогда не влюблялся* (И.С. Тургенев. Постоялый двор). *Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да, не будь дурень,*

амурное письмо и напиши... От этого письма она и приди в чувство... А я и не случись тут, как он письмо-то в окошко бросил (А.Н. Островский. Свои собаки грызутся, чужая не приставай). *Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, он ее и поколотил* (П.И. Якушкин. Путевые очерки).

Наблюдение над модальностью форм прошедшего времени показывает, что хотя они обозначают уже совершившиеся или совершавшиеся действия, тем не менее остаются в языке хранителями чувственного, мыслительного, социального, культурного и всякого другого опыта человечества; прошедшее учит, воспитывает современников, которые к нему обращаются, и потомков, которые понимают и переживают прошедшее как бы заново потому, что оно «впечатано» в индивидуальные значения процессуальных единиц. Говоря другими словами, в прошедшем время умерло, а модальность осталась, живет для настоящего и готовит будущее.

С точки зрения общей теории грамматики в описанных фактах взаимодействия общего временно-го с общим и частными модальными значениями форм прошедшего времени обнаруживается несколько глубинных закономерностей. Во-первых, модальные значения форм прошедшего времени на -л по качеству и количеству сохраняют модальные значения форм настоящего времени таких же по лексическому или фразеологическому значению процессуальных единиц, употребленных в тождественных по лексико-фразеологическому составу текстах. Во-вторых, формы на -л и специфические формы давнопрошедшего, междометного и омонимичного повелительному наклонению являются в русском языке «чистой» формой выражения общего и частных значений изъявительного наклонения, подтверждая тезис грамматистов о том, что морфологическая форма полисемантична [2, с. 25].

Библиографический список

1. Чепасова А.М. Средства выражения и значения форм изъявительного наклонения процессуальных единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 3, Филология. – № 2. – 1997. – С. 3–38.
2. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 5–57.

КУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ (из опыта картографирования диалектной лексики)

Статья посвящена интерпретации лексической карты, на которой отмечены диалектные наименования одной из реалий традиционной народной культуры. На карте отражена группа слов, обозначающих собрания молодежи в помещении по вечерам в изжее-зимний период для развлечения и работы. Диалектные слова записаны на территории Самарского Поволжья во второй половине прошлого века и дополнены сведениями последних десятилетий. При картографировании многочисленных диалектных соответствий учитывается объем значения диалектных слов, который меняется с течением времени. Территориальное варьирование наименований вечеринок сельской молодежи рассматривается в связи с территориальной дистрибуцией других противопоставленных диалектных лексических особенностей и главными фонетическими характеристиками самарских говоров. Ареалы диалектных наименований вечерних собраний молодежи дополняют общую картину противопоставления генетически родственных говоров северной и центральной части Самарского Поволжья и южнорусских говоров на юге региона. При составлении карты применяется значковый метод отражения особенностей. В случаях фиксации нескольких вариантов предпочтение отдается диалектным и наиболее частотным лексемам. Общерусские лексемы и их варианты служат фоном и обозначаются на карте значками с бесцветной заливкой. Наиболее характерные для лингвистического ландшафта лексемы, обладающие четкой диалектной приуроченностью, выделяются цветом. Карта показывает, что данный феномен традиционной народной культуры может быть использован в лингвогеографических описаниях русских говоров Среднего Поволжья.

Ключевые слова: русский язык, диалект, русские народные говоры, диалектная лексика, диалектология, семантика, народная культура.

Лексика традиционной народной культуры отображает культурно-национальную ментальность ее носителей [5, с. 52], служит источником лексикографического материала [16, с. 17], содержит богатые возможности использования её в лингвогеографических описаниях говоров отдельных регионов [7, с. 8; 12, с. 3; 17, с. 7].

Объектом нашего исследования являются номинации одного из культурных феноменов традиционной русской деревни, зафиксированные на территории Самарской области в 30–80-х гг. XX века и дополненные экспедиционными материалами последних лет, – наименования вечерних собраний молодежи.

Традиционной народной культуре Самарского края уделяется достаточное внимание в литературе по этнографии и фольклору [см.: 6; 13, с. 10–18; 1, с. 80–82]. В трудах этнографов и фольклористов традиция вечерних гуляний молодежи рассматривается в связи с историей межкультурных отношений в Поволжье – на территории, освоенной русскими приблизительно 300 лет назад. Самые ранние этнографические описания, относящиеся к территории Самарского края, приходится на конец XIX века. Современные полевые сборы фактического материала фольклорно-этнографическими и диалектологическими экспедициями дают возможность восстановить основные черты традиционной обрядности, сложившейся в самарских селах в первые два десятилетия XX века. Эти черты впоследствии сохранялись в виде отдельных элементов. Специальные лингвистические исследования могли бы существенно дополнить общую

картину, однако они пока немногочисленны. Отдельные стороны лексики традиционной народной культуры затрагивались нами в ходе решения практических задач [2, с. 235–239; 3, с. 98–101], но в лингвогеографическом аспекте данный разряд лексики на материале самарских говоров не рассматривался.

Нашей целью было составление лингвистической карты для лексического атласа самарских говоров и её интерпретация.

При разработке легенды к карте мы учитывали опыт картографирования данного разряда лексики составителями ДАРЯ и других региональных атласов, прежде всего поволжского атласа (имеется в виду опубликованный его сокращенный вариант), где есть соответствующая карта [4, с. 96–97]. В поволжском атласе нашли отражение говоры, бытующие на территории, непосредственно примыкающей к границам ДАРЯ, среди которых есть и самарские говоры. Хотя существует определенная преемственность между поволжским и самарским атласом (та же сетка и нумерация населенных пунктов), карта самарского атласа не повторяет и не копирует поволжский атлас, так как, во-первых, она имеет принципиально иную легенду, разработанную с учетом специфики самарского диалектного ландшафта, а во-вторых, она содержит более подробные и более точные сведения.

Для создания карты мы использовали данные диалектологического архива ПГСГА по вопросу № 222 программы ДАРЯ, дополненные сведениями, собранными по программе ЛАРНГ (вопрос №5 399). В нашем распоряжении было 27 лексем, обозначающих вечерние собрания молодежи в 228 селах Са-

марской области. В дальнейшем эта выборка была систематизирована и представлена в таблице в виде индексов к 157 населённым пунктам, нанесённым на карту-бланковку Самарской области. На основе этих индексов была составлена легенда к одной из лингвистических карт самарского атласа.

Для сопоставления привлекались данные лексического тома ДАРЯ, охватывающего около 4 000 населённых пунктов, в частности карты № 93, на которой представлено территориальное варьирование диалектных названий вечерних собраний молодежи в говорах европейской части России [10], и данные карты № 137 «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко по 300 населённым пунктам [8, с. 200].

Главная проблема, с которой мы столкнулись на этапе подготовки материала к картографированию, – это неодинаковый объем значения слов, представленных в ответах собирателей. Чаще всего по каждому населённому пункту в ответах на вопросы лексической программы содержалось несколько лексем, обозначающих картографируемую реалию с разных сторон. В имеющихся материалах отражены наименования: а) собраний, проходивших в помещении или вне его; б) вечерних собраний молодежи, носящих будничные (регулярные) или праздничные (нерегулярные) характер; в) собраний, проводимых с целью совместного выполнения каких-либо работ или с целью отдыха. Большая часть имевшихся в нашем распоряжении сведений была снабжена краткими семантическими замечаниями, в остальных случаях мы имели дело только с перечнем слов. С учетом имеющихся пояснений собирателей для картографирования были отобраны только те названия, которые служили обозначением собраний молодежи, регулярно проводимых по будням в ижее-зимний период с сентября по масленицу в помещении, с работой и для развлечения.

Все наименования вечерних ижее-зимних собраний молодежи обладают постоянными мотивировочными признаками, позволяющими их разделить на несколько основных групп: 1) наименования, в основе которых лежит темпоральный признак события – вечернее время суток: *вечера, вечерки, вечеринки, вечереньки, вечерянки, вечерницы*; 2) наименования, образованные от глагола *сидеть*: *сиделки, посиделки, сиденки, посиденки, посидение, поседки, домосед*; 3) наименования, образованные от глагола *прятать*: *супрядки, попридушки*; 4) наименования, содержащие локальную характеристику события по названию помещения: *избушки, избёнки, кельи, куток*; 5) наименования, образованные от корня *бесед-*: *беседы, беседки*. Прозрачной внутренней формой обладают также единичные лексемы *игрища, сходки, гулянье*.

Наиболее распространенным наименованием данного феномена традиционной народной куль-

туры в самарских говорах являются слова с производной основой *вечер-*: общерусские лексемы *вечеринки* и *вечера* и диалектные *вечёрки, вечереньки, вечерянки, вечерницы*. Эти наименования отмечены в 202 селах из 228. Самым распространенным лексико-словообразовательным вариантом в данной группе оказалось слово *вечёрки*. *Вечёрки* – *вечерние собрания молодежи, когда она собиралась с целью весело провести время. Снималась изба, парни и девушки рассаживались по скамьям и начинали петь песни или водить хороводы* (комментарий собирателя, работавшего в с. Чекалино Сергиевского р-на). Слово *вечёрка* встречается на всей территории Самарской области в 155 селах из 228. Говоры, в которых употребляется данное слово, являются как окающими (неполноокающими владимирско-поволжскими), так и акающими (среднерусскими и южнорусскими). Например, слово *вечёрки* зафиксировано в с. Актуши Шигонского района (среднерусский окающий говор), в с. Благодатовка Большечерниговского района (южнорусский говор), в с. Алакаевка Кинельского района и Дубовый Умет Волжского района (среднерусские акающие говоры).

Так же часто для обозначения события служит общерусское слово *вечеринка*. В самарских говорах оно обозначает вечерние собрания молодежи в помещении, целью которых был коллективный отдых с пением и танцами, где парни и девушки знакомились, присматривались друг к другу, играли в так называемые «поцелуйные» игры. На вечеринках намечались будущие семейные пары. Слова *вечеренька* и *вечерянка* являются диалектными лексико-словообразовательными вариантами общерусского слова *вечеринка*. Например, слову *вечеренька* в «Словаре русских народных говоров» дается такое толкование: «*Вечеренька* – это домашнее вечернее увеселительное собрание молодежи зимой, вечеринка» [15, вып. 4, с. 211].

В данном случае мы наблюдаем диалектные лексико-словообразовательные варианты общерусского слова, в значении которых присутствует дополнительный темпоральный компонент (собрание в зимнее время года), тогда как в общерусском варианте значения этот компонент отсутствует: «*Вечернее собрание для дружеской встречи, для развлечения*» [14, с. 78]. Слово *вечеринка* и его варианты на территории Самарской области встречаются преимущественно в окающих говорах и образованных на их основе среднерусских акающих говорах, реже – в говорах южнорусских.

В целом степень репрезентативности наименований с корнем *вечер-* в окающих и акающих самарских говорах приблизительно одинакова: в говорах с окающей основой лексема *вечерки* и др. дериваты основы *вечер* зафиксированы в 40 % населённых пунктов, нанесённых на карту, а в говорах с южнорусской основой – в 37 % населённых пунктов.

Как единичная фиксация отмечена лексема *вечерницы* в южнорусском говоре с. Пензино Большечерниговского р-на, имеющая в словаре В.И. Даля примечание «по соседству с Малороссией» и, по-видимому, являющаяся украинизмом в наших говорах.

В ДАРЯ наименования гуляний молодежи с корнем *вечер-* встречаются повсеместно, так же не образуя компактных ареалов [11, с. 136; 8, с. 200].

Вторую позицию по степени репрезентативности в самарских говорах занимают названия вечерних собраний молодежи в помещении с рукоделием, образованные от корней *–сид-* и *–сед-* (*сиделки/сиденки, посиделки/посиденки, поседки*), – всего насчитывается 131 фиксация в нашей выборке, из них самая большая доля приходится на слово *посиделки*, которое встречается в 59 сёлах.

По материалам словаря В.И. Даля, словом *посиделки* в традиционной русской деревне обозначали «сбор девок с веретеном и куделью в один дом, обычно в круговую, на всю ночь; сходбища осенние и зимние, взамен летних хороводов, начиная от конца уборки хлеба» [9, с. 329]. Слово *посиделки* включено в толковый словарь С.И. Ожегова, где ему дается такое толкование: «В старой русской деревне: зимняя вечеринка молодежи, сопровождающаяся каким-нибудь занятием, ручной работой» [14, с. 576]. В самарских говорах лексемы с корнем *–сид-* в целом компактного ареала не образуют и отмечаются как в окающих говорах (и. Берёзовка и Кузькино Шигонского р-на, Бестужевка Приволжского р-на, Бобровка Кинельского р-на и др.), так и в южнорусских говорах (например, в с. Пензино Большечерниговского р-на); сохраняются и в бидиалектных сёлах, как, например, в с. Верхняя Орлянка Сергиевского р-на. И все же наименования *посиделки, сиделки* чаще отмечаются на карте в говорах с южнорусской основой (фиксации в 35 % населённых пунктов, ср.: 19 % фиксаций – в говорах с окающей основой), а *посиденки, сиденки* – преимущественно в окающих и в среднерусских акающих с севернорусской основой говорах (21 % фиксаций на карте; ср.: в говорах с южнорусской основой всего 9 %). Немногочисленные фиксации наименований с корнем *–сед-* (*поседки*) сделаны только в окающих говорах (5 населённых пунктов).

По данным карты ДАРЯ, названия вечерних собраний молодежи, имеющие в своей основе корень *–сид-* (*посиделки, сиделки*), широко представлены в среднерусских акающих и во многих южнорусских говорах. Среди них вариант *посиденки* локализуется на территории окающих говоров [11, с. 134]. Следовательно, ареально-типологическая характеристика данных лексем, свойственная материнским говорам, в общих чертах просматривается и в переселенческих самарских говорах.

Среди наименований вечерних собраний молодежи в 5 сёлах с владимирско-поволжскими ока-

ющими говорами были зафиксированы лексемы *беседки, беседники* и *беседы* (с. Ташёлка Ставропольского района, Русская Токмакла Челно-Вершинского р-на, Чекмаловка Камышлинского р-на, Неклюдово Клявлинского р-на, ижнее-Ягодное Похвистневского р-на). Дialeктные слова *беседа* и *беседка* зафиксированы в «Словаре русских народных говоров» со значениями ‘вечер с увеселениями, проводимый подружками невесты в ее доме за шитьем приданого’; ‘общество холостых парней и девушек, собирающихся на улице и дома’ [15, вып. 2, с. 261–264]. По свидетельству О.Е. Кармаковой, названия *беседы* и *беседки* имеют в русских говорах самый большой ареал, распространены почти на всей территории севернорусского наречия, а также в западных и восточных среднерусских окающих говорах [11, с. 134]. На лексической карте самарского атласа эти наименования отмечены спорадическими фиксациями по северу и западу области.

Дialeктные наименования с корнем *–пряд-* (*супрядки, попрядушки*), служащие обозначением вечерних собраний молодежи в помещении с рукоделием, встречаются в самарских говорах редко – нами выявлено всего 14 фиксаций. На карте ДАРЯ лексема *супрядки* имеет обширный ареал в западных среднерусских окающих говорах, реже встречается в южнорусских говорах, а в севернорусских говорах фиксируется спорадически [11, с. 135]. По нашим наблюдениям, слово *супрядки* не имеет локальных фиксаций на территории нашей области и встречается в сёлах с различными типами говоров. Например, оно зафиксировано в сёлах Андреевка Богатовского района (южнорусский говор), Новый Кувак Шенталинского района (среднерусский акающий говор), Старая Бинарадка Красноярского района (среднерусский окающий говор). Лексема *попрядушки*, напротив, представлена на нашей территории исключительно в южнорусских говорах в виде небольшого компактного ареала на юго-востоке области.

В районе самарского правобережья Волги и близлежащих левобережных районах образует ареал лексема *келья/кельи* и её вариант *келий/кельи* (10 населённых пунктов). По данным СРНГ, в севернорусских говорах это слово имеет значение ‘маленькая избушка, домик, одинокая избушка, где живут старики, бобыли’ [15, вып. 13, с. 179–180]. В самарских говорах слово *келья* имеет по меньшей мере два значения: 1) вечернее собрание молодежи в помещении для развлечения; 2) собрание женщин для рукоделия. В русских говорах, преимущественно поволжских, оно может иметь и другие значения [17, с. 19]. В основе номинации лежит локальный признак события, поскольку так, очевидно, назывались дома, которые сдавались внаем, «откупались» молодежью на вечер. На карте ДАРЯ ареал лексемы *келья* группируется в вос-

точных среднерусских окающих говорах в районе Волги и Суры. Очевидно, изолексы, образующие этот ареал, имеют продолжение на востоке. Территория самарского Поволжья является периферией этого ареала, поскольку слово *келыи* представлено на карте узко очерченным ареалом на западе области, причем из 5 населённых пунктов, составляющих ареал, 4 имеют окающую основу (села Шигонского и Сызранского р-нов).

Среди единичных вариантов наименований вечерних собраний молодежи, встречающихся на территории Самарской области, можно назвать такие наименования: *цыганка* (с. Фёдоровка Ставропольского района), *избушки* (с. Орловка Приволжского района), *игрища* (с. Верхняя Орлянка Сергиевского района), *куток* (с. Самовольная Ивановка Алексеевского района). Все эти наименования отведены от картографирования. На карте самарского атласа также не отражены названия вечерних собраний, проводимых вне помещения в теплое время года (*улица/улиса, улицы/ульцы, коровод/корогод, гулянье, компания, сходка*).

Совместное гулянье молодежи вне помещения в среднерусских и южнорусских говорах Самарской области обычно называется словом *улица*, которое, по свидетельству информантов, вытеснило бытовавшее ранее слово *коровод, корогод*. Раньше говорили: *Дефки кърководы водют, айдати ф кървот* (записано в с. Михайловка Красноярского района); *Улицы, а раньшы были кърководы* (с. Нижнее Санчелеево Ставропольского района). Несмотря на то, что слово *коровод* было вытеснено словом *улица*, его все еще можно встретить. Собираателям удалось зафиксировать употребление лексемы *коровод* в 30 сёлах Самарской области, при этом очень часто к этому слову респонденты давали комментарий о том, что оно устарело.

Слово *корогод*, по данным СРНГ, встречается в южнорусских говорах [15, вып. 14, с. 358]. В одном из значений оно синонимично слову *коровод*.

Особое место среди всех названий реалии занимают наименования вечерних собраний в доме просватанной невесты в течение нескольких недель накануне свадьбы, во время которого тоже присутствовало много молодежи, шла коллективная работа (готовилось приданое), царило веселье, сговаривались будущие супружеские пары (*девишники, вечерки, вечереньки, вечера*). В данном случае мы имеем дело с наименованием одного из этапов свадебного обряда, в качестве которого использовались как гиперонимы *вечерки* (с. Елшанка Сергиевского района, сёла Шигонского района), *посиделки* (с. Липовка Хворостянского района), так и гипоним *дивишник* (с. Дубовый Умет Волжского района, Калиновка Сергиевского района, Муранка Шигонского района, Украинка Большечерниговского района, Мосты Пестравского района) – всего 19 фиксаций. В этой группе наименова-

ний присутствуют лексемы с корнем *вечер-* и *-сид-*, многозначность которых можно рассматривать как результат трансформации традиционного свадебного обряда.

Таким образом, для картографирования было отобрано 13 лексем из 27, обозначающих вечерние собрания молодежи в 228 селах Самарской области. В дальнейшем эта выборка была систематизирована и представлена в таблице в виде индексов к 157 населённым пунктам, нанесённым на карту-бланковку Самарской области. На основе этих индексов была составлена легенда к карте самарского атласа.

При составлении карты применяется значковый метод, причем комбинированные значки не используются ввиду того, что на нашей территории, заселенной переселенческими говорами, изолексы плотных ареалов, как правило, не дают, и это в условиях значительной диалектной пестроты создает впечатление хаотичности языкового ландшафта. При множественности вариантов в пределах одного села на карту наносится не более двух-трех значков, причем предпочтение отдается диалектным и наиболее частотным лексемам. Нанесённые на карту значки различной конфигурации различаются, кроме того, цветом заливки. Цветом выделяются наиболее характерные для лингвистического ландшафта лексемы, обладающие четкой диалектной приуроченностью (синий цвет – преимущественно севернорусское, красный цвет – преимущественно южнорусское и зеленый, желтый цвет – междиалектное). Лексемы общерусские и их варианты обозначаются значками с бесцветной заливкой или штриховкой.

Описанная нами группа диалектных слов расширяет представление о своеобразии лингвистического ландшафта Среднего Поволжья и лексическом богатстве самарских говоров, в том числе о раритетных, локально представленных единицах, обладающих огромным потенциалом этнокультурного воспитания.

Библиографический список

1. Арзьева О. Русская свадьба в самарском крае: описание обряда (по материалам архива ГАСО, ИЭКА «Поволжье», СОУНБ и кафедры региональной культуры и этнографии СГАКИ) // Самара и губерния. – 2000. – № 6. – С. 80–82.
2. Баженова Т.Е. К проблеме интерпретации диалектных явлений в фольклорных текстах (на материале русских песен Самарского края) // Язык – Текст – Дискурс: проблемы интерпретации высказывания в различных коммуникативных сферах: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2011. – С. 235–239.
3. Баженова Т.Е. Русский свадебный обряд и его отражение в диалектной лексике (на материа-

ле самарских говоров) // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сб. статей. – Самара: ПГСГА, 2013. – С. 98–101.

4. Баранникова Л.И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 104 с.

5. Брыкина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 51–56.

6. Ведерникова Т.И. Русские Самарского края: история и традиционная культура. – Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – 220 с.

7. Войтенко А.Ф. Лексические различия на территории Московской области (лексикографическая, лексикологическая и лингвогеографическая характеристика): дис. в виде науч. доклада... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 75 с.

8. Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. – М., 1991. – 223 с.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 3. – 555 с.

10. Диалектологический атлас русского языка: в 3 вып. Вып. 3. Лексика. Синтаксис. – М., 2004.

11. Кармакова О.Е. Названия вечерних собраний молодежи в русских говорах // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 132–140.

12. Никифорова О.В. Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 13 с.

13. Носков А.К. Деревня, деревнюшка: русские народные песни, записанные в сёлах Самарской области в 1965–2007 гг. – Самара: Книга, 2008. – 543 с.

14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – 944 с.

15. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. – Вып. 1–47. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014 (продолжающееся издание).

16. Толстой Н.И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1974. – С. 16–33.

17. Чугаев Д.Б. Лексика русских предсвадебных обрядов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 22с.

**ТРАДИЦИОННЫЙ ИМЕННИК КОСТРОМСКОЙ ДЕРЕВНИ
(гендерный аспект глазами писателя-деревенщика)**

Произведения писателя Ефима Васильевича Честнякова, коренного жителя деревни Шаблово Кологривского района Костромской области, реалистически точно и полно отразившего в своём творчестве жизненный уклад, особенности живой разговорной речи крестьян поунженских деревень, являются уникальным и эффективным источником языкового материала для изучения антропонимической системы традиционных поунженских (кологривских) говоров. Антропонимический материал произведений Е.В. Честнякова важен и в том плане, что писатель представил функционирование личных имён в различных жизненных ситуациях с учетом возрастных, социальных и гендерных значений. Новые материалы из рукописных книг Честнякова, опубликованные Костромским государственным объединённым художественным музеем, в котором хранятся рукописи писателя, позволяют представить картину крестьянского антропонимикона поунженской деревни XX века более полно. Они дают возможность воссоздать состав и структурные качества традиционных крестьянских крестильных имён рассматриваемой территории того времени и определить антропонимические изоглоссы на обширной территории распространения христианских имён, древнейших и самых массовых заимствований в русском языке, полностью усвоенных диалектами. В произведениях Е.В. Честнякова женские личные крестильные имена являются особенно частотными и многовариантными. Они функционируют в полных и производных народно-разговорных формах, наиболее употребительных в крестьянском обиходе, что подтверждают данные наших полевых экспедиций по территории поунженских деревень Кологривского района Костромской области. Рассматриваемые антропонимические формы восходят к одному женскому крестильному имени и образуют антропонимическое гнездо, отражающее специфику традиционного именника исследуемой территории Костромской области.

Ключевые слова: крестильные имена, диалектные разновидности антропонимов.

Особенности национальной антропонимической системы обусловлены спецификой функционирования личных имён в разнообразных контекстах живой речи. Изучение личных имён, употребляющихся в данном языке в связи с их носителями и сферой общения, связано с выявлением своеобразия антропонимов, свойственных различным диалектам. А.В. Суперанская отмечала важность изучения местных разновидностей имён. Она писала: «Реально живет имя собственное в той подсистеме, в которой и на основе закономерностей которой оно возникло. Подсистемы эти прежде всего территориальны: они определяются представленными в той или иной местности говорами, а также различными субстратными и адстратными влияниями. Кроме того, эти подсистемы в известной степени социальны – определяются доминирующим в данной местности населением или его составом в момент заселения территории» [5, с. 224].

На сегодняшний день русский именник той или иной территории, в том числе и Костромской области, остаётся малоизученным. Актуальными представляются слова В.А. Никонова о том, что, несмотря на опыт исследователей других стран, например словаков, которые собрали у себя производные формы имён в огромном количестве и могут точно показать их географию, мы плохо представляем, где звучит Митяй, где Митрий, где Митюк, и не интересуемся анализом местных вариантов [4, с. 55].

Личные имена собственные, составляющие часть лексической системы того или иного говора, разнообразны, многочисленны и высокочастотны.

Данные местного антропонимикона обычно не включают в диалектные словари, за редким исключением, как, например, в «Кратком ярославском областном словаре», составленном Г.Г. Мельниченко [3]. Между тем этот аспект важен для решения многих культурно-лингвистических и социологических задач и, прежде всего, для понимания статуса того или иного говора.

При отборе источников для исследования живой разговорной речи, по мнению Е.Г. Ковалевской, нужно уделять внимание текстам художественных произведений, установка авторов которых была на достоверное воспроизведение речевой практики своего времени [2, с. 14, 332]. Произведения писателей-деревенщиков, к которым с полным правом можно отнести Ефима Васильевича Честнякова, коренного жителя деревни Шаблово Кологривского района Костромской области, реалистически точно и полно отразившего в своём творчестве жизненный уклад, особенности живой разговорной речи крестьян поунженских деревень, в том числе с точки зрения именного репертуара, являются уникальным и эффективным источником языкового материала для решения поставленных выше лингвистических задач.

Личные имена произведений Честнякова, широко представленные в различных формах, отражающих особенности традиционных поунженских (кологривских) говоров, вошли наряду с нарицательной лексикой в состав диалектного словаря народно-разговорного языка «Живое поунженское слово», составленного Н.С. Ганцовской и автором этих строк по произведениям писателя [1].

Сейчас появились новые публикации произведений Честнякова. Костромским государственным объединённым художественным музеем, в котором хранятся рукописи Честнякова, были представлены материалы из рукописных книг писателя, изученные и «расшифрованные» ведущим научным сотрудником музея Т.П. Сухаревой [8]. В сборник вошли стихи, сказки и отдельные высказывания в основном из трёх рукописных книг. Большая часть произведений, вошедших в настоящее издание, публикуется впервые. Составитель счёл возможным включить в сборник и незаконченные произведения Честнякова, так как они существенно дополняют другие тексты и дают ключ к их пониманию. Опубликованные ранее произведения, уже известные широкому кругу читателей, воспроизводятся в соответствии с подлинным текстом оригинала. Составитель не вносил каких-либо поправок и изменений, не допускал домысливания непонятных слов, внесения дополнений в недоработанный, не поддающийся прочтению или утраченный фрагмент. При таком подходе к публикуемому материалу читатель может проследить творческий процесс писателя, увидеть произведения во всём богатстве и разнообразии его языка, в том числе и с точки зрения антропонимического материала. Это позволяет продолжить изучение личных имён произведений Честнякова и представить картину крестьянского антропонимикона поунженской деревни XX века более полно.

Антропонимический материал произведений Честнякова важен и в том плане, что писатель представил функционирование личных имён в различных жизненных ситуациях с учетом возрастных, социальных и гендерных значений.

В материалах из рукописных книг Честнякова отмечено более 60 антропонимов, не вошедших в состав вышеупомянутого словаря народно-разговорного языка писателя Н.С. Ганцовой и О.А. Образцовой. Это крестильные имена, функционирующие в различных своих народно-разговорных формах. Редким исключением является употребление канонической формы крестильного имени, соответствующей нормам церковного календаря (святцев), которая, как писал Б.А. Успенский, не допускала никакого произвола и относилась преимущественно к книжному, церковнославянскому языку [6, с. 9].

Женские личные крестильные имена в произведениях Честнякова являются особенно частотными и многовариантными. Они функционируют в полных и производных народно-разговорных формах. Полные формы – это формы, возникшие в результате непосредственного усвоения крестильных имён (иноязычных по происхождению) русской языковой средой. Производные – формы, образовавшиеся от полной или сокращенной основы крестильного имени с помощью суффиксов или иным способом.

Так, в материалах из рукописных книг Честнякова зафиксированы женские имена, не представленные в словаре народно-разговорного языка писателя: Лизавета, Огафья, Фетодья. Эти имена используются Честняковым для именования героинь при описании такого важного события в деревне и в жизни девушки или молодой женщины, как сватовство, что подчёркивает официальный характер употребления полной формы крестильного имени в крестьянском обиходе. Данные антропонимы являются женскими крестильными именами в полных народно-разговорных формах. Крестильное имя Лизавета (от Елизавета, греч. Ελισάβετ) характеризуется отсутствием инициального безударного гласного, что свойственно функционированию антропонима в живой разговорной речи (Елизавета > Лизавета). Антропоним Огафья (от Агафия, греч. Ἀγαθός) употребляется у Честнякова с гласным «о» в соответствии с исходным каноническим церковнославянским «а», и без гласного звука на месте редуцированного *ї* в слабой позиции (Агафия > Огафья), что также соответствует нормам живого народно-разговорного языка: *Из невест – остались в деревне Матрёна и Огафья.. В тот вечер их не было на беседке – гостили в чужой деревне.. Ещё не было тогда Лизаветы – гостила у тётки – она вышла за Кузьму.. А Огафье нашла хорошего жениха.. Та девица, которая замужем в Заволочье на Кунаже, там и нашла.. Матрёна же вышла в своём приходе* [8, с. 107]. Полная форма женского крестильного имени Федотья (от Феодотия, греч. Θεοδοτία) характеризуется отсутствием зияния гласных (Феодотия > Федотья): *Стали разговаривать, что просватали тётушку Федотью на Хапово за Митрия, к Ивану Власовичу, ко Власенку... и что в такой-то день сговоры... Мы поедem на сговоры* [8, с. 27].

Эти особенности употребления полных форм крестильных имён в среде поунженских крестьян начала XX века, отраженные в произведениях Честнякова, в целом сохранились и в живых кологривских говорах. Так, Веселова Нина Константиновна, д. Спирино, 1926 г.р., вспоминает: *Родители Константин Иванович и Марья Андреевна. Дожили они со мной. Прожили фсю жись в Спирино. Вот как у отца-то софпало: отец Иван, и те, кто взяу его в приёмшы-то, тожо Иван. Два Ивана у отца-то. А у мамы – батько Ондрей, вот уж отчество и забыла какое. Крёсная была. Только она умерла у меня. Настасьей её звали. И кресной быу, уш помер. Никого нет. Раньше звали их кокой: коко Настасья, коко Леонит. Серова Анастасия Германовна, д. Красный бор, 1924 г.р., рассказывает: У деда моего пять братьев: старший брат Борис, дядя Иван, Василей, Леонит, Роман, Овдотья, доцька, Оля и Графюра. В Пеженге Вахромея знаю.*

Значительная часть женских крестильных имён из материалов рукописных книг Честнякова пред-

ставлена разнообразными производными формами, наиболее употребительными в крестьянском обиходе. Вслед за Б.О. Унбегауном можно сказать, что популярность крестильного имени в известной степени может оцениваться по количеству производных форм [7, с. 57].

Так, женское крестильное имя Агриппина, зафиксированное в словаре народно-разговорного языка Честнякова в полных народно-разговорных формах Аграфена и Ографена, в опубликованных рукописных материалах функционирует в производных формах Груня, Грунюшка, Грушенька. Данные антропонимы образованы от сокращенной основы крестильного имени. Они используются писателем преимущественно для именования детей или близких родственников и отражают более неформальную сферу общения. Так, имя Груня употребляется в отрывках из воспоминаний Честнякова о своём детстве при упоминании тётушки, родственницы или близкой знакомой семьи: *В избе у тётушки Груни дедушко похвастал гостям, что я умию рисовать.. Пожелали, чтобы что-нибудь нарисовал.. И стесняясь гостей нарисовал на бумаге лошадку.. Раньше я не слышал от дедушка похвалы за рисованье.. Он впервые об этом заговорил только тогда (на свадьбе)...* [8, с. 29]. Производная форма Груня является дериватом от консонантной сокращенной именной основы. По данным словаря народно-разговорного языка Честнякова, формант -ун(я) характерен как для мужских, так и для женских производных форм крестильных имён, образованных от полных или сокращенных именных основ. Продуктивность форманта -ун(я) для производных форм крестильных имён жителей поунженских деревень подтверждается и материалами наших экспедиций по территории Кологривского уезда. Так, Лещова Валентина Федосеевна, д. Хапово, 1922 г. р., вспоминает: *Вот у меня сестра была Дуня. Сёстры её Дунькой звали, а со стороны её называли фсё Овдотьё. Скажут: «Вон Овдотьё идёт». А сёстры её звали фсё Дунькой звали. Да и вниманья не обращали, кто как ково зовёт.* Также Белова Тамара Петровна, д. Красный бор, 1931 г. р., рассказывает: *Офонаска сняў кепоцьку и говорит: «Можот, и не вернусь!» Стояў и плакаў. А из Хапова Колюня в Варзенгу уехал, больной уш, старой. Всю жысь живёт да не женат.*

Производная форма Грунюшка употребляется для именования маленькой девочки, главной героини одноимённой сказки Честнякова. Данный антропоним является вторичным дериватом, образованным от сокращенной основы крестильного имени с помощью суффикса -ушк-/-юшк- (Аграфена / Ографена > Груня > Грунюшка): *Жила-была девóнька Грунюшка.. Она любила играть в куклы.. а дедушко и баўшка.. мужик и баба бранились промеж себя.. и не давали девóньке в куклы играть.. И посылают Грунюшку в лес по ягоды... Дают*

лукошко большое.. де набери полное (все землянички)... [8, с. 86]. Данный суффикс, по материалам словаря народно-разговорного языка произведений Честнякова, является частотным и отмечается в производных антропонимах любого лица преимущественно от полных именных основ (Кирилл > Кирилушко; Катерина > Катериноушка). Материалы из рукописных книг писателя показали, что суффикс -ушк-/-юшк- участвует в образовании не только первичных, но и вторичных дериватов от сокращенных именных основ, что свидетельствует о большей продуктивности суффикса в антропонимической системе крестьян поунженских деревень Кологривского уезда.

Подобные формы антропонимов были отмечены нами и в живой речи кологривчан. Так, Мария Васильевна Хватова, д. Хапово, 1927 г. р., рассказывает: *Семён муш мой быу, Сенька, Сенюшко. Сёма не зовите, а то заряфкает.*

Производная форма Грушенька употребляется в отрывке из неоконченного произведения, посвященного деревенским детям. Оно изобилует производными уменьшительными женскими именами. Данный антропоним является вторичным дериватом женского крестильного имени, образованным от сокращенной именной основы с помощью суффикса -еньк- (Аграфена / Ографена > Груша > Грушенька): *Сорвите вы все по цветочку Принесите и ягод душистых.. И ещё принесите по песне крылатой.. <...> Дунюшка ты принеси незабудок растут у ручья.. А Груня иди в заповедные луга и принеси белых барашков.. Дашенька – зверобой.. А ты Маши – глазки свои.. Поля нарви всех цветов полевых.. стаканчик шмелиного мёду.. Пашенька мачихи листик возьми.. Грушенька, ты маргаритку сорви* [8, с. 48]. Подобные формы антропонимов частотны в словаре народно-разговорного языка произведений Честнякова. По данным этого словаря, образования на -еньк- являются продуктивными среди производных на базе сокращенных именных основ в исследуемом антропонимиконе. Они характерны для мужских и женских крестильных имён. Материалы из рукописных книг Честнякова подтверждают эти сведения и дают более широкое представление об употреблении подобных антропонимов.

Полевые материалы также свидетельствуют о распространённости данных производных форм крестильных имен в живой речи. Иванова Августа Владимировна, д. Хапово, 1927 г. р., рассказывает: *И вот идут гулять церес нашу деревню. «Сашенька!» – заво́яют, а которой и: «Шуронька!».. Я с сыном живу, он не женатый. Вот я бранюсь, так – Сашка. Когда не браню его: «Иди, Сашенька, с Богом!»*

Рассматриваемые антропонимические производные формы восходят к одному женскому крестильному имени и образуют антропонимическое гнездо. По данным словаря народно-разговорного языка Честнякова, антропонимическое гнездо кре-

стильного имени Агриппина представлено только двумя вариантами полной формы антропонима: Агриппина – Аграфена, Ографена. Материалы из рукописных книг писателя позволяют более полно воссоздать состав антропонимического гнезда данного крестильного имени: Агриппина – Аграфена, Ографена, Груня, Грунюшка, Грушенька.

Произведения Е. В. Честнякова являются важным источником изучения именника костромской деревни XX века. Они дают возможность представить состав и структурные качества традиционных крестьянских крестильных имён рассматриваемой территории того времени и определить антропонимические изоглоссы на обширной территории распространения христианских имён, древнейших и самых массовых заимствований в русском языке, полностью усвоенных диалектами.

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
2. *Ковалевская Е.Г.* История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978. – 384 с.
3. *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. – Ярославль: ЯГПИ, 1961. – Т. 1. – 224 с.
4. *Никонов В.А.* Ищем имя. – М.: Сов. Россия, 1988. – 128 с.
5. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
6. *Успенский Б.А.* Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). – М., 1969. – 334 с.
7. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
8. *Честняков Е.В.* Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева; отв. ред. Н.А. Дружнева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

ОБЩЕРУССКОЕ И УЗОРЕГИОНАЛЬНОЕ В НАЗВАНИЯХ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО РЕЛЬЕФА В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

В статье отражены результаты исследования, которое проводилось с использованием материалов картотеки Костромского областного словаря, в частности корпуса названий положительного рельефа. Названия возвышенных мест в костромских говорах рассматриваются на фоне лингвистических и внелингвистических факторов, под воздействием которых или процессы номинации и развития семантики терминов, формировался их репертуар. Определяется география лексем, выявляются их общерусские и узорегиональные характеристики. Большую часть репертуара названий составляют слова, относящиеся к обще- и восточнославянскому словарному фонду, давно бытующие в русских говорах и имеющие вполне определённую локализацию. В их числе диалектизмы семантические и собственно лексические. Это народные географические термины, бытующие в говорах различных областей, а также такие, ареал которых ограничен Костромским регионом. Обращается внимание на термины, имеющие узколокальный характер распространения: пугорька 'холм, бугор', косяки 'кочки на болоте', свирло 'крутая гора', шибала 'гора', курань 'могильный холм'. Некоторые термины в речи жителей Костромской области энантисемичны: если в одних говорах они характеризуют положительный рельеф, то в других – отрицательный (вертеп, выскирь, гряды, елань, коса). Рассматривается семантика бытующего в говорах восточных районов региона местного географического термина вертеп, который толкуется как 'большой овраг с непроходимым кустарником' и как 'небольшая возвышенность'. На основе лексикологических и лексикографических данных устанавливаются значения этого слова, принадлежащего к архаическому слою лексики, в синхронии и диахронии. Делается вывод, что номенклатура местных названий возвышенных мест коррелирует, с одной стороны, с природными характеристиками различных районов края, с другой – с выделяемыми группами говоров Костромской области.

Ключевые слова: говоры Костромской области, Программа ЛАРНГ, народный географический термин, названия возвышенных мест, изоглосса, семантика, энантисемия.

Народный географический термин соотносится с природно-географическими условиями конкретной местности. Во многом они определяют и репертуар терминов, и смысловое содержание слова. Так, большая часть территории Костромского края представляет собой низменность [1, с. 6]. Возвышенности сосредоточиваются на северо-востоке, куда заходят отроги Северных Увалов, и вдоль Галичско-Чухломской гряды, с севера на юг пересекающей область. «Возвышенности эти народ называет горами, потому что не знает настоящих гор; правильнее считать их холмами» [3, с. III]. Особенности природного ландшафта отчасти объясняется то, что в костромских говорах названия возвышенностей в количественном отношении менее представлены, чем названия низменных мест ($\approx 1 : 2$). В картотеке Костромского областного словаря (ККОС) зафиксировано около 120 слов, которые в соответствии с вопросами Программы ЛАРНГ можно отнести к данной тематической группе.

Репертуар названий возвышенных мест в костромских говорах в основном составляют слова, относящиеся к обще- и восточнославянскому словарному фонду, давно бытующие в живой народной речи и имеющие вполне определённую локализацию. Это лексемы, представленные в словарях русского литературного языка, но в говорах употребляющиеся с иным значением, например: буй 'плавающий сигнальный знак, устанавливаемый на якоре для обозначения опасных мест (мелей, подводных камней и т. д.)' [11, т. 1, с. 122] – 'небольшая возвы-

шенность, холм' (Кадейский р-н), 'возвышенное, открытое место' (Костромской, Красносельский р-ны); верх 'самая высокая часть чего-л., верхняя часть, оконечность чего-л.' [11, т. 1, с. 153] – 'возвышенность' (г. Галич); кряж 'цепь невысоких гор' [11, т. 2, с. 142] – 'высокий берег реки' (Судиславский р-н). Далее, лексемы, не представленные в словарях русского литературного языка, но в качестве народных географических терминов бытующие в говорах различных областей, в том числе Костромской. Так, слово бугрови'на 'возвышенное место', записанное в Костромском р-не, известно в говорах Псковской области [6, вып. 2, с. 195] и Тверского края [10, вып. 3, с. 239]; изоглосса лексемы изло'бок 'небольшой холм, пригорок', отмеченной в Павинском р-не – Вон поди на излобок-то, видные будёт, уходит в Вологодскую область и на Средний Урал [10, вып. 12, с. 139]; изоглосса лексемы сго'рок 'луг на возвышенности', зафиксированной в Межевском р-не – Вон там, на сгорках, коров пасут), – в Пермский край, на Урал [10, вып. 37, с. 39]. Сравним также: борови'на 'возвышенное, покрытое лесом место среди заболоченного участка' в северо-западных говорах Костромской области (Кологривского, Парфьевского, Солигаличского, Чухломского р-нов) – Боровина и болотнина. Высокое место в балоте. На высоком месте, на баравине, и лес растёт хороший (Чухломский р-н, д. Шартаново) – «возвышенное, покрытое лесом место – остров среди болота. Нижне-Турин. Свердл.» [10, вып. 3, с. 104]; головоло'м 'крутой склон' в восточных говорах – Да Фёдор

мой однажды по гололому скатился (Мантуровский р-н, д. Рогово) – «крутое место на горе» (Пермский край, Урал) [10, вып. 6, с. 312].

Среди названий возвышенных мест имеются народные географические термины, ареал которых ограничен Костромским регионом. Например, в восточных говорах бытуют лексемы *голова'* со значением 'вершина горы, холма' (говоры Кадыйского, Мантуровского и Шарьинского р-нов): *Да его <холма> голову от самой деревни видать* (Мантур., д. Рогово); *горб* – 'небольшое возвышение на лугу, на лесной поляне' (говоры Мантуровского и Парфеньевского р-нов): *Иди собирай маслята на горбах под соснами* (Мантур., д. Самылово). (По Г. Г. Мельниченко, эти говоры входят в смежные VI, VII и IX диалектные зоны [5, к. 90].) Известны также народные географические термины, имеющие узколокальный характер распространения. Так, термин *пу'горька* 'холм, бугор' зафиксирован в речи жителей г. Галича: *А дом-то у них на пугорьке стоял*; термин *косяки'* 'кочки на болоте' – д. Екатеринкино Кадыйского р-на: *По косякам мы перешили болото*; *сви'рло* 'крутая гора' – д. Шелево Мантуровского р-на: *По свирлу-то и не поднимаешься*; термин *шабала'* 'гора' – Кологривского р-на: *На высокой шабале деревня-то наша стояла, а внизу ключ бил* (информант – бывший житель д. Шаблово); термин *курань* 'могильный холм' – д. Никулино Костромского р-на: *Ходила на кладбище, курань поправила у мнука. Цветы посадила*.

Некоторые термины в речи жителей Костромской области энантиосемичны: одна и та же лексема может употребляться для обозначения как положительного, так и отрицательного рельефа. Это такие лексемы, как *верте'н*, *выски'рь*, *гряда'*, *ела'нь*, *коса'* и некоторые другие. Например: слово *выскирь* в говоре с. Одоевского Шарьинского р-на толкуется как 'небольшой подводный обрыв' ↔ как 'высокое место, возвышенность' в говоре д. Вочурово Мантуровского р-на; географический термин *коса* в речи жителей г. Мантурова употребляется в значении 'нанос песка на реке' ↔ в значении 'резкий обрыв на дне реки' в говорах д. Знаменки Мантуровского р-на, с. Салтанова Нейского р-на, д. Бабаево Нерехтского р-на; слово *елань* в говоре д. Корегино Шарьинского р-на определяется как 'возвышенное место' ↔ как 'окно на болоте' в говоре с. Романцева Буйского р-на.

На северо-востоке Костромской области термин *верте'н* может обозначать как низменное, так и возвышенное место. В говоре д. Корегино Шарьинского р-на это 'большой овраг с непроходимым кустарником': *Через этот вертеп никак не пройдёшь*. В говоре с. Веденья Октябрьского р-на *вертеп* – 'небольшая возвышенность': *Шитье такое вертеп? Так то угорчик, косят тамо, лонись вона сколь стогов поставили на вертеп* (по данным

ККОС, в Октябрьском р-не *угор* 'небольшая возвышенность, холм').

Слово *вертеп*, сохранившееся в говорах, принадлежит к архаическому слою лексики. Лексикографические данные позволяют установить значения этого географического термина как в синхронии, так и в диахронии.

Старославянское слово *вертеп* (*вртепъ* = *врѣтеп* = *врѣтъпъ*) образовано от *врѣтъ* 'сад' и первоначально употреблялось в том же значении [13, т. 1, стб. 245, 464]. Как определяется в «Этимологическом словаре русского языка», в основе семантики «лежит представление или о вьющихся деревьях сада, или о саде как месте укрытия, причём последнее должно было быть у *врѣтъ* хотя бы в качестве вторичного, откуда *врѣтъ* "пещера", т. е. "место-укрытия"» [14, с. 65]. Термин отмечается в памятниках начиная с XI в., в частности, в Остромировом евангелии и Патерике синаяском употребляется в значениях 'пещера' и 'сад' [7, с. 64, 125; 13, т. 1, стб. 461]. Оба значения, по-видимому, имели одну и ту же семантическую мотивацию: слово *сад* толковалось как «огороженное пространство земли, усаженное деревьями и растениями» [7, с. 742], то есть также 'место-укрытие'.

В истории слова *вертеп* можно предположить «первоначальный синкретизм сложного значения», о котором писал Б.А. Ларин, полагая, что на новом этапе развития и для литературного языка, и для говоров характерен распад этого единства: «Отдельные русские говоры знают теперь либо по одному из первичных значений, либо, в редких случаях, сохраняют древнее "единство противоположностей", либо только производные, иногда лишь одно из позднейших производных значений» [4, с. 98]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» наряду с первичными значениями слова *вертеп* выделяются производные: «ущелье, расщелина», «лощина, овраг» [8, с. 97–98]. В «Словаре русского языка XVIII века» представлено лишь одно из первичных значений – 'пещера', а также производные, в том числе позднейшие: «труднодоступный овраг» – с пометой «*обл.*»; «впадина (?)» – с пометой «*геогр.*» [9, с. 50–51]. Это же первичное значение с пометой «*устар.*», а также производное значение «овраг» с пометами «*устар.*», в просторечии и *обл.*» [12, т. 2, стб. 190], «*обл.*» [11, т. 1, с. 152] даются в академических нормативных словарях XX в., то есть слово называет элемент отрицательного рельефа.

Однако в живой народной речи лексема *вертеп* может употребляться для обозначения географических реалий, относящихся как к отрицательному, так и к положительному рельефу. Например: в говорах Осинского уезда Пермского края *вертеп* – «большой овраг с непроходимым кустарником, лесом» || «возвышенность, холм с логами» [10, вып. 4, с. 151]; в карпатских диалектах – «пещера»;

непрохідна ущелина; пропаля; балка з болотом» || «велика скала» [15, с. 358]. По всей видимости, развитие получил мотивационный признак 'место-укрытие' → 'малодоступное место' → 'труднодоступное место' → 'труднопроходимое место' и т. п. В зависимости от особенностей ландшафта труднопроходимым может быть как низменное, так и возвышенное место.

Бытование в восточных говорах Костромской области лексемы *вертеп* с различными значениями обусловлено как лингвистическими, так и внелингвистическими факторами. Значение 'большой овраг с непроходимым кустарником' (основная сема 'овраг' дополнена признаками 'большая величина' + 'наличие непроходимого кустарника') – более раннее производное значение, известное и в других говорах. Значение 'небольшая возвышенность' представляется позднейшим, связанным с развитием в слове антонимических признаков-сем. Здесь наблюдается семантический процесс по принципу зеркального отражения: отражается основная сема 'овраг' ↔ 'возвышенность' и сопутствующий признак 'большой' ↔ 'небольшой'. Однако едва ли значения 'глубокий овраг' и 'небольшая возвышенность' можно рассматривать как полярные. Скорее всего, как полярные определяются дополнительные признаки. Из приведённой ранее иллюстрации (...*вона сколь стогов поставили на вертеп*) следует, что значение 'небольшая возвышенность' может быть дополнено признаком 'открытое, не заросшее кустарником и деревьями место', который противоплагается признаку 'наличие непроходимого кустарника'. Позднейшее производное значение является полярным и по отношению к исходному 'место-укрытие' ↔ 'незащищённое, открытое место'. Экстралингвистические факторы обусловлены особенностями рельефа Ветлужско-Унженской физико-географической провинции Костромской области. В её восточной части расположены селения, в говорах которых зафиксирован народный географический термин *вертеп*.

Наблюдения показывают, что номенклатура местных орографических терминов коррелирует, с одной стороны, с природными характеристиками различных районов края, с другой – с выделяемыми группами говоров Костромской области: юго-западными, в которых преобладают черты говоров центрального типа; восточными – с преобладанием черт говоров периферийного типа; северо-западными (говорами междуречья Костромы и Унжи) –

с чертами говоров центрального и периферийного типов примерно в равном соотношении [2, с. 7–8].

Библиографический список

1. Владимирский Н.Н. Костромская область. (Историко-экономический очерк). – Кострома: Тип. им. М. Горького, 1959. – 356 с.
2. Ганцовская Н.С. Особенности говоров Костромской области. – Кострома: КГПИ, 1992. – 96 с.
3. Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1877. – LXXIII, 465 с.
4. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избр. работы.) / сост. Д.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
5. Мельниченко Г.Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. – 90 к.
6. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. – 248 с.
7. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1899. – 946 с.
8. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. – Л.: Наука, 1987. – 296 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / под ред. С.Г. Бархударова, Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 1975. – 320 с.
10. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.
11. Словарь русского языка: в 4 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1912.
14. Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 3 / под рук. и ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 284 с.
15. Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 1. – Київ: Наук. думка, 1982. – 632 с.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОСТРОМСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ (обозначение положительного рельефа)

Статья посвящена микротопонимам Костромской области, которые образованы на основе названий положительного рельефа – географического термина *гора* и его производных, отличающихся своеобразием семантики, структуры и особенностями функционирования в костромских говорах. Это собственные наименования и естественно возникших, и созданных руками человека объектов. Они образованы на основе как известных литературному языку, так и местных географических терминов, отражающих диалектные особенности. Занимая особое положение в системе имён собственных, микротопонимы тесно связаны с именами нарицательными, в данном случае продуктивными в их образовании географическими терминами, и в определённой степени сохраняют их семантику. Все выявленные в костромских говорах значения слова *гора* и его производных, во многом известные говорам и другим регионов, нашли отражение в микротопонимии. Географические термины переходят в разряд микротопонимов как в готовом виде, без формальных изменений, так и в сочетании со словами, каким-либо образом характеризующими именуемые объекты. Микротопонимы содержат, как бы консервируя в себе, сведения об особенностях, ставших основой для образования географических терминов, подтверждая, раскрывая и расширяя их семантику.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, костромская микротопонимия, географическая терминология, географический термин *гора*.

Географические термины, представляющие одну из самых многочисленных и содержащих важную информацию о диалектах частей лексических систем говоров, являются продуктивными в образовании микротопонимов. На значимость изучения местной географической терминологии обращали внимание в своих работах Н.И. Надеждин, Л.С. Берг, Н.И. Толстой и многие другие исследователи. «Народные термины – неисчерпаемый источник пополнения научной терминологии. В ряде случаев они более точно и предметно информируют о содержании и нюансах географического объекта, природного явления», – пишет Э.М. Мурзаев в своём «Словаре народных географических терминов» [6, с. 1], содержащем толкование научной терминологии и сравнительный анализ географической лексики.

В костромской микротопонимии оказались законсервированными многие географические термины. Это и местная географическая терминология, и термины, хорошо известные литературному языку, однако в говорах нередко имеющие иные значения и своеобразие в структуре и функционировании, отражающие диалектные особенности, на что мы уже неоднократно обращали внимание (см., например, [11; 12] и др.). Объектом исследования в данной статье являются микротопонимы, образованные на основе названий положительного рельефа – географического термина *гора* и его производных *горка*, *горушка*.

Географический термин *гора*, обозначающий в русском литературном языке ‘значительную возвышенность, поднимающуюся над окружающей местностью или выделяющуюся среди других возвышенностей’ [2, с. 218], в костромских говорах в наименованиях возвышенностей, даже самых незначительных, звучит, по сравнению с другими географическими терминами, наиболее часто. Как сви-

детельствуют материалы картотеки Костромского областного словаря и наши личные наблюдения, в говорах костромского края горой называют возвышенность (как значительную, так и небольшую, поскольку настоящих гор здесь практически нет); берег реки (любой) и крутой, высокий, возвышенный берег реки, а также расположенное на пригорке кладбище, о чём есть сведения с пометой *кстр.* и в словаре В.И. Даля [3, т. 1, с. 375]. Данные значения находят отражение в микротопонимии. Горой в костромском крае именуются холм, лес, берег реки, а также возвышенная часть какого-либо объекта или любой объект (поселение, часть поселения, лес, поле, дорога и т. д.), находящийся на возвышенности, верхняя часть возвышенности и т. п.

В топонимии термин *гора* используется как самостоятельный, перешедший в разряд топонимов без формальных изменений (процесс семантической онимизации): *На Горе она живёт.* – д. Екатеринбург Кадыйск. (здесь и далее в сокращении даются названия районов Костромской области); *На Гору к своим ходила.* – с. Соловецкое Октябрьск.; *Гульбища раньше на Горе были.* – п. Вохма Вохомск.; *Родом я с Горы.* – г. Галич Галичск.; *На Гору-то ходила? Там тоже поспрашивай.* – с. Подольское Красносельск. и т. д. (повсеместно), так и в сочетании с субстантивами и адъективами, часто отантропонимического и оттопонимического происхождения: *Баклановская гора* (Баклановская-то гора – у деревни Бакланово. – д. Курилово), *Барская гора* (Барская гора – крутая гора у деревни Георгиевское. – с. Словинка) – Антроповск.; *Бабкинская гора* (На Бабкинской горе столько тракторов перевернулось! – д. Ильино), *Ведьмина гора* (Так называлась раньше возвышенность, на которой находится посёлок Чистые Боры до его постройки. – с. Борок) – Буйск.; *Сельсоветская гора* (На высоком месте стоит сельский совет. –

с. Тихон) – Вохомск.; **Белая гора** (Это береговая возвышенность, в деревне Булдачиха. Издалека кажется белой из-за обилия песка и белой глины. – с. Завражье), **Колпашникова гора** (Это место в полтора километрах от деревни Лубяны, где много цветов – купальниц. Мы раньше за купальницами ходили на Колпашникову гору. – с. Завражье) – Кадыйск.; **Козловская гора** (У деревни Козлово плохая дорога была, в гору. Шофёры называли её Козловская гора. – г. Кологрив) – Кологривск.; **Варило́ва гора** (Поле Варилова гора находится перед Саметью, справа. – с. Саметь) – Костромск.; **Высо́кая гора** (Это и не гора совсем, а просто высокое место было, но все звали Высокая гора. – с. Здемирово), **Иса́ковская гора** (Названа жителем, который её сделал, чтобы когда разливалась река, не затопляла деревню. – д. Рыжково) – Красносельск.; **Му́линская гора** (На её вершине находится деревня Мулинское. На Мулинскую гору ездили всегда на лыжах кататься. На Мулинской горе коров встречала. – д. Фёдоровское), **Высо́ковская гора** (Нас побить, побить хотели на Высоковской горе... Частушку такую пели, всю-то уж и не помню щас. – д. Евдокимово) – Макарьевск.; **Пале́на гора** (Пале́на гора словно лысая, как выбрито всё от солнца. – с. Ушаково), **Поднебе́сная гора** (Высокая, крутая гора. Пошли на Поднебесную гору картошку печь. – с. Татарское) – Нерехтск.; **Медная гора** (Находится налево от большого поля в Залесье. Так и поле называется. – с. Михайловское) – Судиславск. и мн. др.

Это названия и естественно возникших (в большинстве случаев), и созданных руками человека объектов. Составные микротопонимы, образованные по схеме «географический термин *гора* + слово, каким-либо образом характеризующее объект», содержат сведения о поселениях (чаще) или других объектах, внутри которых или рядом с которыми находятся именуемые объекты, об их владельцах или иным образом связанных с ними людях (живут поблизости, попали в какую-то ситуацию на (в) этих объектах и т. д.), об их использовании, расположении, размере, форме, крутизне, красоте, особенностях почвы, растительности, животном мире и мн. др.: **Подклю́шина гора** (Находится вблизи деревни Степино. Под горой расположен ключ. – с. Понижье Антроповск.) **Антоновская гора** (Названа в честь фамилии богатой семьи Антоновых. – д. Елегино Буйск.), **Ки́рина гора** (Небольшой холм между селом Тихон и деревней Заречье около реки Вохма. На этом месте жил мужчина с семьёй по имени Кирилл. – с. Тихон Вохомск.), **Гро́шева гора** (Здесь убили мужика, а в кармане оказался один грош. – д. Тренино Кадыйск.), **Лы́сая гора** (Место для сбора грибов. Это такая полоса, где деревьев немного. А по сторонам этой полосы – густой лес. С Лысой горы всегда идут с полными корзинами. – д. Зарубино Костромск.), **Соба́чья гора** (Гора, где

в норах жили мыши, и за ними охотились стаи собак. – д. Захарово Красносельск.), **До́лгая гора** (Названа так из-за большой протяжённости. За Долгой горой очень красивые поляны, там много грибов. – д. Никулино Макарьевск.), **Песто́вая гора** (Растут песты на этой горе. – с. Татарское Нерехтск.), **Сопли́вая гора** (Сопливая гора – выезд из Судиславля, по направлению к Костроме. Когда-то по Сопливой горе провожали ректуты, дальше идти запрещалось. Сопливая – значит, слёзная. – п. Судиславль Судиславск.) и мн. др. (а также и названия, данные выше).

Выявленные в костромских говорах значения слова *гора* имеются во многих говорах других территорий. Так, например, в значении ‘возвышенный берег реки’, характерном, как показывают лексикографические источники, для славянского Севера, на что обращал внимание Н.И. Толстой [10, с. 93–94], данное слово употребляется в архангельских, вятских, ярославских, рязанских, пермских, тобольских, томских говорах, говорах Карелии и мн. др. [9, вып. 7, с. 16; 14, т. 3, с. 96; 7, т. 3, с. 73]. Частотно оно и в топонимии, например: возвышенная часть села *Гора*, место гуляний *Гора*, лес *Гора*, дорога *Гора*, поле *Анненская гора* и мн. др. – в топонимии Окско-Волжско-Сурского междуречья [4]; *д. Гора*, *д. Горы*, возвышенность *Захаровская гора* и др. – в топонимии Пермского края [8, с. 93–94] и т. д. В диалектах, и особенно ярко в севернорусских, имеется противопоставление *невысокий берег*, называемый берегом, – *высокий берег*, называемый горой; по Волге горой называют правый берег (см. об этом [13, т. 1, с. 438; 10, с. 93, 94] и др.). Известны и такие значения слова *гора*, как ‘земля, суша’, ‘собрание молодёжи’ и др. Семантический переход ‘гора’ ↔ ‘лес’, нашедший отражение в топонимии, в том числе и довольно широко в костромской микротопонимии, считается «одним из универсальных семантических сдвигов, характерных не только для славянских, но и для других индоевропейских, угрофинских, тюркских и монгольских языков» [10, с. 73]. По наблюдениям Н.И. Толстого, «в славянском языковом мире тенденция к такому семантическому сдвигу ярче всего проявилась у южных славян, – в некоторых говорах она распространилась и на заимствованные слова» [10, с. 73].

Многочисленны также микротопонимы, которые образованы на основе термина *горка*, обозначающего менее значительную, чем гора, возвышенность. Однако в костромских говорах термины *гора* и *горка* часто употребляются как равноценные. Горкой называют также и лесной участок, находящиеся на возвышении поселения, части селений, берег реки, расположенные на возвышениях поля, леса, дороги и т. д. или их части. Это и повсеместно встречающийся микротопоним *Горка*, и составные наименования, чаще образованные по

схеме «термин *горка* + слово, каким-либо образом характеризующее объект»: **Весёлая горка** (*Недалеко от села нашего. Раньше на ней собирался народ после каких-нибудь сельских работ для празднования и гулянья. – с. Трифон*), **Заячья горка** (*Небольшая горка у деревни. Название пошло от большого количества зайцев на этом месте. – д. Воронино*), **Крутая горка** (*Горка с большим наклоном. На Крутой горке детишки резвятся. – с. Палкино*), **Николина горка** (*Горка спускается от бывшей церкви Николо-Дор. Здесь крестили, венчались, по Николиной горке спускались. – с. Палкино*) – Антроповск.; овощехранилище в городе Буйе **Овощная горка** (*Здание засыпано песком в виде горки. Зимой детки на Овощной горке катаются. – г. Буй*), **Вишняя горка** (*Покос у деревни Тетерино. На Вишней горке Морогины не косили в том году. – д. Боково*), **Малая горка** (*Небольшая возвышенность близ деревни Малое Фёдорково. Они часто бегали на Малую горку.*) – Буйск.; **Красная горка** (*С древних времён сохранился обычай: в Пасху с этой горы катают яйца. – д. Иванково*), **Лисья горка** (*Гора за деревней Баулино, в ней много лисьих нор. Снова охотники на Лисей горке капканов наставили. – д. Степаново*) – Галичск.; **Голчинская горка** (*Возвышенность на месте бывшей деревни Голчино. – п. Кадый*), **Каменная горка** (*Место в лесу, где пытались строить железную дорогу. – п. Кадый*), **Митьковская горка** (*Крутой берег реки Нёмды, горка за деревней Митьково, место отдыха. В поход мы ходили на Митьковскую горку. – п. Текун*), **Пьяная горка** (*Место, где раньше проводили гулянья, в лесу. – п. Новый Курдюм*) – Кадыйск.; **Весёлая горка** (*Возвышенность рядом с железнодорожной станцией «Костриха». На Весёлой горке гулянья каждый вечер. – г. Мантурово*), **Красная горка** (*Лесок это на небольшой горке. Говорят, что раньше в Троицу девушки там завязывали ленточки на берёзах. Лесок преобразался и становился красным – красивым. – г. Мантурово*) – Мантуровск.; бывшая деревня **Большая Горка** (*Находится северо-западнее села Кужбал, в десяти километрах. Ходили гулять на Большую Горку. – с. Кужбал*), бывшая деревня **Малая Горка** (*Там же, где и Большая Горка. Этот парень с Малой Горки. – с. Кужбал*), **Школьная горка** (*Небольшой это пригорок, образовался при копке пруда. Ребята на Школьной горке деревья насадили и цветы. – с. Вожерово*) – Нейск.; перелесок **Вишняя горка** (*Вишняя горка или Вишневка называем перелесок-от, что у кладбища в Судиславле. – п. Судиславль*), **Лысая горка** (*На горке этой нет растительности. На Лысой-то горке ведь ничего не растёт. – с. Шахово*) – Судиславск.; **Песочная горка** (*Песочная горка – место в Медведках, где навалена большая гора песка, который уже закаменел и порос травой. Дети, молодёжь катаются там на лыжах и санках. – д. Медвед-*

ки) – Сусанинск. и мн. др. Это как естественные, так и созданные человеком объекты, которым в их наименованиях даются различные характеристики по определению их внутренних свойств, по их связи с человеком, какими-либо объектами, растительным и животным миром и т. д.

В костромском крае Горой или Горкой принято было называть возвышенные части селений, где обычно проводились праздники (как общенародные – религиозные, колхозные и т. д., так и праздники конкретных селений – обычно религиозные, посвящённые святым-покровителям), гулянья с плясками, пением песен и частушек под гармошку: *У каждой деревни свой празьнек, по светому, по празьнеку церковному... В Екатеринках – это Покров, значит; в Николаевском – Серьгов день; в Борисове – Ильин день; в Источках – Михайлов день. – д. Екатеринкино Кадыйск.; В Ильин-то день вся родня собиралась за большим столом. Издаёка даже приезжали. Готовили много всего вкусного. Пирог обезательно пёкли, студень делали... На Горку гулять ходили. Пели, плесали. Весело было! Теперь уж нет того... Уж семьям-то так и не собираются. Не те уж празьнеки-то... – д. Борисово Кадыйск.* Место гуляний горой и (или) горкой называют также в псковских [9, вып. 7, с. 37], вятских [7, вып. 3, с. 73], нижегородских [4] и многих других говорах. В данном случае, как пишет Л.А. Климкова, «при интерпретации единиц с *гора, горка* надо обязательно исходить из всего микропонимического комплекса с его дискурсивной частью, которая позволит различить в микропонимии компоненты – омонимы» [5, с. 89].

Менее активно в образовании микропонимов слово *горушка*. Например: лес **Горушка** (*Вчера мы на Горушку за грибами бегали. – д. Марково; Смешанный лес на небольшой возвышенности юго-восточнее деревни Кузьмищи. Пойдем на Горушку по грибы. – д. Кузовцово*), **Большая горушка** (*Участок леса на возвышенности посреди поля, но не отрезанный от леса, с ним его соединяет полоса леса, располагается на возвышенности. На Большой горушке по краю бровки целое ведро набрали. – д. Медениково*), **Маленькая горушка** (*Участок леса в самой середине бывшего колхозного поля, образованный деревьями разных пород на небольшой возвышенности. Земляники сегодня полно, на Маленькую горушку пойдём. – д. Медениково*) – Костромск.; **Горушка** (*Лес это на горке. – д. Ивановское*) – Красн.; **Заячья горушка** (*Заячья горушка – небольшая гора. На Заячью горушку мы ходим за земляничкой. – д. Кашино*) – Солигаличск.; **Банная горушка** (*Часть леса недалеко от Жаров. За грибом за веснушкам туда ходили. – д. Калинки*), часть леса, ягодник за железной дорогой напротив д. Калинки, место в лесу **Горушка** (*За грибом через Горушку ходили. – д. Калинки*) – Судиславск.; земляничник **Горушка** (*Пойдём на*

Горушку за земляникой. – д. Петровское), *Заячья горушка* (Возвышенное место, где любили быть зайцы, около деревни Высоково. – с. Георгий) – Чухломск. и др. Чаше это наименования лесных участков, леса на возвышенности, грибных и ягодных мест в лесу. Возможно, пусть и не напрямую, на основе лексемы *горушка* созданы такие названия, как *д. Горушонково* (Название дано такое потому, что оно стоит на угорье, на пригорке. Другое название – Малая Избёнка. – с. Георгиевское; В Горушонково-то мы по вечерам пешком бежали. – с. НиколаМежевск.). Образованные на основе данной лексемы топонимы, как свидетельствуют материалы картотеки Костромского топонимического словаря (ККТС), имеют место в основном в говорах северо-западной и юго-западной территорий Костромской области.

Многочисленны в костромской топонимической системе микротопонимы, созданные на основе образованного от слова *гора* географического термина *угор*: *Угор* – место под горой. Ездили сегодня на Угор. – д. Шокша Галичск.; *Большой угор* – овраг к западу от деревни Аксеново, где раньше пасли овец, коз. – Шарьинск.; *Глебовские угоры* – глубокий овраг возле деревни Глебово. – д. СолтановоНейск. и мн. др. Продуктивен в образовании микротопонимов и географический термин *бугор* / *бугорок*: *Бугорки* – небольшая возвышенность около деревни Малое Барашиково, где находится черничник. В детстве за черникой на Бугорки бежали. – с. Ликурга Буйск.; *Барский бугор* – место в лесу, где заготавливают дрова на зиму. – д. Мыс Буйск.; *Бугор* – сосняк на возвышенном месте. *Бугор* – грибник хорошей. – д. Тренино Кадыйск.; *Коклинский бугор* – место недалеко от Гридина, куда ездили косить сено. – д. Марфино Красносельск. и т. д. Менее активен в создании микротопонимов термин *косогор*: *Косогоры* – название горы, из-за крутых склонов. – г. Кологрив Кологривск.; *Косогоры* – возвышенности около деревни Хорошево. – д. Починок Солигаличск.; *Косогор* – бывшая деревня Кужбальского сельсовета. *Кужбальские места* известны своими *косогорами*. – г. Нея Нейск. и т. д. Термины *подгор* и *пригорок*, по сведениям ККТС, активностью в топонимобразовании не отличаются: *Когда дед Митя на этом пригорке сломал ногу, вот и назвали его Митькин пригорок*. – п. Ломки Островск.; *Место под горой это находится, Подгор-от*. – д. Столыпино Кадыйск.

Микротопонимы, имеющие ввиду своего особого статуса тесную связь с апеллятивной лексикой, сохраняют сведения об особенностях, ставших основой для образования географических терминов, подтверждая и раскрывая их семантику.

Библиографический список

1. Берг Л.С. О русской географической терминологии // Земледелие. Кн. 4. – М., 1915.
2. Большой толковый словарь русского литературного языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999.
4. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Оско-Волжско-Сурское междуречье): в 3 ч. – Арзамас: АГПИ, 2006.
5. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография / Л.А. Климкова; МГПУ. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.
6. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 654 с.
7. Областной словарь вятских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. В.Г. Долгушева и З.В. Сметаниной. – Вып. 1–7. – Киров: Кировская областная типография, 1996–2012.
8. Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 420 с.
9. Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. – М.; Л.; СПб., 1965–2013.
10. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / отв. ред. С.Б. Бернштейн. – 3-изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 360 с.
11. Цветкова Е.В. Географический термин *бочаг* в костромской топонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 3. – С. 76–79.
12. Цветкова Е.В. Диалектная лексика в костромской топонимии (ляд, ляда, лядина и т. д.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 1. – С. 205–210.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.
14. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10 / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

ПЕРФОМАТИВНО-МАСОЧНАЯ ИМИДЖЕВАЯ ПОДСИСТЕМА СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ К. КИНЧЕВА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЦЕНИЧЕСКОГО КОСТЮМА

Синтетическая языковая личность (СЯЛ) логоцентрического типа, формирующаяся в пространстве русской рок-культуры, рассматривается нами как гетерогенная когнитивно-прагматическая дискурсивная единица. Она состоит из четырех основных компонентов: вербального (системообразующего), музыкального, артикуляционного и имиджевого (внешняя структура СЯЛ) и трех уровней, пронизывающих названные выше компоненты (внутренняя структура), а именно: вербально-семантический; когнитивно-прагматический; ассоциативно-интерпретационный.

В рамках данного материала мы рассмотрим специфику когнитивно-прагматического потенциала одного из ключевых элементов перформативно-масочной имиджевой подсистемы, а именно сценического костюма. В контексте моделирования СЯЛ логоцентрического типа в рамках концертной визуализации рок-поэты не ограничиваются принципами формальной концептуализации отдельных элементов сценического костюма. Они ставят перед собой сверхзадачу, сущность которой сводится к стремлению (через семантическую гармонизацию всех элементов сценического костюма – имиджевого компонента СЯЛ в целом – с другими компонентами СЯЛ) вписать его в общую когнитивно-прагматическую программу моделирования СЯЛ. В результате костюм становится, во-первых, неотъемлемой частью личности рок-музыканта (овеществленным визуальным символом его духовной энергетики). Во-вторых – особым визуальным инструментом реализации сакрализованного ритуала, воплощенного в пространстве рок-концерта.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа, сценический костюм, перформативно-масочная имиджевая подсистема, рок-культура.

Синтетическая языковая личность (СЯЛ) логоцентрического типа, формирующаяся в пространстве русской рок-культуры, рассматривается нами как гетерогенная когнитивно-прагматическая дискурсивная единица. Она состоит из четырех основных компонентов: вербального (системообразующего), музыкального, артикуляционного и имиджевого (внешняя структура СЯЛ) и трех уровней, пронизывающих названные выше компоненты (внутренняя структура), а именно: вербально-семантический, когнитивно-прагматический, ассоциативно-интерпретационный.

В рамках данного материала мы рассмотрим специфику когнитивно-прагматического потенциала одного из ключевых элементов перформативно-масочной имиджевой подсистемы, а именно сценического костюма, актуализированного в пространстве концертной визуализации (имиджевый компонент). Заметим, что структура перформативно-масочной имиджевой подсистемы достаточно пластична, однако, несмотря на это, в ней можно выделить несколько базовых конститутивных концептуальных элементов. К таким элементам можно отнести: 1) сценический костюм (головные уборы, одежду в целом); 2) специфический грим; 3) прическу; 4) разнообразные сценические аксессуары (медальоны, кольца и т. д.).

Прежде всего необходимо сказать о том, что в современной науке понятия «одежда» и «костюм» (сценический, народный, военная униформа и т. д.) рассматриваются как особые семиотические, коммуникативные системы [1; 7; 11; 13; 14; 17]. Например, П.Г. Богатырев, изучая язык

одежды как специфический язык культуры, приходит к выводу, что «традиционная одежда может быть знаком, приобретая при этом значение, выходящее за пределы обыденного представления. Кроме того, в контексте семиотики одежда наделяется специфическими функциями, а именно: практической, утилитарной, эстетической, возрастной, социально-половой, моральной, обрядовой, профессиональной и региональной» [10, с. 36–37].

Изучение концептуальных свойств национального костюма показало, что костюм как особая семиотическая система, обладающая концептуальными свойствами, генетически связан с культурой народа и в определенной степени раскрывает специфику сознания человека, принадлежащего к тому или иному этносу: «Костюм – это экран, на котором проецируются все аспекты материального, духовного, социального развития общества, он непосредственно связан с человеческим образом, настроением, поведением [15]. Похожую точку зрения высказывает Т.А. Шигурова. Исследовательница замечает: «Традиционный костюм – это уникальный маркер этнокультуры, который фиксирует своеобразие национального характера, материальных и духовных ценностей человека, его представлений о картине мира, безмолвно считываемых в процессе взаимодействия этносов» [21, с. 46].

Особое значение в контексте изучения сценического концертного костюма как конститутивного визуального концептуального элемента перформативно-масочной имиджевой подсистемы СЯЛ приобретают исследования костюма театрального [9]. Это связано с тем, что концертный и театральный

костюмы обладают схожими концептуальными характеристиками. И.А. Беляева справедливо замечает: «Театральный костюм, так же как и костюм концертный – это составная часть сценического образа актера, имиджа рок-музыканта (лидера рок-группы), внешние признаки и характеристика персонажа (сценической инкарнации СЯЛ рок-поэта), помогающие перевоплощению; средство художественного воздействия на слушателя-зрителя, с помощью которого рок-поэт на визуальном уровне раскрывает определенную часть своей КПП. Для актера, лидера рок-группы костюм – это материя, форма, одухотворенная смыслом роли... <...> Костюм неотделим от среды, от наполнения его сущностью человеческого характера. Человек и костюм – единое, неразрывное целое, и органическое их слияние и есть *концептуальный образ костюма*» [8; курсив мой. – Д.И.].

Самым простым способом концептуализации концертного костюма в рамках моделирования СЯЛ логоцентрического типа является формальная обусловленность выбора и семантическая согласованность отдельных элементов одежды рок-музыкантов с общей тематикой и проблематикой рок-композиции, в частности с ее вербальным компонентом. Здесь можно вспомнить случаи, когда во время исполнения военных песен, посвященных гражданской, афганской и чеченской войнам («Пацаны», «Мертвый город. Рождество», «Правда на правду», «Духи» [18], «Разговор на войне», «Дым», «Война бывает детская» [19]), Ю. Шевчук появляется на сцене в тельняшке или камуфляже [20].

Можно предположить, что это необходимо рок-поэту для создания атмосферы духовного единения с простыми солдатами. Поле боя Ю. Шевчука – это сцена, а оружие, уничтожающее врагов и исцеляющее братьев по оружию, – это слово.

Более того, достаточно часто в рамках моделирования СЯЛ логоцентрического типа рок-музыкант может сознательно отказаться от использования специфического концертного костюма. Однако это не приводит к деконцептуализации данного элемента перформативно-масочной имиджевой подсистемы СЯЛ. Так, например, во время исполнения песен из альбома «Пластун» на концерте в ДК имени Ленсовета Ю. Шевчук не использует сценический костюм. Это сознательное авторское решение. Дело в том, что рок-поэт таким способом пытается реализовать одну из главных когнитивно-прагматических установок, разрушив границу между теми, кто находится на сцене, и залом, аудиторией. Ю. Шевчук стремится показать, что он обычный человек, такой, как все. Это способствует установлению диалогических отношений между поэтом и аудиторией. В результате возникает ощущение, что голос поэта – это голос каждого. Девиз Ю. Шевчука можно определить так: *я такой же, как вы; всё, что я делаю, это ради вас*.

Важно, что в контексте моделирования СЯЛ логоцентрического типа в рамках концертной визуализации рок-поэты не ограничиваются принципами формальной концептуализации отдельных элементов сценического костюма. Они ставят перед собой сверхзадачу, сущность которой сводится к стремлению (через семантическую гармонизацию всех элементов сценического костюма – имиджевого компонента СЯЛ в целом – с другими компонентами СЯЛ) вписать его в общую когнитивно-прагматическую программу моделирования СЯЛ.

В результате костюм становится, во-первых, неотъемлемой частью личности рок-музыканта (овеществленным визуальным символом его духовной энергетики). Во-вторых – особым визуальным инструментом реализации сакрализованного ритуала, воплощенного в пространстве рок-концерта.

На наш взгляд, подобный принцип концептуализации концертного костюма и всей перформативно-масочной имиджевой подсистемы СЯЛ в целом можно назвать «генетическим». Укажем, что именно этот принцип концептуализации используют К. Кинчев и В. Цой.

В подтверждение этого приведем одно характерное высказывание К. Кинчева: «Группа “Алиса” – группа культовая, и мы всегда стремились создавать определенный ритуал. Это касается, прежде всего, прикида, одежды, в которой должны доминировать черные тона с красными вкраплениями...» [2]. Действительно, многолетняя концертная практика группы «Алиса» убедительно доказывает, что сценический костюм К. Кинчева – это не только специфический визуальный компонент особого магического ритуала, который воплощается в рамках концертной визуализации [3], но и визуализированный концептуальный код сознания личности рок-поэта, укорененный в его когнитивно-прагматической программе.

Важно, что практически на каждом выступлении К. Кинчев использует одежду черного и красного цвета. Причем если доминирует черный цвет, то он дополняется особыми аксессуарами красного цвета и наоборот. Например, на концерте, который проходил 29 апреля 2010 г. в Санкт-Петербурге, К. Кинчев появился на сцене в традиционной черной безрукавке с длинным красным шарфом на шее [4].

На наш взгляд, одновременное использование черных и красных элементов в сценическом костюме обусловлено тем, что К. Кинчев, работая в рамках логоцентрической модели, стремится создать особый целостный сценический образ. Все элементы СЯЛ, актуализированные в рамках рок-концерта (костюм, свет, цвет, декорации, логотип рок-группы, вербальный компонент и т. д.), являются частными концептуальными инструментами реализации общей «черно-красной» КПП СЯЛ рок-поэта. Не случайно К. Кинчев называет поклонников группы «Алиса» – «движением черно-

красной пурги» [2]. Другими словами, облачаясь в черно-красные цвета, К. Кинчев пытается визуализировать сущностные характеристики своего сознания, раскрыть глубинные архетипические основы своего поэтического языка и отразить парадоксальные синтетические свойства своей КПП, основанной на единстве и борьбе дьявольского, бесовского и божественного, духовного начал.

Особое внимание необходимо обратить на форму сценического костюма К. Кинчева. Достаточно часто рок-поэт появляется на сцене в рваной, потрепанной, словно «простреленной» одежде, напоминающей лохмотья [5], или по пояс обнаженным [6].

Такие формы сценического костюма, актуализированные в пространстве концертной визуализации, приобретают особое концептуальное значение. Дело в том, что они генетически вписаны в общую синтетическую «черно-красную» когнитивно-прагматическую программу СЯЛ К. Кинчева, реализующуюся на уровне вербального компонента в виде концептуальной формулы «инок – воин – шут» [12]. К. Кинчев стремится визуализировать сущностные характеристики своей СЯЛ и создает на сцене единый, целостный синтетический образ странника-скитальца-шута-языческого шамана-инока-юродивого, который «добровольно принимает “сверхзаконный” подвиг “самоизвольного подвига”» [16, с. 393].

В этом контексте особый интерес вызывает сходство между «идеальным костюмом» юродивого и специфическими формами сценического костюма СЯЛ: «Идеальный костюм юродивого – нагота. Обнажаясь, он надевает “белые ризы нетленной жизни”. Голое тело... свидетельствует о презрении к тленной плоти... Однако нагота двусмысленна. Это и “ангельский” символ души, и соблазн, безнравственность, олицетворение злой воли и бесовства (что полностью соответствует противоречивой, парадоксальной КПП СЯЛ К. Кинчева. – Д.И.). Этот “костюм” лицедея, как и его поступки, давал возможность выбора, для одних был соблазном, для других – спасением. Чтобы примирить “Христа ради” и грех от созерцания плоти, юродивые пользуются паллиативами, например, носят набедренную повязку. Среди паллиативов самый распространенный – рубаха... Она “непотребная” и “многошвейная”, лоскутная... (как та, что использует на концертах К. Кинчев. – Д.И.)» [16, с. 396].

Заметим, что через актуализацию и концептуализацию подобных специфических форм костюма К. Кинчев не просто показывает внешнее сходство с юродивым, он стремится к реализации обряда полного перерождения, отождествления своей сценической инкарнации с образом юродивого.

В результате КПП СЯЛ рок-поэта начинает восприниматься как мученический подвиг истинного юродивого. Вот как описывает КПП юродивого

А.М. Панченко: «Пассивная часть этой программы обращена на себя – это крайняя аскеза, самоуничтожение (как особая форма самоуничтожения может рассматриваться преодоленная К. Кинчевым наркотическая зависимость. – Д.И.), мнимое безумие, оскорбление плоти, основанное на буквальном толковании Нового Завета (“Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потерял душу свою ради Меня, тот обретает ее; какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?”) (Мф. 16 : 24–26)) <...> Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться в миру”, обличая грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия, *то есть нести в мир Слово правды и истины [центральная когнитивно-прагматическая установка СЯЛ К. Кинчева – Д.И.]*» [16, с. 393 – 394].

Библиографический список

1. Агеев В. Семиотика. – М.: Весь мир, 2002. – 256 с.
2. Алиса. Черная метка. Фильм-концерт / С. Петрусь, Витебск. 2014.
3. Алиса. Изгой / Концерт в Лужниках. 2005.
4. Алиса. Концерт в Санкт-Петербурге / СК Юбилейный. 29.04.2010.
5. Алиса. 25 лет вместе / Концерт в Чите. 2005.
6. Алиса. Мы вместе XX лет / Концерт в Москве. 2004.
7. Барт Р. Семиотика моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1999. – 512 с.
8. Беляева И.А. Театральный костюм как часть декорационного оформления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ribd.com/doc/5481372/> Костюм. (дата обращения: 19.09.2014).
9. Березкин В.И. Искусство оформления спектакля. – М.: Знание, 1986. – 128 с.
10. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – С. 36–37.
11. Давыдова В.В. Костюм в пространстве культуры // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. – СПб.: Филос. общество, 2000. – С. 191–195.
12. Кинчев К. Инок, воин и шут // Сейчас позднее, чем ты думаешь, Алиса. 2003.
13. Крылова О.Н. Костюм крестьянки Русского Севера как знаковая система // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда: Книжное обозрение, 2007. – С. 554–560.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
15. Нарожная В.Д., Муриенко А. Семантические традиции цвета в национальном костюме [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: www.sworld.com.ua/index.php. (дата обращения: 19.09.2014).

16. Панченко А.М. Юродивые на Руси // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, – 1999. – С. 392–407.

17. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 186 с.

18. Шевчук Ю. Рожденный в СССР // ДДТ. 1997.

19. Шевчук Ю. Прекрасная любовь // ДДТ. 2007.

20. Шевчук в Грозном. 1995 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://video/search.text.shvchuk.v.groznom=VDXBN9zMUXI.fiw>. (дата обращения: 14.09.2014).

21. Шигурова Т.А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: дис. ... д-ра культурологии. – Саранск, 2012. – 420 с.

УДК 070:004

Куранова Татьяна Петровна

доцент кафедры теории коммуникации и рекламы

Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

kuranova.mk-28@mail.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДОСТУПНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере рекламы поисковой системы «Яндекс»)

Данная работа посвящена эффективности восприятия информации в рекламной коммуникации. Материалом для исследования послужили тексты наружной и интернет-рекламы поисковой системы «Яндекс».

В статье рассматривается функциональная связь **доступности** восприятия информации с **новизной** и **оригинальностью** сообщения. Автор ссылается на правило эффективности коммуникации А. Моля: количество информации в сообщении и форма ее подачи должны находиться в гармоничном соответствии, приемлемом для получателя.

Автор приходит к выводу, что неадекватное понимание рекламного сообщения адресатом может привести к серьезным ошибкам восприятия, стать причиной коммуникативных сбоев и неудач. Поскольку в анализируемых рекламных текстах поисковой системы «Яндекс» слишком велика доля неопределенности, неизвестности и высокая степень оригинальности, то потребителю рекламной информации все время приходится разгадывать интеллектуальную загадку. Процесс взаимодействия реципиента и текста зачастую приобретает характер игры: интерпретация рекламного заголовка становится для адресата решением языкового ребуса. Разгадка порой требует сложнейших интеллектуальных усилий, большой эрудиции, фоновых знаний, дополнительного поиска информации. При этом отмечается, что слишком творческая, креативная реклама не всегда способна стать эффективной.

Подчеркивается, что успех рекламного сообщения (его эффективность) зависит не только от качества формы его подачи и оригинальности, но в большей степени – от простоты декодирования содержания. Особое внимание акцентируется на том, что рекламное сообщение должно восприниматься легко, без дополнительных затрат на его декодирование. Таким образом, при построении рекламного текста необходимо учитывать такие важнейшие факторы, влияющие на эффективность рекламной коммуникации, как **доступность восприятия** и **избыточность информации**, при этом сознательно регулируя уровень **новизны** и **оригинальности** сообщения.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, доступность восприятия, новизна, оригинальность, избыточность информации, кодирование, декодирование.

По словам исследователей, коммуникация – это процесс взаимодействия между различными субъектами коммуникации, при котором осуществляется обмен информацией [2, с. 67]. Коммуникативный процесс носит **двусторонний** характер и предполагает последовательность этапов формирования, передачи, приема, декодирования и использования информации при ее обмене коммуникантами. Передаваемая информация должна адекватно восприниматься получателем, отсюда важно замкнуть в единую цепь кодирование и декодирование.

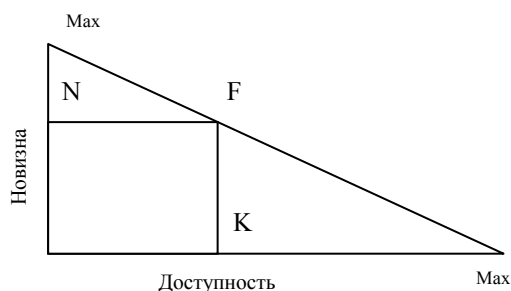
Необходимо отметить тот факт, что **успешность** коммуникативного процесса зависит от ряда факторов. Информация лишь тогда осваивается участниками актов коммуникации, когда она представлена **доступно** [2, с. 67].

Уточним, что такое «доступность». Для этого рассмотрим связь «новизна – доступность». **Новизна** характеризует те **изменения**, которые сообщение вносит в окружающую действительность,

в коммуникативный процесс, стимулирует интерес к нему. **Доступность** – это легкость для восприятия, усвоения, понимания информации. Специалист в области социальной психологии А. Моль (Moles, Abraham Andre) предложил подход, позволяющий производить анализ сложной взаимозависимости компонентов актов общения. Для наглядности они представлены в графической форме «треугольников коммуникации».

Треугольник «новизна – доступность» (рис. 1) показывает следующее соотношение: если сообщение не содержит нового (для получателя все в сообщении известно), то информация отсутствует либо близка к нулю. Неопределенности нет [2, с. 68]. В этом случае точка N стремится к минимуму.

Схему следует рассматривать в динамике. Гипотенуза треугольника служит вспомогательной линией. Движущаяся по гипотенузе точка F связана с точкой N и точкой K (отображает уровень доступности). При увеличении одной величины другая уменьшается.

Рис. 1. Связь новизны сообщения и доступности восприятия.

N – уровень новизны; *K* – уровень доступности; *F* – вспомогательная точка

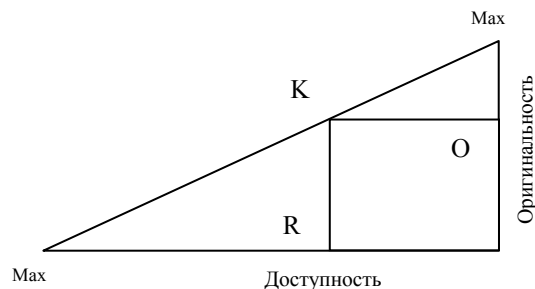
Другая крайность – в сообщении все абсолютно ново, велика неопределенность. Содержание такого сообщения содержит слишком много информации, но оно будет недоступно для принимающего ее. Например, если врач использует специальные медицинские термины, непонятные для больного, то содержание сообщения больному недоступно.

В этом случае точка *N* будет стремиться к максимуму (все воспринимается новым, потому непонятным). При этом точка *K* сместится к нулю (сообщение недоступно для понимания). Приведенная схема позволяет проиллюстрировать известный психологический феномен: *при максимальном возрастании новизны сообщения его доступность снижается, стремится к нулю и наоборот* [См.: 2, с. 68–69].

Рассмотрим еще одну зависимость, представленную на треугольнике коммуникации А. Моля (рис. 2). Одна сторона его отображает диапазон сообщения в пределах «обычно – оригинально». Если сообщение не содержит ничего нового – оно обычно. Если подано в необычной, привлекательной форме – оригинально. Доступным, по мысли ученого, является такое сообщение, в котором уровень оригинальности ниже максимума. (Например, на вопрос «Который час?» можно ответить так: «Пятьдесят восемь минут пятнадцатого» – слишком оригинально, но правильно. Привычнее сказать: «Три часа без двух минут» – это более обычно, типично, нормально, поэтому доступно и тоже правильно.)

Вполне логично, что успешность, доступность коммуникативного процесса зависит от того, насколько стандартно для адресата сообщение. Под **оригинальностью** понимается «необычность, нестандартность представления информации в сообщении (максимум интервала “банально / оригинально”)» [Цит. по: 2, с. 69]. В этом случае точка *О* (отображает на схеме уровень оригинальности) стремится к максимуму (рис. 2).

Обыденное сообщение, построенное из часто встречающихся выражений, банально, не содержит неопределенности, неинформативно, полностью понятно, доступно. Точка *О* в этом случае

Рис. 2. Связь оригинальности сообщения и доступности восприятия:

О – уровень оригинальности; *R* – уровень доступности; *K* – вспомогательная точка

далека от максимума, ближе к минимуму, а точка *R* (отображает уровень доступности) будет стремиться к максимуму [См.: 2, с. 70].

Сказанное позволяет сделать вывод: «Коммуникатор, рассчитывающий на то, что его правильно поймут в актах коммуникации, должен сознательно регулировать уровни новизны и оригинальности» [2, с. 70].

Сообщение должно подаваться в простых формах, уровень оригинальности, необходимый для привлечения внимания, должен быть чуть выше 50–60%, тогда удастся соблюсти баланс между тривиальностью и «непонятностью», обеспечив занимательность и доступность. PR-специалист, специалист по рекламе должен учитывать такого рода зависимости при создании сообщений, вырабатывая чувство меры.

Четвертый компонент акта общения – это **избыточность информации**, под которой в коммуникативном процессе понимается «*полное или частичное повторение сообщения, разъяснение, которое служит для проверки и корректировки адекватного восприятия сообщения*» [2, с. 71].

Исследователь Л.Г. Викулова для понимания этого коммуникативного фактора приводит следующий пример. Предположим, что инициатор акта коммуникации приступает к объяснению нового и предлагает адресату новый способ рассуждений либо необычный, оригинальный способ решения некоторой проблемы. Чтобы сообщение стало доступным, по мнению Л.Г. Викуловой, нужно снизить оригинальность рассуждений, исключить часть нового, добавить информативных сведений, дать их в избытке. Оригинальность рассуждений становится в восприятии адресата субъективно меньшей, новизна теряется, содержание делается более понятным, доступным.

Резюмируя сказанное, А. Моля предлагает **правило эффективности коммуникации**: *количество информации в сообщении и форма ее подачи должны находиться в гармоничном соответствии, приемлемом для получателя* [Цит. по: 2, с. 73].

Проверим, насколько это правило соблюдается в рекламной коммуникации. Наиболее показатель-

Рис. 3. Рекламный щит компании «Яндекс»: «Мы работаем на Льва Толстого»

ными с точки зрения оригинальности и необычности формы и содержания являются образцы рекламных сообщений поисковой системы «Яндекс».

В сообщении (рис. 3) все абсолютно ново, необычно и оттого непонятно.

Нами был проведен опрос с целью оценки восприятия данных рекламных сообщений реципиентами. В анкетировании приняла участие группа людей (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 55 лет), не имеющих отношение к рекламе, в количестве 50 человек. Как показал опрос аудитории, потребители не смогли правильно дешифровать смысл этого рекламного послания в силу значительной неопределенности и неясности. Все предположения опрошенных сводились к тому, что либо это реклама произведений Льва Толстого, изданных с целью извлечь прибыль от их продажи, либо реклама, направленная на то, чтобы пробудить интерес к чтению, поскольку читать стали меньше.

Поскольку в тексте слишком велика доля неопределенности, адресату предоставляется возможность разгадать интеллектуальную загадку. Для этого компания «Яндекс» дает своеобразную подсказку, написанную мелким, едва заметным шрифтом: ул. *Льва Толстого*, 16. В действительности речь идет о центральном офисе компании «Яндекс», расположенном в Москве на ул. Льва Толстого, 16. Разгадка оказалась достаточно проста: *Мы работаем на улице Льва Толстого*.

Еще более оригинальной и оттого непонятной кажется реклама «Яндекса», привлекающая внимание за счет использования иностранных слов (рис. 4).

Если заглянуть в словарь, то *салам* в переводе с арабского означает «мир», «безопасность», «благополучие».

Салам! – «*Мир вам!*»! в данном случае может восприниматься как укороченное приветствие, используемое мусульманами разных национальностей как эквивалент слова «здравствуйте».

Адресату приходится предпринимать множество интеллектуальных усилий, осуществлять поиск информации в сети Интернет, чтобы выяснить истинный смысл рекламного послания. Подсказкой или ключом к разгадке в данном случае может

Рис. 4. Рекламный щит компании «Яндекс»: «Салам! Бәрі табылады»

послужить ссылкой на поисковую систему «Яндекс» для Казахстана [7].

По нашему мнению, в данном случае нарушается правило эффективной рекламной коммуникации. Формируя сообщение, коммуникатор должен исходить из того, что используемый код хорошо знаком получателю, в противном случае эффективность коммуникации будет низкой. Система декодирования полностью определяется индивидуальными и социальными характеристиками адресата (принадлежностью к определенной культуре, знанием «кодов», уровнем интеллекта). Сложность восприятия данного рекламного сообщения можно определить как проблему несовпадения тезауруса отправителя и получателя, отсутствие общего смыслового пространства как необходимого условия процесса коммуникации.

Интересно стремление авторов наружной рекламы завоевать внимание адресата через эксплуатацию игровой функции языка и изображения. Необычность представления следующего рекламного послания (рис. 5) состоит в том, что наружная реклама оформлена в виде почтового конверта с надписью.

Как показал опрос аудитории, потребители не смогли однозначно декодировать смысл этого послания. У многих оно вызвало недоумение, а кто-то вообще решил, что речь идет о популярной в народе игре «Поле чудес», перепутав Якубовича с Януковичем.

На самом деле это не что иное, как реклама бесплатного сервиса электронной почты от компании «Яндекс» – «Яндекс.Почта».

Рис. 5. Рекламный щит компании «Яндекс»: «Почта находится здесь: ЯНУКОВИЧ. Получат все!»

Рис. 6. РС Рекламная сеть «Яндекса»

ламе оригинальной становится не только форма, но и содержание сообщения. Во-первых, создатели рекламного текста обыгрывают слово *почта* за счет визуального изображения: электронная почта – система пересылки сообщений между пользователями Интернет – предстает в образе почтового конверта. Во-вторых, вербальным приемом создания выразительности является игра слов, основанная на одновременной актуализации нескольких значений существительного *почта*: ‘учреждение для пересылки писем, посылок, бандеролей, денег, а также здание, где помещается такое учреждение’ (*Почта находится здесь*); ‘то, что доставлено этим учреждением, а также вообще доставленные адресату письма, посылки, бандероли’ [6, с. 575]. Это значение подтверждается визуальным изображением (почтовым конвертом).

Данная реклама обладает сильным воздействующим эффектом за счет использования языковой игры. В обещании «*Получат все!*», во-первых, содержится намек на высокое качество электронной услуги компании «Яндекс». Письмо в любом случае найдет своего адресата, где бы он ни находился, даже если его местонахождение неизвестно, как в ситуации с беглым президентом Януковичем.

И в то же время данное обещание может восприниматься как угроза, поскольку допускает несколько трактовок за счет использования полисемантического глагола *получить*, имеющего значения: ‘взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое’ (*Получить письмо, телеграмму, извещение*); ‘заслужить что-л.; подвергнуться чему-л.’, разг.

‘подвергнуться наказанию’ (*Получить по заслугам. Получить по шапке (разг.-сниж.)*). *Получить пять лет; получить условно год за кражу* ‘быть осуждённым по соответствующей статье УК’) [1].

Довольно оригинально происходит обыгрывание начальной буквы **Я** в названии знаменитой ИТ-компании «Яндекс». Зачастую оно строится на эксплуатации или импликации прецедентных текстов (рис. 6).

Визуальный ряд: сказочный герой Винни-Пух летит на шарике красного цвета в сопровождении роя пчел. На шарике изображение буквы **Я** – эмблемы знаменитой поисковой системы «Яндекс» – своеобразной аллюзии на песенку Винни-Пуха, которую он исполнял в стремлении дезориентировать пчел: *Я тучка-тучка-тучка, я вовсе не медведь*.

Рекламное заявление, приведённое на рисунке 7, основано на прецедентном высказывании знаменитого персонажа почтальона Печкина из легендарного советского мультфильма «Трое из Простоквашино».

Один из способов создания интересного содержания за счет оригинального использования языка – *языковая игра*. Использование языковой игры в текстах рекламы – одна из ведущих тенденций в современном рекламном дискурсе. С помощью языковой игры можно заинтересовать, вызвать любопытство, развлечь и тем самым остановить внимание адресата на данном рекламном сообщении [4]. Наблюдения показали, что языковая игра выступает средством активизации внимания потребительской аудитории к интернет-рекламе компании «Яндекс». Особый интерес в этом смысле представляет реклама «Яндекса», размещенная в метро и сопровождаемая большим ярким указателем (рис. 8).

Основная интрига, интеллектуальная загадка этого сообщения создается с помощью игры слов, основанной на столкновении двух значений существительного *вопрос*. **Вопрос** – ‘устное или письменное обращение к кому-л., требующее ответа, разъяснения и т. п.; слова спрашивающего’ (*Задать вопрос. Обратиться с вопросом*) [1]. (Ср.:

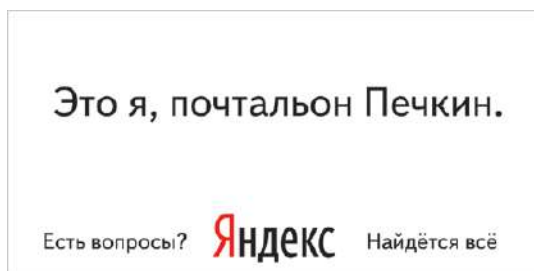

Рис. 7. Рекламное сообщение поисковой сети «Яндекс»: «Это я, почтальон Печкин»

Рис. 8. Рекламное сообщение поисковой сети «Яндекс»: «Машинист справок не дает, все **вопросы** к Яндексу»

Рис. 9. Рекламное сообщение поисковой сети «Яндекс.Маркет»: «Ищем по одежке»

Рис. 10. Рекламное сообщение службы доставки рекламы «Яндекс.Директ»: «Купи слова»

Все вопросы к Яндексу). **Не вопрос** – разг. ‘не составляет труда, довольно легко’ [5]; разг., предик. ‘оценка чего либо как не представляющего затруднения, что просто сделать, выполнить’.

Не секрет, что для понимания игровых текстов (творческой рекламы) адресату приходится прилагать некоторые усилия, чтобы обнаружить, какое из языковых правил нарушено и зачем. Такого рода «дешифровка» текста способна доставить реципиенту определенное интеллектуальное удовольствие или, наоборот, если смысл рекламы не был считан и адекватно воспринят, вызвать чувство досады. Как показал опрос, далеко не каждый получатель рекламной информации правильно разгадал креативную идею следующего сообщения.

В рекламном тексте поисковой сети «Яндекс.Маркет» «Ищем по одежке на витринах 500 магазинов» (рис. 9) присутствует трансформация известной пословицы «По одежке встречают, по уму провожают», где происходит усечение второй части паремии и замена одного из компонентов *встречают* на *ищем*.

Смысл этой рекламы, очевидно, в следующем: поможем в выборе подходящей одежды с помощью системы поиска и подбора товаров «Яндекс.Маркет» в интернет-магазинах.

Особо следует отметить роль языковой игры в **рекламных заголовках**. Провоцирующие заголовки составлены так, что вызывают любопытство у читателя и обычно сопровождаются определенной **иллюстрацией**, которая должна дать некие разъяснения, или привлекающим внимание рассказом [4]. Ярким подтверждением сказанного служит следующий пример, в котором речь пойдет о такой службе доставки рекламы, как «Яндекс.Директ» (рис. 10).

Вербальный ряд:

Купи слова.

Яндекс.Директ. Служба доставки рекламы.

Мгновенная доставка в любую точку России.

Прямо в окна браузеров. От 30 копеек.

Объявления в Интернете.

Подбери слова, связанные с вашим бизнесом, и предложения увидят те, кто в них заинтересован. Объявления в Директе – простой способ быстро увеличить продажи.

На первый взгляд может показаться, что языковая игра в данном рекламном сообщении основана на нарушении норм лексической сочетаемости – *купить* можно *квартиру, дом, какую-то вещь*, но никак не *слова*. Но благодаря иллюстрации и последующему комментарию становится понятной интенция рекламодателя. «Яндекс.Директ» – это система размещения поисковой и тематической контекстной рекламы. Она показывает объявления людям, которые уже ищут похожие товары или услуги на Яндексе и тысячах других сайтов.

Примечательно, что в следующих примерах рекламных текстов эта идея начинает обыгрываться (рис. 11).

Процесс взаимодействия реципиента и текста действительно приобретает характер игры: интерпретация заголовка становится для читателя решением языкового ребуса.

Разгадка кроется на указанном портале [8]. На сайте «Другие работы» представлены смешные картинки, «своеобразные» логотипы. По замечанию создателя сайта, у каждого дизайнера есть до-

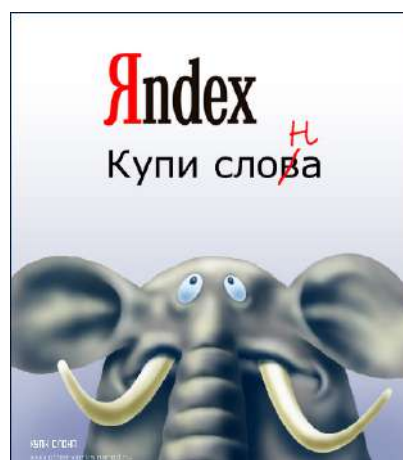

Рис. 11. Рекламное сообщение поисковой системы «Яндекс»: «Купи слона»

Рис. 12. Рекламное сообщение поисковой службы «Яндекс.Директ»: «Село Красный Слон на карте»

статочное число работ, которых никто никогда не видел. Это неосуществленные проекты, неудачные эксперименты, несмешные карикатуры, неинтересные логотипы. Это творческие «шедевры», которые ждут своего часа.

Примечательно то, что забавное выражение «купи слона» – это шутливая фраза, прибаутка из детского фольклора. К примеру, говоришь ребенку нельзя, а он в ответ: «Все говорят нельзя, а ты купи слона».

Для понимания следующего игрового текста (рис. 12) творческой рекламы адресату также приходится прилагать значительные усилия, продемонстрировав верх эрудиции и получив удовольствие от своего остроумия и мастерства. На самом деле сразу дешифровать истинный смысл этого сообщения в силу его высокой степени новизны и оригинальности неподготовленному (неосведомленному) получателю рекламной информации просто невозможно.

В данном примере контаминируются и обыгрываются сразу две рекламные идеи. Во-первых, реклама знаменитого поисково-информационного картографического сервиса «Яндекс.Карты», на котором представлены подробные карты всего мира, панорамы улиц крупных и других городов, информация о пробках. Во-вторых, это реклама системы поиска и подбора товаров в интернет-магазинах «Яндекс.Маркет». Речь в данном случае идет об интернет-магазине необычных подарков и сувениров «Купи слона». Компания «Купи слона» – это большой ассортимент самых модных и «горячих» товаров: игрушек, косметических средств, товаров для дома, автомобильных аксессуаров и пр. Это значение подтверждается предложением бесплатной доставки: *Купи слона – доставка бесплатно!*

При этом отметим, что в погоне за креативом рекламисты не учли истинный смысл выражения. В народном сознании фраза «*Купить слона*» вызывает однозначные ассоциации с тем, что слон – это нечто большое и совершенно ненужное. Фраза «*Купи слона*» используется, когда предлагают купить что-нибудь абсолютно бесполезное, лишнее, в чем нет никакой нужды и реальной необходимости.

Смысл следующего оригинального рекламного послания (рис. 13) невозможно понять без со-

Рис. 13. Рекламное сообщение службы электронных платежей «Яндекс.Деньги»: «Передайте за проезд!»

ответствующего комментария, сопровождающего визуальное изображение, которое способно дезориентировать потребителя: *Хорошие новости для обладателей карты «Тройка»: теперь у вас есть возможность мгновенно пополнить баланс карты с помощью Яндекс.Денег. Чтобы активировать платёж, достаточно приложить карту к информационному терминалу на станции метро – и в очереди перед кассой стоять больше не придётся. Платежи зачисляются без комиссии.*

Реклама сервиса электронных платежей в Рунете «Яндекс.Деньги», построенная на использовании метафоры, привлекает внимание за счет неожиданного и интересного визуального образа. Визуальный компонент (изображение тройки лошадей в одной упряжке), в данном случае выполняющий иллюстративную функцию, активизирует внимание реципиента, заставляя его решать простую интеллектуальную задачу. Метафора создает ассоциацию между двумя понятиями: именем собственным – банковской картой «Тройка» и тройкой лошадей в одной упряжке. Визуальный образ усилен рекламным призывом «*Передайте за проезд!*», создавая тем самым смысловую переключку – *тройка лошадей и проезд*.

На вербальном уровне в данном рекламном сообщении использована языковая игра – *каламбур*, основанный на омонимии имени собственного (банковской карты «Тройка») и нарицательного (*тройки* лошадей).

Таким образом, языковая игра выступает средством создания новых смыслов, новых ассоциативных связей между значениями слов в ходе осуществляемой творческо-коммуникативной деятельности.

Наблюдение над эмпирическим материалом показало: эффективная коммуникация достигается путём адекватного смыслового восприятия и адекватной интерпретации передаваемого рекламного сообщения. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если адресат понимает основную идею текста в соответствии с замыслом адресанта. Неадекватное понимание рекламного сообщения адресатом может привести к серьезным ошибкам восприятия, стать причиной коммуникативных сбоев и неудач.

Поскольку в данных рекламных текстах слишком велика доля неопределенности, неизвестности, то адресату, потребителю рекламной информации, все время приходится разгадывать интеллектуальную загадку, решать языковой ребус. Разгадка порой требует интеллектуальных усилий, эрудиции, фоновых знаний, дополнительного поиска информации, не всегда адресат справляется с подобной «дешифровкой», что вызывает у него чувство досады, дискомфорта. Создателям рекламных текстов необходимо помнить, что слишком необычная, креативная реклама не всегда способна стать эффективной. Успех рекламного сообщения (его эффективность) зависит не только от качества формы его подачи и оригинальности, но в большей степени – от простоты декодирования содержания и эмоционального отклика. Так как рекламное сообщение должно восприниматься легко, без дополнительных затрат на его декодирование, то при построении рекламного сообщения необходимо учитывать такие важнейшие факторы, влияющие на эффективность рекламной коммуникации, как *доступность восприятия, новизну, оригинальность и избыточность информации*, которые должны находиться в гармоничном соответствии, приемлемом для получателя.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 01.03.2015).
2. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум. – М.: АСТ, 2008. – С. 66–78.
3. Моль А.А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Мир, 1966.
4. Куранова Т.П. Языковая игра как способ манипулирования в региональной наружной рекламе // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 185–189.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/15353/Не> (дата обращения: 02.03.2015).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
7. Яндекс (для Казахстана): поисковый портал. – Режим доступа: www.yandex.kz (дата обращения: 03.03.2015).
8. Другие работы: интернет-страница. – Режим доступа: www.otherworks.narod.ru (дата обращения: 05.03.2015).

НАЧАЛО ПРАВОВОЙ НАУКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Великая Римская Империя подарила миру римское право, которое является основой для романо-германской правовой системы. Однако на протяжении нескольких веков великое наследие Рима оставалось лишь идеальным законом, практическая реализация которого в условиях раннего средневековья не представлялась возможной. Пройдет не одно столетие, прежде чем труд Юстиниана начнут применять не только как учебное пособие, но и как реальный закон. Благодаря исследователям XI–XII столетия Европа обретет не только возрожденное римское право, но и станет местом, где появятся научные школы, где произойдет отделение права от теологии и риторики, где деятельность глоссаторов римского, а затем и канонического права станет основой для создания классического университета.

Ключевые слова: Болонья, глоссы, Декрет Грациана, Ирнерий, каноническое право, Пепо, римское право, юридическое образование.

*«...добрые деяния заслуживают нашего одобрения
и покровительства, мы с особой любовью будем
защищать всех тех, чьей ученостью украшается мир,
чьими усилиями жизнь наших подданных направляется
к почитанию бога и нас, его слуг...»
из Грамоты Ф. Барбароссы
ученикам и учителям болонских школ (1158 г.)*

Известный специалист в области истории политической и общественной мысли эпохи Средних веков и Возрождения Марк Аркадьевич Юсим справедливо отметил, что «всякий интерес к истории имеет в себе обычно некоторую долю ностальгии по прошлому, желание приобщиться к жизни былых времен, заново ощутить ее ход, почерпнуть нечто из накопленных ею ценностей» [7, с. 721]. Данное замечание полностью применимо и к истории становления юридической науки и университетского образования в средневековой Европе. Это не случайно, так как вопросы о том, где лежат истоки правового образования, и почему именно Болонья стала центром изучения права сегодня находятся в числе обсуждаемых в российских [1; 2; 3; 4; 5] и зарубежных исследованиях [8; 10; 14; 15], что подтверждает интерес к указанной проблематике.

Неоспоримым является то, что юридическая наука берет начало именно в Римской Империи, когда в VI в. трудами многих известных римских юристов был создан капитальный многотомный свод римского гражданского права, получивший название «Corpus iuris civilis». Однако в эпоху раннего средневековья западноевропейское общество ещё не понимало и не могло понимать многих правовых явлений, на которые проливал свет Кодекс. Учителя риторики, которые в этот период обладали наибольшим авторитетом, уделяли внимание правовой терминологии, однако, в силу отсутствия специальной подготовки, не углублялись в сущность правовых конструкций. По этой,

а также ряду других причин, труд, созданный при императоре Юстиниане Великом, с практической точки зрения был предан забвению, но при этом с позиций юридической техники он не переставал быть образцом для правотворцев вплоть до начала Нового времени.

Будет не совсем верно считать, что «Свод Юстиниана» не использовался вовсе. Европейские ученые доказали, что до XI в. в западной Европе постоянно находили тексты правового характера и книги, которые были составлены, прежде всего, для нужд церкви, однако имели неразрывную связь с письменной правовой культурой. Петер Ландау в своем исследовании указывает, что Юстиниан ещё при жизни подготовил учебник «Institutionen», и в последующем император Генрих II передал его Соборной библиотеке Бамберга (в эпоху раннего средневековья Бамберг называли «немецким Римом», а с 1007 г. он стал столицей независимого епископства), где он активно использовался, что подтверждается наличием глосс на полях документа [8, с. 61]. Но подарок Генриха II не привел к возникновению обучения римскому праву в Бамберге. Однако факт передачи учебника именно Соборной библиотеке является неоспоримым доказательством того, что представители духовенства одними из первых стали использовать великое наследие римского права.

В действительности преподавание права к началу XI столетия имелось лишь в Павии – столице Лангобардского королевства. У лангобардов уже с VII в. имелось законодательство, которое было

собрано в книги и применялось в верхней части Италии. Считается, что именно в Павии (в силу частых споров между судьями относительно применения той или иной нормы) была достигнута точность составления законов. В свою очередь, процесс создания идеальных юридических конструкций способствовал возникновению комментирующей литературы. Комментаторами в основном были практикующие судьи, которые со временем стали применять свои знания и опыт не только в судебных процессах, но и при подготовке молодых юристов. На наш взгляд, при указанных обстоятельствах уже можно говорить о зачаточном состоянии юридического образования, хотя о полноценной системе подготовки специалистов в области права говорить еще рано.

Одним из немногих учебных пособий по лангобардскому праву, которое дошло до нас, является «*Expositio zumliber Papiensis*». Это произведение с комментариями, глоссами к лангобардскому праву констатировало, что римское право для лангобардского права не выступает как всеобщий закон. Само же лангобардское право основывалось на раннесредневековых принципах личности и распространялось на тех, кто являлся лангобардом [13].

Возможно, римское право так и продолжало бы эпизодически «мелькать» в пределах европейских территорий, однако, во второй половине XI столетия происходит прорыв, интеллектуальный подъем, растут города и население, происходят активные экономические преобразования, способствовавшие тому, что свод Юстиниана выходит за рамки теории и переходит в практическую плоскость. В этот период на первый план в сфере юридической науки и практики выходит Болонья, и в это же время начинается активное комментирование текста Дигест.

Может показаться удивительным факт, что Болонья, которая всегда была центром теологии и специалистов по риторике, становится местом зарождения юриспруденции [14, р. 23]. Однако если иметь в виду то, что Болонья в этот период являлась местом сосредоточения банкиров и коммерции, а также была центральным городом Италии, изучение там норм именно гражданского права стало объективной необходимостью.

Последующее распространение римского права было вызвано не только особым статусом Болоньи и активной деятельностью католической церкви, но и зарождавшимися на тот момент, благодаря любопытству средневековых мыслителей, научными школами. Именно в школах Болоньи в XI в. преподавали, как и всюду, «семь свободных искусств», особенно популярными среди которых были диалектика и риторика. Со временем некоторые преподаватели этих дисциплин стали специализироваться на преподавании римского права и первым

среди них называют Ирнерия, открывшего тексты Дигест для учеников болонских школ.

Современные авторы склонны понимать «открытие» рукописи в том смысле, что «книга открыта, когда ее начинают понимать» [6]. Пальма первенства в понимании этих сложнейших римских текстов, безусловно, принадлежит глоссаторам. В то время требовалось настоящее мужество, чтобы приступить к изучению Дигест, без научного багажа и справочного аппарата. Одофредус, известнейший итальянский юрист XIII столетия, справедливо отмечал: «*dominus Yrnerius fuit primus, qui ausus dirigere cor suum ad legem istam... nam dominus Yrnerius studit perse sicut potuit*» («господин Ирнерий был первым, кто отважился обратиться к этому закону... он толковал (текст) по мересвоих сил») [12, р. 526]. В то же время, Одофредус отметил и ещё одну интересную вещь: «...правовое обучение издавна проходило в Риме, но, после разрушения Рима, все книги были перевезены в Болонью, откуда они попали на занятия по риторике. Первым, кто по своей инициативе начал использовать эти книги, является Пепо. В противовес ему Ирнерий был учителем свободных искусств и самостоятельно подгонял правовые тексты под свои занятия, что позволяет нам справедливо считать его основателем правовой науки» [11].

В отечественной литературе, уделяющей внимание данной проблематике, традиционно считается, что деятельность некоего болонца по имени Пепо, упомянутого в документе 1076 г. под именем *legisdoctor*, успеха не имела. Однако на наш взгляд, учитывая позиции зарубежных исследователей, первенство в сфере освоения великого наследия римского права принадлежит не только Ирнерию и его ученикам, но и Пепо. В подтверждение данной позиции мы можем сказать, что европейскими учеными найдены сведения о том, что Пепо был высокоуважаемым судьей. В процессе своей активной деятельности он начал разрабатывать глоссы к Дигестам и озабочился вопросом о том, чтобы они были не просто образцом для науки, но и стали легальным источником права [9, s. 192]. И ему удалось добиться поставленной цели. Считается, что именно он начал использовать нормы римского права и выносить на их основании судебные решения.

В частности, замечено его стремление к соблюдению принципов римского права при разбирательстве не только гражданских, но и уголовных дел. Так, в Тоскане в 1071 г. Пепо, выступая в качестве судьи, рассматривал дело об убийстве. Вынося решение, он огласил: «Если человек ударил несвободного и тем самым причинил ему смерть, то по ныне действующим законам его не наказывают. Но, на мой взгляд, данного преступника необходимо наказать в соответствии с его поступком – смертью» [8]. Император Генрих IV, присутствовавший при разбирательстве данного

дела, согласился с Пепо и рекомендовал разрешать в последующем подобного рода ситуации таким же образом.

Получается, что в отличие от Ирнерия, Пепо пропагандировал идеи о практической реализации норм римского права, но, к сожалению, о его исследовательской деятельности как учителя ничего не известно. Возможно, его постоянная занятость на практике так и не позволила ему оформить свои научные изыскания в писанный труд.

В последующем, именно деятельность Пепо, Ирнерия и учеников последнего, так называемых «четырех докторов» завершила складывание системы преподавания права к середине XII в., и Болонья стала прославленным центром науки и образования – *Studia*, но говорить об университете в современном понимании еще было рано. Статус болонских школ как университета или «университетов» был официально признан лишь в 1217 г. Папой Гоннорием IV. В 1291 г. Папа Николай IV даровал болонскому университету «право преподавать повсюду», т.е. признал общеевропейское значение присуждаемых в Болонье степеней. Таков был длинный путь превращения разрозненных школ болонских юристов в полноценный университет, и назвать точную дату «основания» университета просто невозможно. Но надо отметить, что болонский вариант «университета студентов» являлся в основном итальянской спецификой. В большинстве стран Европы возобладала иная модель – «университета профессоров и студентов», – впервые утвердившаяся в Париже.

Активное изучение римского права и создание Ирнерием и его учениками глосс к Кодексу Юстиниана послужили своего рода катализатором для аналогичных процессов в области канонического права. Не стоит забывать о том, что мысль о необходимости упорядочить нормы церковного права, составив их в определенном порядке, не была новой в начале XII века. Ещё до Ирнерия епископы Бурхард из Вормса, Ансельм Луккский, а затем и Иво из Шартра уже составляли учебные пособия, располагая по рациональной схеме нормы канонического права, а также активно использовали достижения римского права тогда, когда писания пап, решения соборов и творения Отцов Церкви не давали ответа на тот или иной вопрос [1]. Но создать источник канонического права, подобный Кодексу Юстиниана, не удалось никому из названных нами канонистов.

Добиться успеха в данном направлении удалось лишь магистру теологии монаху Иоанну Грациану. В своем «Декрете» он не просто систематизировал источники канонического права, но и сделал к ним обширные комментарии. Данный документ послужил болонским правоведам основой для учебной деятельности, подобной той, которую они вели по римскому праву, изучая «Свод гражданского пра-

ва» Юстиниана. Помимо этого именно «Декрет» стал основным правовым источником, вокруг которого сложилась школа декретистов, а также способствовал тому, что в числе самостоятельных учебных дисциплин в Болонье появилось не только римское, но и каноническое право. «Декрет» Грациана и сборники папских декреталий преподавались студентам, изучающим каноническое право в университетах [2].

Систематизация Грациана впервые в истории канонического права носила по-настоящему научный характер, основываясь не только на теологических конструкциях, но и на использовании наследия римских юристов. От предшествовавших «Декрету» коллекций канонического права, таких, как например, «Панормии» Иво Шартрского, его отличало сильнейшее влияние на него римского права в обработке первых глоссаторов в смысле как структуры, так и содержания. Свою цель Грациан видел, прежде всего, в стремлении упорядочить имеющийся канонический материал, систематизировать его и, обогатив выдержками из сочинений Святых Отцов и Священного Писания, изложить в непротиворечивой форме. Этими соображениями была продиктована и получившаяся на выходе структура «Декрета». Собственно, в связи с этим принято считать, что именно с систематизации Грациана, проведенной в кабинетах Болонского университета, возникает наука канонического права и каноническое право отделяется от теологии. Исторические факты свидетельствуют и о том, что именно в рамках университетских корпораций, канонисты и правоведы XII века начали вырабатывать терминологию и понятийный аппарат юридической науки, которые в нашем представлении связаны с современной теорией естественных прав.

Хотелось бы подчеркнуть, что юридическая наука начала зарождаться ещё в эпоху раннего средневековья, когда при императоре Юстиниане был создан величайший труд, однако, в силу развития общества того времени создание полноценной системы правового образования было просто невозможно. В последующем, когда тексты Дигест попадают к глоссаторам, а затем и к практикующим юристам в верхней части Италии, римское право получает вторую жизнь и постепенно становится основой для формирования научной правовой школы. Пальма первенства в освоении римского права принадлежит высокоуважаемым специалистам XI столетия – Пепо и Ирнерию. Пепо являлся практикующим юристом и считается первым, кто применил нормы римского права на практике при разрешении дела в суде. Ирнерий же был преподавателем риторики, и в силу специфики своих знаний занимался толкованием конструкций римского права. Его исследования легли в основу преподавания римского права в Болонье. Все достижения Ирнерия условно можно свести к следующему: он на-

чал более детальное изучение источников римского права; организовал систематическое изучение всего Свода гражданского права и отделил юридическое образование от других видов образования. Можно предположить, что если бы не заслуги Пепо и Ирне-рия в области светского права, каноническое право так и осталось бы разрозненным ещё на неопределенный промежуток времени. Однако Грациан и его последователи, проведя колоссальную работу по согласованию норм канонического права, используя опыт предшественников, доказали, что можно взять разнородные правовые источники и создать на их основе логически связный правовой порядок, обладающий внутренне согласованной структурой, в рамках которой ранее существовавшие противоречия синтезируются или находят разрешение иным способом. Эти идеи принесли обильные плоды не только в области канонического права, но и в сфере светского права, которое тоже подверглось систематизации вслед за каноническим. Но одним из главных достижений указанных специалистов является то, что Европа получила полноценную систему высшего образования с разделением теологии, риторики, римского и канонического права на самостоятельные дисциплины.

Библиографический список

1. Кондратьева А.Н. Соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом каноническом праве Западной Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 6. – С. 208–211.
2. Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Становление университетского образования как катализатор развития канонического права в средневековой Европе // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 41–45.
3. Курзенин Э.Б. Роль профессоров права в развитии политико-правовой мысли в Европе Нового времени // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1 (80). – С. 119–120.
4. Мельникова М.В. Методология научного познания государства и общества в Средние века // Право и образование. – 2015. – № 3. – С. 148–152.
5. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 172–174.
6. Полдников Д.Ю. Контракт и пакт в доктринах глоссаторов: XII–XIII вв.: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2005. – 290 с.
7. Юсим М.А. П.М. Бицилли о духе средневековой культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / составитель Ф.Б. Успенский, ответственный редактор М.А. Юсим. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 721–732.
8. Landau P. Bologna. Die Anfänge der europäischen Rechtswissenschaft. – In: Demandt, Alexander: Stätten des Geistes: Große Universitäten Europas von der Antike bis zur Gegenwart. – Köln, 1999. – S. 59–74.
9. Landau P. Neue Forschungen zu vorgratianischen Kanonensammlungen und den Quellen des gratianischen Dekrets. Ius Commune 11 (1984): 1–29. – Reprinted in idem. Kanones und Dekretalen. – S. 177–205.
10. Lowrie J. Daly. The Medieval University. – New York: Sheed and Ward, 1961. – 241 P.
11. Noël C. S. Stelling Michaud, L'Université de Bologne et la pénétration des droits romain et canonique en Suisse aux XIIIe et XIVe siècles, t. XVII des «Travaux d'Humanisme et Renaissance». – In: Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1963. – № 5. – P. 1022–1023.
12. Odofredus. Ad Cod. 1, 2 Auth. «qui res», цит. no: Calasso F. Medioevo del diritto. Vol. 1. Le fonti. – Milano, 1954. – 258 p.
13. Siems, H. Die Entwicklung von Rechtsquellen zwischen Spätantike und Mittelalter. – In: Von der Spätantike zum frühen Mittelalter / hrsg. von Theo Kölzer und Rudolf Schieffer. – Ostfildern: Thorbecke, 2009. – S. 245–285.
14. Sonja Girod M. A. Protest und Revolte – Drei Jahrhunderte studentisches Aufbegehren in der Universitätsstadt Göttingen (1737 bis 2000): Dissertation zur Erlangung des philosophischen Doktorgrades an der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen. – Göttingen, 2012. – 344 P.
15. Woods T. The Catholic Church Built Western Civilization. – Regnery Pub., 2005. – 280 P.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НОРМ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В условиях продолжающегося процесса обновления законодательства построение иерархической системы норм современного российского права, представляющее собой их строгую соподчиненность и взаимную согласованность, является важнейшей задачей для законодателя и иных правотворческих субъектов. Успешному выполнению данной задачи может способствовать знание исторически предшествующего опыта законотворчества и правотворчества, систематизации нормативных правовых актов. В связи с этим в статье проводится исторический анализ этапов формирования системы законодательства в России – от возникновения Российского государства до настоящего времени; по каждому из этапов автор показывает степень обеспечения основ иерархических связей правовых норм.

Ключевые слова: иерархия, норма права, системность, систематизация, нормативно-правовой акт, этапы становления иерархической системы правовых норм.

Понятие «иерархическая система норм права» является достаточно новым в научной литературе – первые работы, посвященные анализу связей соподчиненности и согласованности норм, появились в советский период. Вместе с тем, для правоприменительной практики никогда не терял актуальности вопрос о приоритете той или иной нормы права, о том, каким набором правовых предписаний следует руководствоваться при разрешении конкретных жизненных ситуаций. Особую остроту этот вопрос имел в те периоды российской истории, когда в законодательстве наблюдался хаос, имело место наложение новых норм на старые, которые не отменялись.

Процесс оформления такого свойства права как системность не всегда шел закономерно и поступательно, что во многом было обусловлено происходящими государственно значимыми событиями, оказавшими влияние на современный облик иерархической системы норм права.

Как отмечает В.А. Толстик, иерархичность нормы права сообщается ее источником [8, с. 28]. Следовательно, состояние системы законодательства обуславливает иерархические связи внутри нее.

В связи с неразрывностью понятий «право», «система законодательства» и «иерархическая система норм права» процесс установления отношений соподчиненности и согласованности правовых норм можно проследить на фоне формирования российского права в целом. В данном процессе можно выделить несколько этапов. Так, С.В. Кодан выделяет следующие этапы формирования системы законодательства в России:

1) установление общих направлений правового регулирования и зарождение системы законодательства (IX в. – середина XVII в.);

2) определение сфер и территориальных уровней правового регулирования, поиск путей развития системы законодательства (середина XVII в. – первая половина XIX в.);

3) становление системы законодательства (первая четверть XIX в. – начало XX в.) [3, с. 171].

В целом соглашаясь с приведенной дифференциацией, считаем возможным охватить больший исторический период, выделив следующие этапы:

1) с IX в. по 1649 г. (с возникновения российской государственности до принятия Соборного Уложения);

2) 1649–1917 гг. (с принятия Соборного Уложения до установления советской власти);

3) 1917–1993 гг. (с установления власти Советов до принятия Конституции Российской Федерации);

4) с конца 1993 г. (с принятия Конституции Российской Федерации) по настоящее время.

Поскольку возникновение государства и формирование права – это неразрывные, взаимообусловленные и совпадающие процессы, то со становлением Российского государства в конце IX века появляются и первые письменные источники права, в том числе договоры Руси с Византией (911 г., 944 г.). Одновременно с возникновением институтов государства происходило и зарождение средств правового воздействия на общественные отношения, определение направлений развития древнерусского права.

Оформление свойства системности права началось с деления права на отрасли. Этот процесс озаглавлен изданием Русской Правды – первого свода правовых норм, появившегося на Руси к концу XI века. Она закрепляла гражданско-правовые, уголовно-правовые, наследственные, процессуальные нормы. Но, несмотря на это, предписания, содержащиеся в Русской Правде, не представляли собой систему в традиционном (нынешнем) ее понимании: они не устанавливали какого-либо приоритета одних предписаний над другими, отношений взаимозависимости норм. В данный период системность права прослеживалась еще очень слабо.

Своеобразным толчком к проявлению иерархических связей между правовыми нормами являлась систематизация правовых предписаний, проводимая в Российском государстве в те периоды, когда

назревала объективная необходимость упорядочения правового материала.

Первыми наиболее успешными попытками такой систематизации являются Судебники 1497 и 1550 годов. Посредством их издания были кодифицированы нормы обычного права, уставные грамоты, княжеские указы. Однако, ввиду того, что главная цель принятия Судебников была иная – закрепление власти великого князя на всей территории централизованного государства, нормы Судебников излагались казуально, без четкой системы, и по-прежнему не определяли подчиненность правовых норм друг другу, не устанавливали принципов устранения коллизий.

К началу XVII века результаты правления Ивана Грозного отразились и на состоянии законодательства: огромное количество существовавших правовых норм, разбросанных по ведомствам, противоречили друг другу. Таким сложным, противоречивым и устаревшим законодательством пользоваться было слишком затруднительно, что, по мнению И.Д. Беляева, развивало потребность в новом уложении, в котором бы законы были расположены не по времени их выхода, а по материям, во взаимной связи по их содержанию [2, с. 493].

Это стало одной из причин принятия Соборного Уложения 1649 года, которое стало следующей вехой в развитии системности права и позволило по-новому взглянуть на систему правовых норм государства. При издании Соборного Уложения законодатель отошел от казуистического стиля изложения норм права, что позволило прийти к практике установления основ, принципов правового регулирования. С принятием данного правового акта впервые была сформирована система норм, четко распределенных по отраслям права. До этого нормы права регулировали общественные отношения хаотично, иногда оставляя какие-либо сферы неурегулированными, что не позволяло каким-либо образом их систематизировать, свести принципы правового регулирования к единообразию. Это был первый акт, направивший на новые рельсы правовое регулирование возрожденного российского государства.

В период Российской Империи (1721–1917 гг.) произошло усложнение системы правовых норм, что выразилось в появлении в ней новых элементов, совершенствовании законодательной техники.

Богатое разнообразие видов нормативных актов, наблюдавшееся в период правления Петра I (первая четверть XVIII в.), создало условия для их дифференциации по юридической силе. Это дало мощный импульс для выявления связей соподчиненности норм, возможность выстроить их иерархию. Юридическая сила и в настоящее время является главным принципом, влияющим на иерархию норм права.

В то же время активная законотворческая деятельность периода Петра I имела и негативные

стороны, влияющие в том числе и на состояние системы правовых норм. Многие из вновь принятых законов устанавливали принципы и нормы, противоречившие началам и нормам прежнего, не отмененного законодательства, что способствовало усилению хаоса в системе норм российского права.

Такое положение с неупорядоченностью норм права в России существовало до 1832 года – наряду с действующими нормами сохранялись и устаревшие предписания, которые по различным причинам не отменялись, не заменялись новыми, как это принято в настоящее время. Из-за отсутствия в нормативном материале систематичности возникали огромные трудности правоприменения, вызванные практической невозможностью определить нормы, которые регулируют общественные отношения. Не только частные, но и должностные лица не знали ни состав, ни содержание действующего права.

В очередной раз для достижения системности права была проведена систематизация законодательства. Колоссальная работа по полной ревизии нормативных актов, принятых после 1649 года, была проведена Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии во главе с М.М. Сперанским. В 1830 году было издано первое Полное собрание законов за период с 1649 года по 12 декабря 1825 год – от Соборного уложения до конца царствования Александра I (45 томов). В 1832 году был издан Свод законов Российской империи – собрание действующих норм российского права, изложенных в предметном порядке.

Работа над Сводом законов показала, что российское право не может представлять собой простую совокупность правовых норм, что огромная держава, какой являлась Россия в XIX веке, должна иметь четкую систему законодательства, понятную для всех правоприменителей. Без создания такой системы невозможно было представить эффективное правовое регулирование, отвечающее интересам всех слоев общества.

Важной отличительной чертой Свода законов являлось то, что в нем нашел отражение вопрос о соотношении правил, принятых на общегосударственном и местном уровнях: как гласила статья 48, «Законы в империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, уставах и учреждениях» [6, ст. 48]. В дальнейшем практика установления приоритета норм какого-либо правового акта над иными нормами устояла и в настоящее время активно применяется современным законодателем (например, при закреплении приоритета норм кодексов над нормами иных федеральных законов).

Несмотря на полный отказ советской власти от имперского законодательства, весь опыт объективного построения иерархической системы норм права, наработанный в предыдущие исторические периоды, создал условия для научного изучения иерархии правовых актов и норм, которое началось в советский период.

В научной литературе советского времени наблюдалось активное применение термина «нормативно-правовой акт», было сформулировано соответствующее понятие. При этом место конкретного нормативно-правового акта в иерархии определялось положением органа, его принявшего, в системе органов государственной власти. Именно поэтому, на наш взгляд, в юридической литературе сложилось мнение, согласно которому иерархия норм права обуславливалась иерархией органов, от которых они исходят. В советский период такая точка зрения была вполне справедлива, поскольку субъекты нормотворчества и типы актов, от них исходящих, были строго определены. Однако применительно к современности такой подход нельзя оценивать положительно, так как существующая ныне система органов, издающих правовые акты, и система норм права, в них содержащихся, значительно отличается от советского устройства.

В юридической литературе была предпринята попытка опровергнуть доминирующую в доктрине позицию. Наиболее активно против сложившейся в науке тенденции «огосударствления» системы законодательства и, соответственно, распространения термина «иерархия» на область права выступил В.М. Левченко. По его мнению, система зависимостей в механизме государства существенно влияет на формирование иерархии актов. Однако нельзя только этим объяснять ее содержание, необходимо учитывать и природу самого права. Ведь связи между нормативными предписаниями являются моментом структурообразования норм права, результатом правотворчества, в котором воспроизводится объективно необходимая система права [4, с. 16, 27].

Как отмечает И.П. Новикова, для советской правовой системы характерно нарушение иерархии источников права, проявление коллизий и иных противоречий в законодательстве. Именно в данный период начинается развитие представлений о конкуренции правовых норм в современном понимании этого правового феномена [5].

Большое внимание в СССР уделялось систематизации законодательства. Впервые в истории нашей страны была проведена кодификация, предопределившая основы построения современной системы законодательства. Осуществлялась и предметная инкорпорация, хотя слишком быстрое изменение законодательства снижало эффективность данной работы.

Своеобразный отпечаток на построение иерархии норм права наложило фактическое отсутствие

разделения властей. Это, с одной стороны, приводило к формальному всевластию Советов, которые могли решать любые вопросы, в том числе и законодательного, нормативного характера, с другой стороны, руководство КПСС стало главным стержнем законодательной и иной правотворческой деятельности: все проекты законов, постановлений Совета Министров, нормативных актов местных органов власти согласовывались с соответствующими партийными органами.

При этом почти все виды нормативных актов находили свое место в иерархической системе: в отношении всех подзаконных актов в конституциях прямо закреплялось, что они издаются на основе и во исполнение законов и всех других нормативных актов вышестоящих органов.

Однако, как отмечает М.Ю. Тихомиров, конкуренция правовых норм в советском праве проявляется и в соотношении таких источников права как законы и подзаконные акты. В сфере правового регулирования произошло смещение центра тяжести в сторону актов, обладающих меньшей юридической силой. Регулятивные возможности законов как актов прямого действия использовались редко. Поэтому многие несоответствия и противоречия норм права, появлялись, прежде всего, из-за нарушения иерархии источников и чрезмерного увеличения роли подзаконных нормативных правовых актов в регулировании общественных отношений [7, с. 242].

Достаточно детально иерархическая система законодательства была исследована профессором С.С. Алексеевым. Он отмечал, что «система советского законодательства отличается глубоким единством, органической целостностью. Единство системы законов и иных нормативных актов обусловлено единством их содержания – выраженных в них юридических норм, идеологических положений (призывов, общих деклараций и т.д.). Внешне оно характеризуется взаимосвязанностью актов и обусловлено с юридической стороны верховенством закона – стержня всей системы нормативных актов, а также объединяющей функцией кодифицированных актов. В то же время система советского законодательства характеризуется внутренней расчлененностью, дифференцированностью» [1, с. 151].

Также в советский период было обращено внимание на то, что кроме вертикальной иерархии норм права можно выстроить и горизонтальную иерархию, исходя из отнесения норм к различным отраслям права.

Уделялось внимание месту норм кодифицированных актов: признавалось, что они образуют ядро той или иной области законодательства. Упоминалось и о роли норм совместно принятых нормативных актов. В теории права считалось, что совместный акт во всех случаях призван выразить

большую юридическую силу данного нормативного решения [1, с. 235]. Как специфическая разновидность норм совместных актов выделялись предписания нормативных договоров, которые получили наиболее широкое распространение в международном праве, где они являются основным источником права.

Таким образом, характерной чертой системы норм права советского периода являлось отсутствие четких границ при определении иерархического места (юридической силы) норм законов и норм подзаконных актов: наблюдалось отсутствие на практике явно выраженного принципа, согласно которому нормы закона имеют приоритет над нормами подзаконных актов. В юридической науке напротив – наблюдается развитие концепции иерархического построения правовых норм. Именно в советский период прослеживаются общесоюзный, республиканский и местный уровни регулирования. В сфере внимания ученых находятся вопросы соотношения и соподчинения правовых предписаний. Все это создало основу для дальнейшего построения и совершенствования иерархической системы норм права.

С наступлением перестройки в РСФСР началось построение новой правовой системы. Распавшийся Советский Союз оставил России сложное наследие в виде экономического кризиса, всеобщего социального недовольства и отсутствия подлинной государственности. В данный переходный период развития политической и правовой систем в нашем государстве наиболее ярко проявлялась конкуренция правовых норм, при этом нередко являясь причиной совершенствования действующего законодательства.

Происходящие изменения в жизни общества требовали новой Конституции, которая была принята 12 декабря 1993 года. Конституция Российской Федерации еще больше подчеркнула значение иерархического начала в структуре российского законодательства. После ее принятия произошли глубинные процессы не только обновления законодательства, но и изменения самого содержания права, осознания роли новых правовых явлений в жизни человека и общества.

Отличительными чертами развития права данного периода являются:

1. Децентрализация правового регулирования. Конституция РФ и Федеративный договор создали базу для законотворческой деятельности субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Значительное развитие получают такие средства децентрализованного регулирования, как договоры, субсидиарное применение правовых норм.

2. Интеграция в российское законодательство общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (статья 15 Конституции РФ).

3. Приведение всего законодательного массива в соответствие с Конституцией РФ. Этот процесс включал в себя пересмотр действующего законодательства, отмену устаревших и создание новых правовых норм, совершенствование законодательной техники и законодательного процесса.

4. Формирование новых комплексных отраслей законодательства (о банках и банковской деятельности, приватизации, банкротстве предприятий, налогах, местном самоуправлении и др.).

5. Становление новой структуры законодательства, вызванное разграничением полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Появляются новые виды законодательных актов (уставы краев, областей, краевые, областные законы, указы, постановления губернаторов, глав администраций и др.).

Конституция Российской Федерации – это первый акт, закрепивший положения о взаимоподчиненности норм права, установления иерархической зависимости между ними (ч. 1 статьи 15, статьи 76, 90, 115 и др.). На данном историческом этапе стало отчетливо ясно, что для достижения внутренней согласованности законодательства необходимо обеспечить соподчиненность правовых норм, устранить противоречащие и дублирующие друг друга нормативные предписания.

В переходный период актуальными задачами стали построение правового государства, обеспечение единства правового регулирования. Происходило создание новой правовой системы, в том числе на ранее неизвестных российской практике принципах – главным образом это касается принципа разделения властей. Развивалось региональное и местное законодательство на основе предоставленных полномочий соответствующим органам власти и управления. Все это создало условия для построения целостной, единой системы правовых норм Российского государства.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее. В нашей стране исторически сложилось, что достижение согласованности правовых предписаний было связано с устранением противоречий в объемном и несистематизированном законодательстве. Именно стремление привести нормативно-правовой материал к системности посредством систематизации и унификации правовых предписаний стало одним из способов не только совершенствования действующего законодательства и приведения правоприменения к единообразию, но и построения иерархии правовых норм.

В дореволюционный период нормы права не охватывали всего массива общественных отношений, требующих правового регулирования. Содержание источников права в России до XVIII века свидетельствует о казуистическом характере правовых норм. Наблюдается постепенное совершенствование законодательной техники, преемственность со-

держания нормативно-правовых актов, стремление законодателя обобщить все правовые нормы одним сводным актом в целях систематизации правовых норм и достижения их согласованности. Ввиду разрозненности предписаний, характерной для всего дореволюционного периода в целом, сохранения действия устаревших норм, слабой юридической техники и т.п., остро ощущались проблемы правильности правоприменения, устранения противоречий между нормами и построения единой, взаимосвязанной системы норм права.

Кроме того, дважды в истории нашей страны происходило перестроение системы законодательства на новый лад, что было связано с провозглашением нового государственного строя. Так, после свержения царской власти в 1917 году Советы полностью отказались от прежней системы права. Смена формы правления и государственного устройства также оказали значительное влияние на систему законодательства нового государства. В СССР постепенно была построена такая система законодательства, какую ранее не знал имперский правопорядок: различались законы и подзаконные акты, указы и распоряжения органов исполнительной власти, общегосударственное (всесоюзное) законодательство и законодательство республик. Второе заново начавшееся развитие российской правовой системы связано с распадом СССР в 1991 году, провозглашением независимости РСФСР и принятием в 1993 году Конституции РФ.

Несмотря на то, что даже в настоящее время иерархическая система норм права не имеет окончательного оформления, внимание к вопросам ее построения способствует решению таких проблем, как коллизии между правовыми предписаниями, издание государственными органами и должностными лицами актов по вопросам, не входящим в их компетенцию, неверное определение иерархического места той или иной нормы в процессе правоприменения.

Проведенный историко-правовой анализ показывает, что первые шаги к созданию иерархи-

ческой системы норм российского права были сделаны еще на самых ранних этапах развития Российского государства и права. Этот процесс носит объективный характер и имеет постоянное развитие, этапы которого наиболее заметны в эпохи смены или масштабного усовершенствования законодательства. Научное исследование иерархии в праве, начавшееся в советский период, позитивно сказалось на решении вопросов соотношения нормативных актов между собой, определении приоритета одних правовых норм над другими. В настоящее время имеются все предпосылки для дальнейшего изучения иерархии в праве в целом и построения иерархической системы правовых норм в частности.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2-х т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 2. – 360 с.
2. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. – СПб: Издательство «Лань», 1999. – 639 с.
3. *Кодан С.В.* Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 171–178.
4. *Левченко В.М.* Субординация в структуре права (функциональные аспекты). – Рязань: Институт права и экономики МВД России, 1996. – 176 с.
5. *Новикова И.П.* Развитие представлений о конкуренции правовых норм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.buroadvocatov.ru/interesting/articles/detail.php?ID=329> (дата обращения: 04.02.2013).
6. Свод законов Российской Империи. – СПб, 1832. – Т. 1.
7. *Тихомиров М.Ю.* Коллизионное право. – М.: Юринформцентр, 2000. – 394 с.
8. *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 494 с.

СИСТЕМНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СФЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена раскрытию особенностей системной методологии, ее фундаментальным понятиям и принципам, а также ее эвристическим возможностям при исследовании политико-правовых явлений. Автор обращается к трудам классиков общей теории систем, говорит о трудности выработки единообразного, общепринятого понятия «системы», рассуждает о проблеме границ системы. Автор статьи с опорой на изученные труды дает свое определение системы, а также собственную характеристику признаков системы, приводит деление систем по характеру поведения и типу действующих в системе законов (реактивные и активные системы), объясняет особенности их функционирования.

Автор работы подчеркивает, что в теории государства и права системный подход широко используется при анализе государственно-правовых явлений, что аналитически конструирующиеся системы (правовая система общества, система права, правовые системы мира (правовые семьи), политическая система общества и др.) рассматриваются как сложное структурное образование, состоящее из соответствующих подсистем, и, в то же время, являющееся частью системы более высокого уровня.

Ключевые слова: методология, системный метод, общая теория систем, политическая система, правовая система.

В теоретическом, научном познании огромную роль играет методология. В широком смысле методология — это учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. Когда мы говорим о методологии научного познания, то имеем в виду учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности. Именно правильно выбранные и примененные методы позволяют решать познавательные задачи самого различного характера. Поэтому проблемы методологии всегда находились в центре научных дискуссий. В рамках данной статьи нами будет освещен системный метод познания и его эвристические возможности.

Современное научное знание основывается на системной методологии, предполагающей анализ целостных интегративных свойств объекта, выявлении его различных связей и структуры. Фундаментом теории систем стали работы Л. фон Берталанфи, А.А. Богданова, Т. Парсонса, Н. Винера, У. Эшби, А. Рапопорта [15; 17; 4; 20; 22; 25]. Во второй половине XX в. идеи системного подхода, общей теории систем стали распространяться повсеместно. Значительный вклад в развитие теории систем внесли такие отечественные ученые, как И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, В.А. Карташев, П.К. Анохин, В.С. Тюхтин и др. [1; 2; 5; 9].

Близкими к системному подходу являются структурно-функциональный анализ и структурализм, которые также сыграли заметную роль в развитии новых методологических идей. Системный подход является особенно востребованным при проведении междисциплинарных исследований, т.к. он возник во многом как реакция на стремление разделить познание на изолированные дисциплины путем установления жестких границ между

ними. Как отмечал известный французский политолог и социолог Р.Ж. Шварценберг, задача общей теории систем заключается в том, чтобы интегрировать знания, полученные в других дисциплинах, унифицировать науку, научный анализ [23, с. 108].

Фундаментальным понятием системной методологии является понятие «система». Основная идея заключается в том, что в различных областях, сферах, существуют системные объекты, обладающие целым рядом общих свойств именно в силу своей системности. Теория систем разрабатывает целую совокупность понятий, принципов и концепций, применимых ко всем видам систем, будь то физические, биологические, механические или социальные системы. Такое взаимодозначное соответствие один из основоположников общей теории систем Людвиг фон Берталанфи назвал изоморфизмом. Особый акцент Берталанфи делал на то, что общая теория систем не занимается исследованием поверхностных аналогий, сами по себе аналогии имеют незначительную ценность, так как, кроме сходства между явлениями, всегда могут быть обнаружены и различия. «Берталанфи заявляет, что изоморфизм, о котором идет речь в «общей теории систем», есть следствие того факта, что в некоторых отношениях соответствующие абстракции и концептуальные модели могут быть применены к различным явлениям» [7, с. 72].

В своем критическом обзоре общей теории систем Берталанфи, оценивая возможности применения системной методологии в различных отраслях знания, отдельно упоминает «теоретическую историю» (или «философию истории»). Берталанфи уверен, что «история может получить от теоретиков системного анализа хотя и не конечные решения своих проблем, но более здравую методологическую установку. Проблемы, которые до этого рассматривались как философские,

или метафизические, могут также быть охарактеризованы в их строго научном плане с многообещающими возможностями использования для их решения новейших научных достижений» [16; 17]. Так, к историческому процессу могут быть, в частности, применены теоретические модели динамических, открытых и адаптивных систем. Это не означает сведения социальных понятий к биологическим, а выражает систему принципов, применимую в различных областях науки.

В правоведении, в частности в теории государства и права, системный подход широко используется при анализе государственно-правовых явлений. Аналитически конструируются такие системы как: правовая система общества, система права, правовые системы мира (правовые семьи), политическая система общества, и др. Каждая из этих систем рассматривается как сложное структурное образование, состоящее из соответствующих подсистем, и, в то же время, являющееся частью системы более высокого уровня. Так, например, система права, имеющая свою сложную внутреннюю структуру, в свою очередь является элементом правовой системы общества. Сложные взаимосвязи, существующие между этими системами и подсистемами, позволяют выявлять закономерности развития и функционирования государственно-правовой системы в целом. В свою очередь, государственно-правовая система существует не изолированно, а детерминирована развитием и состоянием экономической системы, типом цивилизации, культурными и религиозными факторами, идеологической системой. Простым примером является принудительное распространение (навязывание) по всему «цивилизованному» миру либеральной идеологии, концепций правового государства и гражданского общества, модернизации и глобализации [9].

Как отметил Берталанфи, понятие системы не есть «нечто преходящее или некий итог последних технических достижений... понятие системы так же старо, как стара европейская философия... и может быть прослежено еще у Аристотеля» [19; 21].

В литературе можно встретить различные толкования понятия «система». Трудность выработки единообразного, общепринятого понятия «системы» объясняется в значительной мере «фундаментальным, предельным характером того обобщения, которое скрывается за словом «система»» [11, с. 100].

Важным вопросом до сих пор остается проблема, сформулированная в свое время И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным: с чем имеет дело системный подход? С определенным ограниченным классом реальных объектов или с определенной стороной, особым «срезом» всей действительности? [3, с. 103].

Л. фон Берталанфи определял систему как «совокупность взаимосвязанных элементов так связанных между собой, что если изменить один эле-

мент, то изменится вся совокупность» [18; 19]. Тем самым он подчеркивал внутреннее единство системы, взаимозависимость, существующую между ее структурными частями. Так, например, изменения в правовой идеологии закономерно влекут соответствующие изменения в системе права, в юридической практике и остальных элементах правовой системы общества, что мы могли непосредственно наблюдать в 90-е годы XX века. В то же время системность подразумевает, что без разрушения всей системы нельзя убрать какой-либо из ее элементов. Например, без правовой идеологии правовая система существовать не может, также как без норм права и т.д.

Традиционным для российской науки является определение, сформулированное в советское время и не подвергшееся с тех пор существенным новациям: «система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и в связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [12]. Это определение в той или иной интерпретации мы можем встретить у большинства ученых. Однако некоторые ученые (например, П.К. Анохин, В.А. Карташев) в своих трудах подчеркивали функциональный аспект систем и определяли систему как «функциональную совокупность средств достижения необходимого результата» [6, с. 294]. В.Н. Садовский писал о семействе значений понятия «система», объясняя это тем, что наиболее эффективный путь экспликации содержания этого понятия состоит в содержательном рассмотрении многообразия его значений [10, с. 82].

Интересным нам кажется замечание В.Н. Садовского относительно того, что нет и не может быть строгих критериев приписывания тем или иным предметам свойств системы, как нет критериев определения нижней или верхней границы системности [10, с. 86]. Конечно, в связи с таким утверждением можно обвинить автора в субъективизме, однако если принять во внимание системы микро- и макро- уровня (от молекулы до вселенной), то вполне отчетливо мы осознаем объективную невозможность установления границ системности. Система права также рассматривается на микро- и макро- уровнях, например, норма права представляет собой мельчайшую частичку права, однако и она является системой – системой трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Макроуровень позволяет рассматривать систему права как элемент правовой системы общества, а национальную правовую систему как часть правовой семьи.

Таким образом, не углубляясь в нюансы толкования этого термина, под системой в целях нашего исследования мы будем понимать *определенную совокупность взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство*.

Основываясь на данном определении, сформулируем основные признаки системы:

1. Система характеризуется внутренней структурой, составом, определенным набором элементов;
2. Эти элементы взаимосвязаны между собой таким образом, что образуют некое единство;
3. Единство системы предполагает неделимость элементов в рамках данной системы (то есть для существования системы необходим полный набор ее элементов);
4. Между элементами системы устанавливаются определенные отношения и связи;
5. Взаимодействие, взаимосвязь элементов образует новое качество, которым не обладают элементы сами по себе, не будучи связаны в систему;
6. Это новое качество образуется при помощи особого рода связей и отношений внутри системы – системообразующих связей (именно они определяют специфику данной системы);
7. Система имеет иерархичное строение (элементы системы могут сами рассматриваться как особые системы, с другой стороны сама система может рассматриваться как элемент системы более общего порядка);
8. Система обладает обособленностью по отношению к внешней среде, к другим системам;
9. Система обладает устойчивостью, способностью реагировать на внешние воздействия, сохраняя свою целостность.

Используя знания о системных свойствах изучаемого объекта, Р.-Ж. Шварценберг так характеризовал политическую систему: «политическая система состоит из элементов, объединенных отношениями взаимозависимости; целостность, образуемая совокупностью элементов, не может быть сведена к их сумме; отношения взаимозависимости между элементами и образуемая ими целостность подчиняются законам, которые могут быть описаны в терминах логики; система реагирует как единое целое на внешние раздражители и на изменение своих внутренних элементов» [13, с. 107].

Функционирование системы подчиняется определенным законам. Так, в каждый момент времени система находится в определенном состоянии (статика). Последовательный набор состояний системы образует ее поведение (динамику).

Как писал Л. фон Берталанфи, «каждая наука является в широком смысле слова моделью, то есть понятийной структурой, имеющей целью отразить определенные аспекты реальности» [16, с. 5]. По его мнению, теория систем включает три группы понятий, первая из которых содержит описательные понятия, вторая группа понятий связана с факторами, которые обеспечивают регуляцию и сохранение систем, а третья связана с динамикой систем [13, с. 110]. Все эти понятия могут быть использованы при характеристике государственно-правовой системы и ее составляющих.

К первой группе относятся: понятия, служащие для обозначения различных типов систем (например, открытых и закрытых); понятия, определяющие иерархические уровни систем (например, подсистема); понятия, описывающие аспекты внутренней организации систем (интеграция, дифференциация, взаимозависимость и централизация); понятия, относящиеся к взаимодействию системы со средой («вход» и «выход»). Вторая группа включает такие понятия, как: устойчивость, равновесие, гомеостаз, негативная энтропия. Третья группа охватывает характеристики динамики систем: адаптация, возрастание, кризис, напряженность, нагрузка, упадок.

По характеру поведения и типу действующих в системе законов различают реактивные и активные системы. Функционирование реактивных систем определяется воздействием среды, а существенную роль в функционировании активных систем играют внутренние законы их динамики, определенные цели системы.

Любую систему можно охарактеризовать по целому ряду показателей.

В.Н. Садовский предложил содержательные признаки (характеристики) системы делить на следующие три группы:

А) признаки, характеризующие *внутреннее строение системы*: множество; элемент; отношение; свойство; связь; каналы связи; взаимодействие; целостность; подсистема; организация; структура; ведущая часть системы, подсистема, принимающая решение; иерархическое строение системы.

Б) признаки, характеризующие *специфически системные свойства*: изоляция; взаимодействие; интеграция; дифференциация; централизация; децентрализация; состояние системы; целостность; стабильность; восприятие, хранение и переработка информации; обратная связь; равновесие; подвижное равновесие; регуляция; управление; саморегуляция; самоуправление; конкуренция.

В) признаки, относящиеся к *поведению системы*: среда; состояние системы; поведение; целостность; деятельность; функционирование; изменение; адаптация; аккомодация; гомеостазис; рост; эволюция; развитие; генезис; обучение; эквифинальность; целенаправленность поведения [10, с. 87].

Анализируя системный подход как одну из форм методологического знания, М.Г. Анохин выделяет следующие его аспекты: системно-исторический, системно-компонентный, системно-структурный, системно-функциональный, системно-интегративный и системно-коммуникационный [1, с. 11].

Например, для исследования такой сложной системы как политическая, необходим учет всех названных аспектов. Так, системно-исторический метод позволяет рассмотреть генезис политической системы, ее функционирование и развитие.

Системно-компонентный метод направлен на изучение состава политической системы, ее компонентов. Системно-структурный метод позволяет изучить внутренние связи между элементами политической системы, особенности и уровни их взаимодействия. Системно-функциональный метод направлен на установление информационно-функциональных зависимостей разного уровня: между компонентами политической системы, между компонентами и самой политической системой, между политической системой и другими элементами социальной системы, между политической системой и обществом (как макросистемой). При таком подходе учитывается такое свойство систем как иерархичность, исследуются вертикальные и горизонтальные связи компонентов и систем. Системно-интегративный подход предполагает исследование целостных, собственных свойств политической системы, ее отличия от других систем. Системно-коммуникационный метод позволяет изучить взаимодействие политической системы с окружающей средой, проанализировать факторы, влияющие на политическую систему извне.

Системный подход позволяет построить целостную картину изучаемого объекта. Такой результат достигается на основе следования определенным базовым правилам, принципам. Именно они составляют суть системной методологии. Э.Г. Юдин выделял следующие основные принципы системного исследования:

1. При исследовании объекта как системы описание элементов не носит самодовлеющего характера, поскольку элемент описывается не как таковой, а с учетом его места в целом (т.е. в системе);

2. Один и тот же «материал» выступает в системном исследовании как обладающий одновременно разными характеристиками, параметрами, функциями и даже разными принципами строения. Одним из проявлений этого является иерархичность строения систем.

3. Исследование системы неотделимо от исследования условий ее существования.

4. Специфической для системного подхода является проблема порождения свойств целого из свойств элементов, и наоборот, порождения свойств элементов из характеристик целого.

5. Источник преобразований системы или ее функций лежит обычно в самой системе; поскольку это связано с целесообразным характером поведения систем, существеннейшей чертой системных объектов является их самоорганизующийся характер [14, с. 141–142].

В.Н. Садовский добавлял к этим принципам следующие положения:

1. Свойства объекта как целого определяются не только и не столько свойствами его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми интегративными связями.

2. Способом организации и взаимного согласования характеристик и свойств разных уровней многих типов систем является управление.

3. Для многих систем характерны целесообразность как неотъемлемая черта их поведения, наличие разных, часто не согласующихся между собой локальных целей отдельных подсистем, кооперирование и конфликт этих локальных целей.

4. Системный подход предполагает выработку средств соединения, синтеза в теоретическом знании отдельных представлений о сложном объекте – исследуемой системе [10, с. 18–19].

Системная методология доказала свою состоятельность не только в точных и естественных науках, но и при анализе социо-культурных систем.

Опираясь на системный подход, мы рассматриваем в качестве системы не только само общество, но и элементы, образующие его структуру. Так, можно выделить политическую, правовую, экономическую, культурную, идеологическую и другие социальные системы. Их главной особенностью является то, что они связаны с волевой, целенаправленной, преобразующей деятельностью людей, их объединений и организаций.

В социологии главный вклад в развитие системного анализа внес американский социолог Толкот Парсонс, который опираясь на общую теорию систем и теорию общих свойств живых и неживых систем (кибернетику), сформулировал теорию общества как социальной системы. Представление Парсонса об обществе коренным образом отличается от общепринятого понимания общества как совокупности конкретных человеческих индивидов.

Парсонс рассматривал социальные подсистемы как составную часть более общей «системы действия» (*general system of action*), в которой он выделял и другие составляющие: культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы (*Behavioral Organism*), – «все это абстракции, аналитически вычленимые из реального потока социального взаимодействия» [8, с. 15]. Различение этих четырех подсистем действия носит функциональный характер, т.е. каждая из подсистем осуществляет присущую ей функцию (соответственно – воспроизводства образца (паттерна), интеграции, целедостижения и адаптации) [21, с. 28].

Кроме этих четырех подсистем «системы действия», Парсонс называл еще две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются ее средой, а не составляющими. Первая из них — это физическая среда, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, не интегрированных в систему действия. Вторая система, независимая как от физической среды, так и от самих систем действия – это «высшая реальность» (*Ultimate reality*). Этот термин Парсонс

использует в философском, не теологическом смысле. Ultimate reality – это нечто эмпирически определенное. Сам автор апеллирует к М. Веберу и уточняет, что это касается того, что Вебер называл «проблемой смысла» [24] человеческих действий и что она связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные (когнитивные) «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими.

В то же время Парсонс пишет, что система легитимации всегда основывается и зависит от основополагающего бытия, связь которого с Ultimate reality очевидна. Это означает, что даваемое этой системой легитимации обоснование всегда в некотором смысле является религиозным [5, с. 148].

На основе функционального подхода Парсонс аналитически делил общество на четыре основные подсистемы: фидуциарную (воспроизводства образца), интегративную (социетальное сообщество), политическую, экономическую. В упрощенном варианте это привычные нам четыре сферы жизни общества: духовная, социальная, экономическая и политическая. При этом он подчеркивал взаимосвязи этих подсистем с другими частями общей «системы действия» и средой. «Так, подсистема сохранения и воспроизводства образца преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью; целодостиженческая, или политическая, подсистема – отношений с личностными системами индивидов; адаптивная, или экономическая, подсистема – отношений с поведенческим организмом и через него с материальным миром» [21, с. 29].

На разных этапах развития общества характер социальных систем неодинаков, со временем социальные системы усложняются, дифференцируются. Системная методология позволяет не только исследовать системы любого уровня сложности, но и прогнозировать дальнейшее поведение этих систем, оптимизировать их работу, анализировать трансформации, кризисы и т.д.

Системный подход является общенаучной методологией, он стимулирует развитие системного мышления, необходимого в современном мире. Общая теория систем формирует теоретическую основу системной методологии, в ее рамках исследуются концепции, методы и сам процесс познания, осуществляется метаанализ системного мышления. Данная методология безусловно обогащает познавательный инструментарий правоведения, применяемый для исследования политико-правовых явлений.

Библиографический список

1. Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ). – М.: Информат, 1996.

2. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. – М., 1971.

3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973.

4. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). Часть I–III. – Л.; М.: Книга, 1925, 1927, 1929.

5. Гараджа В.И. Социология религии. – М.: ИНФРА-М, 2005.

6. Карташев В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Издательство «Прогресс-академия», 1995.

7. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем (в связи с общей теорией систем Л. Бергаланфи // Вопросы философии. – 1960. – № 8. – С. 67–79.

8. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998. – С. 15.

9. Романовская Л.Р. К вопросу о необходимости «импортзамещения» в идеологическом и правовом пространстве России // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 460–471.

10. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М.: Наука, 1974.

11. Управление, информация, интеллект / под ред. А.И. Берга и др. – М.: Мысль, 1976.

12. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983, ст. «Система».

13. Шварценберг Р.Ж. Политическая социология. Часть I. – М., 1992.

14. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997.

15. Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. 3rd. ed. – New York: Wiley, 1958.

16. Bertalanffy L. von. General System Theory – A Critical Review // General Systems. – 1962. – Vol. VII. – P. 1–20.

17. Bertalanffy L. von. General System Theory. // General Systems. – 1956. – Vol. I. – P. 1–10

18. Bertalanffy L.von. General systems theory. Foundations, development, applications. – N.Y., 1968. – P. 19.

19. Bertalanffy L.von. The History and Status of General Systems Theory, in J. Khr (ed.), Trends in General Systems Theory. – New York: Wiley, 1972. – P. 21.

20. Parsons T. The Social System. – N.Y., 1966.

21. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.

22. Rapoport A., Horvath W.J. Thoughts on Organization Theory and a Review of Two Conferences // General Systems. – 1959. – Vol. IV. – P. 87–93.

23. Roger-Gerard Schwartzenberg. Sociologie Politique. – Paris, 1988. – P. 108.

24. Weber M. The sociology of religion. – Boston: Beacon Press, 1963.

25. Wiener N. Cybernetics. – New York: Wiley, 1948.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Дисциплина «Право и экономика» (или иначе «Экономика права», «Экономический анализ права»), становление и расцвет которой пришлось на 1950–1970-ые годы XX века, формировалась преимущественно в условиях англо-саксонской правовой системы, в первую очередь, в США. Со временем завоевав в странах общего права заслуженный авторитет одного из наиболее влиятельных и значительных правовых учений современности, экономика права, тем не менее, продолжает сталкиваться со сложностями при ее восприятии учеными и практиками, действующими в условиях стран континентального права, к которым относится и Россия. Среди факторов, затрудняющих применение дисциплины в Европейских странах, наиболее часто называется принципиальное отличие системы действующих в них источников права. Однако отказ от возможности применения столь актуальной и разработанной методологии, которую предлагает экономический анализ права, только лишь на основании объективно существующих различий в иерархии источников права разных стран, представляется преждевременным. В настоящей статье предпринимается попытка выявления подлинных причин настороженного отношения к экономическому анализу права на континенте (на примере российской правовой системы), а также путей и способов снятия возникающих противоречий.

Ключевые слова: право и экономика, англо-саксонское право, континентальная правовая система, роль экономического анализа.

Н евысокий уровень интереса к экономическому анализу права, характерный для российских ученых-юристов¹, является типичным и для других европейских стран, правовая система которых образовалась в результате рецепции римского права, в частности Германии. Так, например, К. Кихнер отмечает, что «скептицизм по отношению к новому экономическому подходу к праву можно рассматривать в качестве магистральной линии в теоретической дискуссии, возникшей в основном среди правоведов, тогда как экономисты² отнеслись к новому подходу скорее с сочувствием» [2, с. 368]. Для того чтобы понять, связана ли данная закономерность с особенностями континентальной правовой традиции, предварительно представляется необходимым выявить причины успеха экономики права в США.

Постклассические научные школы, тяготеющие к широкому использованию методов неюридических наук и изучению «живого» права, к числу которых, несомненно, относится экономический анализ права, в целом исторически более характерны именно для США. Достаточно вспомнить такие учения как правовой реализм (О. Холмс, К. Льюэллин и др.) и школа критических правовых исследований (А. Хант, С. Холл, Д. Кеннеди, Р. Ангер и др.), чтобы убедиться в широкой развитости и успешности междисциплинарного дискурса в американской правовой мысли. В то же время континентальные «родственники» подобной исследовательской парадигмы, такие как социологические конструкции Л. Дюги, М. Ориу, Г. Гурича, школа свободного права, юриспруденция интересов, юриспруденция ценностей, ордолиберализм в Германии в гораздо меньшей степени воздействовали на правовую науку. Традиционным для европейской правовой мысли является преобладание юридического догматизма и формализма (в любом его варианте от пандектики до кельзианства). Использование же

юристами экономической риторики воспринимается скорее как попытка сопротивления государству через критику его политики, реализующейся, в том числе, и через правовое регулирование. Для взаимодействия экономики и права на континенте до сих пор отводится место лишь в отраслях права, которые неразрывно связаны с функционированием рынка: антимонопольное право, законодательство о рынке ценных бумаг, налоговое право и т.д.

В странах континентального права междисциплинарные исследования воспринимались юристами в качестве угрозы их самостоятельности, как вызов «чистому» праву, юридической догме, имеющей с их точки зрения полностью автономное содержание, основанное скорее на справедливости, чем на эффективности. Эффективность как нормативный критерий представляется континентальным юристам и судьям «чем-то чужеродным, пришедшим извне, как враг, осаждающий крепость» [9, с. 403]. Как следствие, использование экономического анализа в России наталкивается на обвинение в редукционизме, порочности метода и опоре на контрафактические допущения (ученым-юристам видится идеалистическим представление о субъектах права как рациональных максимизаторах своего благосостояния, действующих в условиях ограниченных ресурсов). Например, М.В. Антонов считает, что «хотя и под другими, диаметрально противоположными идеологическими лозунгами сторонники экономического анализа права пользовались тем же самым методологическим приемом, что и марксисты – редукция плюралистической правовой действительности к одному из ее моментов, к экономическому фактору» [1, с. 19]. Вместе с тем, апологеты чикагской школы экономики права сознательно, на основе теоремы Р. Коуза, создали контрафактическую теоретическую модель, благодаря чему смогли пойти дальше правового реализма лишь постулировавшего необ-

ходимость произвести теоретическую реконструкцию взаимодействия правовой и экономических систем, или юридического формализма, попросту игнорирующего эту проблему, или школы критических правовых явлений, признавшей невозможность такой реконструкции [5, с. 251]. Как указывал лауреат Нобелевской премии по экономике М. Фридман, главным в любой теоретической конструкции является не ее соответствие реальности, а предсказательная способность, которая зачастую оказывается выше у теорий, которые опираются на откровенно контрафактические допущения [10].

Естественным образом научный подход может быть интегрирован в правовую систему посредством законотворческого процесса. С точки зрения И. Бентама, парламентское правотворчество служит цели утилитаризма даже лучше созданием норм права судьями в системе общего права. Вместе с тем в США на протяжении длительного времени судебная власть, осуществляющая правотворчество, обладала политической независимостью, независимостью от писаного права, а также гибкостью своего развития, возможностью отхода от старых прецедентов и опоры на новые доктрины. Методологические разногласия юридического формализма и правового реализма (и социологии права) в действительности сводятся к спору о правомерности введения внешних ценностных критериев в процесс принятия судьей решения [2, с. 382]. Именно благодаря тому, что в США законодательство и правовая система, по крайней мере, в некоторой степени, используются как инструменты и потому открыты для внешних ценностных критериев, право и экономика находят благодатную почву для опоры и развития, как подход дающий возможность критиковать, развивать и прояснять правовую доктрину (нормативный вариант учения).

Более того, в американской системе разделения властей, базирующейся на системе сдержек и противовесов, судебная власть, находящаяся под постоянной угрозой ограничения со стороны власти законодательной, тяготеет к доктринам, позволяющим ослабить роль законодателя, поддержать независимость общего права от права писаного.

В странах романо-германского права, а особенно в России, судебная власть не обладает настолько независимым характером, ее роль строго ограничена интерпретацией, толкованием писаного права, создаваемого законодательными органами власти. Судебный прецедент не относится к источникам права. Расширительное толкование, в рамках которого может быть создана новая норма права, находится под постоянной угрозой вмешательства законодательных органов или Конституционного суда. Исторически считается, что правом принятия общеобязательных норм поведения наделена только законодательная власть, избранная всенародным голосованием. Поэтому, даже создавая новые нор-

мы права *praeter legem* (кроме закона) и уж тем более *contra legem* (против закона), суды маскируют свое правотворчество под категориями целей и смысла законодательного акта, не призывая на помощь внешние ценности [2, с. 387]. Таким образом, в отличие от США, в континентальных (российских) судах целям сохранения автономии скорее способствует традиционное, догматическое мышление. Судьи высших судебных инстанций гораздо в большей степени свободны от такого ограничения, поскольку их престиж не в последнюю очередь зависит от степени их участия в разработке, модернизации права. Однако в Российской Федерации подобная активность Высшего арбитражного суда РФ, как раз и заработавшего свой авторитет активным участием в модернизации права, адаптации объективно запаздывающего и противоречивого правового регулирования к реально возникающим казусам и обстоятельствам динамично меняющейся жизни, привела лишь к его упразднению. Объединенный Верховный суд РФ, на наш взгляд, займет куда более осторожную позицию в вопросах толкования права, и будет ориентироваться на законодателя.

К тому же в странах романо-германской правовой традиции право воспринимается как элемент культурного наследия страны, в конечном счете как часть ее суверенитета, а экономика права, отстаивающая понимание права как наднациональной ценности, наталкивается здесь, как верно отметила М.И. Одинцова, на «юридический национализм» [4, с. 60]. Дисциплина «экономика права» пытается понять силы, которые действуют в праве как всеобщем феномене социальной организации, а не только в определенной правовой системе [11, с. 85–87].

Наконец, реальные возможности использования одного из наиболее существенных преимуществ экономического анализа права – количественной оценки (квантификации) и прогнозирования в нашей стране существенно осложняются неполнотой, недоступностью, искаженностью и запутанностью правовой статистики.

С сожалением приходится признавать, что по указанным выше причинам в настоящий момент в России экономика права не преподается на юридических факультетах университетов, за исключением НИУ ВШЭ, не имеет специализированного печатного издания, не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на законодательный процесс или судебную власть. Так на какую же роль в правовой системе России может претендовать экономический анализ права, учитывая наличие столь существенных факторов, препятствующих его укоренению и развитию?

Применение экономики права в условиях российской правовой системы возможно на трех уровнях: на уровне законодательной власти – как инструмент законотворчества; на уровне аналитики – в качестве способа оценки законодательства

или судебной практики; на уровне судебной власти как способ толкования норм права [2, с. 390].

Нормативный вариант права и экономики вероятнее всего встретит настолько ожесточенное сопротивление со стороны научного сообщества, что вероятность его популяризации ничтожно мала. И причиной этого, как было показано выше, являются различия в преобладающем типе «правового мышления» как таковом, а не столько различия в системе источников общего и романо-германского права, как может показаться на первый взгляд. Оценка количественно измеряемой эффективности, вместо поиска всеми по-разному трактуемой справедливости, вот в чем основное противоречие экономической теории права и укоренившегося в сознании континентального юриста представления о праве. Но даже и в таких условиях возможно восприятие экономики права в ее «позитивном» варианте (акцент на аналитические и прогностические возможности подхода), который более совместим с континентальной системой права. Формулирование проверяемых гипотез о последствиях тех или иных правовых решений, а также возможность измерения издержек правовых решений, включая варианты интерпретации правовой нормы – вот те области, в которых экономический анализ права может быть наиболее эффективен, и даже незамечен в России. Совершенствование правовой системы может быть достигнуто и без угрозы независимости судебной власти, в случае использования ею внешних по отношению к писаному законодательной властью праву ценностных установок. Если рассматривать различные варианты толкования нормы права как конкурирующие решения правовой проблемы, тогда решения суда представляют собой проверяемые и опровержимые предположения, и если в будущем они не позволяют достичь намеченной цели их необходимо пересмотреть.

Остается надеяться, что десакрализация и раскрытие реального процесса принятия решения не будут расценены судьями как уязвимость перед законодателем. Очевидно, что при современной динамике развития общественных отношений и их перманентном усложнении определенное разделение обязанностей законотворческих обязанностей между высшими судами и законодательными органами (хотя бы по модели *praer legem*) неизбежно, и экономический анализ права является существенным подспорьем на этом нелегком пути.

Примечания

¹ Традиционной для марксистско-ленинского наследия является лишь тема соотношения права (как надстройки) и экономики (как базиса формации), а количество теоретических исследований именно по экономическому анализу права, выполненных современными российскими учеными-юристами незначительно, см., например, Антонов М.В. О некоторых теоретических проблемах

применения экономического анализа права в России [1]; Третьяков С.В. Формирование исследовательской программы экономической теории права [5]; Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход [6]. Встречаются также и отдельные специальные работы по праву и экономике, например, Курочкин С.А. Экономический анализ права как перспективный метод исследования гражданского процесса [3].

² Российские экономисты также проявили интерес к экономике права. К настоящему моменту ими даже подготовлен учебный материал по «law and economics», который успешно допущен Министерством образования и науки РФ для обучения по специальности «экономика» (например, Одинцова М.И. Экономика права. [4]; Шмаков А.В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч. 1 [8]; Шмаков А.В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч. 2 [9].

Библиографический список

1. Антонов М.В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России. Право // Журнал ВШЭ. – 2011. – № 3. – С. 10–25.
2. Кихнер К. Трудности восприятия дисциплины «право и экономика» в Германии // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 368–392.
3. Курочкин С.А. Экономический анализ права как перспективный метод исследования гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 1.
4. Одинцова М.И. Экономика права. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 430 с.
5. Третьяков С.В. Формирование исследовательской программы экономической теории права // Liber amicorum в честь 50-летия А.Н. Жильцова. Трансграничный торговый оборот и право / сост. и науч. редакторы: А.И. Муранов, В.В. Плеханов. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 222–252.
6. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 5–26.
7. Шефер Г.Б. Эффективность как правовая норма // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 393–420.
8. Шмаков А.В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. – 136 с.
9. Шмаков А.В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч. 2. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 80 с.
10. Friedman M. The methodology of positive economics // Essays in positive economics. – 1966. – Pp. 3–16, 30–43.
11. Mattei U. Comparative Law and economics. Ann Arbor: The University of Michigan Press. – 1997. – P. 288.

РЕЗУЛЬТАТЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема понимания нового термина теории права – результатов нормотворчества. Данный термин теоретики права редко используют в своих работах, но законодатели все чаще стали его применять в своей деятельности. В современных условиях модернизации механизма государства проблема определения результатов нормотворчества актуализируется с новой силой. Автор статьи дает ответ на поставленные вопросы: что такое результаты нормотворчества; как соотносятся между собой понятия «источник права» и «результат нормотворчества»; какие виды результатов нормотворчества существуют в России; какие результаты нормотворчества являются приоритетными; является ли правовой обычай результатом нормотворчества; является ли судебный прецедент результатом нормотворчества. Рассматриваются также существующие эмпирические проблемы нормативных правовых актов.

Сделан вывод, что понятия «результат нормотворчества» и «форма права» применительно к таким источникам, как нормативные правовые акты, нормативные договоры и судебные прецеденты всецело совпадают.

Предложено авторское понятие результатов нормотворчества. Сделан вывод о том, что назрела необходимость принятия федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации». В развитие этого закона предлагается принять такие видовые законы, как: «О нормотворческой деятельности и нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации», «О региональном нормотворчестве».

Существующее в различных правовых системах многообразие источников права привело автора к выводу о необходимости создания общей многоступенчатой классификации всех существующих результатов нормотворчества, которая бы объединяла их не только по юридической силе, или формам (видам), но и по иным критериям.

Ключевые слова: результаты нормотворчества, формы права, источники права, нормативный правовой акт, обычай, юридический прецедент, судебный прецедент, административный прецедент, нормативный договор.

Термин «результаты нормотворчества» крайне редко используют как теоретики права, разрабатывающие новые элементы понятийного юридического ряда, так и специалисты различных отраслей права. В связи с этим данный термин является новым, малоприменимым и недостаточно разработанным, поскольку его осмысление в теории права еще осуществлялось на монографическом уровне. Исключение здесь составляет параграф, подготовленный нами для коллективного труда под названием «Нормография: теория и методология нормотворчества» [4]. Однако серьезных фундаментальных научных работ, которые бы дали ответы на возникающие вопросы, связанные с пониманием, сущностью, классифицированием результатов нормотворчества на сегодняшний день нет. Между тем, даже первичный анализ юридической литературы позволяет говорить о том, что данный термин иной раз встречается в учебной и научной юридической литературе, когда речь идет о рассмотрении таких тем, как «Источники права», «Нормативные правовые акты» и т. д.

Несмотря на это, законодатели различного уровня все чаще стали указанный термин применять в своих докладах, заключениях и других документах. В современных условиях модернизации механизма государства, которая, несомненно, связана как со стратегическими задачами в области изменения системы права, так и тактическими, направленными на модернизацию системы российского законодательства и актов применения права, происходит взаимопроникновение институтов ан-

глосаксонской правовой семьи в систему российского права, появляются новые виды источников права, возникают новые структурные связи между ними, данная проблема определения результатов нормотворчества актуализируется с новой силой. Причем в российской ситуации она, несомненно, имеет не только онтологическое (теоретическое) значение, как концепт направленный на утверждение нового термина в теории права, но и конкретное эмпирическое значение, поскольку правоприменители должны четко понимать и правильно, не двусмысленно, толковать значение данного термина. Более того, правоприменители (судьи, следователи, прокуроры, инспектора и т. д.) должны знать, где и как им находить нормы права, в какие формы могут быть они облечены, как преодолевать правовые коллизии.

В этой связи важной теоретической задачей, которая имеет, как мы выяснили, еще и прикладное значение, является ответ на поставленный вопрос: «Что такое результаты нормотворчества?»

Однако для его раскрытия большое значение имеют ответы и на следующие теоретико-правовые вопросы. Как соотносятся между собой понятия «источник права» и «результат нормотворчества», совпадают ли они или нет? Какие виды результатов нормотворчества существуют в России? Какие результаты нормотворчества являются приоритетными, то есть главными в Российской Федерации? Является ли правовой обычай результатом нормотворчества? Являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда

Российской Федерации Российской Федерации результатами нормотворчества? Является ли судебный прецедент результатом нормотворчества?

Не вдаваясь в подробную дискуссию о понимании нормотворчества, следует отметить, что в последнее время в юридической науке утвердился подход, согласно которому под нормотворчеством понимают форму юридической деятельности органов власти (государственных, муниципальных), должностных лиц, а иногда и народа, направленную на создание, дополнение и отмену норм права [4]. Взяв на вооружение данный концепт, начнем отвечать на первый из поставленных вопросов. В связи с этим, для определения правовой природы результатов нормотворчества необходимо рассмотреть родовое, иными словами объединяющее понятие – «источники права».

Данное понятие возникло довольно давно, оно широко применялось еще в римском праве (Законы XII таблиц). Тем не менее, теоретическая проблема понимания источников права не имеет монистического решения.

Однако от чего зависит выбор человеком того или иного подхода к пониманию источников права? Зависит ли от принадлежности к той или иной профессии, религии, или же от чего-то другого?

В различных науках понимание источников права тоже разное. Например, археологи, историки, филологи часто понимают под источниками права такие источники, в которых они находят знания о праве, правовой системе, иными словами, они ведут речь об источниках права в плане их познания. К источникам права в таком понимании относят: памятники археологии (русские берестяные грамоты, египетские свитки папирусов, базальтовые столбы с начертанными законами царя Хаммурапи и т. п.), памятники этнографии (оружие, приспособления для пыток, предметы быта и искусства и т. д.), нормативные правовые акты, судебные прецеденты, нормативные договоры, сборники речей известных адвокатов, судей, государственных деятелей, научные труды юристов, религиозные тексты и д. т. По данному поводу известный представитель психологической теории права Л. Петражицкий писал, что «источники права в техническом смысле следует отличать от источников познания права, от тех исторических документов, в том числе сочинений частных писателей, и иных данных, из которых мы можем добыть сведения относительно какого-либо существующего или существовавшего права» [5, с. 512–513].

Юристы разрабатывали понятие источников права в основном с точки зрения общей теории права. Однако и здесь нет единства мнений. Так, например, представители теологической теории и их последователи, так называемые неотомисты, под источниками права понимают Божественную волю, Проведение.

Историки права под источниками права часто понимают правила поведения, которые легли в основу той или иной отрасли законодательства. Например, римское право считается источником создания германского Гражданского кодекса.

Однако на сегодняшний день в теории права выделяются два основных подхода к понятию «источников права». Первый подход часто называют «узким» или формально-юридическим, поскольку в нем понятия «форма» и «источник» права совпадают. Согласно данному подходу, под источниками права понимают те сосуды (резервуары), из которых субъекты правоотношений, собрав и проанализировав юридические факты, черпают юридические нормы для решения правовых проблем. Что же касается «широкого» понимания источника права, то здесь существует два основных аспекта. Согласно первому, под источником права в материальном смысле понимают существующие различные отношения в социуме (экономические, финансовые, политические, социальные и др.).

Второй – это идеологический аспект, его смысл заключается в том, что под источником права понимают различные теории (концепции), такие воззрения, которые выступают, в большей степени, в качестве не формы (источника) права, а в виде источника правообразования, т. е. определенной теоретической основы, своеобразной базы для создания (формирования) правовых норм, выраженных в различных, по органу принятия, либо утверждению, по юридической силе, характеру, регулируемым отношениям формах права. Здесь следует заметить, что в данном случае, когда речь идет о понимании источников права в «широком» смысле слова, само понятие «источники права» не совпадает с понятием «результаты нормотворчества».

Следует также сказать и о другом, тоже «широком», подходе к пониманию источников права. Своеобразную точку зрения относительно понятия «источник права» высказал в своей книге «Основные правовые системы современности» известный французский компаративист Рене Давид [1]. В ней он все правовые системы поделил на три типа: романо-германскую, англосаксонскую и социалистическую правовые семьи. При этом он не только ввел в научный оборот понятие «правовая семья», но и назвал источник права основной составляющей юридической техники. В связи с этим, рассматривая различные результаты нормотворчества, делают указания на то, для каких правовых систем они характерны.

В зависимости от способа закрепления и существования правовых норм выделяют такие источники права, как: правовой обычай, юридический прецедент, нормативный правовой акт, нормативный договор. Некоторые ученые в данный перечень включают также общие принципы права, религиозные тексты и даже правосознание.

В этой связи, для определения правовой природы результатов нормотворчества большое значение имеет подробное рассмотрение различных видов источников права.

Первой исторической формой (источником) права называют правовой (санкционированный) обычай. Также существует мнение, что санкционированные обычаи можно отнести к результатам нормотворчества.

Историки утверждают, что обычаи произошли из мононорм, которые еще называют «табу». Так, например, в первобытном обществе были распространены такие «табу» как: инцест (запрет на кровосмешение), воровство, «табу» на систематическую ложь и т. д. Под правовым обычаем понимают правило поведения, сложившееся в результате его длительного применения во времени и признаваемое государством в качестве общеобязательного.

Однако правила поведения, содержащиеся в обычаях, становятся правовыми обычаями только в том случае, когда законодатель санкционирует, признает их, и закрепляет в каком-либо виде нормативного документа (в нормативном правовом акте, конвенции и т. п.). При этом санкционированные обычаи действуют в основном как «дополнение к закону». Так, например, статья 130 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации гласит, что срок, в течение которого перевозчик предоставляет судно для погрузки груза и держит его под погрузкой груза без дополнительных фрахту платежей (сталийное время), определяется либо соглашением сторон, либо «сроками, обычно принятыми в порту погрузки».

Обычаи можно подразделить на прогрессивные, консервативные и реакционные. Примером первого является обычай, содержащийся в нормах международного гуманитарного права, запрещающий убивать пленных на войне, который санкционирован нормами Гаагской и Женевской конференций. Примером обычая реакционного характера является принцип талион, т. е. причинение виновному такого же вреда, который нанесен им.

Какие же существуют тенденции в развитии такого источника права, как обычай? Что касается России, то здесь санкционированные обычаи как источники российского права сегодня утрачивают свою регулируемую роль. Отдельные нормы обычаев имеют место в гражданском, жилищном, уголовном и международном праве. До недавнего времени в статье 5 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено понятие «обычай делового оборота». В новой редакции данного закона от 30 декабря 2012 г. федеральный законодатель использовал термин «обычай», который более понятен разным по национальности, языку, происхождению, имущественному и должностному положению, отношению к религии и убеждениям гражданам России. Под обычаем законодатель

предложил понимать «...сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе».

Согласно законодательству, свидетельствовани-ем торговых и портовых обычаев занимается Торгово-промышленная палата Российской Федерации.

Однако в некоторых странах, входящих в романо-германскую правовую семью, обычаи могут действовать не только как в России, т. е. «в дополнение к закону», но и «против закона». К примеру, в навигационном праве Италии морской обычай имеет приоритет над нормой Гражданского кодекса.

В странах Азии и в ряде стран Африки широкое распространение имеет обычное право, поэтому говорить о том, что обычай, как источник права утрачивает свое регулирующее значение еще рано, поскольку $\frac{3}{4}$ населения Земли живут по нормам обычного права. Таким образом, можно сделать вывод, что обычай – это источник права в «широком» смысле слова, то есть источник правообразования, поэтому он результатом нормотворчества не является.

Следующая проблема, которую необходимо рассмотреть – является ли юридический прецедент результатом нормотворчества? В большинстве своем юридический прецедент имеет распространение в странах, входящих в англосаксонскую правовую семью. Под ним понимают решение по конкретному делу, которое является образцом, при принятии аналогичных решений, то есть оно носит нормативный характер. Юридический прецедент подразделяется на два вида: административный и судебный.

Административный прецедент или как его еще называют «административная практика» – это такое поведение органа власти, либо должностного лица, которое имело место хотя бы один раз и может служить образцом при аналогичных обстоятельствах. Административный прецедент, как источник права широко распространен в США. В странах СНГ официально он источником права не признан, однако «де-факто» имеет место. Административная практика может быть и источником правообразования. Так, например, в Информационном бюллетене, выпускаемом ГУИН, тогда еще МВД России, говорилось о создании в ИТУ Пермской и Саратовской областях психологических служб. Данный опыт был обобщен и на этой основе разработано Положение о психологической лаборатории ИТУ.

Таким образом, из сказанного следует вывод, что административная практика результатом нормотворчества не является, поскольку она может выступать только как источник формирования норм права.

Другим видом юридического прецедента является судебный прецедент (судебная практика). Под судебным прецедентом понимают судебное решение, фактически используемое в качестве эталона (образца) при аналогичных обстоятельствах. В данном смысле судебное решение выступает определенным способом закрепления норм права. Судебный прецедент имеет широкое распространение не только в странах англосаксонской правовой семьи, но и на Юге Европы в таких странах, как: Португалия, Испания, Италия. Официально источником права судебный прецедент в России не признан. Тем не менее, данная проблема более 20 лет обсуждается в ИГП РАН.

Некоторые ученые выдвигают предположение, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации являются судебными прецедентами, содержащими нормы права. Действительно, на первый взгляд может показаться, что акты официального нормативного толкования являются ничем иным, как нормативными документами. Однако данные правовые акты направлены, в первую очередь, на разъяснение норм законов, поэтому их не следует путать с нормативными правовыми актами. Кроме этого, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации на сегодняшний день носят не обязательный, а рекомендательный характер.

Помимо этого актуальной проблемой сегодняшнего дня является вопрос: считать ли решения Конституционного Суда РФ судебными прецедентами, т. е. источниками права в «узком» смысле, а значит и результатами нормотворчества? Тем более что согласно ст. 6 Федерального закона о Конституционном Суде, его решения обязательны для всех представительных, исполнительных и судебных органов власти, органов местного самоуправления, предприятий, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Одним из подтверждений этого положения является то, что данные решения публикуются в официальном инкорпоративном сборнике под названием – «Собрание Законодательства Российской Федерации». С другой стороны, это можно отнести к простой технической ошибке, либо к специальному выбранному способу ознакомления с правовыми документами.

Тем не менее, анализ его деятельности и правовых основ показывает, что Конституционный Суд не осуществляет никаких нормотворческих функций. Поскольку он даже не отменяет статьи нормативных правовых актов и сами нормативные правовые акты, а только признает их международным нормам и принципам либо не соответствующими российскому законодательству. Из сказанного следует, что в решения Конституционного Суда Российской Федерации результатами нормотворчества не являются.

Однако является ли судебный прецедент результатом нормотворчества в других странах?

Судебный прецедент можно подразделить на «жесткий» и «мягкий». В Англии, как в стране свято хранящей обычаи и традиции предков, действуют «жесткие» правила судебного прецедента, для которых характерно строгое соблюдение правил поведения, закрепленных в форме прецедента. Так, например, в 1932 г. был создан прецедент под названием «дело Донохью». Суть данного прецедента в том, что изготовитель напитка несет ответственность перед покупателем, который заболел в результате того, что напиток оказался недоброкачественным. Этот прецедент стал источником права и применяется при рассмотрении дел, связанных с другими видами недоброкачественных товаров.

В США судебный прецедент не действует так жестко. Верховный суд США и Верховные суды штатов могут менять свою практику. Американцы употребляют в этой связи следующую фразу: «право по данному вопросу молчит», хотя и имеется закон, направленный на регулирование данных отношений, но не принято на основе этого закона несколько судебных прецедентов.

Американские суды, принимая судебные решения, выполняют не только судебные функции, но и нормотворческие, поскольку данные судебные решения выступают в качестве эталонов (образцов) для принятия судами аналогичных решений и фактически содержат нормы права. Из сказанного следует, что в англосаксонской правовой семье и в некоторых странах, входящих в романо-германскую правовую семью (Франция, Испания и др.) судебный прецедент является результатом нормотворчества.

Однако на сегодняшний день судебный прецедент утрачивает свое главенствующее положение в иерархии американских источников права, поскольку там существует довольно развитое законодательство, в системе которого высшей юридической силой, также как и в странах романо-германской правовой семьи обладает Конституция.

По мнению профессора А.Ф. Шебанова, нормативный акт – это акт, содержащий нормы права [7, с. 6]. Однако такое определение будет неполным, поскольку различными являются функции нормативных актов. Оставлены без внимания акты, изменяющие, отменяющие или дополняющие другие нормативные акты. Кроме этого, нормативный правовой акт может вводить в действие другой нормативный правовой акт, а также один нормативный правовой акт может быть отменен другим нормативным правовым актом, обладающим большей юридической силой.

В связи со сказанным под нормативными правовыми актами следует понимать правовые акты, устанавливающие нормы права, изменяющие или

отменяющие нормы права, на основе которых и возникают общественные отношения. Несмотря на то, что при разработке понятия «нормативный правовой акт» за основу брались не его признаки, как это обычно бывает при разработке других юридических понятий, а непосредственно функции нормативного правового акта, данную точку зрения разделяли многие юристы (А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин и др.) [2; 3; 6]. Такой подход, на наш взгляд, является правильным и конструктивным. Тем не менее, это не означает, что от традиционного метода выведения понятия через его признаки, т.е. индуктивного метода, следует вообще отказаться.

Теперь остановимся на признаках нормативных правовых актов. Они могут быть следующего содержания:

1) нормативность, т.е. содержат определенные правила поведения – нормы права, что позволяет относить нормативные правовые акты к источникам права;

2) неоднократное применение – действие предписаний нормативного правового акта не носит разовый характер и не прекращается до его отмены;

3) формализм, т.е. выражены в той или иной форме – закона, указа, постановления и т.п.;

4) неперсонифицированность, т.е. распространяются на широкий, конкретно неопределенный круг лиц;

5) регулируют общественные отношения.

Однако в глобальном смысле генеральной целью нормативных правовых актов является установление правовых режимов, направленных на установление правового порядка и утверждение режима законности.

Из сказанного следует, что нормативный правовой акт – это источник права в «узком» смысле, а значит и результат нормотворческой деятельности. Причем данный результат нормотворчества является приоритетным (главным) не только в романо-германской правовой семье, что подтверждает юридическая сила норм конституций ряда цивилизованных государств и законы, поскольку они направлены на установление действенных правовых режимов, утверждение принципов законности и правового государства, решение проблем цивилизованными способами, посредством норм права, но и в других правовых семьях, в которых нормы прецедентов и обычаев помещают в законодательные акты.

Между тем, не следует уподобляться правовому релятивизму, бездумно идеализируя действующее законодательство, которое, как показывает его современное состояние, не является эталоном, как с точки зрения моральных норм и принципов, так и с точки зрения юридической техники. Более того, важной проблемой является правовая нестабильность, поскольку в отдельные нормативные

правовые акты (федеральные законы, указы Президента, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти) внесено большое количество различных изменений и дополнений. Естественно, что разобраться в них не под силу даже опытным юристам. На сегодняшний день действуют нормативные правовые акты, не соответствующие как нормам морали, так и современным общественным отношениям. Остается значительный объем нормативных правовых актов, противоречащих правилам, приемам и средствам нормотворческой юридической техники, что приводит к серьезным правотворческим ошибкам, в результате это отражается на правоприменении. Помимо этого не все нормативные правовые акты соответствуют международными стандартами в области прав и свобод человека и гражданина. Встречаются действующие нормативные правовые акты, явно противоречащие нормам Конституции. Так, например, каждый третий региональный акт в России признается Конституционным Судом не соответствующим Конституции. Значительным пороком нормативных правовых актов являются коллизии и пробелы. Довольно часто в нормативных актах отсутствует механизм выполнения того или иного нормативного документа.

Из сказанного следует, что сегодня объективно назрела необходимость законодательного закрепления как порядка подготовки и принятия нормативных правовых актов, так и различных их видов в форме федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации». В развитие этого закона, по нашему мнению, следует принять такие видовые законы, как: «О нормотворческой деятельности и нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации», «О региональном нормотворчестве» и т. д.

К теоретическим проблемам следует отнести проблемы определения места и роли нормативных правовых актов в системе правового регулирования (главное средство правового регулирования), проблемы иерархии нормативных правовых актов, проблемы классификации нормативных правовых актов, поскольку на сегодняшний день существуют различные классификации, что вызывает затруднение не только в выборе нормативных правовых актов, но и в их систематизации.

В последнее время широкое распространение в странах романо-германской правовой семьи получает такой источник (форма) права, как нормативный договор, который имеет свою длительную историю, уходящую еще в догосударственный период.

Между тем, относительно данной формы закрепления норм права среди отечественных юристов нет единства. Так, например, одни авторы считают, что нормативный договор – это особый вид нормативного правового акта, аргументируя это тем,

что совместные нормативные правовые приказы, подписанные двумя федеральными министрами, практически ничем не отличаются от двухсторонних договоров. Другие авторы видят в договоре самостоятельный источник права. Так или иначе, под нормативным договором следует понимать соглашение двух или более сторон, устанавливающее, изменяющее или отменяющее нормы права в пределах полномочий договаривающихся сторон. Из этого следует, что данные стороны, заключающие договоры, принимают определенные правила поведения, которые обусловлены рамками договора. Следовательно, эти стороны выступают субъектами нормотворчества, а договоры являются ничем иным, как результатами нормотворчества.

Нормативные договоры подразделяются на внутригосударственные и международные (межгосударственные, межправительственные и международные межведомственные нормативные акты).

В странах с федеративной формой государственного устройства нередко заключаются договоры между федерацией и ее субъектами.

В связи с принятием Трудового кодекса Российской Федерации наибольшее распространение получили такие виды локальных нормативных договоров, как коллективные договоры между работодателями и работниками, на основе которых возникают различные трудовые отношения.

Таким образом, подводя итог исследованию соотношения понятий «результат нормотворчества» и «форма права», следует отметить, что всецело совпадают следующие понятия: нормативные правовые акты, нормативные договоры, судебные прецеденты. Что же касается правосознания, теорий, воззрений, принципов права, обычаев, то данные источники права являются таковыми только в «широком» смысле слова, то есть источниками правообразования (создания норм права), и поэтому их нельзя отнести к видам результатов нормотворчества.

Из сказанного можно сделать вывод, что **результаты нормотворчества – это определенные**

итоги юридической деятельности органов власти и должностных лиц, выраженные в форме нормативных документов (актов и договоров), а также в форме судебных прецедентов.

Существующее в различных правовых системах многообразие источников права наводит на мысль о необходимости создания общей многоступенчатой классификации всех существующих результатов нормотворчества, которая бы объединяла их не только по юридической силе, или формам (видам), но и по иным критериям. Создание такой классификации способствовало бы не только определению правовой природы того или иного источника права, но и оказало бы существенную помощь нормодателям в выборе необходимых нормативных конструкций при подготовке различных нормативных документов.

Библиографический список

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманов. – М., 2009.
2. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М., 1967. – С. 24.
3. Николаев О.В. Проблема нормативности актов в российском законодательстве // Юрист. – 2002. – № 11. – С. 12.
4. Нормография: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. д-ра. Юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. – М., 2007. – С. 51–109.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – С. 512–513.
6. Пиголкин А.С. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М., 1987. – С. 254.
7. Шебанов А.Ф. Нормативные акты Советского государства. – М.: МГУ, 1956. – С. 6.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АТТЕСТАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В статье рассматривается сущность понятия аттестация и порядок проведения аттестации управленческих кадров на предприятии. Раскрываются актуальные проблемы аттестационной процедуры управленческих кадров на предприятии. К ним относятся: отсутствие внятной государственной концепции аттестации; отсутствие нормативно-правовой базы по процедуре проведения аттестации: отсутствие положений об аттестации в Трудовом кодексе Российской Федерации, в типовом Коллективном договоре предприятия, в типовом Положении о проведении аттестации, в типовом трудовом договоре работника, в типовой должностной инструкции работника; легализация процедуры аттестации отражена только на локальном уровне предприятия; отсутствие принципа демократизма при проведении аттестации; зачастую отсутствие представительного органа работников на предприятии. Предлагаются возможные способы решения данных проблем. Выявлены нарушения при организации и проведении аттестации. Отражены положительные моменты по итогам внедрения и проведения аттестационной процедуры на предприятии.

Ключевые слова: аттестация, аттестационная процедура, аттестационная комиссия, управленческие кадры, нормативно-правовые документы, нарушения порядка проведения аттестации, актуальные проблемы аттестации управленческих кадров, способы решения проблем.

Проблемы аттестации управленческих кадров на предприятии остаются актуальными в связи со всё возрастающей потребностью реформирующегося социума в непрерывном своевременном обновлении и усовершенствовании профессиональных знаний, умений и навыков, формировании профессиональных компетенций работников.

В современной научной, учебной и популярной литературе исследуемое нами понятие аттестации трактуется далеко не однозначно.

М. Армстронг определяет аттестацию как проведение проверки квалификации работника путем периодической оценки его знаний, опыта, навыков, способностей, то есть его соответствия занимаемой должности или выполняемой работе. Как видим, автор в своем определении отмечает периодичность проведения аттестации и указывает на ее цель.

Т. Кузьмина считает, что «определение квалификации, уровня знаний работника, учащегося, гражданина, соответствия его деловых и политических качеств определенной профессии, специальности, квалификации или должности можно назвать аттестацией в широком смысле». В узком смысле аттестация – «это проводимая предприятием, учреждением, организацией с помощью аттестационной комиссии, в целях постоянного повышения деловой квалификации работников, улучшения их подбора и расстановки, периодическая проверка деловых, политических, организаторских, моральных и личных качеств работников определенной категории в специальной организационной форме».

С таким подходом к аттестации не согласны многие авторы научных исследований в области правового регулирования аттестации персонала. Так, Л.С. Красовская считает, что «предлагаемое

Т. Кузьминой двойственное толкование аттестации может вызвать нежелательные последствия в правоприменительной деятельности. Правила присвоения очередных квалификационных званий относятся к определению квалификации, но они не могут быть механически применены к аттестации кадров».

Несмотря на некоторые разногласия ученых при определении понятия аттестация, можно сказать, что согласно комментариям к п. 3 ст. 81 ТК РФ под «аттестацией» понимают периодическую проверку профессионального уровня работника для установления соответствия его квалификации занимаемой должности или выполняемой им работы [1, с. 198].

Порядок проведения аттестации предполагает соблюдение следующих правил: а) наличие нормативной основы (соответствующего нормативного правового акта об аттестации); б) осуществление процедуры проведения аттестации комиссией, создаваемой в порядке, устанавливаемом соответствующим правовым актом; в) всеобщий характер аттестации (аттестации подлежат не отдельные, а все (за исключением определенной категорий работников, определенной в нормативном порядке) работники определенной категории); г) периодичность в проведении аттестации (1 раз в 3–5 лет для управленческих кадров) [1, с. 198].

Заключение аттестационной комиссии о том, что работник по уровню своей фактической квалификации не соответствует занимаемой должности или выполняемой работе, порождает у работодателя право расторгнуть трудовой договор с данным работником по п. 3 ст. 81 ТК РФ. Поэтому основная задача проведения аттестации должна заключаться в проверке профессиональных навыков, деловых качеств или специальных теоретических знаний работника, а также его умения применять их при

выполнении трудовой функции, определенной трудовым договором. Аттестация позволяет определить потребность предприятия в необходимости повышения квалификации как отдельных работников, так и целых структурных подразделений. Рассмотрение аттестационных процедур только в качестве основания для увольнения «неудовольствующих» работников является ошибочным толкованием права работодателя на проведение таких мероприятий.

Актуальные проблемы аттестации управленческих кадров связаны, во-первых, с отсутствием внятной государственной концепции аттестации, так как именно в ней должны отражаться основные понятия, цели и задачи, принципы аттестации, участники и их полномочия, процедура, ответственность сторон. Ввиду отсутствия государственной концепции налицо размытое понятие аттестации и процедуры ее проведения.

Во-вторых, аттестация и процедура ее проведения должны быть регламентированы всеми уровнями правового регулирования:

1. В ТК РФ путем внесения соответствующего раздела об аттестации: общие положения (понятие, участники и их полномочия), специальные положения (форма, сроки, процедура, ответственность сторон). Изложение понятия аттестации и процедуры ее проведения в различных нормативно-правовых актах (источниках) во многом совпадают. Это дает основание для кодификации нормативного материала.

2. В Коллективном договоре предприятия путем внесения соответствующих положений об аттестации и процедуре ее проведения.

3. В Положении об аттестации на предприятии путем отражения в нем целей и задач аттестации; создания и функционирования аттестационной комиссии и ее полномочий; категорий аттестуемых работников, их права и обязанности; формы, сроки, предоставляемой участниками аттестационного процесса документации, вынесении заключения, поощрения работника за успешное прохождение аттестации.

В настоящее время Типовое положение об аттестации в действующем российском законодательстве отсутствует. Вопрос о разработке и утверждении данного документа относится к компетенции Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (аттестация управленческих кадров) и Министерства образования и науки Российской Федерации (аттестация научных и педагогических работников).

4. В стандарте (в методических рекомендациях), посвященном процедуре и методикам проведения аттестации.

5. В трудовом договоре работника, в гражданско-правовом или ином индивидуальном договоре работника работодателю следует отразить не право, а обязанность прохождения аттестационного

процесса работником, поскольку проверка профессиональных качеств работника является условием выполнения определенных видов управленческой деятельности.

Немаловажным является аспект, отражающий гарантии работника, успешно прошедшего аттестационное испытание. В противном случае – цели и задачи аттестации нецелесообразны (не выполняются).

В трудовом договоре работодателю следует прописать мотивацию и стимулирование работника, успешно прошедшего аттестационный процесс.

Работодателем может быть издан приказ, отражающий результаты аттестации, и внесена соответствующая запись в трудовую книжку и личную карточку работника формы Т-2.

6. В должностную инструкцию аттестуемого работника.

В-третьих, проблема аттестации управленческих кадров заключается в том, что она легализована только на локальном уровне работодателем предприятия, где работодатель, выступая в роли хозяина, осуществляющего управленческую, дисциплинарную и нормативную функцию, самостоятельно разрабатывает и утверждает Положение об аттестации, стандарт по процедуре и методикам проведения аттестации, Положение о структурном подразделении, должностную инструкцию на аттестуемого, тем самым регулируя и решая кадровые вопросы. Работодатель принимает следующие решения по итогам аттестации: направление на курсы повышения квалификации или переподготовки, применение способа наставничества к работнику, расторжение трудового договора работодателем вследствие несоответствия работником занимаемой должности или выполняемой работе из-за недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации (п. 3 ст. 81 ТК РФ) [3, с. 30–31].

В-четвертых, приказом работодателя назначается аттестационная комиссия, а в нормативно-правовых актах действующего законодательства даже нигде не указывается принцип демократизма в числе других принципов проведения аттестации [1, с. 198].

В-пятых, в комментариях к ст. 81 ТК РФ «Расторжение трудового договора по инициативе работодателя» говорится о праве работодателя на проведение аттестации работника. Однако в ст. 22 ТК РФ «Основные права и обязанности работодателя» такого полномочия нет. Поэтому перед работодателем открылась безграничная возможность проводить аттестацию по своему усмотрению, что приводит зачастую к произвольному сокращению кадров [1, с. 198, 2, с. 142].

В-шестых, ст. 82 ТК РФ гласит о том, что работодатель при рассмотрении вопросов, связанных с расторжением трудового договора по инициативе

работодателя или при принятии локальных нормативных актов должен учитывать мнение представительного органа работников. Зачастую подобный орган не создается по разным причинам [4, с. 226].

В-седьмых, в ТК РФ примеры совместной нормотворческой компетенции работодателя и работников ограничиваются несколькими примерами, в частности принятием положения о комиссии по разработке проекта Коллективного договора и его заключения (ст. 42 ТК РФ). Считаем возможным определение совместной нормотворческой компетенции работодателя и работников на паритетной основе по порядку разработки и принятия Положения об аттестации, а также при необходимости утверждения трудового договора и должностной инструкции [4, с. 226].

В период подготовки и проведения работодателем аттестационного процесса можно наблюдать следующие неправомерные действия.

Многие работодатели рассчитывают провести аттестацию с целью избавления от неугодных работников независимо от реальных показателей их трудовой деятельности. Однако решить проблему такой субъективной неприязни путём проведения аттестации вряд ли возможно, поскольку подобные действия работодателя противозаконны, реальный мотив проведения аттестации скрыть практически невозможно, а значит и проблем, в случае возникновения трудового спора, работодателю избежать не удастся.

Повлиять на решение комиссии, с целью занижения итоговой оценки результатов труда работника, может не только работодатель при использовании административного ресурса, но и предвзятое отношение к работнику со стороны его непосредственного руководителя. Во избежание этого работнику предоставляется право ознакомления с отзывом непосредственного руководителя, после чего работник имеет право представить в аттестационную комиссию заявление о своем несогласии с отзывом либо пояснительную записку на отзыв. Также работник может представить в аттестационную комиссию дополнительные сведения о своей работе, например, отчеты о выполненных заданиях, итоговые результаты своей деятельности, свидетельские показания других работников и прочее.

Нередко перед аттестацией работнику умышленно даются поручения, которые либо заведомо невыполнимы, либо не соответствуют его должности, профессии, квалификации. В целях недопущения таких нарушений аттестационная комиссия должна убедиться в наличии обязанности и реальной возможности у работника для выполнения порученной ему работы.

Если такие действия не осуществляются или подобные несоответствия комиссией игнорируются, признание работника несоответствующим занимаемой должности незаконно.

Также достаточно распространенными нарушениями порядка проведения аттестации являются:

- проведение аттестации с нарушением установленной периодичности ее проведения;
- нарушение сроков предупреждения работников о предстоящей аттестации;
- проведение аттестации в отношении работников, не подлежащих аттестации;
- подготовка необъективного, либо не подтвержденного достоверными доказательствами отзыва, например, с указанием на ненадлежащее исполнение обязанностей без какой-либо конкретизации фактов такого неисполнения;
- не ознакомление работника с отзывом;
- нарушение порядка и условий голосования членов комиссии;
- отсутствие в аттестационной комиссии специалистов в тех областях, к которым относятся аттестуемые работники;
- увольнение работников в случаях, когда аттестация не проводилась.

В настоящее время большинство работодателей не проводят аттестацию работников в связи с тем, что считают эту процедуру трудозатратной и сложной, а многие из тех, кто её проводит, ограничиваются лишь формальным сбором бумаг и подписей, что в итоге не приносит должных результатов.

При этом грамотное проведение аттестации работников не только приносит пользу и дает реальную отдачу, но и имеет большое значение для обеих сторон трудовых отношений:

- для работодателя это возможность оптимизировать использование трудовых ресурсов, оценить уровень квалификации коллектива в целом и каждого из работников в отдельности, создать дополнительные стимулы к профессиональному росту работников и повышению их квалификации, сформировать кадровый резерв из наиболее компетентных специалистов и расторгнуть трудовые договоры с работниками, которые не соответствуют требованиям, предъявляемым к занимаемой должности;
- для работника это возможность доказать работодателю, что он является грамотным специалистом, обладающим достаточной квалификацией и высоким уровнем профессионализма, а также зарекомендовать себя в этом качестве и получить повышение.

В современных условиях аттестация также может помочь работодателю в определении системы оплаты труда работников, и очевидно, что присвоение разряда или категории по итогам аттестации носит более объективный характер, нежели осуществление этих действий по ходатайству непосредственного руководителя либо руководителем организации единолично.

Таким образом, решение проблем аттестации работников требует комплексного подхода на всех

уровнях правового регулирования этого многогранного явления.

Библиографический список

1. Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Куренной, С.П. Маврин, Е.Б. Хохлов. 2-е изд., доп. – М., 2007. – 198 с.

2. Крапивин О.М., Власов В.И. Трудовой договор: заключение, изменение, прекращение, защита персональных данных работников. – М.: Ось-89, 2009. – 142 с.

3. Таль Л.С. Очерки промышленного права. – М.: Московское научное издательство, 1918. – С. 30–31.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015). – 226 с.

УДК 342.4

Сулейманова Сафина Рустэмовна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Safina_899@mail.ru

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ СТРАН СНГ

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов и концепций, регулирующих формирование и деятельность межгосударственных объединений молодежи определены правовой статус и политико-правовая природа межгосударственных институционально-правовых форм объединения молодежи стран СНГ. Понятие «международные институционально-правовые формы объединения молодежи» как категория научного анализа включает в себя совокупность объединений молодежи, вне зависимости того, были ли они инициированы на межправительственном уровне, или же являются неправительственными, важно то, что они действуют в форме, не предусмотренной национальным некоммерческим законодательством, но способствуют реализации конституционных прав и свобод молодежи. Автор сделал вывод о смешанной политико-правовой природе таких институтов гражданского общества, главной целью которых, с одной стороны, является оказание содействия в реализации конституционных прав и свобод молодежи стран СНГ. Однако, с другой стороны, инициативы рассмотренных нами межгосударственных объединений молодежи, имеющие консультативно-совещательный характер, полностью подконтрольны органам государственной власти стран СНГ, что и позволяет говорить о двойственной юридической природе таких объединений. В статье впервые на основе использования комплекса общенаучных и специально-юридических методов исследована политико-правовая роль межгосударственных молодежных структур в развитии современного гражданского общества евразийского пространства.

Ключевые слова: межгосударственные объединения молодежи, гражданское общество, евразийская интеграция, евразийский молодежный парламент, молодежная межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ.

Конструктивный диалог и консолидация молодежи стран СНГ на межгосударственном уровне является гарантией прогрессивного развития стран СНГ в различных сферах общественной жизни, а также представляет собой стратегическое направление международной политики большинства государств. Как отмечает в своем научном исследовании А.В. Тихонов, «для повышения эффективности системы международного молодежного сотрудничества на постсоветском пространстве необходимо сосредоточиться не только на совершенствовании действующих форм сотрудничества, но и на создании молодежных объединений нового типа» [3, с. 35]. В этом смысле особую актуальность приобретает задача развития подобного рода объединений молодежи и необходимость содействия их развитию, поскольку именно они способны обеспечить постоянный диалог и взаимодействие молодежи стран постсоветского пространства. Кроме того, через участие в подобных структурах молодое поколение в полном объеме реализует политические и социальные права, закрепленные в Конституциях стран СНГ и в их национальном законодательстве. Эти процессы, как отмечает Белорусский ученый-правовед Е. Тонкачева, во многом определяют и тенденцию

к унификации законодательства стран СНГ в области регулирования прав молодежи, а также к формированию единых подходов к проведению молодежной государственной правовой политики [4, с. 204]. В этом отношении, безусловно, важную роль играют и молодежные общественные объединения, осуществляющие свою деятельность в организационно-правовой форме молодежных организаций, движений, фондов и т.д., однако в рамках нашей статьи речь пойдет о международных институционально-правовых формах объединений молодежи.

На сегодняшний день данный вопрос частично рассматривался в трудах таких отечественных и зарубежных ученых как В.М. Миросhevский, В.В. Харченко, Г.А. Луке, С.М. Липсет, Дж. Хабермас. Однако каких-либо комплексных исследований на данную тему проведено не было.

В рамках данного научного исследования используются такие специально-юридические методы, как сравнительно-правовой и метод толкования норм права. Первый способствует выявлению особенностей правового статуса отдельного межгосударственного объединения молодежи, что позволяет сопоставить его с другими институционально-правовыми формами, в то время как второй

позволяет систематизировать и обобщить имеющиеся в нормативно-правовых актах определения и признаки таких правовых дефиниций.

Именно наша страна явилась инициатором создания и деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ, действующей с 1992 года. Спустя 20 лет Председатель Совета Ассамблеи, спикер Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко призвала в своей работе особое внимание уделять молодежи и ее инициативам, а также поддержать и доработать идею создания межпарламентского молодежного органа. Такое пристальное внимание политической элиты к данному вопросу, очевидно, отчасти связано с обострением политических отношений между рядом государств постсоветского пространства, особое значение приобретает правовая и политическая осведомленность молодежи, которая во многом обеспечивается благодаря деятельности международных объединений молодежи, при этом по своей организационно-правовой форме не являющихся международными молодежными организациями или движениями. Таким объединением, прежде всего, является Молодежная межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ (ММПА СНГ).

Молодежная ассамблея осуществляет свою деятельность на основании Положения, которое было утверждено на заседании Совета Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ 22 ноября 2012 года Постановлением № 7. Кроме того, нормативно-правовой базой деятельности данного объединения является Устав Содружества Независимых Государств (1993 г.) (далее – СНГ, Содружества), Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств (1995 г.), Соглашение о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств (1992 г.) и международными договорами, действующими в рамках СНГ.

В организационном плане Молодежная ассамблея состоит из молодежных парламентских делегаций государств-участников СНГ, которые обладают равными правами и имеют один голос на делегацию. Молодежная делегация формируется парламентами государств-участников МПА СНГ, делегирующими в ММПА СНГ до 6-ти человек в составе депутатов национального, регионального и муниципального уровней в возрасте до 35 лет (3 чел.) и представителей молодежных парламентов, молодежных общественных объединений и др. (3 чел.) [см. 6].

По своему правовому статусу ММПА является консультативным органом и входит в структуру МПА СНГ. Основной задачей данного объединения молодежи является оказание содействия деятельности МПА СНГ в осуществлении законодотворческой деятельности и принятии решений,

затрагивающих права и законные интересы молодежи. В Положении закрепляется то, что Молодежная межпарламентская ассамблея разрабатывает и принимает свои решения в форме следующих актов: постановлений, решений, рекомендаций, положений, заявлений, обращений, деклараций [6]. Из этого следует, что в отличие от МПА, у таких структур отсутствует право на модельное законодотворчество и, соответственно, такие структуры не могут выступать в качестве субъекта права законодательной инициативы. Однако данное объединение молодежи имеет право проводить экспертизу модельного законодательства и в этом смысле является главным проводником конституционных прав молодежи стран СНГ.

На сегодняшний день лишь в немногих странах постсоветского пространства приняты специальные законы в области молодежной государственной политики, что нередко негативно сказывается на качестве ее проведения и соответственно указывает на несовершенство молодежной правовой политики [1, с. 49–52]. Между тем, именно Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ стала инициатором принятия Модельного закона «О государственной молодежной политике стран-участников СНГ», который начал действовать с 23 ноября 2012 года. Модельный закон закрепил правовой статус молодежных общественных объединений, действующих на территории СНГ, впервые дал трактовку консультативно-совещательных структур молодежи и, несмотря на рекомендательный характер, позволил значительно усовершенствовать законодательство стран СНГ в области прав молодежи и государственной молодежной политики. Очевидно, что данный нормативно-правовой акт был разработан при непосредственном участии Молодежной ассамблеи, которая в данном вопросе являлась «демократическим мостом» между органами государственной власти и самой молодежью.

Однако по своей юридической природе данная форма объединения молодежи представляет собой межправительственный международный консультативный орган, являющийся лишь структурным подразделением Межпарламентской Ассамблеи стран-участников СНГ. Та или иная инициатива входящих в него молодежных объединений и национальных консультативно-совещательных структур, прежде всего, проходит через строгую экспертизу Совета Ассамблеи, и в случае отклонения инициативы Советом, от ее имени вынесена быть не может. В таком случае предложения и инициативы молодежи могут быть реализованы на национальном уровне или вынесены на международное обсуждение отдельными членами Молодежной межпарламентской ассамблеи, однако в случае возникновения такого явления мы будем говорить уже об иных формах объединения молодежи или про молодежные общественные объединения.

В связи с вышеизложенным автор вынужден констатировать, что действующая на сегодняшний день Молодежная Ассамблея во многом в своей деятельности зависима от решений и предпочтений органов государственной власти, что не позволяет ее полностью отнести к институтам гражданского общества. Таким образом, Молодежная межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ как международная институционально-правовая форма объединения молодежи имеет смешанную политико-правовую природу, является достаточно «молодым» органом и только находится в процессе своего становления.

Между тем, на протяжении двух последних лет Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и президентами стран Содружества Независимых Государств неоднократно поднимался вопрос о создании единого евразийского пространства. С поддержкой евразийской интеграции выступил также Председатель Государственной Думы Российской Федерации С.Е. Нарышкин, который 27 июня 2012 года обратился к представителям Молодежной Общественной Палаты при Государственной Думе ФС РФ с идеей формирования Евразийского Молодежного Парламента (ЕАМП), призванной стать уникальной площадкой для открытого взаимодействия и сотрудничества молодежи России и стран СНГ. В 2012–2013 гг. данный вопрос стал предметом широкого международного обсуждения между представителями органов государственной власти, молодежью из России и других стран, которые входят в постсоветское пространство, в СНГ, страны, которые идут или в будущем пойдут по пути евразийской интеграции.

В настоящее время данный вопрос приобретает еще большее значение, так как с 1 января 2015 года вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза, участниками которого являются такие страны СНГ как Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Киргизия. Однако подобная интеграция уже на сегодняшний день затрагивает не только экономическую и политическую сферы жизни общества, но оказывает прямое непосредственное влияние на тенденцию развития гражданского общества государств-участников, а также на формирование «нового евразийского» законодательства. В связи с этим в рамках нашего исследования особое внимание нам хотелось бы уделить правовому статусу такой формы объединения молодежи как Евразийский Молодежный Парламент, обратить внимание именно на его юридическую, а не политическую природу. Однако сразу оговоримся, что исследование данной формы объединения молодежи осложнено тем, что на сегодняшний день, в отличие Молодежной межпарламентской ассамблеи СНГ, Евразийский молодежный парламент находится лишь на стадии своего формиро-

вания, но, несмотря на это, в научных и политических кругах ведется оживленная дискуссия о том, в какой организационно-правовой или институционально-правовой форме должно быть создано данное объединение. В связи с этим данный вопрос приобретает еще большую актуальность.

Очевидно, что Евразийский молодежный парламент, подобно Молодежной Ассамблее стран СНГ, будет больше консультативно-совещательной структурой, тесно взаимодействующей с органами государственной власти. В этом смысле Евразийский молодежный парламент не стоит путать, например, с Евразийской молодежной ассамблеей, по организационно-правовой форме являющейся международной общественной организацией [2, с. 23].

Однако это вовсе не означает, что Евразийский молодежный парламент по своей юридической природе будет являться неким прототипом Молодежной межпарламентской ассамблеи, отличающегося от нее лишь территориальным охватом государств, так как согласно предварительной концепции его создания в него смогут войти не только государства постсоветского пространства и государства, уже вступившие в Евразийский экономический союз, но и иные «страны-союзники», желающие присоединиться к евразийскому молодежному парламентскому движению. На сегодняшний день все большее количество исследователей и практиков склоняются к тому, что данная форма объединения молодежи координироваться органами государственной власти не будет, а значит, несмотря на то, что создание данного органа инициировано Председателем Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкиным, по своей юридико-правовой природе будет являться неправительственной.

На сегодняшний день существуют различные подходы и предложения по вопросу создания и формы деятельности Евразийского молодежного парламента. Так, например, согласно Концепции, разработанной Евразийским молодежным движением «Молодая Евразия», данное объединение должно стать негосударственной некоммерческой международной организацией, но при этом формироваться из делегатов наднациональных политических партий, в то время как представители Евразийского дискуссионного клуба отмечают, что данное объединение выступает не иначе как неправительственная модель и форма межпарламентского сотрудничества, самой первостепенной целью которого является законотворческая деятельность и разработка основ молодежной политики [5, с. 72–73].

Не можем не согласиться со второй позицией и считаем, что Евразийский молодежный парламент должен являться негосударственным некоммерческим международным совещательным органом, осуществляющим свою деятельность

на общественных началах и создаваемым в целях сплочения молодежи разных государств евразийского пространства в вопросах решения стоящих перед ней общих задач в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем молодежи, создания условий для молодежи в освоении навыков законотворческой деятельности и участия молодежи евразийского пространства в движении единого молодежного парламентаризма. Кроме того, на наш взгляд, Евразийский молодежный парламент должен состоять не из представителей наднациональных политических партий, из представителей международных молодежных общественных организаций и представителей Молодежных парламентов государств-участников. Общее количество молодых парламентариев, необходимых для делегирования от государств-участника в Евразийский Молодежный Парламент, должно определяться исходя из территориальных особенностей того или иного государства. Также, думается, что в случае отсутствия на территории государств-участников такого института как Молодежный парламент, они, исходя из своих территориальных особенностей, вправе делегировать представителя молодежи из того или иного административно-территориального образования или субъекта федерации государства-участника.

Что касается порядка формирования Евразийского молодежного парламента и обеспечения демократичности данного механизма, считаем, что органы государственной власти государств-участников, занимающихся реализацией государственной молодежной политики на конкурсной основе, должны определить молодежные общественные объединения, допущенные к представительству в данное объединение молодежи. Целесообразно, если бы такие молодежные общественные объединения на своих заседаниях избирали делегатов в Евразийский молодежный парламент и направляли соответствующее решение в организационный Совет, в случае отсутствия такового, в организационный комитет по формированию Евразийского молодежного парламента первого созыва. В свою очередь, молодежные парламентские структуры, допущенные к представительству в Евразийский молодежный парламент, на наш взгляд, целесообразно определять с учетом территориальных особенностей государства-участника и необходимости представительства в Евразийском Молодежном Парламенте лиц разных национальностей, проживающих на территории государства-участника. Молодежные парламенты евразийского пространства должны избирать своего представителя из своего состава на своем заседании. Соответствующие решения также должны направляться в организационный Совет Евразийского молодежного парламента.

Достаточно спорным на сегодняшний день является вопрос о нормативно-правовом обеспечении деятельности такой институционально-правовой формы объединения молодежи как Евразийский молодежный парламент.

На наш взгляд, в первую очередь, необходимо разработать официальный политический акт международного характера, призванный консолидировать молодежь евразийских государств в единое парламентское движение, акт, с которым в дальнейшем можно будет официально обратиться к органам государственной власти суверенных государств евразийского пространства, занимающихся реализацией государственной молодежной политики. Кроме того, необходимо определить официальную позицию стран-участниц Евразийского экономического пространства (ЕЭП) и стран потенциальных членов Евразийского экономического пространства (ЕЭП), к которым был обращен данный политический акт. Внести их в список стран, готовых присоединиться к единому молодежному парламентскому движению. Исходя из количества присоединившихся стран, можно будет определить общее количество молодежных депутатских мандатов в Евразийском молодежном парламенте первого созыва.

Далее, на наш взгляд, необходимо разработать модельное типовое Положение о Евразийском Молодежном Парламенте и Регламент работы Евразийского молодежного парламента, в которых должны быть прописаны основные принципы, цели, задачи его работы, порядок формирования и процедуру избрания его депутатов, структуру, общую компетенцию и срок полномочий членов ЕАМП.

Предполагается необходимым обсуждение вопроса о создании и деятельности такого парламента на заседаниях Общественной молодежной палаты при Государственной Думе ФС РФ, парламентских слушаниях, заседании Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, на котором официально необходимо назначить профильный комитет (Комитет по физической культуре, спорту и делам молодежи ГД РФ), ответственный за вопросы создания и функционирования ЕАМП в сотрудничестве с Общественной молодежной палатой (Молодежным Парламентом) при Государственной Думе РФ (комиссия по международным вопросам), обсудить данный вопрос внутри профильного комитета ГД РФ и профильной комиссии ОМП при ГД РФ.

Процесс урегулирования данного вопроса «сверху» на сегодняшний день более чем необходим, так как попытки развить данную идею «снизу» зачастую приводят к развитию молодежных экстремистских политических течений. Однако необходимо помнить о гражданско-правовой сущности данного органа и том, что главной структурой,

координирующей данный вопрос должна являться Общественная молодежная палата при ГД РФ. Однако в этом вопросе необходимо также активизировать и молодежные парламенты субъектов РФ.

Учитывая скоротечность политических событий нужно в максимально сжатые сроки обобщить тот положительный опыт, который на сегодняшний день имеется со всеми предложениями, которые в ближайшее время будут поступать из регионов России.

Таким образом, рассмотренные нами международные институционально-правовые формы молодежи, имеющие смешанную политико-правовую природу, в качестве своей приоритетной задачи ставят совершенствование межгосударственной нормативно-правовой базы международного молодежного сотрудничества в рамках СНГ, а также выражение конституционных прав и свобод молодежи в различных сферах общественной жизни. Их деятельность приобретает особую актуальность для Российской Федерации, так как развитие механизмов международного молодежного сотрудничества на постсоветском пространстве связано с реализацией стратегических интересов нашей страны и направлено на укрепление долгосрочного сотрудничества государствами СНГ, развитие кадрового и инновационного потенциала страны посредством проведения эффективной государ-

ственной молодежной правовой политики с учетом международного опыта.

Библиографический список

1. *Лагуткина А.М.* Молодежные объединения и объединения молодежи: сравнительно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 5. – С. 49–52.
2. *Мамедов Д.О.* Законодательная инициатива в законотворчестве субъекта Российской Федерации: правовой анализ и проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2011.
3. *Тихонов А.В.* Международное молодежное движение на постсоветском пространстве: структурно-функциональный анализ: дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2010. – С. 34–35.
4. *Тонкачева Е.* Неправительственные организации: правовые подходы, международный опыт. – Минск: Медисонт, 2006. – 255 с.
5. *Хабибуллина Г.Д.* Субъекты права законодательной инициативы в субъектах Российской Федерации (на примере республик в составе РФ) // Казанский федералист. – 2004. – № 1(9). – С. 72–73.
6. Положение о Молодежной межпарламентской ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств утверждено Постановлением №7 Совета МПА СНГ от 22 ноября 2013 года // Консультант Плюс.

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ПРАВЕ

В Конституции Российской Федерации закреплён примат международного законодательства над национальным в случае возникающих и возможных правовых коллизий. В то же время в Европейской хартии местного самоуправления указано, что принципы местного самоуправления должны быть признаны во внутреннем законодательстве и, по возможности, в Конституции государства. Так, положения основных законодательных актов международного и национального уровня указывают на приоритет друг друга в случае возникновения коллизий.

В статье рассматривается возможность применения национального законодательства в случае правовых коллизий с нормами международного права, а также обосновываются выводы, почему нормы национального законодательства, в частности Конституции Российской Федерации, имеют приоритет над нормами международного права в муниципальном праве.

Также поднимается вопрос о возможности рассматривать толкование права как способа преодоления коллизий, при этом для подтверждения довода приводятся примеры из практики Конституционного суда Российской Федерации по вопросам применения национального законодательства в случае противоречия с нормами международного законодательства.

Статья посвящена, главным образом, теории источников российского муниципального права. Иерархия источников муниципального права рассматривается исходя из целей местного самоуправления, закреплённых в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: теория источников муниципального права, коллизии норм права, толкование права, Европейская хартия местного самоуправления, примат (приоритет) международного права, местное самоуправление, унификация.

В современной юридической науке коллизийное право принято рассматривать в рамках международного частного права. Несмотря на то, что коллизии встречаются в любой отрасли права, исследованием этого явления, разработкой способов коллизийного регулирования занимаются специалисты именно международного частного права, такие как И.В. Гетьман-Павлова, Г.К. Дмитриева, Т.Н. Нешатаева и др.

В международном частном праве выработана устоявшаяся система способов и методов, используемых для разрешения коллизий между нормами права различных стран. В то же время национальное законодательство устанавливает «концепцию примата (преимущественного значения) норм международного права в процессе взаимодействия с нормами внутригосударственного права» [5, с. 45]. В ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации прямо указывается на то, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». В то же время согласно ст. 12 Конституции РФ, «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление».

Если взглянуть в глубь истории становления муниципального права в Российской Федерации, то мы увидим, что основной задачей создания и выделения муниципалитетов на территории страны являлось «решение населением... вопросов местного

значения, исходя из интересов населения и с учётом исторических и иных местных интересов» (ч. 2 ст. 1 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г.). Данное законодательное положение аргументировали многие исследователи проблем муниципального права, в частности, профессор В.И. Фадеев, профессор С.А. Авакьян, Н.А. Игнатьев, С.Е. Чаннов и др. «Каждая страна претворяет в жизнь модель местного самоуправления с непременно свойственными ей теми или иными чертами оригинальности и самобытности» [4].

Основными международными источниками муниципального права являются Европейская хартия местного самоуправления, Декларация о принципах местного самоуправления в государствах-участниках СНГ. Главными источниками в российском национальном законодательстве являются Конституция РФ, ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г., ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 г., ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» от 21.07.2005 г. и т.д.

Однако, несмотря на закрепление в Основном законе страны приоритета международных правовых актов над внутренним законодательством, в теории источников муниципального права не сложилось однозначного ответа по этому поводу. В научных работах Е.С. Шугриной, А.В. Павлушкина и др. однозначно отмечается, что в случае противоречия законов Российской Федерации Европейской хартии местного самоуправления, при-

меняются нормы последней. Однако в ст. 2 Хартии, указано, что принцип местного самоуправления должен быть признан во внутреннем законодательстве и, по возможности, в Конституции государства. Таким образом, мы сталкиваемся с коллизией норм права, когда каждый из актов закрепляет приоритет правового регулирования другого.

На наш взгляд, в случае возникающих коллизий между международным и национальным правом, выбор нормы права должен быть сделан именно в пользу последнего по следующим основаниям:

1. Цель. Главным аргументом в пользу использования национального законодательства является специфическая цель, которая свойственна муниципальному праву. Национальная правовая система и международная правовая система – это принципиально разные правовые системы, которые имеют самостоятельный путь развития, разный круг участников правоотношений и различные методы правового регулирования. Рассуждая о логичности выбора между национальным и международным законодательством, мы возвращаемся к главной задаче местного самоуправления – учитывать при решении вопросов исторические и иные местные традиции. Целью же международного законодательства является гармонизация законодательства, создание единых, общих, унифицированных правил [7, с. 17]. Исходя из этого, правильнее было бы в случае коллизии применять нормы национального законодательства, поскольку именно в нем могут отражаться принципиальные местные обычаи и традиции.

2. Инструмент. Согласно ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти; местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Оно представляет собой правовой институт и является инструментом, посредством которого в муниципальном праве достигаются его цели.

Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения указаны в ст. 17 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г.

Самостоятельность и независимость от международно-правовых актов по вопросам местного значения является необходимой, поскольку местное самоуправление, по своей сути, должно представлять собой мощный инструмент демократизации общества и народовластия на территории муниципалитета. В этой связи ограничение местного самоуправления международно-правовыми актами и применение их норм на территории муниципального образования взамен применения национального законодательства привело бы к унификации местных традиций и невозможности применения обычаев в определенных ситуациях. При ограничении применения местных традиций

и обычаев, население теряло бы свою самобытность, а стало быть, в этом случае, когда местное самоуправление не способно было бы сохранить эту уникальную самобытность, терялся бы и смысл существования самого местного самоуправления. В этом случае применение национального законодательства в случае противоречия с международным способствует сохранению института местного самоуправления.

3. Судебное толкование. Хотя толкование права формально не является источником права, оно признается учеными одним из способов преодоления коллизий, например в работах З.А. Незнамовой, Е.А. Чуличковой и др. «Конституционный Суд РФ является единственным органом, который дает официальное толкование Конституции РФ... Такое толкование позволяет предупредить конфликты между органами власти, нарушение прав и свобод граждан, невыполнение обязательств и другие негативные последствия» [6, с. 789].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 г. № 15-П указывается, что Конституция РФ и федеральные законы закрепляют более высокий, чем предусмотрено международными обязательствами России, уровень гарантий самостоятельности местного самоуправления, поэтому в случае коллизий между национальными и международным законодательством, приоритет в муниципальном праве отдается внутреннему национальному регулированию.

Таким образом, иерархия источников муниципального права должна выглядеть следующим образом:

1. Конституция РФ;
2. Международные договоры и соглашения;
3. Федеральное законодательство;
4. Законодательство субъектов федерации;
5. Местное законодательство.

В силу того, что Европейской хартией местного самоуправления и другими международными нормативными правовыми актами не могут быть учтены конкретные местные традиции, эти акты не могут быть признаны приоритетными в муниципальном праве. Исторические и местные традиции могут быть в полной степени гарантированы лишь национальным законодательством, международное право должно обеспечивать правовую защиту и предлагать общие юридические конструкции, способы и методы защиты, однако Европейская хартия должна восприниматься как рекомендательный, «рамочный» нормативный правовой акт, обеспечивающий минимум правовых гарантий для местного самоуправления, которыми оно может воспользоваться всегда.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.

2. Федеральный Закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2000 г. № 15-П «По делу о проверки конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22.03.1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной закон) Курской области»

4. Джагарян Н.В. Национальные и наднациональные гарантии прав местного самоуправления: проблемы сбалансированной реализации // Госу-

дарственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 5. – С. 26–30.

5. Кененова И.П. Правоведение: учеб. пособие для СПО и прикладного бакалавриата / И.П. Кененова, Т.Э. Сидорова. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. – 191 с.

6. Нарутто С.В. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы регулирования и реализации // Lex russica. – 2014. – Т. ХСVI. – № 7. – С. 783–797.

7. Якунин В.И. Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России. Монография. – М.: Научный эксперт, 2008. – 224 с.

Черкасов Константин Валерьевич

доктор юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт управления), г. Нижний Новгород
CherkasovKV1978@yandex.ru

Несвит Евгений Александрович

кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт управления), г. Нижний Новгород
4632316@mail.ru

«ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

В статье во взаимосвязи проанализированы разработки публицистов и ученых, нормативно-правовые акты по вопросам открытости публичной власти в России. Авторами отмечено, что внедрение концепции открытого правительства, ретранслируемой через соответствующее международное партнерство, содержит в себе элементы угрозы национальным интересам России, поскольку создает условия для применения «мягкой силы» против российского государства.

Относительно повышения открытости деятельности органов публичной власти в России имеются внутренние и внешние аргументы «за» и «против». Одним из основных аргументов повышения открытости органов публичной власти в России выступает необходимость повышения эффективности государственного управления, обеспечение устойчивого экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Исходя из сложившихся условий, Россия формирует собственную концепцию открытости органов публичной власти, которая берет свое начало от распада советского государства.

Одними из ведущих направлений обеспечения открытости государства выступают: участие частных лиц и их объединений в принятии государственных решений (в первую очередь, посредством создания системы общественных палат и их практической деятельности); публичная отчетность органов власти (посредством теле- и радиопередач, размещения информации на интернет-страницах органов власти, предоставления информации по запросу, присутствия граждан на заседаниях коллегиальных органов власти); развитие и совершенствование института публичных услуг (переход к публично-сервисной модели государственного управления, ограничения вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, приближение публичных услуг к интересам частных лиц).

Ключевые слова: открытое правительство, государство, общество, эффективность государственного управления, безопасность, суверенитет, гласность.

«Открытое правительство» (Open Government Partnership, OGP) – международная организация, официально учрежденная 20 сентября 2011 года с целью утверждения идеалов открытого государства: развития административного профессионализма, открытого гражданского контролю [7]. При вступлении в партнерство «Открытое правительство» страны должны выполнить три основных условия: подписать декларацию соучредителей «Открытого правительства»; представить план действий по реализации проекта в своей стране; выразить готовность подчиняться независимой проверке результатов, запланированных в рамках партнерства мероприятий. При этом в разработанных Критериях присоединения стран к партнерству указано, что правительства должны продемонстрировать свою решимость открыть себя в четырех сферах: прозрачность налоговой системы; доступность информации; раскрытие собственности и доходов избираемых и старших должностных лиц; открытость правительства для участия граждан в разработке политики и в управлении [10].

Начиная с первых шагов по внедрению стандартов открытого правительства в России, данный

проект сопровождается справедливой и конструктивной критикой со стороны публицистов, отдельных политиков и ученых [5; 6; 8; 11;]. Данная критика состоит в том, что «Открытое правительство» выступает новым средством контроля над государствами посредством внешне вполне демократических процедур. Подтверждением чему является и состав участников международной организации: страны-лидеры (США и Великобритания) и их союзники, а также государства с управляемой демократией (например, Украина). Это вполне осознают правящие круги отдельных суверенных государств. Например, Франция присоединилась к партнерству с учетом национальных интересов. Германия по данному вопросу до сих пор занимает выжидательную позицию. В мае 2013 года Российская Федерация отозвала письмо МИД России о намерении подключиться к участию в партнерстве и заморозила сроки присоединения к нему для уточнения формата ее участия [6]. По всей видимости, правила международной этики и предсказуемая реакция проамериканского сообщества экспертов не позволяют отказаться от участия в данном проекте сразу и полностью [9].

* Статья выполнена в рамках гранта ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» на тему: ««Открытое правительство» в механизме взаимодействия государства и общества: состояние и перспективы повышения эффективности».

Как верно отмечают Н.М. Добрынин и А.Н. Митин, никто из конкурентов не хочет видеть Россию сильной и процветающей державой. Поэтому инструменты государственного вмешательства в дела страны будут иметь место как и ранее, но приобретая со временем все более изощренные формы. В этой связи нет целесообразности без конструктивного анализа прибегать к предлагаемым иностранным проектам. Кроме того, есть и иные детерминанты, не позволяющие без должного исследования просто банально копировать американские принципы государственного управления. Россия имеет отличную систему социума, по своему особому положению (и географическому, и историческому) находится между Востоком и Западом, является культурным трансформатором между ними [4]. Кроме внешних аргументов «против» внедрения в России концепции «Открытого правительства», существуют еще и внутренние. По мнению О.В. Афанасьевой, прозрачность и подотчетность власти, обратная связь граждан с открытым государством могут рассматриваться как искусственные системные дестабилизаторы [3].

Некоторые аргументы в пользу «открытого правительства» (открытого государства) можно обнаружить в документах эпохи Возрождения в Европе, когда начали обсуждаться идеи гражданского общества – важнейшей предпосылки построения правового государства. Это был феномен западной цивилизации, который в современном понимании рассматривается как общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, независимое от государства, но взаимодействующее с ним [4]. Разумным доводом для внедрения в России открытого правительства являются до сих пор полностью неразрешенные проблемы эффективности администрирования, порожденные, отчасти, закрытостью системы государственного управления. Ситуация усугубляется злоупотреблением служебным положением и фактов незаконного обогащения государственных служащих. Открытость процессов принятия государственных управленческих решений во многом позволит как повысить эффективность государственного управления, так и снизить уровень должностной преступности в публичном секторе. В этой связи следует согласиться с точкой зрения некоторых ученых, считающих, что прозрачность и подотчетность власти, обратная связь граждан с открытым государством актуализируют проблему социального баланса, заставляют искать согласия и основывать государственный порядок на доверии и взаимодействии граждан. Стимулируя ментальную и социальную сложность, препятствуя политическому окостенению, открытое государство тренирует общественную способность обретать устойчивость в развитии [3].

Присоединение Российской Федерации к международному партнерству «Открытое правительство» в том формате, в котором оно создано сейчас, угрожает интересам обеспечения национальной безопасности страны. Более того, имеются основания предполагать, что создавалось партнерство с соответствующими завуалированными антироссийскими мотивами. В то же время, налаживание эффективного и устойчивого диалога между гражданским обществом и государством внутри России в рамках российского законодательства и политических традиций способно создать реальные условия для устойчивого социально-экономического развития общества и государства [2]. То есть российскую концепцию открытого правительства целесообразно формировать исключительно с учетом национальных интересов, преследуя цели повышения эффективности государственного администрирования и обеспечения национальной безопасности по широкому кругу вопросов. Более того, открытость российского правительства должна гарантировать защищенность национальных интересов России. Необходимость их защиты подчеркивается в программных документах (концепциях) последних лет, в которых зачастую основная угроза внедрения международных стандартов открытости правительства видится в использовании «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека.

Представляется необходимым остановиться на отдельных мерах по обеспечению открытости российского правительства (государства). В наибольшей мере открытость государственного управления может быть достигнута посредством участия общественности в принятии решений органами власти по отдельным наиболее важным проблемам. При этом общественность должна быть представлена гражданами в достаточной мере компетентными в тех вопросах, для решения которых они привлекаются. Это должны быть, во-первых, ученые, разрабатывающие соответствующие темы, и граждане со значительным практическим опытом успешного ведения дел в соответствующей сфере; во-вторых, представители профессиональных или социальных общественных организаций, специализирующихся в соответствующей области (за исключением организаций, признанных иностранными агентами); в-третьих, граждане, располагающие конструктивными предложениями по совершенствованию государственного администрирования.

Существующие формы участия общественности в государственном управлении в достаточной

мере разработаны и зафиксированы на законодательном уровне. Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с послед. изм. и доп.) [1] определена система общественных палат, а также основные направления их деятельности. Последние сводятся к привлечению граждан и организаций; выдвижению и поддержке гражданских инициатив; проведению общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов; осуществлению общественного контроля; выработке рекомендаций органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений, некоммерческих организаций и иных объединений граждан, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в России; оказанию информационной, методической и иной поддержки некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации; привлечению граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций и представителей средств массовой информации к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в средствах массовой информации, реализации права граждан на распространение информации законным способом, обеспечения гарантий свободы слова и свободы массовой информации, и выработки по данным вопросам рекомендаций; осуществлению международного сотрудничества. Таким образом, созданная к настоящему времени в России система общественных палат содействует развитию гражданского общества и обеспечивает надлежащее активное его взаимодействие с государством на протяжении более десяти лет.

Информирование общественности о результатах деятельности органов публичной власти и управления также важно, как и участие общественности в государственном администрировании. Это необходимый взаимный процесс. Правовую основу такого информирования составляют следующие нормативные акты: Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» 1995 года, Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» 1997 года, Бюджетный кодекс Российской Федерации 1998 года, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» 2009 года и иные. В соответствии с ними информационная открытость органов власти обеспечивается посредством и путем:

– записи, хранения и представления для копирования средствам массовой информации записей всех официальных мероприятий с участием Пре-

зидента России, Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации;

– обязательного немедленного распространения через государственные федеральные аудиовизуальные средства массовой информации в удобное для телезрителей и радиослушателей время обращений и заявлений Президента Российской Федерации, Совета Федерации и Государственной Думы, Правительства России;

– обязательного немедленного распространения через государственные федеральные аудиовизуальные средства массовой информации информационных программ обо всех общественно значимых фактах деятельности федеральных органов государственной власти;

– обнародования государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в средствах массовой информации;

– опубликования принятых нормативных правовых актов;

– размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети «Интернет»;

– размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в помещениях, занимаемых ими, а также через библиотечные и архивные фонды;

– предоставления по запросу информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

– присутствия граждан на заседаниях коллегиальных структур (советах и комиссиях) при государственных органах и органах местного самоуправления.

Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации отчетность публичной власти перед населением является нормой уже как около двадцати лет. При этом происходит постоянное расширение форм, способов и сфер, в которых государство периодически или систематически информирует общество о результатах своей деятельности.

Важным направлением взаимодействия российского государства и гражданского общества, достигшим на сегодняшний день высокого уровня, существенных и взаимных положительных результатов, стало предоставление публичных услуг гражданам государственными и муниципальными органами. Переход к публично-сервисной концепции государства означает:

– изменение идеологии взаимодействия государственных (муниципальных) органов власти (с одной стороны) и частных лиц (с другой) и отход от системы власть-подчинение к системе заказчик-исполнитель;

– ограничение административного вмешательства в предпринимательскую деятельность (соз-

дание саморегулируемых организаций, запрет на проведение проверок, уменьшение видов деятельности, требующих получения лицензии и пр.);

– приближение публичных услуг к интересам частных лиц (введение принципа «единого окна», использование современных информационных технологий, экстерриториальность, оптимизация режима работы и пр.), и таким способом повышение уровня доверия к власти и удовлетворенности результатами работы ее органов.

Безусловно, открытость российского правительства не ограничивается перечисленными мерами, но, как представляется, именно они в наибольшей степени способствуют повышению эффективности взаимодействия общества и государства.

Внедрение концепции открытого правительства, ретранслируемой через соответствующее международное партнерство, содержит в себе элементы угрозы национальным интересам России, поскольку создает условия для применения «мягкой силы» против российского государства и дестабилизации внутригосударственной ситуации. Российская Федерация независимо от международного партнерства «Открытое правительство», начиная с 1995 года, постепенно и весьма успешно развивает собственную модель открытого государственного управления, направленную, напротив, на стабилизацию политической и социально-экономической обстановки в стране, на совершенствование государственного администрирования и, одновременно, повышение уровня защищенности национальных интересов. В этих целях обеспечивается участие частных лиц и их объединений в принятии государственных решений; публичная отчетность органов власти; развитие и совершенствование института публичных услуг.

Библиографический список

1. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/04/07/obshestv-palata-dok.html> (дата обращения: 21.07.2015).
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/#ixzz3gPwM5aZa> (дата обращения: 21.07.2015).
3. Афанасьева О.В. Открытое государство как институт устойчивого развития // *Общественные науки и современность*. 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193793/60-71-Afanasieva.pdf> (дата обращения: 21.07.2015).
4. Добрынин Н.М., Митин А.Н. Кому нужно «открытое правительство»? // *Бизнес, менеджмент и право* (Научно-практический экономико-правовой журнал) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=963 (дата обращения: 21.07.2015).
5. Островский Сергей. «Открытое правительство» Медведева открыто Вашингтоном: Россию тянут еще в одно международное партнерство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/54114/> (дата обращения: 21.07.2015).
6. Хотькова Е.С. Международная инициатива Партнерство «Открытое правительство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/4166/> (дата обращения: 21.07.2015).
7. «Открытое правительство» – средство продвижения целей США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasvremya.ru/otkrytoe-pravitelstvo-sredstvo-prodvizheniya-celej-ssha/> (дата обращения: 21.07.2015).
8. Кто и с какими целями продвигает проект «Открытое правительство»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusfront2012.livejournal.com/10308.html> (дата обращения: 21.07.2015).
9. О судьбе «открытого правительства» в России: почему Путин затормозил инициативу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-sudbe-otkritogo-pravitelstva-v-rossii-pochemu-putin-zatormozil-iniciativu/> (дата обращения: 21.07.2015).
10. Открытое правительство (организация) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Открытое_правительство_\(организация\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Открытое_правительство_(организация)) (дата обращения: 21.07.2015).
11. Потайные ходы «Открытого правительства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.notum.info/news/politika/potajnyie-xodyi-otkryitogo-pravitelstva> (дата обращения: 21.07.2015).

СПЕЦИФИКА СОВЕТСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (70-летию Великой Победы)

В предлагаемой работе предпринята попытка получить общее представление о правовом регулировании труда в период великой Отечественной войны. Автором рассмотрены основные характерные особенности и тенденции действия и развития советского трудового законодательства в чрезвычайных для государства и общества условиях.

Анализ наиболее важных нормативно-правовых актов, принятых в период войны и нацеленных на правовое регулирование и охрану трудовой сферы, позволил автору выявить закономерности правовой организации труда и управления производственно-трудовыми процессами в данный период. Экстренные меры, принятые государством в сфере труда, существенно изменили советское трудовое законодательство довоенного периода и внесли в него ряд достаточно жестких, но одновременно и вынужденных положений. Примером тому может служить: Указ Президиума Верховного Совета «О военном положении»; Постановление СНК «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время»; Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»; Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» и др.

Автор статьи полагает, что соответствующие меры неизбежно и закономерно были продиктованы объективной реальной действительностью, а новые положения трудового законодательства обеспечили правовыми средствами осуществление ряда необходимых мероприятий, направленных на перестройку всей трудовой сферы на военный лад: незамедлительную эвакуацию соответствующих предприятий, оперативное освоение производства на новых местах, планомерное обеспечение предприятий рабочей силой, введение трудовой повинности, проведение трудовой мобилизации, повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины и др.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовая повинность, трудовая мобилизация, трудовой героизм, производство для военных нужд, повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, труд женщин и подростков, подготовка профессиональных кадров.

Великие жертвы, <...> неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте <...> увенчались полной победой над врагом.

И.В. Сталин

Вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков 22 июня 1941 г. на СССР прервало мирный труд советского народа и потребовало оперативного принятия экстренных мер для оказания отпора врагу. Меры заключались в следующем: незамедлительное проведение мобилизации определённой части военнообязанных граждан; эвакуация промышленных предприятий и ряда учреждений из прифронтовых районов; освоение производства на новых местах; перераспределение промышленного оборудования в пользу военных заводов; планомерное обеспечение народного хозяйства рабочей силой; введение трудовой повинности; подготовка новых рабочих кадров для важнейших отраслей промышленности и др. Всё это свидетельствовало о незамедлительной перестройке советской экономики на военный лад. Ещё В.И. Ленин утверждал: «Раз дело дошло до войны, то всё должно быть подчинено интересам войны» [5, с. 117].

Для проведения «быстрой мобилизации всех народов СССР», руководства военными действиями, объединения и координации сил фронта и тыла 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И.В. Сталина. ГКО сосредоточил в своих руках

всю полноту государственной власти, а все граждане и разного рода органы (партийные, советские, комсомольские, военные) обязывались беспрекословно выполнять решения ГКО [4, с. 302].

Вопросом государственной важности стало обеспечение рабочей силой наиболее значимых отраслей народного хозяйства. Очевидно, что чрезвычайно острой проблемой, стоявшей на повестке дня, являлась нехватка рабочей силы, поскольку на фронт призывались наиболее здоровые, трудоспособные и, в значительной степени, квалифицированные работники. Если в 1940 г. в хозяйстве страны было занято 31,2 млн. работников, то в 1942 г. эта цифра снизится до 18,4 млн. работников [10, с. 308].

Чрезвычайные условия военного времени продиктовали необходимость существенных изменений в правовом регулировании труда. Так, 22 июня 1941 г. – в первый день начала войны – был принят Указ Президиума Верховного Совета (далее ПВС) «О военном положении», который предоставлял право военным властям (в местностях, объявленных на военном положении) привлекать граждан к трудовой повинности в целях: выполнения оборонных работ; охраны путей сообщения сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов; участия в борьбе

с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями [11]. В развитие данного Указа принимается Постановление Совета Народных комиссаров (далее СНК) СССР (от 10.08.1942 г.) «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время», в котором привлечение к трудовой повинности предусматривалось по довольно широкому кругу оснований: выполнение оборонных работ; заготовка топлива; производство специальных строительных работ; борьба с пожарами, эпидемиями, стихийными бедствиями; охрана различных объектов и др. К трудовой повинности привлекались мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, на срок до двух месяцев с продолжительностью рабочего времени – 8 часов в день и 3 часа сверхурочно [11]. Следует отметить, что в данный период официально действовал Кодекс Законов о Труде РСФСР 1922 г., по которому привлечение к принудительному труду оставалось возможным, но в исключительных случаях: борьба со стихийными бедствиями; недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий [9, ст. 903]. Вполне логично, что военные условия продиктовали необходимость расширить перечень оснований для принуждения к труду.

Очевидно, что только применение трудовой повинности не давало возможности обеспечить рабочей силой важнейшие отрасли хозяйства, поэтому на повестке дня встал вопрос о неизбежности проведения трудовой мобилизации. «На трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, даже подростки», – писал В.И. Ленин ещё в годы гражданской войны [6, с. 321].

В начале войны ПВС СССР создал ряд новых наркоматов, в числе которых – Комитет по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР (июнь 1941 г.), уполномоченный на проведение мобилизации трудоспособного населения. При исполкомах (областных и краевых) создавались бюро по учёту и распределению рабочей силы, что способствовало окончательному установлению системы централизованного обеспечения промышленности кадрами.

26.12.1941 г. принимается Указ ПВС «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», который предписывал считать мобилизованными (и закрепить на предприятиях, где они работали) всех работников предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), а также работников эвакуированных предприятий [11]. 13.02.1942 г. вышел очередной Указ ПВС СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», согласно которому мобилизации

в указанную сферу подлежали лица мужского (от 16 до 55 лет) и женского (от 16 до 45 лет) пола, не работавшие на данный момент в государственных учреждениях и предприятиях [11]. Кроме того, война предъявила колоссальные требования к сельскому хозяйству. 13.04.1942 г. было принято Постановление СНК СССР «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей», которое разрешало привлекать в порядке мобилизации для работы на селе трудоспособное население городов и сельских местностей, не работавшее на данный момент на предприятиях промышленности и транспорта. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 14 до 50 лет. Кроме того, для работы в колхозах, совхозах и МТС привлекались ученики 6–10 классов средних школ, студенты техникумов и вузов. Для них устанавливалась продолжительность рабочего дня от 6 до 8 часов в зависимости от возраста и характера работы [11].

29.09.1942 г. принимается Указ ПВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах», согласно которому на положение мобилизованных работников переводились все рабочие, служащие, инженерно-технические работники мужского и женского пола, работавшие на государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту. Они закреплялись за теми предприятиями и учреждениями, в которых работали [11]. О катастрофической нехватке рабочих кадров наглядно свидетельствует Постановление СНК СССР «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсию по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения» (от 28.08.1942 г.), согласно которому неработающие инвалиды III группы – мужчины в возрасте до 55 лет и женщины до 45 лет – направлялись на работу (на предприятия или в учреждения) по месту своего жительства с учётом медицинских заключений (врачебно-трудовой экспертизы). При отказе инвалида от работы выплата пенсии прекращалась [11].

В самый разгар войны (1943 г.) трудовая мобилизация коснулась 7609 тысяч человек, в том числе: для промышленности и строительства – 1320 тысяч; для сельского хозяйства – 3830 тысяч; для лесозаготовок – 1295 тысяч человек [3, с. 599–600].

Следует особенно отметить, что не только при помощи достаточно жёстких мер государству удалось привлечь в производство значительные трудовые ресурсы. Миллионы молодых людей добровольно пришли в различные отрасли хозяйства. Если в 1939 г. на производстве работало 6% молодёжи (до 18 лет), то в 1942 г. – 15% (по отношению к общей численности работников промышленности) [2, с. 112].

Несмотря на ограниченный объём данной статьи, невозможно обойти стороной трудовой подвиг советских женщин и подростков. Труд советских женщин получил широкое применение во всех отраслях народного хозяйства: в промышленности, в сельском хозяйстве, в строительстве, на транспорте, в учреждениях связи, в торговле, в коммунальном хозяйстве и др. Так, удельный вес женского труда на железнодорожном транспорте увеличился с 25% в 1940 г. до 36% в 1942 г.; в учреждениях связи – с 48% до 67%; в торговле – с 37% до 55%; в коммунальном хозяйстве – с 42% до 64%; в учреждениях здравоохранения – с 76% до 83%; в общественном питании – с 67 до 83%; в учреждениях народного просвещения – с 58 до 73% [2, с. 601]. Советские женщины в массовом порядке осваивали «мужские» профессии. Так, среди машинистов паровых машин удельный вес женского труда увеличился с 6% в начале 1941 г. до 33% в конце 1942 г.; токарей по металлу – с 16 до 33%; сварщиков – с 17 до 31%; электромонтёров – с 32 до 50%; шоферов – с 3,5 до 19% [2, с. 111].

Кроме того, широкое применение нашёл труд советских подростков. Так, в информации костромского горкома ВКП (б) 26 июля 1941 г. сообщалось о том, что на колхозных полях трудятся свыше 3 тысяч школьников, «помогая колхозникам в прополке и уборке сенокоса», а «67 ребят старших классов работали в колхозах на лошадях». Кроме того, более 2 тысяч «пионеров и школьников» работали по сбору металлолома и собрали десятки тонн. Школа № 27 собрала 800 кг. металлолома, а в рейд 24 июля – 1270 кг. Восхищает трудовой героизм 25-ти костромских школьников, которые «работали с 7 часов утра до 11 часов вечера без отдыха, выгрузив и уложив в клетки 123 тысячи штук кирпича...» [13].

В условиях военного времени, неизбежно и закономерно, встал вопрос о необходимости увеличения продолжительности рабочего времени и, соответственно, сокращения времени отдыха. Так, уже 26.06.1941 г. был принят Указ ПВС «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», согласно которому руководители предприятий (промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства) наделялись правом привлекать к обязательным сверхурочным работам (от 1 до 3 часов в день) как всех работников, так и работников отдельных цехов, участков, групп. Работники, не достигшие 16 летнего возраста, также могли привлекаться к обязательным сверхурочным работам (до 2 часов в день). Оплата данных сверхурочных работ производилась в полуторном размере. Реальные отпуска заменялись денежной компенсацией. В дальнейшем с 1 апреля 1942 г. выплата денежной компенсации работникам государственных, кооперативных, общественных предприятий и учреждений за неиспользованный отпуск была отменена окончательно. Предполагалось данные денежные средства выпла-

тить работникам по окончании войны [11]. Через несколько месяцев продолжительность рабочего времени была увеличена для работников сельского хозяйства. Так, Постановлением СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» (от 13.04.1942 г.) устанавливался повышенный обязательный минимум трудодней для каждого трудоспособного колхозника: 150 трудодней в хлопковых районах; 120 – для всех остальных районах СССР; 100 трудодней в районах, обозначенных в данном документе. Кроме того, членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет был установлен обязательный минимум трудодней – не менее 50 дней в году [11]. На местах принимались самостоятельные, зачастую более жёсткие решения по режиму труда и отдыха. К примеру, постановление пленума чухломского райкома ВКП (б) «Об итогах весеннего сева и задачах подготовки к уборке урожая и заготовке сельхозпродуктов», принятое через 3 недели после начала войны (12 июля 1941 г.), устанавливало, в частности, следующее: «Рабочий день в колхозах должен начинаться не позже 4–5 часов утра и заканчиваться не раньше 9–10 часов вечера, а колхозники, не выполнившие дневного задания, должны работать до выполнения задания» [14].

Вопросами государственной важности стали также: повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины. Так, в постановлении собрания партийного актива г. Костромы «О задачах парторганизации в связи с началом войны» (29 июня 1941 г.) говорилось:

«Потребовать от партийных, хозяйственных, профсоюзных руководителей в ближайшие дни совершенно ликвидировать прогулы, установить строжайший порядок и железную трудовую дисциплину на предприятиях. Решительно разоблачать и беспощадно бичевать лодырей, рвачей и дезорганизаторов производства, как людей, допускающих преступление перед Родиной» [15].

Ещё до начала войны Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (от 26.06.1940 г.) запрещался самовольный уход работников (рабочих и служащих) из предприятий и учреждений (государственных, кооперативных, общественных), а также самовольный переход с одного предприятия (учреждения) на другое. Указ предусматривал уголовную ответственность за самовольный уход с предприятия (учреждения), а также за прогул без уважительной причины [11]. Другой Указ ПВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (от 26.12.1941 г.) рассматривал самовольный уход работников с предприятий военной промышленности (предприятий других отраслей хозяйства, обслуживавших военную про-

мышленность) как дезертирство. Лица, виновные в совершении данного преступления, подлежали уголовному наказанию виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет [11]. Вполне ожидаемо, что в довольно короткий срок положения данного Указа были адресованы работникам конкретных отраслей промышленности. К примеру: а) Указ ПВС СССР (от 11.10.1942 г.) «О распространении на рабочих и служащих предприятий Народного комиссариата текстильной промышленности СССР Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»; б) Указ ПВС СССР (от 3.01.1943 г.) «О распространении на рабочих и служащих предприятий Главмеди Наркомцветмета Указа...»; в) Указ ПВС СССР (от 8.09.1943 г.) «О распространении на рабочих и служащих Ново-Лялинского целлюлозно-бумажного комбината Наркомбумпрома Указа...» и др. Кроме того, согласно Указу ПВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» (от 29.09.1942 г.) самовольный уход с предприятий (учреждений) названных работников рассматривался как дезертирство и карался лишением свободы на срок от пяти до восьми лет [11]. Высокие требования возлагались на работу железнодорожного транспорта, поскольку железные дороги играли решающую роль в транспортировке предметов военного назначения из тыла в действующую армию, в перевозке раненых с фронта, в вывозе с фронта неисправной военной техники и др. Указом ПВС СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» (от 15.04.1943 г.) ужесточалась ответственность работников железнодорожного транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими Красной Армии. Работники (рабочие и служащие) железнодорожного транспорта, виновные в совершении преступлений по службе, подлежали (по решению военного трибунала) увольнению с работы и направлению в штрафные роты, а также более суровому наказанию [11].

В целях бесперебойного обеспечения населения и фронта продовольствием потребовалось также усиление ответственности за нарушение трудовой дисциплины работниками сельского хозяйства. Так, Постановлением СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой» (от 13.04.1942 г.) предусматривалась уголовная ответственность за невыполнение без уважительных причин обязательного минимума трудовой. Председатели колхозов и бригадиры обязывались (под страхом уголовной ответственности) передавать суду трудоспособных колхозников (и колхозниц), не отработавших установленные трудовые нормы. Кроме того, решением колхоза данные работники могли быть исключены из членов хо-

зяйства и лишены своего земельного участка. А по приговору суда данные работники могли быть привлечены к исправительно-трудовым работам в колхозах (до шести месяцев) с удержанием из оплаты трудовой (до 25%) в пользу колхоза [11].

В условиях военного времени продолжал применяться социалистический принцип оплаты по труду в зависимости от его количества и качества. Вместе с тем, в оплате труда произошли существенные изменения, которые выражались в массовом внедрении сдельно-прогрессивной и повременно-премиальной оплаты труда, в целях стимулирования работников к выполнению и перевыполнению норм выработки; в изменении тарифных сеток в сторону дифференциации тарифных ставок, в целях обеспечения повышенной оплаты труда для высококвалифицированных работников; в развитии премиальной системы оплаты труда инженерно-технических работников; в дополнительном материальном поощрении лучших работников. В организации заработной платы (в рассматриваемый период) явно просматриваются заветы В.И. Ленина о том, что «мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину. Надо, кроме того, им помочь, надо вознаградить тех, которые после неимоверных бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте» [7, с. 151].

Постановление СНК СССР «Об улучшении организации труда и повышении заработной платы рабочих и инженерно-технических работников на шахтах Наркомугля» (от 6.03.1943 г.) предусматривало повышение заработной платы рабочим угольных шахт Кузбасса, Донбасса, Урала, Караганды, Подмосквовного бассейна, Дальнего Востока, треста «Востуголь» и др. Также устанавливалась система премирования рабочих, горных мастеров и инженерно-технических работников, работающих в угольных разрезах и на строительстве новых шахт [11]. Так, для работников ведущих профессий при выполнении норм в пределах от 80 до 100% расценки увеличивались в 2 раза, а при перевыполнении нормы свыше 100% – в 3 раза [8, с. 65].

Постановление СНК СССР «О повышении заработной платы преподавателям, директорам и заместителям директоров по учебной части техникумов, средних медицинских и правовых школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ и рабфаков» (от 19.10.1943 г.) устанавливало увеличение заработной платы (перечисленным в нем работникам) и вводило систему премирования [11].

Ряд других Постановлений также устанавливал повышенные ставки заработной платы для отдельных категорий работников: а) Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О штатах, ставках заработной платы и введении премий для работников МТС за выполнение и перевыполнение планов машинно-тракторных станций» (от 12.01.1942 г.); б) Постанов-

ление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О заработной плате поездных и маневровых бригад железнодорожного транспорта в военное время» (от 16.03.1942 г.); в) Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О дополнительной оплате труда трактористов МТС и колхозников, работающих на прицепных тракторных сельскохозяйственных машинах, за повышение урожайности сельскохозяйственных культур» (от 9.05.1942 г.); г) Постановление СНК СССР «О повышении заработной платы зоотехническим и ветеринарным работникам» (от 9.01.1944 г.) и др.

Особое внимание уделялось оплате труда работников военной промышленности. К примеру, к окончанию войны (май 1945 г.) средняя заработная плата металлистов в танковой промышленности была выше, чем в среднем по профессии, на 25%; в промышленности вооружения – на 12%; в авиационной промышленности – на 17% [12, с. 138].

Общие выводы:

1. Великая Отечественная война стала самой жёсткой проверкой на прочность советского строя, самым величайшим испытанием для советского народа, вызвав неимоверное напряжение всех сил и средств, брошенных на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Советский строй с честью выдержал жестокие испытания.

2. В период войны было принято множество нормативно-правовых актов по вопросам регулирования и охраны труда, которые коренным образом изменили трудовое законодательство, сложившееся в довоенный период, при этом достаточно последовательно и логично отразили (в концентрированном виде) государственную политику в сфере труда и специфику советского трудового законодательства в чрезвычайных военных условиях. Они вполне соответствовали духу военного времени. Анализ наиболее важных законодательных инициатив и решений позволяет утверждать о довольно широком использовании исторического опыта времён политики «военного коммунизма», ибо данная политика также была направлена на сохранение государства.

3. Усиление централизованного регулирования социально-трудовой сферы; принудительный труд и уголовная ответственность (как средство обеспечения его практического применения); мобилизация трудовых резервов (в том числе инвалидов); увеличение продолжительности рабочего времени и сокращение времени отдыха; широкое применение сверхурочных работ (в том числе в отношении несовершеннолетних); укрепление трудовой дисциплины (под страхом уголовного наказания); повышение производительности труда и др., – всё это было положено в основу развития советского трудового законодательства в годы войны.

4. Меры, принимаемые государством в военный период, имели чрезвычайный, но, в то же время, вынужденный характер. Они, несмотря на свою жёсткость и «антигуманность», оказали неоцени-

мую помощь в обеспечении функционирования главных отраслей хозяйства, способствовали укреплению тыла и защите страны, внесли огромный вклад в победу над врагом.

5. Исторический опыт организации труда (в том числе его правовой аспект) в годы Великой Отечественной войны наглядно показывает, что жёсткая, рациональная и прагматичная государственная политика в сфере труда, в условиях войны, является одним из ключевых рычагов, при помощи которого возможно не только успешно противостоять военной силе врага, но и довести его до безоговорочной капитуляции.

6. Великая Отечественная война показала непреходящую ценность советской идеологии, ибо только этой идеологии удалось создать человека нового типа, который, в массе своей, с самого начала войны, с чувством горячего патриотизма, выразил свою готовность к героическому труду на благо Великой Победы. Возникает большое желание привести «крылатые» когда-то слова Л.И. Брежнева из книги «Малая Земля»: «История знает немало героических подвигов одиночек, но только в нашей великой стране... советские люди доказали, что они способны на массовый героизм» [1, с. 12]. Нет никаких сомнений, что ростки сегодняшнего патриотизма пробиваются не из почвы «лихих девяностых», а из советского прошлого, которое многие склонны незаслуженно «демонизировать».

Библиографический список

1. Брежнев Л.И. Малая Земля. – М.: Политиздат, 1978.
2. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1947.
3. История народного хозяйства: Курс лекций // под ред. Ф.Я. Полянского, Б.П. Орлова, И.Н. Шемякина. – М.: Соц.-эк. лит.-ра, 1960. – 609 с.
4. КПСС о Вооружённых Силах Советского Союза. Документы 1917–1968. – М.: Воениздат, 1969.
5. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 41. – М.: Госполитиздат, 1981. – 696 с.
6. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 40. – М.: Госполитиздат, 1974. – 506 с.
7. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 42. – М.: Госполитиздат, 1970. – 606 с.
8. Маневич Е.Л. Вопросы заработной платы в промышленности СССР. – М.: ВЦСПС, 1947.
9. Собрание Узаконений РСФСР 1922. – № 70.
10. «СССР в цифрах». Статистический сборник. – М.: Статиздат, 1958.
11. СПС «Консультант плюс», раздел «Законодательство СССР».
12. «Шаги пятилеток». Развитие экономики СССР». – М.: «Экономика», 1968.
13. ЦДНИКО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1178. – Л. 34–40.
14. ЦДНИКО. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 25–26.
15. ЦДНИКО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1145. – Л. 56, 57, 58.

ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ МИЛИЦИОНЕРАМИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В большей части советского периода любое нарушение социалистической законности со стороны властных структур засекречивалось и запрещалось к публичной огласке. Возможность более свободного обращения к ранее недоступным архивным материалам предоставила уникальный шанс качественней изучить вопросы, связанные с совершенными правонарушениями алтайскими милиционерами в 50-е годы XX века. Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае, находились на постоянном контроле у руководителей правоохранительных органов, представителей советской и партийной номенклатуры. Среди алтайских милиционеров нередко были случаи превышения своих служебных полномочий: задержание невиновных, применение физических мер воздействия во время проведения оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Причиной этих нарушений являлся кадровый дефицит, жесткая процентная отчетность раскрываемых преступлений, зачастую формальный воспитательный процесс среди сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: правонарушения, социалистическая законность, Уголовный кодекс, задержание, контроль, милиция.

Правонарушения совершались сотрудниками алтайской милиции как во время выполнения своих служебных обязанностей, так и в свободное от службы время. Соблюдение социалистической законности сотрудниками милиции являлось неотъемлемым правилом в деле успешного строительства «светлого будущего» в Советском Союзе.

Советская пропагандистская машина постоянно подчеркивала, что органы милиции, основанные на пролетарской законности, служили интересам трудящихся. В милицейской среде необходимо было полностью избавиться от пережитков прошлого в виде беззакония, коррупции, унижения личности граждан, характерных только для царской полиции. Сотрудник милиции должен был ассоциироваться у простого советского труженика с законностью, вежливостью, честностью, справедливостью.

Еще в 1932 г. в нашей стране было издано специальное постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», которое устанавливало, что успехи в деле укрепления революционной законности являются одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян. В данном документе подчеркивалось «наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения...» [10].

С целью пресечения дискредитации органов внутренних дел вся информация, связанная с любыми правонарушениями, совершенными алтайскими милиционерами в 1953–1956 гг., мгновенно получала гриф секретности. В средствах массовой информации цензура зорко следила за недопущением публикации материалов, бросавших тень на правоохранительные органы.

Укрепление социалистической законности в СССР часто связывали со сложной междуна-

родной обстановкой. «Опыт показывает, – говорил Н.С. Хрущев в отчетном докладе XX съезду КПСС (14–25 февраля 1956 г.), – что малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы» [13, с. 109].

Контроль за укреплением дисциплины в органах внутренних дел Алтайского края ложился на деятельность местных Советов. Все вопросы, связанные с этой проблемой, должны были рассматриваться на сессиях Советов, на заседаниях исполнительных комитетов, в постоянных комиссиях по социалистической законности, в административных комиссиях, комиссиях по делам несовершеннолетних. Согласно статусу депутатов Советов, депутат «обязан стоять на страже советских законов, активно участвовать в борьбе с правонарушениями, в воспитании трудящихся в духе высокой сознательности, исполнения гражданского долга, неуклонного соблюдения социалистической законности» [11].

Нарушение сотрудниками алтайской милиции советского законодательства находилось на постоянном контроле партийных, советских и правоохранительных органов. В рассматриваемый период времени в Советском Союзе пересматривали итоги так называемого «сталинского периода», признавая нарушения социалистической законности в деятельности правоохранительных органов.

Причем в данный период понятие «советское законодательство» в отечественной юриспруденции понималось «широко» и включало в себя не только совокупность законов, но и подзаконных актов, среди которых большую роль играли и такие ведомственные нормативные правовые акты как приказы. Данные документы принимались по различным вопросам и регламентировались довольно широкий круг ведомственных отношений [1].

Так, например, в приказе МВД СССР от 4 апреля 1953 г. подчеркивалось: «В следственной работе

продолжают иметь место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутых за спину руках, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.» [2, Л. 246–247]. Ряд алтайских милиционеров необоснованно возбуждали уголовные дела, грубо нарушая при этом следственные действия.

Только за 1952–1954 гг. к уголовной ответственности было привлечено 2643 работника территориальной, железнодорожной и водной милиции, из которых было осуждено Военным трибуналом 2137 человек, в т.ч. членов КПСС и комсомольцев – 1251 человек (57,8%), офицеров и занимавших офицерские должности – 1056 человек (48,7%). Наиболее распространенными видами преступлений являлись незаконное применение оружия, убийства и ранения граждан, хулиганство [4, Л. 104, 108].

В 1955 г. был уволен за пьянство и дезертирство из алтайской милиции 91 человек. Особенно неблагоприятно с кадрами было в 6-м отделении милиции г. Барнаула (заменили 64% личного состава) и в Рубцовском городском отделе милиции (ГОМ) (заменили 54% личного состава) [9, Д. 97, Л. 28].

В Алтайском крае в рассматриваемый период наблюдался высокий уровень правонарушений среди милиционеров, призванных на борьбу с этими явлениями.

В апреле 1954 г. начальник Турочакского районного отдела милиции (РОМ) МВД Горно-Алтайской автономной области Алтайского края майор Кобзев для усиления обвинительных доказательств и получения санкций на арест Л. грубо сфальсифицировал протокол допроса К. и подделал его подпись. Кобзев принудил членов экспертной комиссии по сличению овса дать положительное заключение, что изъятый у П. овес аналогичен хранившемуся на государственном складе. В ходе расследования Кобзева уволили из органов внутренних дел, в его отношении начата служебная проверка, уголовное дело о краже овса было прекращено [9, Д. 84, Л. 55, 56].

Грубо нарушалась рядом алтайских милиционеров ст. 115 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., где говорилось, что «за незаконное задержание или незаконный привод наступало наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица, а также заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных, либо корыстных видов, – лишение свободы на срок до пяти лет» [12].

Заместитель начальника отдела уголовного розыска Рубцовского ГОМ Долгов и оперуполномоченный Тыщенко 12 сентября 1955 г. на улице в нетрезвом состоянии начали спорить с гражданами Дурневым, Задорожным и Иванцовым, после чего незаконно их задержали, отведя в городское отделение милиции, где по очереди заводили в бильярдную комнату и избивали. После истязаний граждан заставили встать на колени и просить прощения у милиционеров. Милиционеры Долгов и Тыщенко были осуждены и приговорены к 2 годам лишения свободы [9, Д. 95, Л. 27].

Уголовному наказанию в виде лишения свободы на основании ст. 150 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. подлежало лицо, заразившее граждан венерической болезнью, знающее о наличии у него этой болезни, сроком до трех лет [12]. В 1954 г. руководству алтайской милиции стало известно, что командир взвода 4-го отделения милиции г. Барнаула Тагильцев на протяжении многих лет сожительствовал с различными женщинами, в результате чего трижды заболел венерическими болезнями, заразив свою жену и гражданку Г. При этом начальник 4-го отдела милиции, не владея подлинной информацией, как ведет себя Тагильцев в быту, представил его к наградному значку «Отличник милиции». На основании приказа начальника Управления МВД СССР по Алтайскому краю подполковника Белова № 277 от 23 октября 1954 г. этот командир взвода был лишен нагрудного знака «Отличник милиции», подлежал немедленному увольнению из органов внутренних дел, в отношении него рассматривался вопрос о возбуждении уголовного дела [9, Д. 86, Л. 80].

Превышение милиционерами своих должностных полномочий дискредитировало органы внутренних дел, поскольку связано это было с угрозой для жизни и здоровья советских граждан. Начальник Змеиногорского ГОМ майор Андреев и комендант спецкомендатуры милиции Змеиногорского района старший лейтенант Попов 19 мая 1955 г. возвращались из командировки к месту своей службы. По пути встретили два автомобиля Таловской МТС, которые, проезжая мимо, не переключили свет с дальнего на ближний и сильно ослепили милиционеров. Андреев дал приказ задерживать нарушителей. Попов, не сориентировавшись в сложной обстановке, моментально открыл огонь по уезжавшим автомобилям, двумя выстрелами пробил баллон одной из машин. За бесцельную стрельбу Попов был арестован на 10 суток, а Андрееву объявлен выговор [9, Д. 90, Л. 111].

Нередки были случаи и несанкционированного использования табельного оружия милиционерами в алкогольном опьянении, приводившие к жертвам среди местного населения.

Ночью 14 ноября 1955 г. милиционер 6-го городского отделения милиции г. Барнаула сержант

милиции Зюба самовольно оставил свой пост и направился в квартиру гражданки Рагозиной, где стал распивать с ней спиртные напитки. Спустя некоторое время в состоянии алкогольного опьянения Зюба стал ломиться в соседнюю квартиру и требовать водки. Проживавший там гражданин Заяц и находящийся у него в гостях Евсеев вывели Зюбу на улицу и пытались проводить его на автобусную остановку. Неожиданно Зюба без всяких оснований выхватил свой пистолет и произвел выстрел в Евсеева, ранив его в грудь. Беспорядочно стреляя, горе-милиционер еще ранил стоявшего на остановке гражданина Блинова в левую паховую область и руку. Бывший сержант милиции Зюба был приговорен к 8 годам лишения свободы [9, Д. 90, Л. 15].

На Алтае выявлялись нелицеприятные факты незаконной связи представителей правоохранительных органов с преступным миром. Старший лейтенант милиции оперуполномоченный оперативного отдела УМВД Алтайского края Руднева Анна Фатеевна периодически поддерживала связь с крупным спекулянтом Б., которому передавала сведения служебного характера, позволявшие Б. уходить от наказания [9, Д. 91, Л. 19].

Палочная система в органах внутренних дел приводила зачастую к бездушному отношению к советским гражданам, подталкивала сотрудников милиции на нарушение социалистической законности.

В справке, посвященной деятельности милиции в Алтайском крае за 1955 г., отмечалось: «Алтайская милиция увлечена показной стороной дела, лишь бы сдать больше уголовных дел. Борьба с расхитителями не обеспечена агентурой, которая бы пользовалась доверием со стороны преступников. Многие рабочие и колхозники привлекаются к уголовной ответственности за малозначительные правонарушения» [9, Д. 92, Л. 2].

Волокита и нежелание оперативно реагировать на жалобы граждан были отмечены в милицейских подразделениях Алтая. В октябре 1956 г. во время очередной проверки было обнаружено неучтенных жалоб и заявлений в Шелаболихинском РОМ – 9 шт., Усть-Канском РОМ – 5, в 5-м ГОМ г. Барнаула – 12. Секретарь Шелаболихинского РОМ Толстопятков заявление гражданки Жеребятевой о розыске пропавшего мужа продержал у себя без исполнения 47 дней. Участковый уполномоченный Курьинского РОМ Барков в течение 45 дней не предпринял никаких мер для проверки заявлений гражданки Быковой, сообщившей о хулиганских действиях гражданина Щербакова. Участковый Родинского РОМ Окин утерял 5 заявлений граждан, полученных на исполнение еще в 1955 г. [9, Д. 94, Л. 202–204].

Некоторые милицейские руководители незаконно использовали труд тех, кто находился в камерах предварительного заключения за различные

правонарушения. Начальник Солтонского РОМ майор Фролов 11 и 12 августа 1956 г. использовал 5 арестованных КПЗ на работе по уборке льна в одном из колхозов [9, Д. 92, Л. 187].

В качестве причин проявлений правонарушений в среде алтайской милиции следует отнести низкую заработную плату, большие моральные и физические перегрузки на службе, пьянство, невысокий культурный и образовательный уровень сотрудников, формальную работу политорганов в воспитательном процессе.

Еще больше ухудшило материальное положение милиционеров принятое постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1952 г. «Об отмене некоторых льгот и преимуществ для работников МВД СССР», на основании которого сокращался размер выплаты процентных надбавок за выслугу лет всем сотрудникам милиции и упразднялся ряд других льгот. Эти меры обеспечили общую экономию государству в размере 770164 руб. [7, с. 428], но привели к еще большему оттоку кадров из подразделений алтайской милиции.

Любые правонарушения в деятельности сотрудников милиции были на особом контроле у руководства МВД. «Телеграммой № 175 от 05 июля 1946 года за подписью Министра Круглова предлагалось: о каждом случае нарушения законности и взяточничества немедленно докладывать в политотдел ГУМ с указанием причин и принятых мер» [5, Л. 4, 96].

Профилактические мероприятия с личным составом алтайской милиции проводили политработники. Контроль за выполнением служебной дисциплины и социалистической законности возлагался на инспекцию по личному составу. Однако укомплектованность органов милиции кадрами замполитами была явно недостаточной.

Серьезной проблемой для органов внутренних дел на протяжении многих лет оставалась кадровая обеспеченность. Потери личного состава органов и войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне составили 159 100 человек [14]. Замена им была не всегда соответствующая. В органы внутренних дел в военный и послевоенный период попало много случайных людей, которые не были способны выполнять порученные им задания. Ежегодно из органов милиции увольнялось до 29% сотрудников, причем более 50% – по собственному желанию [6, Л. 50]. Сложный кадровый вопрос оставался нерешенным и в послевоенные годы.

В 1948 г. только 9,8% ведущей категории руководящих сотрудников милиции имели высшее образование, 6,2% из них имели незаконченное высшее, каждый третий руководитель имел начальное образование. По данным на 1954 г., 79% сотрудников уголовного розыска, более 60% личного состава БХСС и 45% следователей не имели даже среднего образования [8, с. 390].

Пытаясь решить эту проблему, алтайские милиционеры направлялись для обучения в специализированные ведомственные учебные заведения, их привлекали на краткосрочное обучение на сборах. Начальствующий состав милиции проходил подготовку на краткосрочных учебных сборах при республиканских, краевых и областных управлениях милиции; рядовой состав строевых подразделений милиции занимался по расписанию в составе учебных групп в течение всего учебного года; занятия рядового состава горрайорганов милиции проводились на 10-дневных сборах [3, Л. 148].

На усиление дисциплины среди алтайских милиционеров был направлен принятый в 1948 г. Дисциплинарный Устав милиции, введен новый Устав постовой и патрульной службы (УППСМ-48). В 1953–1956 гг. был введен прокурорский надзор за деятельностью милиции.

Пресечение нарушений социалистической законности сотрудниками алтайской милиции в 1953–1956 гг. выражалось в укреплении дисциплины среди личного состава, наказании правонарушителей, улучшении работы политорганов и инспекции личного состава, повышении культурного уровня сотрудников алтайской милиции, усилении контроля партийными, советскими органами, а также прокурорскими работниками деятельности милиции в Алтайском крае.

Однако излишняя закрытость от общества нарушений социалистической законности сотрудниками милиции, а также нерешенность застарелой кадровой проблемы в целом негативно сказывались на уровне правонарушений среди алтайских милиционеров.

Библиографический список

1. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 480.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р. 9401. – Оп. 1. – Д. 1299.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9415. – Оп. 1. – Д. 13.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9415. – Оп. 3. – Д. 614. – Д. 614.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9415. – Оп. 5. – Д. 243.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9422. – Оп. 1. – Д. 400.
7. Министерство внутренних дел, 1902–2002: исторический очерк. – М., 2004. – 647 с.
8. Министерство внутренних дел России, 1902–2002: исторический очерк / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002. – Т. 2. – 390 с.
9. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. – Ф. 4. – Оп. 1.
10. Собрание законодательства СССР. – 1932. – № 50. – Ст. 298.
11. Суд и правосудие / под общ. ред. проф. А.Т. Бажанова и проф. В.П. Малкова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. – 352 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года / Редакция 05.03.1926. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 16.06.2014).
13. Хрущев Н.С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. – М.: Госполитиздат, 1956. – 560 с.
14. Щит и меч. – 1994. – 14 марта.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Sergey A. Kiselyov

*Bryansk State Technical University
kiselevsa@tu-bryansk.ru*

The daily life of a cavalry unit in 1881—1904 in terms of Starodub dragoon regiment

Modern historiography is increasingly paying attention to everyday history. Traditional norms of human interaction with nearest and dearest, with public and state institutions reveal the basic factors determining the behaviour of man in society, the formation of mentality. An important part of the daily studies are stories of life of military units of the Russian army. Consideration of routine of army life, allows understanding the processes inherent in the army environment of our time. Imperial Russian Army was going through a relatively peaceful period of its existence in 1880—1904. Peaceful existence, in turn, combined with tense international situation, which threatened to develop into a serious military conflict. Terms of the time demanded from the country's leadership to do military reform. In light of the above, we can draw some parallels between the events on the turn of the 19th and the 20th centuries and contemporary reality. Consideration of issues of everyday life of the Russian Imperial Army regiments becomes topical and of high demand. A typical example of everyday life of the military unit is Starodub dragoon regiment, combining many typical features characteristic for a Russian cavalry unit. In terms of Starodub regiment, we consider the specificity and the peculiarities of life of a cavalry units in peacetime. The positive and negative aspects of the geographical location and their impact on everyday life are mentioned.

Keywords: cuirassiers, dragoons, cavalry, regiment, reforming, quartering, manoeuvres.

Svetlana V. Kasatkina

*Shuya branch of Ivanovo State University
kasatkinas68@mail.ru*

Life in Kornilovo estate in early 20th century

This article explores the everyday life and work in the landlords' estate Kornilovo of the Kulomzins in Kineshma District, Kostroma Province, in the early 20th century. Domestic and family problems of the estate owners, the issues of organising events in the estate, education and upbringing of children are analysed. It is noted that, in order to participate in the celebrations, landowners invited adult peasants, and for Christmas – peasant children. As for teaching children of the nobles, the Kulomzins ran at home. They invited the teachers, some of them permanently lived in Kornilovo. The article analyses such interests and passions of the nobles as reading books, embroidery, walks around the estate, reception and visits in order to cultivate neighbouring landowners. It is noted that the books and magazines for the owners of the estate and for their children were discharged from the capital

and were sent from abroad. As for her passion to embroidery, the mistress of the estate turned into a profitable business. Her products would be off-loaded in the capital and abroad. There was a special attitude of the noble family to living in the nature and in fresh air, which affected the children's health and good mood of the adult. The scientific revolution introduced previously unknown sources of personal origins, the estate owners' letters and the memories of relatives.

Keywords: Kostroma Province, noble family of Kulomzins, family estate, holidays in estate, education and upbringing of children of nobles, reading books, embroidery as hobby, reception, relationship with neighbours.

Valentina A. Sel'skaya

*Yaroslavl State Medic University
valentis59@mail.ru*

Selecting the city of Yaroslavl for the construction of rubber-plant (1928—1932)

The article is devoted to complex research of site selection for the construction of rubber-plant in the period of industrialisation of the USSR. We describe the choice of the plant on the total cost of its construction: transport costs of raw materials and delivering finished products of the plant, the cost of materials, wages of builders of residential housing, as well as providing means of communication, fuel, water, energy and labour. To solve the problem of location of the proposed construction, nine items were proposed: Moscow, Kashira, Kineshma, Yaroslavl, Nizhny Novgorod, Ulyanovsk, Voronezh, Rostov-on-Don and Kalach. We show detailed study of the most likely points of construction of the plant in Moscow and Yaroslavl in terms of manpower and training at the construction site, wage of workers, fuel consumption, steam, electricity, as well as providing land and housing. We provide a general analysis of the difference in favour of the construction cost for the plant in Yaroslavl. An attempt was made to reveal the main reasons for which attempts to build the plant in Moscow were made. In addition to digital indicators, which are compelling, the author presents other factors influencing the choice of place of building of the plant as well, to be precise: a more uniform process of industrialisation in the territory of the USSR and the most strategic location in Yaroslavl, location of the land from Lyapino power plant under construction, significantly reducing the cost of electricity and steam. Particular attention is drawn to the fact that the construction of the plant in Yaroslavl unloaded Moscow railway junction and eased the tension of central trucking. For the analysis of scientific research archival data were used. The material can be used in the study and research questions on the history of the chemical industry of Yaroslavl land, as well as in the preparation of textbooks, lectures, and as a historical reference.

Keywords: history, chemistry, Yaroslavl rubber-asbestos complex, civil engineering, site survey, building expenses, Moscow, Yaroslavl.

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University
 belovi_1957@mail.ru

Natal'ya A. Belova
Institute of Ethnology and Anthropology, City of Moscow
 natale4ka@inbox.ru

Everyday life of teachers of Kostroma land during the World War II

The article raises the problems and difficulties of everyday life of Kostroma teachers during the World War II. We analyse the influence of the Communist Party: the socio-political teaching load, realisation of the program of universal education and the role of teachers in the education of civic and patriotic feelings of children and teenagers, the organisation of political and educational work among the adult population of Kostroma Region. The article describes as well business secret difficulties encountered teachers: the organisation of educational process, preparing school building for the academic year (firewood, insulation setting, conducting Sunday enthusiastic working days). During the World War II, in addition to the public and to the teaching load of teachers, they worked in the production as well: cut firewood, gave assistance to collective farms and Soviet household, worked in factories as part of work teams. We analyse in detail the Soviet financial situation concerning teachers in the war years, the size of their salary, the amount of state taxes and fees, and we also comparatively analyse prices and incomes of teachers during this period. The article use the memories of teachers of that period difficult for Russia.

Keywords: daily life, teachers, USSR, World War II East Front, economic standing, role of USSR Communist Party in social life, memories of teachers.

Anna S. Orlova
Moscow Pedagogic State University
 annaorl888@gmail.com

Embodiment of image of the enemy in Soviet cinema arts of the 1940s (based on the material of films about the World War II)

This article analyses the changes in the image of the enemy which happened in the Soviet cinema arts in the 1940s, on the basis of the movies about the World War II. Cinema possesses a wide range of figurative means, though numerous modes of embodiment if the image of the enemy were borrowed by it from mass press, theatre, agitation posters. Images of the future enemies in anti-Nazi and rattle-sabre movies did occur in the pre-war era; but, on the one hand, they gave the wrong idea about the nature of the future war and the internal situation in Germany, on the other hand – gave the film-makers the necessary set of artistic means for moral and psychological mobilisation of the people in the first months of the war. The image of the enemy from the rattle-sabre films is the image of someone who is not serious and will be quickly defeated. But after the first few weeks of bloody fighting, what comes is a true dehumanisation of the enemy. The Nazis tend to be described as barbarians, beasts, sadists, while “internal enemies”, hating the Soviet Union because of their very social origin, would

leave the screen until 1943. Their reappearance was due to the need to explain the reasons for collaboration. After the war, the images of the Germans were differentiated: it was emphasised that the civilian population did not support Hitler's policy. Key features of the command of the Third Reich, became part of the image of those who were recent allies – the US and the UK.

Keywords: cinema, ideology, propaganda, image of enemy, mass consciousness, war, ways of image.

Dmitriy I. Sazonov
Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
 sazonow63@mail.ru

Clergy resistance to 1961 parochial government reform (based on the material of Regions Yaroslavl and Kostroma)

Parochial government reform adopted on assembly of bishops had negative impact on the whole structure of parish life. Adopted under pressure from the authorities, it was conceived as a destabilising and destructive factor of Russian Church life and was aimed at something close to the elimination of the Church itself. Resistance to reform was of a nation-wide character (we mean the believers from all over the USSR; while the majority of the Soviet population at that time was indifferent about Church). It was strong enough to predetermine the fact that the reform of parish (in which a parish priest was deprived of the right to participate not only in financial and economic activity, but to educate the congregation, to work outside the church building, to be engaged in charity) did not «strike roots» in parish, and hence enough for the restoration of church-state relations, as the notorious reform was canceled. In the article, on the material of the Central Russia, primarily Yaroslavl and Kostroma regions, we showed that the resistance of the clergy and the believers in many ways contributed to the change in church-state relations. The Communist Party top bureaucracy had to admit failure in the anti-Church policies they conducted that contributed to the restoration of the status quo in parochial government and contributed to the restoration of the rights of a parish priest. In 1988, at the Local Council of the Russian Orthodox Church, a new charter of parochial management was adopted, updating and amendments thereto were adopted on 1989 assembly of bishops. They were consistent with the spirit and the canonical order of the Church.

Keywords: 1961 Church reform in Soviet Russia, parish, hierarchy, believers, resistance, parish gathering, Russian Church.

David M. Ziganshin
The Stoletovs Vladimir State University
 david130880@mail.ru

The role of public organizations in the development of culture and the improvement of the socio-economic situation concerning glassworkers in 1960s—1980s

Soviets, factory management staff, Communist party organisations and trade-union organisations took

care of the glass factories working staff and of their children after World War II. Measures to ensure the regular workers were provided with bread were always taken by administration of glass factories. Sunday enthusiastic working days, in which pupils were engaged in repairing things, were regularly held at schools in the glassworks. The author in the examples shows how Soviet citizens selflessly undertook the restoration of the destroyed economy. Trade-union organisations that provided the costs of the children in nurseries and kindergartens, sent workers to sanatoriums and rest homes, took special care of the workers and their families. Construction of houses of culture, of exhibitions, of summer stage device, organising various activities in the form of hobby groups contributed to the organisation of leisure of the population correctly, to a pleasant pastime of young people, to the development of the younger generation. The important role of socialist emulation in workers' moral upbringing is noted in the work. Workers and technical officers of the glass industry were brought up to be collectivists, constantly improved the level of their school training, vocational training and cultural training, persistently aspired to the ups (not downs!) of harmonious development.

Keywords: glassworkers, trade-union organisations, socialist emulation, workers' moral upbringing, restoration of USSR after World War II.

Dmitriy S. Krysenko

*Shevchenko Lugansk University
mamaj2@rambler.ru*

Geostrategic confrontation between the USA and the USSR during Iran-Iraq War (1980—1988)

The article briefly reveals the causes and course of Iran-Iraq war, characterises the evolution of the interests of the Soviet Union, the United States, Republic of Iraq and Islamic Republic of Iran in the region of the Middle East during the 1980s, as well as multi-lateral political relationships. Since 1979, the USA perceived the Gulf region as a sphere of its "vital interests", while maintaining an interest in maintaining them as profitable status quo with the help of Iran and Saudi Arabia. Until then, Iraq has not held a significant place in foreign policy of official Washington due to lack of urgent need for the former as a partner and an ally. The thesis argued is that Iran-Iraq war had in general a negative impact on the positions of the Soviet Union in West Asia and in the world at large, "playing into the hands" of the USA, the authorities of which managed to use existing controversy between the parties. Iran actively implemented the policy of "exporting the Islamic revolution" by closing its society from both the United States and the Soviet Union; while Iraq, by contrast, pursued a policy of rapprochement with the parties. In the context of the continuation of the Cold War, the Soviet Union was to face the need to manoeuvre on the international scene. The peaceful initiatives of the USSR to resolve the conflict through political means were rejected; however, precisely be-

cause of the position of official Moscow both signing countries agreed to UN Security Council resolution on a ceasefire.

Keywords: USSR, USA, Islamic Republic of Iran, Republic of Iraq, geopolitics, confrontation.

Alyona O. Babik

*Shevchenko Lugansk University
alyona.babik@yandex.ua*

Dmitriy S. Krysenko

*Shevchenko Lugansk University
mamaj2@rambler.ru*

The USA – the USSR rivalry in the South Atlantic during the Falklands Conflict (1982)

This article deals with the historical and political background of the Falklands crisis and the relationship that existed at the time between the United States and the Soviet Union on the one hand, and the Soviet Union and Argentina – on the other hand. We have disclosed Soviet reaction to the conflict and discussion in its course. The main attention is paid to the consequences of the war for the Soviet Union. The authors adduce some data for the fact that during the Falklands war in 1982, the Soviet Union was predisposed to strengthen its influence in Latin America. Announcement by Reagan's administration in April 1982 about the explicit support of the United Kingdom caused a very critical reaction on the part of Argentina and other Latin American countries that opened, thereby, the possibility for the USSR to strengthen its influence. However, due to many factors, including due to failure to properly understand the intentions of the official Buenos Aires and the essence of Argentine nationalism, the Soviet Union failed to increase its influence in the region significantly. Declaring the commitment to a diplomatic solution from the beginning of the power phase of the conflict till the cease-fire, the Soviet Union actually acted circumspectly while watching the reaction of the West, trying to emphasise, by the ostentatious peacefulness, superiority of its own socio-political system.

Keywords: USSR, USA, Argentine, Great Britain, Falkland Islands, conflict.

Svetlana N. Fokina

*Orenburg State Pedagogic University
svetlanafokina29@mail.ru*

The reasons for the introduction and the main results of the anti-alcohol campaign of the Soviet state in the second half of 1980s in the territory of Chelyabinsk Region

In this article, basing on the analysis of archival material, learned from the combined state archive of Chelyabinsk Region, we highlight the anti-alcohol campaign of the Soviet state in the second half of 1980s carried out in the territory of Chelyabinsk Region. What is highlighted, are the reasons for the introduction of anti-alcohol legislation on the territory of Soviet Russia, which primarily included the high level of alcohol consumption, increased mortality and reduced life expectancy, increase in crime and in absolute number of accidents caused by drinking, as well as injuries and

loss of working time in production. In addition, this article discusses the main measures to combat drunkenness and alcoholism, held on the territory of Chelyabinsk Region in the context of alcohol policy, and summarises the results of this campaign. The positive results of the anti-alcohol campaign of the Soviet state in the second half of the 1980s on the territory of Chelyabinsk Region include: reducing mortality, increasing life expectancy and the birth rate, reducing crime and absolute number of accidents involving drunk drivers, the reduction of occupational accidents and working days lost in production. Among the negative results of such alcohol policy, we can mention: the loss of the state budget, the growth of such negative phenomenon as moonshining, the increase in the number of people poisoned with various substitutes, an increase in the number of drug abusers and inhalants addicts and, of course, the growing discontent with government policy.

Keywords: Chelyabinsk Region, anti-alcohol campaign, anti-alcohol legislation, alcohol policy, "Prohibition", fight against drunkenness and alcoholism, struggle for sober lifestyle.

Eduard G. Akopyan

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
h-edo@mail.ru*

Armenian-French relations development dynamics in 1998—2008

Political changes in the newly independent Armenia in 1998, notwithstanding expectations of the certain circles, did not substantially influence the foreign policy of Armenia. Fact of election of Robert Kocharyan as president of Armenia was considered in France as an opportunity to take Armenia out of the impasse. Both initiatives, in Nagorno-Karabakh issue and the issue of Armenian Genocide, which were put forward by the new authorities, showed that the authorities in Armenia had really changed and that some of the manifestations of foreign policy of the new authorities for their activity were different from the policy of the former government. The understanding established between policy makers in 1998—2008. The Republic of Armenia / Republic of France close and frequent contacts have become traditional. State visit of President Jacques Chirac to Armenia (September 29—October 1, 2006) was of particular importance to the strengthening of Armenian-French intergovernmental relations. During the meetings with the Armenian President, the parties discussed issues of mutual interest, as well as issues of international importance, issue of the negotiation process on the settlement of Nagorno-Karabakh conflict. This active policy has borne fruit: on May 29, 1998, the French National Assembly adopted a law on the bill of public recognition of the Armenian Genocide of 1915, which was presented by the French Socialist Party, which emerged from a pre-election promise of Prime Minister Lionel Jospin. France became the first country in the world to recognise the Armenian Genocide at the legislative level.

Keywords: Armenian-French relations, dynamics of parliamentary cooperation, bilateral relations, local self-government.

Guzel' V. Ibneyeva

*The University on the Volga, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
public.mail@kpfu.ru*

Il'ya A. Popov

*The University on the Volga, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
welcoming@yandex.ru*

Old Believers' role in aggrandizement of Russia, as Anglo-American historians see it today

Views of modern Anglo-American researchers on the influence of the Old Believers on the course of Russian colonisation of the late 16th—18th centuries are reviewed in the article. Works of American, Canadian and British historians, who published them in mid-1980s, are subject to review. The Old Believers within the specified period is a group that actively moved and brought Russian culture to non-Russian lands, thus a conductor of Russian colonisation. The authors of works, which are analysed in this article, single out the following main reasons for the Old Believers' active migration. Firstly, it is an attempt to avoid the social pressure and legal harassment on religious grounds. Secondly, the economic reason – an attempt to escape from serfdom, from taxes; and to run the economy in free lands. Thirdly, ideological reasons: the search by the Old Believers and by other religious groups of the mythical land of "the White Water" may serve as an example of such a factor of migration. The position, that the growing interest in the topic of the Old Believers in the Anglo-American historiography of Russian colonisation is a consequence of the increasing importance of the human factor in modern Western historiography, is an important result of this work. Every social group, including Old Believers, is seen as an independent factor in the colonisation process.

Keywords: Russian colonisation, Anglo-American historiography, religious factor, Old Believers, religious utopias, history of Siberia, Caucasus, Steppe.

Yuliya N. Fedyonok

*Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology, City of Moscow
fedenok.julia@gmail.com*

Transformation of structuring of the living space in Russians: from tradition to modernity

Structuring of the living space is a generalist of proxemics of human behaviour. In all cultures, one finds rules of etiquette governing the location of individuals in the house, depending on their status, age, sex and relationship. For a long time, strict rules for the use of living space have been established in Russians. In a traditional hut, every angle had a definite purpose, which helped to make rational use of small area. In everyday life, there was a clear regulation of the relationship between family members: respect for the head of the family was emphasised, the junior subordinated to senior members, women subordinated to

men. In the late 19th—early 20th century, in connection with the collapse of large patriarchal families, family relations became democratic, relationship of these families became less regulated. We have conducted study of the concepts of “ideal” organisation of living space of home among the modern Russian schoolchildren. Our data has shown that the traditional organisation of home space has in parts continued in taking by the family members their seats around the dinner table, but otherwise, has undergone significant changes. Children’s drawings of an “ideal” home show that modern urban adolescents have a setting value of social attitudes, implemented and formed by (mass) media about successful adult life. This setting is different if adolescents are from lesser cities and from “Russian capital cities”, that has reflected the approachability of material goods among schoolchildren.

Keywords: proxemics, organisation of space, transformation of living house, Russian, Moscow, City of Togliatti.

SCIENCE OF LITERATURE

Aleksandra Yu. Belkind
Lomonosov Moscow State University
sasha.belkind@gmail.com

The role of calls in perception in the early works of German medieval mysticism

Perception is one of the most important concepts of mystical theology. It was connected first of all with epistemology, which is the basic way to influence a person. Perception, first of all speculation, is also the first step to Unio Mystica, which is the aim of mystical life. This article focuses on the role of calls to perception in the Early German Mysticism. Presence of call emphasises comprehension of perception and its importance in certain situations. Two works, “The Daughter of Zion”, a mystical poem by Lamprecht of Regensburg, and “The Flowing Light of Divinity”, a book of mystical revelations by Mechthild of Magdeburg, served as the material for the research. There are two types of calls in Mechthild’s book: from the author to readers and from one character to another. The second type has three subtypes: (1) contexts involved in topos by the Song of Songs, (2) contexts, independent from the Song of Songs; they usually have a plot, and (3) calls to evil spirits, commanding them to listen, which show the importance of speech to influence those imps.

Keywords: medieval German mysticism, Lamprecht of Regensburg, Mechthild of Magdeburg, perception, Middle High German, Song of Songs, Bernardian mystical tradition.

Kseniya I. Lukash
Nekrasov Kostroma State University
kseniya-lukash@mail.ru

“Fathers and Sons” by Ivan Turgenev and “Asmodeus of Our Time” by Viktor Askochenskiy

The article deals with the typological and genetic parallels between the novels “An Asmodeus of our time” by Viktor Askochenskiy and “Fathers and

Sons” by Ivan Turgenev, and determine the real reasons for such parallels in the review of “Fathers and Sons” by Maxim Antonovich. It is generally assumed that what Antonovich compared Turgenev’s Bazarov with Askochenskiy’s Pustovtsev was groundless. It is proved in the article that there is an obvious typological and genetic similarity between Bazarov and Pustovtsev. Bazarov’s characteristics includes features, which Pustovtsev also has (the denial of traditions, the affirmation of the superiority of reason over the senses, the prosaic view of love, atheism). This similarity makes it possible for Antonovich to point out the genetic link between Bazarov and Pustovtsev in his article. Working on the novel “Fathers and Sons” the author keeps a diary on behalf of Bazarov, he studies to see the world through the eyes of Bazarov. Turgenev uncovers in the “nihilist” an ability to love, a family feeling, an ability to appreciate the beauty and poetry. Antonovich, trying to discredit Turgenev in the eyes of the younger generation, attempted not to notice this depth in the character of Bazarov, though a parallel with Pustovtsev drawn in his article had a solid ground.

Keywords: typological similarity, genetic relation, nihilism philosophy.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru

The spiritual tragedy of the “spiritual split” of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in understanding Dmitry Merezhkovsky (based on the book “L. Tolstoy and Dostoyevsky”)

The paper shows that Dmitry Merezhkovsky pays a lot of attention to the problem of “spiritual split” of the great Russian writers of the fundamental critical study “L. Tolstoy and Dostoyevsky”. It is proved that the symbolist critic seeks to identify the gap between the “religious consciousness” and “artistic clairvoyance” concerning Fyodor Dostoyevsky and, above all, Leo Tolstoy. It is noted that the understanding of the contradictions that are inherent in Tolstoy’s and Dostoyevsky’s spiritual quest, is determined by the project of building a “new Christianity” by Merezhkovsky. The paper takes into account that Merezhkovsky’s many statements in the second volume of the said critical study (“Religion”) were motivated by his immediate reaction to Tolstoy’s excommunication and bear a powerful emotional charge of direct experience, and even the shock caused by the incident event. Logic that is used by Merezhkovsky, comparing “the religion of Tolstoy” and “the religion of Dostoyevsky”, is revealed in the article. It explains why the critic symbolist still more appreciates the spiritual attainment of Dostoyevsky. It is stated that Merezhkovsky believes Tolstoy’s ideas of Christianity are flawed, incomplete as they have developed is “symbolic” gnosis. The point of view of the author of critical studies, according to which Tolstoy as a preacher is actually close to the outlook of Buddhism, is reconstructed. The conclusion that the critic sees a premonition of “merging the

faces of the Virgin and the Mother of damp earth", announced by him as one of the most profound religious intuitions of the writer, in the figurative thinking of Dostoyevsky, unlike in the one of Tolstoy, is made in the article. Merezhkovsky's paradoxical thinking, desiring to find similarities in the dissimilar and to bring together the religious fate of Tolstoy and Friedrich Nietzsche (the latter sees Christianity as a religion of "nothingness"), is revealed. The paper emphasises that the spiritual path of Tolstoy is estimated by the author of the study as related, "symmetric" motion "opposite" and "like" the one of Dostoyevsky. Dialectical complexity of assessments that are offered by Merezhkovsky is disclosed. It is shown that the critic symbolist, in individual cases, praises Tolstoy more than Dostoyevsky as well. Merezhkovsky's conclusion that the author of "Anna Karenina" has, to a greater extent than Dostoyevsky, known the mystical bond, "connection" of the beginning and the end, of birth and death, is commented. Question about the features of the poetics of critical study of Merezhkovsky are also addressed in the article. In particular, the various forms of development of "foreign words" in the book "L. Tolstoy and Dostoyevsky" (inclusion of euphemism and reminiscences from the work "The Birth of Tragedy" by Nietzsche, the use of poetic illustration, montage of quotes from the Gospel with a passage from the poem "Electricity" by Zinaida Gippius) are characterized.

Keywords: Russian literature, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, Dmitry Merezhkovsky, spiritual tragedy of split, spirit, flesh, new Christianity.

Dar'ya V. Zolina
Moscow State Pedagogic University
darjazolina@yandex.ru

Creative work perception as if it were a mystery in the poetry of Valery Bryusov

This article explores the perception of ancient sources of creativity as a way of mysteriological cognition on the material of poetry of Valery Bryusov. The service to poetry and a desire to get to the source of knowledge about the world led Bryusov to the search of universal way to achieve this knowledge and to the moral and spiritual rebirth. Delving into the understanding of the content and essence of the mystery of ancient practices that implement the aesthetic transformation of the soul of initiates and their introduction to the mysteries of the universe, Bryusov comes to the comprehension of the meaning of his work. It should be noted that the poet didn't try to reconstruct in his creative work, in particular in poetry, and in his life, the mystery rituals themselves, he rather understood the mystery in a broader and metaphorical sense, namely, as the above-mentioned method of spiritual renewal and the knowledge of the microcosm and the macrocosm in their relationship through a symbolic feel of the experience of his lyrical hero. Perception of creativity as mysteriological process as the rising

path of knowledge and spiritual development can be traced to the beginning of the 20th century until the poet's death and was manifested in the poet's heritage in the creation of multi-level hermetic symbols, high, pathetic style, didactic and instructive tone of many poems, perception of lyrical hero as the initiate into the mysteries of the universe.

Keywords: Valery Bryusov, lyrical hero, ancient mysteries, hermeticism, symbol, knowledge, ascendence.

Al'mira S. Akbasheva
Sterlitamak branch of Bashkir State University,
City of Sterlitamak, Bashkortostan autonomy, Russia
almira_as@mail.ru

Svetlana R. Mokshina
Sterlitamak branch of Bashkir State University,
City of Sterlitamak, Bashkortostan autonomy, Russia
s-ibragimova@ya.ru

The image of the rebellious spirit in Marina Tsvetaeva's poem 'Alive and not Dead...'

The authors of the article examine Marina Tsvetaeva's poem 'Alive and not Dead' (January 5, 1925) as comprehension and development of the idea for Tsvetaeva's creative work about the poet's unability to find room in the scopes of closed and everyday life, about attachment of the poet to space of soul and spirit. Inner conflict causes not only keen dislike of the poet towards any display of earthy and attitude to the body as to a prison and to forced imprisonment, but also need to throw fatal challenge to the life itself, to start a dialogue with it, an externally invalid one the one implemented at heart. A kind of mouthpiece restless and rebellious moods of the poet become her alter ego – the Demon, an archetypal image, a mythological one, traditional for the whole world's culture, which displayed those personality facets in the analysed poem, which are the most organic towards the inner world of Marina Tsvetaeva. The authors of the article come to the conclusion that in the poem 'Alive, and not Dead' revealed a process of reflection of the poet: awareness of the power of her poetic gift creates an opportunity of perception of oneself as an envoy of the Higher Worlds, which possesses superman's strength, but imprisoned in the shackles of earthly problems and thus manifesting itself as a rebellious spirit like a demonic entity.

Keywords: spirit, soul, demon, body, life, opposition, artistic mind, unability to content, space.

Anastasiya A. Alekseyeva
Nekrasov Kostroma State University
kisika7@yandex.ru

On the question of poetic of cyclus by Sergei Klychkov 'Oath of Death'

The question about poetics of cyclus by Sergei Klychkov 'Oath of Death' is concerned in the article. In particular, what is enucleated and characterised are the factors and the principles of cyclus formation, which were used by the poet in the named work. The author of the article bases herself upon the most established researches, devoted to the problems of the

cyclus formation. Besides, the works the most significant in the academic way, which generalise information about poetics of the lyric cyclus, are taken into account. The history of creation of the cyclus 'Oath of Death' is reconstructed in the article; studying of it is essential for coming to the key of the author's conception and for fastening several poems in one upper-genre unity. It's shown how some facts from Sergei Klychkov's biography are deflected and transformed in the poems of the cyclus, providing the particular level of artistic entirety of the pointed literature work. We analyse qualitative and quantitative solution of lyric unity in the author's edition of the poet, as well as in the publications published after his death. In the article The main factors of the cyclus formation are enucleated, "ties" which unite particular poems into one art unit are marked. These are: the community of images and motifs; the melancholic lyric mood; the same lyric character; the lexical content (lexis of particular theme groups, coinciding with the title and general mood of the cyclus. Special place among factors of the cyclus formation is taken by antithesis, which plays the role of the leading composition method. The usage of antithesis causes the contrast of artistic meanings of literature work. The research of poetics of the cyclus by Sergei Klychkov 'Oath of Death' comprehends the mechanisms of the artistic integration, realised in the named work, allowing the author of the article coming closer to the understanding of world outlook of one of the brightest representatives of new peasant poetry.

Keywords: cyclus, cyclus formation, cyclus formation factors, artistic unity of creative work, Sergei Klychkov's 'Oath of Death'.

Natal'ya P. Kushnirchuk

*Herzen State Pedagogic University of Russia, Saint Petersburg
kushnirchuk@list.ru*

Boris Pasternak edited by censors ("Safe Conduct", 1929—1931)

For Boris Pasternak, the late 1920s mark the period of his self-determination in writing. At this challenging time, the poet's mind was occupied with the anxious questions about correlation between the Creator and the surrounding reality, about nature of creativity, about the mission of gifted people and their place in history. "Safe Conduct", the work the very title of which appeals to justice, has become an iconic work. In this writing, the poet expresses deep thoughts on the role and mission of art, on a poet destined and talented to be a reflection of his or her time. The challenging creative work story represents a desperate attempt by Boris Pasternak aimed to protect independence of the poet ignoring strict conditions imposed by ideologically oriented censorship. With unfaltering watch of politically engaged editors, the censors cut out entire pages from "Safe Conduct". This, however, reveals, to a greater extent, the poet's organic, as a great gift of nature, devotion to art achieved through suffering. The main objective of this article is to examine censorial

interference in "Safe Conduct" in order to identify the poet's position in relation of his aesthetical views with culture and art of that crucial time.

Keywords: Boris Pasternak, "Safe Conduct", autobiography, censorship, censorial editing.

Tat'yana A. Yolshina

*Kostroma State Technological University
elshina_46@mail.ru*

Igor' Dedkov's Theatrical Reviews (polemical notes)

This article researches into the history of gradual involvement of Igor' Dedkov as an author of theatrical reviews. For the most part, these are performance reviews of the plays by Alexander Ostrovsky, to whom Dedkov's attitude was quite special. Of interest is the story of the first Dedkov's publication on Ostrovsky's "Enough Stupidity in Every Wise Man" produced by Ostrovsky Kostroma Theatre (stage director Arseniy Sagal'chik). That performance was a much-talked-of one. Moscow magazine "Theatre Life" published three negative reports on this provincial theatre's performance. As a matter of fact, Dedkov did not agree to the opinions of the metropolitan reviewers but also, as fate willed, found himself in the centre of a discussion between two metropolitan theatrical magazines, "Theatre Life" and "Theatre". The article in question reveals the gradual involvement of Dedkov's concept about the peculiarities of mastering the classic literature by contemporary theatre, his skills to read the director's script and be attentive towards the actors' work. He learns to see the theatrical performance in the stream of adjoining arts (musical realisation and performance setting). However, the word becomes the main discovery of Dedkov as a reviewer i.e. the instrument he would use afterwards in his life's work – literary criticism. Being a literary critic, Dedkov honed his skills thanks to the theatrical reviews. He remained convinced that experiencing and thinking over the art was the basis of criticism. In his theatrical reviews, he, like Ostrovsky himself, was capable of gaining insight into the "sacred wells" of other's soul; sympathy and understanding triumphed over judgment and exposure.

Keywords: theatrical review, provincial theatre, metropolitan reviewers, director's script, acting technique, musical realisation, performance setting, interpretation of classic drama.

Oksana V. Sizykh

*Ammosov University of the North-East of the Russian Federation
777ruslit@mail.ru*

The character's type in the stories of 2012—2015 (on the basis of publications of the magazine "New World")

A typical specifics of characters' images as an element of poetics of the newest short stories published in the "New World" has been revealed, the publisher's strategy of which is one of the leading ones which reflects symbolic trends of the literary process. It was proved that the dominating character's type – a lonely person – determines the character of reality, mastered

by writers. It is possible with a sufficient share of confidence to speak about presence of a certain typological resemblance in concepts of characters of various authors, in which an individual figure is created and a world-view of a person being in the world of chaos is opened. Observations of characters of the stories allow making a conclusion of features of poetics of the story and of a modern writer's practice: first, many works show the man's necessity to form a new attitude to loneliness (isolation from other people, lack of mutual understanding of the surrounding people) as: a) a possibility to address to reading of serious books, contemplation of greatness of surrounding objects, thoughts about various life phenomena; b) a condition of interaction with nature; c) a mode of an escape from the reality for finding a soul comfort, i.e. it is a question of rising a philosophical pathos; secondly, the search of a sense of life is conducted by the characters in an ontological context. The results of the research, presented in this article, are significant for a refinement of the content of the character's personality concept and a moral-aesthetic paradigm of the newest Russian short story.

Keywords: minor prose, poetics, Russian short story, contemporary literature, "New World", character's type, loneliness.

Lyana F. Kharayeva

*Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
City of Nalchik, Kabardino-Balkaria autonomy, Russia
kuashevalf@mail.ru*

Experience of literary text's ethnogender expertise (based on Adam Shogentsukov's story «I Will Call after You...»)

The author of the article suggests a method of ethnogender expertise of a literary text, based on the identification and description of the specificity of the «female being» based on eight basic ontological modules «family», «power», «school», «objective world», «religion», «national traditions», «aphorisms» and «intertext». The research is carried out on the material of story «I Will Call after You...» written by the classic of Kabardian literature Adam Shogentsukov. It was published in 1970 in Nalchik. The system-oriented analysis of the text has revealed features of Caucasian gender picture of the world, where the archetypes of masculinity and femininity are defined by sociocultural and ethical traditions of a patriarchal society. It can be seen on the localisation of the main character in "masculine world" with minimal presence of "feminine" reality in it. The structure of social and political power is represented by the absolute dominance of males, the rest of existential levels of the story are also marked by gender asymmetry. The border state of society is reflected in the ambivalent image of the protagonist. On the one hand, he is turned to the ancient ethical values, and on the other – to the innovation of historical time. The author's position in the story is determined by the search for adequate ways to gender dialogue, harmonious balance and the principles of partnership between masculine and feminine.

Keywords: gender, ethno-gender, literary text, story, stratification, family, political power, school, objective world, religion, traditions, aphorism system, intertext.

Tat'yana B. Nalyotova

*Nekrasov Kostroma State University
nalyotova.tatiana@yandex.ru*

Literary position – the literary term

The author of article tries to reveal specifics of the literary concept "literary position". In modern literary criticism there is no accurate definition of the concept "literary position", in scientific encyclopedias and reference books the term is still not recorded. But, despite it, it is rather actively mentioned in many researches analyzing art works of writers. Having considered and analysed literary works of different years on this problem (Lidiya Azarina, Pyotr Bukharkin, Andrey Vinogradov, Kamsar Grigor'yan, Aleksandr Dyrdin, O.F. Konovalova, Nina Korolyova, Vadim Rak, Ol'ga Lebedeva, Jelena Nõmm, Vera Proskurina, Il'ya Serman, Dar'ya Hitrova, Tat'yana Shishkova, Boris Eikhenbaum and other scientists), we came to the following conclusions. Definition of "the literary position" incorporates such features, as: 1) system of philosophical and esthetic views of the writer, outlook, individual relation to the reality phenomena, and also his or her creative person; 2) an art method and specifics of its embodiment in creativity; 3) variety of stylistic receptions in the works of the writer influencing specifics of moral substance and figurativeness of creativity; 4) an originality of motives in works of art; 5) interaction of the author and reader, their dialogue; 6) the author's position, writer's attitude towards heroes of an art narrative; 7) assessment of works of the writer by contemporaries and literary critics).

Keywords: literary position, literary term.

SCIENCE OF LANGUAGE

Yelena N. Yermakova

*Tyumen State University, branch in Tobolsk
ermakova25@yandex.ru*

The problem of derivation in phraseology

The article deals with the essence of derivational relations in the paradigm "producing phraseological unit → derived phraseological unit". Despite the traditional understanding of phraseological unit as a stable unit, modern state of language contributes to all sorts of changes, including the changes in phraseology. In this case, the development of branch of knowledge about the development of phraseological system is of great importance, as the dynamic processes of self-development and self-motion within the language system become visible. Being the units of secondary nomination, the phraseological units continue their development and become the basis for generating new phraseological units. The process of "secondary" phrase-formation goes in two directions: external and internal phrase-formation. Despite the sufficiently developed theoretical framework, modern linguistics has

not developed a unified point of view on the nature of the processes of derivation yet, there is no common understanding in terminology either. The article seeks to define the essence of the process of derivation in phraseology as a way of secondary phrase-formation, generalization and systematisation of terminological framework, to identify the opportunities of phraseological units of different classes to join the derivational relations, and to identify phrase-forming means. The identification of mechanisms and the determination of patterns and causes of this process help to create the typology of internal phrase-formation, which will help in turn to reveal the internal resources of the language. The necessity for such understanding is explained by the fact that the appearance of phraseological neologisms not only contributes to regular enrichment of modern phraseological language, but also gives particular expression to the statement.

Keywords: idiom, phraseological unit, external phrase-formation, internal phrase-formation, derivation, producing phraseological unit, derived phraseological unit.

Nataliya Ye. Rebrova

*Soloviev Rybinsk State Aviation Technical University,
City of Rybinsk, Yaroslavl Region
natasharebrova@rambler.ru*

Actual, potential and occasional euphemisms

The article examines the problem of euphemisms differentiation according to their functioning in language and speech as well as to their ability to perform an euphemistic function in different contexts. There are two main kinds of euphemisms presented in modern linguistic literature: euphemisms of language and those of speech. Judging by their characteristics, one should say that such classification cannot be considered as a correct one. Euphemisms perform their functions being the part of speech communication. On the other hand, euphemisms belong to the system of language and are built by the means of language. Furthermore, definitions and properties described in scientific literature cannot be used for euphemisms of speech and occasional euphemisms to be differentiated. The ability to keep euphemistic meaning in different contexts seems to be more reasonable classification criterion. According to this criterion, euphemisms can be classified as actual, potential and occasional ones. The actual euphemisms can be perceived and easily decoded by the most part of native speakers. The potential euphemisms can also be understood by almost all but they perform their functions only under certain pragmatic circumstances. The occasional euphemisms are widespread in particular idiolects or among specific groups of people. The usefulness of such classification is proved by a number of convincing examples.

Keywords: euphemisms, language, speech, context, actual euphemisms, potential euphemisms, occasional euphemisms.

Ol'ga A. Krapivkina

*Irkutsk National Research Technical University
koa1504@mail.ru*

“Other” as a determinant of speaking subject explicitness degree (case study of legal texts)

The object of the research is different genres of legal discourse. The subject of research is explicit and implicit linguistic tools of subject representation in legal discourse as mechanisms of subject positioning, the choice of which is conditioned by the degree of determinacy by Other caused by cultural factors. The author argues that, despite the established opinion on the impersonal nature of legal discourse, the subject may be explicitly represented in some legal genres with a number of linguistic tools marking one's various stances. The degree of subject explicitness, determined by the dialectical link with Other, is a characteristic criterion of categorising discourse as institutional or personalised. The article attempts to study the category of subject, its dialectics with Other. It analyses linguistic units marking various stances of the subject in legal discourse. The qualitative and quantitative correlations of subject markers with regard to different languages, cultures, historical eras help expand and deepen the studies of this semiotic category. The article says that legal genres, balancing between two poles “institutionality” and “personality”, developed different variants of subject positioning: complete decentration of the subject, elimination of all individual characteristics, self-positioning as a representative of Other; weakening of personality due to certain linguistic tools in order to associate with Other, share responsibility with a discourse community, or focusing on subject's institutional role; positioning of subject's singularity, representing oneself as a subject of free will who bears personal responsibility for the utterances.

Keywords: legal discourse, discourse subject, genre, subject representation tools, Other, depersonalisation, institutional subject.

Larisa V. Ukhova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
larissauchowa@mail.ru*

Nataliya V. Anis'kina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
yar_nauka@mail.ru*

Revealing implicit information in controversial advertising texts

The article presents methodology of studying advertising texts which is directed at revealing features of perceiving and interpreting implicit information in controversial texts. Advertising texts are in the area of high speech responsibility due to the fact that they operate in the legislative field. Therefore, the authors pay special attention to the ambiguity in understanding by the addressee implicitly expressed information which also causes difficulties in the process of linguistic expertise of advertising texts. A phased algorithm to reveal the covert meaning of the statement in its perception and interpretation by the target audience

is proposed. The algorithm includes lexical-semantic analysis of the text based on linguistic dictionaries, context analysis of statements, verification of the received data in view of modern speech practice, direct association experiment, experiment to identify the features of perceiving lexico-graphic and advertising verbal information by customers. The article describes the results of studying a controversial text advertising of a dietary supplement because this kind of adverts very often contains implicitly expressed information about therapeutic qualities of the product. Comparing the data from dictionaries, National Corpus of the Russian Language and the results of association and psycholinguistic experiments, the authors come to the conclusion that it is incorrect to use only lexical-semantic analysis for assessing controversial advertising text because it does not show the peculiarities of perceiving and interpreting text by the target audience. The respondents in the psycholinguistic experiment were elderly people (65+), as they are the addressees for the controversial advertising text analysed in the article.

Keywords: advertising copy, controversial advertising text, addressee of the advertising text, implicit information, legal linguistics, psycholinguistic experiment, linguistic manipulation, reception schemes, communicative and style mimicry.

Yekaterina A. Volkova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ekaterinaiii345@yandex.ru*

Denominations of railway professions in German-Russian and Russian-German dictionaries of late 19th—early 20th centuries

The article is devoted to the German denominations of persons by profession in the sphere of railway transport at the initial stage of its development from the 30s of the 19th century to the beginning of the 20th century. The publication provides a brief classification of railway professions by nature of labour. It studies the most common ways of denominations' word building, semantic changes of some names in the course of time, the transition process of neologisms becoming obsolete words in connection with the modernisation of the sector. The publication indicates the languages that are the sources of a significant part of railway terms' borrowings during fledging years. It explains the reasons of belonging of names of persons by profession to the word class of nouns. The paper examines the professions both railway exclusively and from other areas that are used on the railway. The sources of language material are general and technical translation dictionaries (German-Russian and Russian-German) published late 19th—early 20th centuries which are rare editions at the moment. The dictionaries are analysed from the viewpoint of railway terms' presence and features of their translation. The article identifies linguists who were interested in related issues: names of persons, category of professional agent in common and in particular areas on the material both of Russian and German. There are no specific studies devoted to the

denominations of railway professions on the material of German, that is why this article seems topical.

Keywords: denominations of persons by profession, railway professions, German railway vocabulary.

Natal'ya M. Yakubova

*The Amur State University, City of Blagoveshchensk,
the Amur Region
lev555@rambler.ru*

Perlocutionary effect of doubt explication speech act (on the material of the English language)

This paper is devoted to the analysis of listener's response to doubt explication. The purpose of the article is to research into perlocutionary effect of doubt explication speech act in the English language. In order to reach the goal we have set ourselves some tasks that are solved by studying some aspects of speech act theory. Earlier we have determined that doubt explication is a speech act that is analyzed in terms of this theory. According to it any statement has illocutionary and perlocutionary aims. We found out that illocutionary aim of doubt explication speech act is to inform an addressee that the speaker thinks that his opinion apparently doesn't correspond with the real situation. Consequently, its perlocutionary aim is understood as the speaker's intention to influence the addressee in a way he will realize that the addresser doubts about something. During a survey we have revealed not only perlocutionary effect of doubt explication speech act but also its perlocutionary consequences. Perlocutionary effect implies the addressee understands the illocutionary meaning, propositional content of this speech act and takes them. Assumption effect leads to addressee's perlocutionary consequences that can be verbal and nonverbal responses. Verbal responses is represented by speech acts that express addressee's understanding of doubt and by speech acts of agreement, disagreement and advice.

Keywords: speech act theory, doubt explication speech act, illocutionary aim, perlocutionary aim, perlocutionary effect, perlocutionary consequences, verbal and nonverbal perlocutionary consequences.

Antonina M. Chepasova

*Chelyabinsk State Pedagogic University
chepasovaam@cspu.ru*

The indicative mood and the Past Tense of the processual units of the Russian language

Variety and even infinitude of meanings of indicative mood forms of verbs and processual phraseological units in modern Russian are explained by their ability to become complicated in speech by meaning elements of "living" categories: aspect, person, number, tense and voice, provided that all the above-mentioned categories introduce into the indicative mood form meaning senses of their categorial and particular meanings. In this article, we describe the specific character of connection and interaction of Past Tense forms and the indicative mood. Since the Past Tense denotes actions and processes which happened before the moment of speech, the speaker is not a doer

but the rememberer recalling past actions and events from memory. The research made by the author has revealed that actions denoted by the Past Tense forms are semantically identical with the actions denoted by the Present Tense forms. Moreover, the modal meanings of the Past Tense forms are identical with the modal meanings of the Present Tense forms used in speech. Actions and events denoted by the verbs and phraseological units in the Past Tense are as real as the same verbs and phraseological units used in the Present Tense. Actions rendered by the Past Tense forms are specific due to the fact that they denote the result of the action, while the actions in the Present Tense denote the process, the event itself. The specified aspect meaning of the verbal form explains more “quiet” modal characteristic of the action or event, yet such reduction of modal meaning intensity is not obligatory. The observation of the Past Tense forms’ modality has shown that, although they denote the actions which have happened, they still remain in the language as the keepers of sense, cognitive, social, cultural and any other mankind experience. The past teaches, educates the contemporaries, who appeal to it, and descendants, who understand and experience the past as if all over again, because it is “imprinted” on the individual meaning of the processual units. In other words, the time died in the past, but the modality has remained and lives for the present and prepares the future.

Keywords: verb, processual phraseological unit, indicative mood, past tense, moment of speech, modal meaning.

Tatyana E. Bazhenova

*State Educational Institution of Higher Professional Education
«Volga State Academy of Social Sciences and Humanities»
tatyabazhenova@yandex.ru*

The traditional culture phenomena of Russian countryside (from the experience of the reflecting dialect vocabulary on linguistic maps)

The article is aimed to the interpretation of linguistic map contains designations of dialect words denoted a fact of traditional culture. A group of words designated the young people parties indoors, which used to be organised in autumn and winter evenings for the entertainment and works, is reflected on the map. The database includes dialect words which were collected in the second-half of the 20th century in the territory of Samara Region and is supplemented by recent material. The changing of meaning capacity is considered when making a map which reflects a vast number of lexical equivalents. The areal variation of dialect names of rural young people’s parties is examined. The territorial distribution of the words is considered in connection with specific features in the vocabulary and general phonetic characteristics contradicted in Samara dialects. The areas of the dialect words denoting evening parties of young people can be added to the data of the contrast of genetically related dialects of the north and the center and South Russian dialects of the south part of Samara Region. When fixating several variations the

preference is given to dialect lexical units with a high token frequency. all-Russian lexemes are marked uncoloured to make a background on the map. The dialect lexemes most typical for the linguistic landscape are marked by coloured filling. The map demonstrates that the traditional culture phenomenon can be described by the method of linguistic geography.

Keywords: Russian language, dialect, Russian folk patois, dialect vocabulary, dialectology, semantics, folk culture.

Ol’ga A. Obratsova

*Kirov Medical Corps Academy, City of Saint Petersburg
obrazcova.olga@mail.ru*

The traditional list of names of Kostroma countryside (a gender perspective through the eyes of countryside writer)

The works of the writer Jefim Čestnjakov, a native of the hamlet of Shablovo of Kologriv district of Kostroma Region, whose creative work realistically accurately and completely reflects lifestyles, specifics of real spoken language of peasants of the Unzha hamlets, are unique and effective source of language material to study the anthroponymic system of the traditional Unzha (Kologriv) dialects. The anthroponymic material of Čestnjakov’s works is important in the sense that the writer presented the functioning of personal names in different real-life situations taking into account age, social and gender characteristics. New materials from Čestnjakov’s manuscripts published by Kostroma State Integrated Art Museum, which contains the manuscripts of the writer, allow better presenting the peasant anthroponymycon of the Unzha countryside of the 20th century. They make it possible to reconstruct the composition and structure of traditional peasant baptismal forenames of the territory at that time and to determine anthroponymic isoglosses at a wide territory where Christian names prevailed as the oldest and the most popular loans in the Russian language, fully assimilated by dialects. In Čestnjakov’s works, female personal baptismal forenames are especially frequent and multiple-option. They function in full and derived folk colloquial forms, the most common in peasant usage that is confirmed by the data of our field expeditions along the territory of the Unzha countryside of Kologriv district in Kostroma Region. The considered anthroponymic forms date back to one female baptismal name and form an anthroponymic slot, reflecting the specificity of traditional list of names of the studied area in Kostroma Region.

Keywords: baptismal names, dialect forms of anthroponyms.

Galina D. Neganova

*Nekrasov Kostroma State University
cultland@yandex.ru*

The reflection of linguistic and extralinguistic factors in the sense structure of the dialectal geographical term

This article presents some results of the scientific research which was carried out using card file of Ko-

stroma dialectal dictionary, in particular its repertoire of denominations of highland. Much of the repertoire are words that relate to Eastern Slavic vocabulary, they have long been in the Russian patois and have a well-defined localisation. Among them, there are semantic dialecticisms and lexical dialecticisms. These are dialectal geographical terms that are known in the patois of the various regions, and terms, the distribution area of which is restricted by Kostroma Region. The author draws attention to the terms that are localised in some patois of the Kostroma Region: пугорька 'hill, hill-ocks', косяки 'swamp tussocks', свирло 'steep mountain', шабала 'mountain', курань 'mound'. Some of the terms have opposite values. In some patois, they are characterised by high relief, in other patois, they characterise low relief (вертеп, выскирь, гряды, елань, коса). In the Eastern patois of Kostroma Region, geographic term вертеп stands for 'big ravine with impenetrable shrubbery' and 'minor hill'. The author considers the semantics of this archaic geographical term in synchronic and diachronic. The author concludes: the local denominations of the high places correlates with the geographical characteristics of the different areas of Kostroma Region and with groups of Kostroma patois.

Keywords: patois of Kostroma Region, Lexical Atlas of Russian folk patois programme, folkish geographical term, denominations of highland, isoglossa, semantics, enantiosemy.

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University
elv15@list.ru

Geographic terminology in Kostroma microtoponymy (positive relief nomination)

The article is dedicated to Kostroma Region microtoponyms which have been formed on the basis of positive relief nomination – of the geographic term hill and its derivatives, which are characterised by their semantics, structure and peculiarities of functioning in Kostroma patois. What it is, are own names of objects – both naturally occurring and human-made. They are formed on the basis of geographical terms, which are known both in the literary language, and purely in local dialect, but always reflect special features of the objects. Occupying a special position in the system of proper names, microtoponyms are closely associated with common nouns, in this case related to the geographic terms that are productive in their formation and to a certain extent, retain their semantics. All identified in Kostroma patois words meaning a hill, and their derivatives, are largely known in the patois in other regions as well and are reflected in microtoponymy. Geographical terms start being the microtoponyms both in finished form, without formal changes, and in combination with words that somehow characterise the referred objects. Microtoponyms contain, as if canning in itself, information about the features that formed the basis for the formation of the geographic

terms, suggesting opening and expanding their semantics.

Keywords: toponymy, microtoponymy, Kostroma microtoponymy, geographic terminology, geographic term hill.

Dmitriy I. Ivanov
Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru

Performance-and-mask image subsystem of Konstantin Kinchev's synthetic lingual personality: the cognitive and pragmatic potential of onstage outfit

We consider the logocentric synthetic lingual personality (SLP) formed in the space of Russian rock culture as a heterogenous cognitive and pragmatic discursive unit. It consists of four main components: verbal (backbone), musical, articulation and image one (external SLP structure) as well as of three levels going through the above-mentioned components (internal structure), namely the verbal and semantic level, the cognitive and pragmatic level and the associative and interpretative one. Within this material, we study the specific features of the cognitive and pragmatic potential of the onstage outfit, one of the key elements of the performance-and-mask image subsystem. In the context of the logocentric SLP modeling, as to the concert visualisation, the rock poets do not limit themselves to the principles according to which separate elements of the onstage outfit are formally conceptualised. They set themselves a supertask that can be summarised to trying (by means of semantic harmonisation of all the onstage outfit elements – the image SLP component on the whole – with the other SLP component) to enter it into the general cognitive and pragmatic programme of SLP modeling. As a result, the outfit becomes, first of all, an integral part of a rock musician's personality (a materialised visual symbol of his or her spiritual energy). It also becomes a special visual instrument of observing a sacralised ritual practiced in the rock concert space.

Keywords: synthetic lingual personality, cognitive and pragmatic programme, onstage outfit, performance-and-mask image subsystem, rock culture.

Tat'yana P. Kuranova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
kuranova.mk-28@mail.ru

Factors influencing the perception of the availability of information in the advertising communication (in terms of "Yandex" search engine advertising)

This work is devoted to the efficiency of perception in advertising communication. Texts of outdoor advertising and online advertising search engine "Yandex" have served as the material for the study. Functional communication of information perception availability with novelty and originality of the message is considered in the article. The author refers to the rule of communication efficiency of Abraham Moles: the amount of information in the message and the form of its pres-

entation must be in a harmonious line acceptable to the recipient. The author concludes that inadequate understanding of the advertising message by the recipient can lead to serious errors of perception, cause communication failures and setbacks. Since in the analysed advertising texts of the search engine “Yandex” degree of uncertainty, of unawareness is too great, as well as degree of originality, consumer of advertising information all the time is in need of solving an intellectual puzzle. The process of interaction between the recipient and the text often takes on the nature of game: the interpretation of advertising header becomes for the addressee language rebus solution. The answer sometimes requires complex intellectual effort, a great deal of erudition, background knowledge, additional search of information. It is noted that too constructive, creative advertising is not always able to be effective. It is emphasised that the success of the advertising message (its effectiveness) depends not only on the quality of the shape of its filing and originality, but to a greater extent – on the simplicity of decoding content. Particular attention is paid to the fact that the advertising message must be perceived easily, without additional costs for its decoding. Thus, the construction of the advertising text should take into account such important factors of influence on the effectiveness of advertising communication, as availability perception and information redundancy; at that, consciously regulating the level of novelty and originality of the message.

Keywords: advertising communication, perception availability, novelty, originality, information redundancy, encoding, decoding.

JURAL SCIENCES

Anna N. Kondrat'yeva

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
annaalyakina@yandex.ru*

The beginning of legal science in medieval Europe: new view

The great Roman Empire presented the Roman law to the world, which is the basis for the Romano-Germanic legal system. However, for several centuries, the great heritage of Rome has remained nothing but an ideal law, the practical implementation of which in the conditions of the early middle ages, was not likely to be possible. It would take more than one century to begin using the work of Justinian not only as a textbook but also as a real law. Owing to the researchers of the 10th—11th centuries, Europe would not only gain revived Roman law, but also would become a place where there will be scientific school, where the separation of law from theology and rhetoric will happen, where the work of the glossators of the Roman, and later Canon, law will be the basis for creating a classic University.

Keywords: Bologna, glosses, Decretum Gratiani, Irnerius, Canon law, Pepo, Roman law, legal education.

Mariya A. Kuznetsova

*Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law
mari-k@mail.ru*

Historical-legal analysis of the hierarchical system of law rules' forming in Russia

Within the context of legislation update process, the building of the hierarchical system of modern Russian law rules, representing their strict hierarchy and mutual consistency, is the most important aim for a legislator and for other law-making subjects. This aim can be successfully achieved with the knowledge of the historical experience of lawmaking and normative legal acts' systematisation. In this regard, the author gives the historical analysis of the stages of legal system's forming in Russia – since the emergence of the Russian state until the present time; for each of the stages, the author shows degree of provision the foundations of legal norms' hierarchical relationship.

Keywords: hierarchy, law rule, systemacy, systematisation, normative-legal act, law rules' hierarchical system forming stages.

Lyubava R. Romanovskaya

*Nizhny Novgorod Lobachevsky State University
elza_r@mail.ru*

The system method of researching the political and law spheres of society

Article is devoted to peculiarities of systems methodology, its fundamental concepts and principles, and its heuristic capabilities in the study of political and law phenomena. The author refers to the writings of the classics of general systems theory, speaks of the difficulty in generating a uniform, generally accepted notion of “system”, discusses the problem of system boundaries. The author drawing on the studied writings gives her own understanding of characteristic features of system, adduces the division, by the nature of the behaviour, of systems and the type of operating system of laws (reactive and active systems), explains the features of their functioning. The written work emphasises that a systematic approach is widely used in the theory of law in the analysis of state-legal phenomena; that the systems (legal system, legal system, legal system of the world (the legal family), political system of society, and other) analytically compete, which is considered as a complex structural formation, which consists of the relevant subsystems, and, in the same time, is part of a higher level system.

Keywords: methodology, systemic approach, basic theory of systems, politic system, law system.

Evgeniy A. Timofeev

*Nizhny Novgorod Lobachevsky State University
evg-timofeev@mail.ru*

Role of law and economics in Russian legal system conditions

Law and economics discipline was formed and rose in the 1950s—1970s and it was formulated mainly in common law conditions, first and foremost in the USA. It has become with time one of the most influ-

ential and substantial modern legal doctrines of law and economics; none the less, clash connected with difficulties in perception of it by scientists and lawyers practicing in continental (civil) law countries, in particular in Russia, keep on. Among factors that complicate economy analysis of law usage in Europe, there is the crucial difference in system of sources of law, and it is considered to be the most significant one. Nevertheless, it seems too early to refuse using such beneficiary methodology that law and economics gives, only for the reason of differences in sources of law ranking that various countries impartially have. In this article, the author makes an attempt to find out real reasons of such suspicious attitude to law and economics in civil law countries, for example in Russia, and find out ways and means of removing the contradictions that arise.

Keywords: law and economics, common law, continental law, role of economy analysis.

Yuriy G. Arzamasov

*Research University of the Russian Nation "Higher school of economics", City of Mytishchi, Moscow Region
uarzamasov@hse.ru*

Results of rulemaking

The problem of understanding the new terms of the theory of law – the results of the rulemaking – is considered in the article. This term is rarely used by legal theorists in their works, but lawmakers have increased using it in their work. In today's issue of modernisation of the state mechanism, the outcome of determining of the rulemaking is being updated with new vigor. The author gives an answer to the question: what are the results of the rulemaking? For doing so, he also answers the following theoretical and legal issues: the relation between the concept of "source of law" and "the result of the rulemaking", whether they match or not; what kinds of results of rulemaking exist in Russia; what results are priority of rulemaking; whether legal custom is the result of the rulemaking; whether judicial precedent is the result of the rulemaking. We also consider the existing empirical problems of normative legal acts. It is concluded that the concepts of "result of rulemaking" and "form of law" in relation to such sources as the normative legal acts, regulations and judicial precedents, contracts – entirely coincide. What is proposed are rulemaking copyright term results. What is concluded is a need for a federal law "On normative legal acts of the Russian Federation". The development of this law proposes to adopt such kinds of laws as: "On rulemaking and regulatory legal acts of federal executive authorities in the Russian Federation", "On the regional law-making". What exists in the various legal systems, in the diversity of sources of law, led the author to the conclusion that a common multi-step classification of all existing results rulemaking would unite them in not only legal force or forms (species), but also in other criteria.

Keywords: results of rulemaking forms of law, sources of law, regulation, custom, case law, legal

precedent, administrative precedent, regulatory agreement.

Oksana N. Kolupayeva

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University
ok6000@yandex.ru*

Topical problems of certification of members of administrative staff at an enterprise

What is in article, is the essence of concept certification and order of carrying out certification of members of administrative staff at an enterprise. Topical problems of certification procedure of members of administrative staff at the enterprise are revealed. Among them: absence of the distinct state concept of certification; absence of standard and legal base on procedure of carrying out certification: lack of regulations on certification in the Labour code of the Russian Federation, in the standard Collective agreement of the enterprise, in the standard provision on carrying out certification, in the standard employment contract of the worker, in standard duty regulations of the worker; legalisation of procedure of certification is reflected only on the local level of the enterprise; absence of the principle of democratism when carrying out certification; often lack of a representative body of workers at the enterprise. Possible ways of solutions of these problems are proposed. Violations at the organisation and carrying out certification have been revealed. The positive moments following the results of introduction and carrying out certification procedure in the enterprise have been reflected.

Keywords: certification, certification procedure, certifying commission, administrative staff members, standard and legal documents, violations of order of carrying out certification, administrative staff members certification topical problems, ways of solution of problems.

Safina R. Suleymanova

*Russian Academy of National Economy and Civil Service
under the President of the Russian Federation
safina_899@mail.ru*

Inter-state legal forms of activities of youth of the CIS countries

What is in the article, is, on the basis of analysis of legal acts and concepts, the governing the formation and operation of inter-state youth associations which defined legal status and political and legal nature of inter-state institutional and legal forms of youth unions of the CIS countries. The concept of "international legal and institutional forms of Association of youth" as a category of scientific analysis includes a set of youth associations, regardless of whether they were initiated at the intergovernmental level, or are non-governmental; it is important that they act in the form, unless authorised by a national non-profit law, but contribute to the realisation of constitutional rights and freedoms of youth. The author concluded that there is mixed political and legal nature of the institutions of civil society, the main purpose of which, on the one hand, is to assist in the implementation of constitutional rights and

freedoms of youth of the CIS countries. However, on the other hand, the initiatives that we have considered regarding inter-state youth associations, consultative and deliberative in nature, fully controlled by the public authorities of the CIS countries, allow us to speak of the dual legal nature of such associations. This article was first based on the use of a complex of general scientific and special legal methods of the studied political and legal role of the interstate youth structures in the development of modern civil society in Eurasia.

Keywords: inter-state youth associations, civil society, Eurasian integration, Eurasian Youth Parliament, youth inter-parliamentary Assembly of CIS countries.

Dar'ya S. Milinchuk

*The Research University of the Russian Nation "Higher School for Economy", Moscow
dmilinchuk@hotmail.com*

Conflicts of national and international laws in municipal law

The primacy of international law is enshrined in the Constitution of Russia. At the same time, the European Charter of Local Self-Government states that the principle of local self-government shall be recognised in domestic legislation, and where practicable, – in constitution. Thus, a rule of international law and a rule of national law indicate the priority of each other. What is considered, is the possibility of combining national legislation with international one. There are conclusions of national legislation priority and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the conflict of laws problem in this article. And an interpretation of laws seems to be a way of overcoming conflict of laws. The article is mainly devoted to the theory of Russian municipal law sources. The purposes of local self-government are important measure of the hierarchy of municipal law sources.

Keywords: theory of municipal law sources, conflict of laws, interpretation of laws, European Charter of Local Self-Government, primacy of international law, local self-government, unification.

Konstantin V. Cherkasov

*Nizhny Novgorod Institute of Management
cherkasovkv1978@yandex.ru*

Yevgeniy A. Nesvit

*Nizhny Novgorod Institute of Management
4632316@mail.ru*

"The open government" in Russia: political and legal aspects

What is analysed in the article, is interrelation of development of publicists and scientists, and normative legal acts concerning openness of the public power. By the authors what is noted, is introduction of the concept of the open government relayed through the corresponding international partnership which comprises elements of threat to national interests of Russia as it creates conditions for using "the soft force" against the Russian state. Concerning increase of openness of activity of bodies of the public power in Russia, there are internal and external arguments of pros and cons. As one of the main arguments of increase of openness of

bodies of the public power in Russia, there is need of increase of efficiency of public administration, ensuring sustainable economic development and ensuring national security acts. Proceeding from the developed conditions, Russia forms its own concept of openness of bodies of the public power which originates from disintegration of the Soviet state. Acting as one of the leading directions of ensuring openness of the state, there is participation of individuals and their associations in adoption of the state decisions (first of all, by means of creation of system of public chambers and their practical activities); the public reporting of authorities (by means of TV and broadcasts, placement of information on Internet pages of authorities, providing information on inquiry, presence of citizens at meetings of collegial bodies of the power); development and improvement of institute of public services (transition to public and service model of public administration, restriction of intervention of the state in business activity, approach of public services to interests of individuals).

Keywords: open government, state, society, efficiency of public administration, safety, sovereignty, publicity.

Boris Ye. Roshchin

*Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru*

Specifics of the Soviet labour legislation in the days of the WW II East Front (the Victory 70th anniversary article)

What is in the offered work, is an attempt to gain general idea on legal regulation of labour in the period of the participation of the USSR in the World War II. The author considers the main characteristics and tendencies of action and development of the Soviet labour legislation under conditions extraordinary for the state and for society. The analysis of the most important standard – legal acts adopted during the war and aimed at legal regulation and protection of the labour sphere allowed the author revealing regularities of the legal organisation of work and of management of it is production – labour processes during this period. The emergency measures taken by the state in the sphere of work significantly changed the Soviet labour legislation in comparison with the one of the pre-war period and brought in it a number of provisions quite rigid, but at the same time compelled ones. There is an example of that: the decree of Presidium of the Supreme Council "On the martial law"; Resolution of Council of People's Commissars "On the order of involvement of citizens into labour duty in the wartime"; the decree "On war industry enterprises workers and employees being responsible for enterprise absenteeism"; the decree "On the mode of working hours of workers and employees in the wartime", etc. The author of the article believes that the appropriate measures were inevitably and naturally dictated by objective reality, and that new provisions of the labour legislation provided, with legal means, implementation of a number of the

necessary actions directed on reorganisation of all the labour sphere on a military harmony: immediate evacuation of the important enterprises, expeditious development of production on new places, systematic providing of the enterprises with labour force, introduction of labour duty, carrying out the labour mobilisation, labour productivity increase, strengthening of labour discipline, etc.

Keywords: World War II East Front, labour duty, labour mobilisation, labour heroism, production for military needs, labour productivity increase, labour discipline strengthening, work of women and teenagers, professional staff training.

Yevgeniy V. Suverov

*Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
suverovev69@mail.ru*

**Offences committed by Soviet Militia staff
in Altai Land in the 50s of the 20th century**

In most of the Soviet period, any violation of Socialist legality by the authorities was coded and for-

bidden to public disclosure. The possibility of more free access to previously inaccessible archival materials provided a unique chance to better examine issues related to offenses committed by Altai Soviet Militia staff in the 50s of the 20th century. Offences committed by Militia staff in Altai Land were under constant control of the heads of law enforcement bodies, of representatives of the Soviet and the Communist Party bureaucracy. Among the Altai Militia staff, there were frequent cases of exceeding their official powers: detention of the innocent, misuse of exerting pressure on people who were subject to operational search action and investigative actions. The cause of these violations were staff shortage, strict system of reporting percentage of criminal cases solved, often disinterested attitude towards process of education of new law enforcement officers.

Keywords: offences, Socialist legality, penal code, detention, control, Soviet Militia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru
Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 4

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 24.08.2015.
Дата выхода в свет .10.2015.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 29,8.
Уч.-изд. 30,9 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 62.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна